

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

V Минские криминалистические чтения

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Минск, 28 мая 2026 г.)

Минск
Академия МВД
2026

Издание приурочено к знаменательному событию – 50-летию со дня образования кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

В материалах рассматриваются наиболее актуальные вопросы криминалистики, уголовного процесса, судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности. Содержит справочные сведения о становлении и развитии кафедры криминалистики, профессорско-преподавательском составе и значимых событий из жизни коллектива кафедры.

Адресуется преподавателям, научным работникам, адъюнктам, аспирантам, соискателям, курсантам, студентам, слушателям учреждений высшего образования юридического профиля, практическим работникам правоохранительных органов.

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук, доцент *Р.М. Попот* (*ответственный редактор*);

кандидат юридических наук, доцент *И.А. Анищенко*,

кандидат юридических наук, доцент *В.М. Логвин*,

кандидат юридических наук, доцент *А.О. Мартынов*,

кандидат юридических наук, доцент *Н.А. Марцынкевич*,

кандидат юридических наук, доцент *И.С. Нестер*,

кандидат юридических наук, доцент *Г.А. Павловец*,

кандидат юридических наук, доцент *И.В. Пащута*,

доктор юридических наук, профессор *А.С. Рубис*,

кандидат юридических наук, доцент *М.М. Якубель*

**Уважаемые коллеги,
участники и гости конференции!**

От имени руководства Академии МВД Республики Беларусь приветствуем участников Международной научно-практической конференции «V Минские криминалистические чтения», приуроченной к 50-летию со дня образования кафедры криминалистики Академии МВД.

Проведение данного научного форума стало в Академии уже доброй традицией, что позволяет обсудить современные тенденции развития криминалистики и судебной экспертизы, актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений. Опыт прошлых лет показал, что подобное общение является действенным механизмом многостороннего сотрудничества и конструктивного партнерства.

Современные социально-экономические и научно-технические факторы развития общества не могут не отражаться на криминалистических технологиях, которые в обязательном порядке должны быть максимально интегрированы в процесс доказывания. Деятельность по раскрытию и расследованию преступлений не сводится к буквальному применению тех или иных методов, выполнению требований законодательства и ведомственных инструкций, а представляет собой сложный мыслительный процесс, часто протекающий в условиях противоборства, конфликтности и состязательности сторон, что, в свою очередь, детерминирует необходимость разработки и постоянного совершенствования комплекса эффективных рекомендаций по выбору оптимальной линии поведения сотрудников правоохранительных органов в условиях складывающихся следственных ситуаций, при производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий, организации и планировании расследования в целом.



Нет сомнений в том, что обмен мнениями и положительным опытом между специалистами из разных ведомств и государств будет способствовать выработке эффективных подходов к решению существующих проблем.

Мы уверены, что данная конференция станет знаковым событием как для ученых, так и для практических работников, позволит укрепить сотрудничество, определить наиболее перспективные направления взаимодействия между заинтересованными сторонами.

Желаем всем участникам конференции успехов, плодотворной работы и содержательных дискуссий, а коллективу кафедры криминалистики – процветания, творческих успехов, новых побед и свершений!

*Александр Вячеславович Астрейко,
начальник Академии МВД
Республики Беларусь*

Уважаемые участники конференции и гости!

От имени Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь и от себя лично разрешите всех поприветствовать!

Уже стало доброй традицией проведение криминалистических чтений, которые позволяют обсудить с научной общественностью и всеми заинтересованными современные тенденции развития криминалистики и судебной экспертизы, проблемы раскрытия и расследования преступлений.

В этом году мероприятие приобретает особую значимость, поскольку приурочено к 50-летию со дня образования кафедры криминалистики учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

К возрасту академической зрелости вы пришли со значительным достоинством и впечатляющими успехами, что позволило научной школе криминалистики Академии МВД получить заслуженный авторитет и известность далеко за пределами Беларуси. Мощный интеллектуальный потенциал преподавателей кафедры обеспечивает высокое качество поистине элитарного образования, основой которого являются воспитание патриотов и подготовка высококвалифицированных юристов для обеспечения национальной безопасности страны.

Отличительная черта современности – скорость перемен. На наших глазах набирает обороты очередной этап цифровой революции, а без искусственного интеллекта сложно представить повседневную жизнь. Прорывные технологии – это не только блага, но и появление новых преступных схем. Такие современные угрозы, как экстремизм, незаконный оборот наркотиков, киберпреступность, ежедневно требуют выработки совместных научных, технических и правовых механизмов противодействия. И поэтому проблемное поле сегодняшней международной научно-



практической конференции представляется чрезвычайно актуальным.

Хотелось бы подчеркнуть, что между Высшей аттестационной комиссией и Академией Министерства внутренних дел установились отношения конструктивного сотрудничества в области аттестации научных работников высшей квалификации, в рамках которого за последние годы сделано немало.

В сентябре 2025 г. при Академии МВД начал функционировать докторский совет по защите диссертаций, одной из специальностей которого является 12.00.12 – криминалистика; оперативно-розыскная деятельность. Искренне надеюсь, что это даст новый импульс решению исследовательских задач, обеспечит пополнение научно-педагогического состава кафедры криминалистики Академии высококвалифицированными специалистами, творческая и интеллектуальная энергия которых нацелена на разработку новых методик по расследованию преступлений и активному применению их на практике.

Уверен, что V Минские криминалистические чтения станут мощной дискуссионной площадкой для обсуждения современных проблем криминалистики, позволят дать ответы на самые сложные вопросы, возникающие в борьбе с преступностью.

Желаю участникам конференции плодотворной работы, конструктивного диалога и бодрости духа.

*Александр Евгеньевич Гучок,
Председатель Высшей
аттестационной комиссии
Республики Беларусь*

Уважаемые организаторы и участники конференции!

Приветствую вас от имени Следственного комитета Республики Беларусь и от себя лично на Международной научно-практической конференции «V Минские криминалистические чтения», приуроченной к знаменательному юбилею – 50-летию кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.



Поздравляю руководство Академии, весь профессорско-преподавательский состав кафедры, ее выпускников и ветеранов с этим значимым событием, которое символизирует путь в пять десятилетий напряженного научного поиска, подготовки специалистов, стоящих сегодня на страже законности. Пусть достигнутое служит прочным фундаментом для новых профессиональных и творческих свершений!

Выражаю искреннюю благодарность организаторам конференции за создание авторитетной площадки, объединяющей представителей научного сообщества и практических сотрудников правоохранительных органов. Особую ценность настоящему форуму придает его международный формат: участие зарубежных коллег открывает возможности для обмена передовыми методиками и выработки совместных решений проблем криминалистики, судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности.

Актуальность тематики конференции не вызывает сомнений. Современная преступность приобретает все более сложный, транснациональный и технологически оснащенный характер. Цифровизация криминальной среды, расширение возможностей киберпреступников, усложнение способов сокрытия следов – все это требует от криминалистической науки и практики опережающих ответов. Именно поэтому диалог, в основе которого заложе-

но сочетание глубоких теоретических знаний и реального следственного и экспертного опыта, сегодня особенно востребован.

Уверен, что представленные доклады, развернувшиеся дискуссии станут импульсом к новым исследованиям, укреплению межведомственного и международного взаимодействия, формированию практических решений, направленных на эффективное противодействие преступности, защиту прав и интересов общества и государства.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы, содержательных дискуссий и новых профессиональных открытий!

*Сергей Яковлевич Аземша,
заместитель Председателя
Следственного комитета
Республики Беларусь*

Уважаемые организаторы и участники конференции!

Мероприятие, посвященное 50-летию со дня образования кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, объединяет широкий круг участников: представителей правоохранительных органов, научных работников и исследователей, аспирантов (адъюнктов) и магистрантов.

Убежден, что конференция станет площадкой обмена научными знаниями и практическим опытом по современным проблемам криминалистики, уголовного процесса, судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности. Уверен, что обмен мнениями будет конструктивным и плодотворным, а озвученные идеи найдут применение в практической деятельности.

Поздравляю коллектив кафедры с юбилеем! За полвека кафедры криминалистики стала центром знаний и инноваций, подготавливая высококвалифицированных специалистов, которые вносят неоценимый вклад в раскрытие и расследование преступлений. Благодаря профессорско-преподавательскому составу кафедры криминалистики заложены основы современных криминалистических методов и технологий, которые активно внедряются в образовательный процесс и практическую деятельность. Научно-педагогический коллектив кафедры эффективно решает поставленные перед ним задачи, а также обеспечивает оперативное предотвращение различных вызовов и угроз в сфере общественного порядка и безопасности.

Желаю коллективу кафедры реализации творческих идей и процветания, а участникам конференции – интересных дискуссий, мира и благополучия.



***Игорь Анатольевич Мороз,**
директор Научно-практического центра
проблем укрепления законности
и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь*

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!



Рад приветствовать участников Международной научно-практической конференции «V Минские криминалистические чтения».

От лица Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз и от себя лично благодарю за возможность принять участие в мероприятии. Направления работы конференции являются актуальными и практико-ориентированными. Судебно-экспертная деятельность, криминалистика, деятельность по выявлению и

расследованию преступлений тесно взаимосвязаны и вносят весомый вклад в обеспечение национальной безопасности.

Международный статус конференции отражает наше общее стремление делиться своими достижениями, налаживать и развивать контакты с коллегами в сферах науки, образования и правоприменительной практики.

Конференция также приурочена к знаковому событию в жизни Академии МВД Республики Беларусь – пятидесятилетию со дня образования кафедры криминалистики. За прошедшие десятилетия коллектив кафедры достиг впечатляющих результатов и заслуженно известен в нашей стране и за ее пределами. Сегодня кафедра является ключевым звеном в подготовке высококвалифицированных специалистов для правоохранительных органов, на высоком уровне осуществляет образовательную и серьезную научно-исследовательскую работу.

Желаю коллективу кафедры новых инициатив и достижений, здоровья и благополучия, творческих успехов и долголетия, а участникам конференции – плодотворной работы, обмена передовым опытом и укрепления профессиональных связей.

Вадим Сергеевич Позняк,
начальник Научно-практического центра
Государственного комитета
судебных экспертиз Республики Беларусь

ПОЛВЕКА В ЕДИНОМ СТРОЮ НА СЛУЖБЕ ИСТИНЫ И ПРАВОПОРЯДКА

Приказом Министра внутренних дел СССР от 9 декабря 1975 г. с 1 января 1976 г. в г. Минске была образована Минская высшая школа МВД СССР на базе Минского очно-заочного факультета Московского филиала юридического заочного обучения при Академии МВД СССР. Этим приказом также был утвержден и штат должностей созданного учебного заведения. Приказом начальника Минской высшей школы МВД СССР 6 мая 1976 г. было подписано решение об образовании кафедры криминалистики. Вся история развития данной кафедры тесно связана со становлением вуза, который сейчас именуется учреждением образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

С первых дней работы кафедра стала играть важнейшую роль в подготовке высококвалифицированных кадров для правоохранительных органов. Профессорско-преподавательский состав кафедры обеспечивал преподавание ряда базовых для системы ведомственного вузовского образования учебных дисциплин, центральное место среди которых заняла «Криминалистика». В разные годы на кафедре работали многие видные ученые и опытные практики, благодаря кропотливому труду которых была создана и получила свое развитие научная школа криминалистики, известная в настоящее время далеко за пределами Беларуси. Научная преемственность поколений обеспечила формирование и педагогических традиций на кафедре. Многолетний опыт преподавания криминалистики и иных наук бережно передается и преумножается из поколения в поколение.

Первым начальником кафедры был назначен Николай Иванович Порубов (1932–2013), доктор юридических наук (1978), профессор (1978), Заслуженный деятель науки Республики Беларусь (1998). Н.И. Порубов возглавлял кафедру криминалистики с 1976 по 1990 г., а затем продолжил трудиться профессором кафедры вплоть до 2013 г. Н.И. Порубов является одним из основателей белорусской научной школы криминалистики, автором более 300 научных трудов по криминалистике, юридической этике, риторике.



Н.И. Порубов

У истоков становления научно-педагогического коллектива кафедры также стояли: Николайчик Николай Игнатьевич, доктор юридических наук, профессор, участник Великой Отечественной войны; Грамович Гарольд Иванович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь; Стешиц Валентин Кириллович, доктор медицинских наук, профессор; Сидорик Владимир Николаевич, кандидат юридических наук; Сидорик Петр Николаевич, кандидат юридических наук; Бориго Сергей Васильевич, кандидат юридических наук, профессор; Ситник Геннадий Федорович; Полянин Юрий Владимирович, начальник учебно-методического кабинета; Соловых Владимир Константинович, начальник фотолaborатории.

Несколько позже на должности профессорско-преподавательского и вспомогательного состава были назначены: Янушко Владимир Иванович, кандидат юридических наук; Елисеенко Николай Егорович; Костяхина Наталья Всеволодовна; Гурский Виктор Петрович; Котов Евгений Николаевич, кандидат юридических наук, доцент; Авсюк Александр Вячеславович, кандидат юридических наук; Ермолович Владимир Федорович, кандидат юридических наук, доцент; Ильин Александр Николаевич, начальник кабинета; Пустоход Александр Михайлович, начальник кабинета; Лебедев Юрий Петрович, начальник кабинета; Карасик Василий Иванович; Малышко Альберт Антонович; Кретов Борис Михайлович; Гусаков Юрий Аркадьевич, кандидат медицинских наук, доцент; Прудников Николай Николаевич, заведующий фотолaborаторией; Буцаева Галина Аркадьевна, лаборант кафедры; Коновалов Евгений Федорович, кандидат юридических наук, доцент.

Деятельность коллектива кафедры на этапе становления требовала новых подходов в преподавании криминалистики, разработки новых методических приемов и методов, направленных на вооружение обучающихся теоретическими знаниями, формирования у них практиче-

ских умений и навыков по расследованию преступлений. Специфика преподавания криминалистики заключается в том, что, как правило, проведение того или иного занятия требует моделирования какой-то конкретной ситуации, использования определенных объектов и техники. По этому поводу Н.И. Порубов отмечал: «Завидую преподавателям других кафедр, которым нужен лишь конспект лекции или план семинарского занятия. Чтобы провести занятия по криминалистике, нужны полигоны, лаборатории, приборы, технические средства, фотолаборатории, расходные материалы, нужны помощники-инженеры или лаборанты...»¹.

Здесь в полной мере проявился педагогический и управленческий талант Н.И. Порубова, профессионализм преподавателей кафедры. Были предложены и впоследствии подготовлены альбом схем по криминалистике, который неоднократно переиздавался, поскольку пользовался популярностью у обучаемых за доступность и системность излагаемого материала². Решению проблемы формирования практических умений и навыков у обучаемых способствовали подготовка и издание практикумов с заданиями и схемами³. Это был инновационный метод в овладении обучаемыми криминалистическими знаниями, который и на текущий момент не теряет своей актуальности. На совершенствование методики преподавания криминалистики было направлено учебно-методическое пособие «Семинары по криминалистике», которое было подготовлено начальником кафедры совместно с известным советским, а впоследствии российским криминалистом, профессором А.А. Закатовым. Кроме названия темы и плана семинарского занятия в пособии содержался список актуальной литературы по каждой теме курса, методические советы относительно того, как лучше всего построить рассмотрение каждого из вопросов, выносимых на семинарское занятие. К каждой теме прилагался список вопросов для самопроверки и темы рефератов для научно-исследовательской работы обучаемых⁴.

¹ Порубов, Н.И. Полвека с криминалистикой против криминала: записки старого криминалиста. – Мн. : Тесей, 2006. – С. 193.

² См. например: Артамонов, И.И., Порубов, Н.И. Советская криминалистика : учеб.-нагляд. пособие : [альбом схем] ; под ред. А.В. Дулова. – Мн. : Выш. шк., 1977. – 207 с.

³ См. например: Порубов Н.И. Практикум по криминалистике. – Мн. : Выш. шк., 1988. – 169 с.

⁴ Порубов Н.И., Закатов А.А. Семинары по криминалистике : учеб.-метод. пособие. – Мн. : Выш. шк., 1984. – 192 с.



Профессорско-преподавательский состав кафедры криминалистики и родственных кафедр вузов МВД СССР с первым начальником Минской высшей школы МВД СССР генерал-майором милиции М.И. Зыриным. 1979 г.



Коллектив кафедры криминалистики. 1981 г.



*Коллектив кафедры криминалистики с начальником Минской высшей школы МВД СССР
генерал-майором милиции В. Н. Савичевым. 1988 г.*

Оценивая роль кафедры в подготовке высококвалифицированных кадров, результаты научно-исследовательской деятельности преподавательского состава, патриарх отечественной криминалистики, Р.С. Белкин писал: «Заметное место среди кафедр криминалистики высших учебных заведений МВД занимала кафедра криминалистики Минской высшей школы. Ее становлению способствовали два обстоятельства. Во-первых, она была создана не на пустом месте. Криминалистика как профилирующая учебная дисциплина преподавалась в объеме 300 учебных часов с момента учреждения в 1960 г. Минского заочного отделения Высшей школы МВД СССР вначале на кафедре специальных дисциплин, а после образования очно-заочного факультета – на кафедре уголовного процесса. Благодаря этому преподаватели криминалистики к моменту создания самостоятельной кафедры уже приобрели достаточный педагогический опыт. Во-вторых, положительную роль сыграла кафедра криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, которой с 1972 г. руководил профессор А.В. Дулов. Между кафедрами установилась атмосфера сотрудничества и дружеского соперничества. Совместные заседания кафедр, криминалистические чтения, теоретические семинары, участие в конференциях с последующим изданием по ним сборников научных статей, руководство дипломными работами студентов, взаимное рецензирование методической и научной продукции, оппонирование диссертаций – вот неполный перечень совместно проводимых мероприятий»¹.



*Выступление Р.С. Белкина и Н.И. Порубова перед слушателями
Минской высшей школы МВД СССР. 1978 г.*

¹ Белкин, Р.С. История отечественной криминалистики. – М. : Норма, – 1999. – 486 с.



Г.И. Грамович

С 1990 по 2000 г. руководство кафедрой осуществлял Грамович Гарольд Иванович (1938–2009), доктор юридических наук (1990), профессор (1991), заслуженный юрист Республики Беларусь (1998).

В этот период на должности профессорско-преподавательского и вспомогательного состава были назначены ряд сотрудников. В их числе: Авраменко Игорь Леонидович, кандидат юридических наук; Стороженко Сергей Николаевич; Климова Евгения Ивановна, кандидат юридических наук, доцент; Ревтова Светлана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент; Дергай Георгий Борисович, кандидат юридических наук, доцент; Мазурин Михаил Иванович; Пацкевич Александр Петрович, кандидат юридических наук, доцент; Егоров Юрий Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент; Федоров Геннадий Владимирович, кандидат юридических наук, доцент; Павлов Виктор Владимирович; Анищенко Инесса Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент; Казакевич Светлана Михайловна, кандидат юридических наук, доцент; Семенов Виталий Геннадьевич, начальник кабинета кафедры; Авдеев Сергей Алексеевич, начальник кабинета кафедры; Юхневич Виктория Геннадьевна, техник-лаборант кафедры.



Коллектив кафедры криминалистики. 1995 г.

С 2000 по 2006 г. руководство кафедрой осуществлял Геннадий Николаевич Мухин, доктор юридических наук (2003), профессор (2004). С 2006 по 2011 г. – профессор кафедры криминалистики.



Г.Н. Мухин

В этот период комплектование должностей профессорско-преподавательского и вспомогательного состава кафедры осуществлялось за счет проведения оргштатных изменений, которые имели место на следственно-экспертном факультете Академии МВД, обучающихся в магистратуре и адъюнктуре Академии, а также практических сотрудников, положительно зарекомендовавших себя во время службы. В это время на кафедру пришли: Логвин Вячеслав Михайлович, кандидат юридических наук, доцент; Шруб Максим Павлович, кандидат юридических наук, доцент; Асаенко Борис Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент; Маркова Оксана Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент; Габа Александр Иванович, кандидат юридических наук, доцент; Исютин-Федотков Дмитрий Владимирович, кандидат юридических наук, доцент; Савич Марина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент; Григорович Василий Леонидович, кандидат юридических наук, доцент; Кирвель Виталий Казимирович, кандидат юридических наук, доцент; Лепехин Александр Николаевич, кандидат юридических наук, доцент; Козлов Виталий Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент; Булкина Наталья Владимировна; Капустина Ирина Владимировна; Лагун Надежда Ивановна; Козачек Александр Яковлевич; Шпак Ольга Юрьевна; Лагуновский Михаил Григорьевич; Василевская Наталья Николаевна, методист кафедры; Субоч Елена Станиславовна, методист кафедры, Хомич Тамара Казимировна, заведующий учебно-методическим кабинетом; Дубовицкая Татьяна Геннадьевна, методист кафедры; Шпакова Ольга Александровна, методист кафедры.



Коллектив кафедры криминалистики. 2006 г.



Коллектив кафедры криминалистики. 2011 г.

С 2006 по 2014 г. руководство кафедрой осуществлял Вячеслав Михайлович Логвин, кандидат юридических наук (1999), доцент (2009). С 2014 г. профессор кафедры криминалистики.



В.М. Логвин

В этот период времени на кафедру пришли. Мережко Григорий Васильевич, кандидат медицинских наук, доцент; Чигирь Сергей Никитович, кандидат медицинских наук, доцент; Гусенцов Александр Олегович, доктор медицинских наук, профессор; Лемешко Егор Владимирович, кандидат медицинских наук; Пашута Игорь Владимирович, кандидат юридических наук, доцент; Бурейко Владимир Федорович; Егоров Владимир Петрович; Колесникова Ольга Владимировна; Дроздов Александр Владимирович; Романюк Дмитрий Александрович; Вальчук Павел Александрович; Колтаченко Анатолий Леонидович, заведующий фотолaborаторией; Лепкова Наталья Евгеньевна, заведующий учебно-методическим кабинетом; Гринкевич Наталья Владимировна, делопроизводитель.

Время требовало внесения изменений в методику преподавания криминалистики, обновления наглядных пособий, имеющихся на кафедре, пополнения фондов кафедры современной цифровой и криминалистической техникой, обеспечения образовательного процесса актуальными учебными изданиями, повышения качества научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского состава кафедры, адъюнктов. Следует отметить, что по всем направлениям деятельности коллектив кафедры успешно решил поставленные перед ней задачи.



*Открытие Международной научно-практической конференции
«Актуальные проблемы современной криминалистики и судебной экспертизы».
2011 г.*



*Участники I-х криминалистических чтений,
посвященных памяти Заслуженного юриста Республики Беларусь,
доктора юридических наук, профессора Г.И. Грамовича. 2012 г.*



Визит на кафедру профессора В.П. Лаврова

В 2014 г. руководителем кафедры был назначен Максим Павлович Шруб, кандидат юридических наук (2010), доцент (2012).



М.П. Шруб

На должности профессорско-преподавательского состава в этот период времени назначались: Ермолович Владимир Федорович, доктор юридических наук, профессор; Кашинский Михаил Юльевич, кандидат юридических наук, доцент; Гигевич Александр Игоревич, кандидат юридических наук, Вольский Валерий Антонович; Костевич Руслан

Васильевич; Суховенко Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент; Елетнов Виталий Игоревич, кандидат юридических наук, доцент.

Этот период в развитии кафедры характеризуется совершенствованием форм и методов проведения учебных занятий с обучающимися, подготовкой и изданием учебной литературы, исследованием различных проблем практики правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений, внедрению полученных результатов в образовательную деятельность.

Особо следует отметить усилия кафедры, направленные на разработку учебных курсов и их проведение на базе Международного учебного центра подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров в сфере миграции и противодействия торговле людьми.



Визит на кафедру профессора Е.Р. Россинской



*Участники II-х криминалистических чтений «Уголовный процесс
и криминалистика: история и современность»,
посвященных памяти заслуженного деятеля науки Республики Беларусь
профессора Н.И. Порубова. 2015 г.*



Р.М. Ропот

С 2020 года и по настоящее время руководство кафедрой осуществляет полковник милиции Руслан Михайлович Ропот, кандидат юридических наук (2015), доцент (2020), лауреат стипендии Президента Республики Беларусь талантливым молодым ученым на 2019 г.

На должности профессорско-преподавательского состава кафедры за последние годы были назначены: Рубис Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, Сенькевич Сергей Сергеевич, кандидат юридиче-

ских наук, Марцынкевич Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, Войлокова Вероника Олеговна, Пашута Наталья Николаевна, Матвеев Михаил Юрьевич, Беломытцев Николай Николаевич, Волосюк Валерий Владимирович, Ковальчук Анастасия Сергеевна.



Коллектив кафедры криминалистики. 2021 г.

На современном этапе развития кафедра обладает значительным научно-педагогическим потенциалом, позволяющим успешно решать стоящие перед ней задачи. В числе преподавателей кафедры – доктора и кандидаты наук. Большинство преподавателей имеют богатый опыт педагогической деятельности и практической работы в различных должностях в органах предварительного следствия и дознания, экспертно-криминалистических, судебно-медицинских и иных подразделениях правоохранительных органов.

В своей педагогической деятельности профессорско-преподавательский состав наряду с классическими активно использует инновационные методики преподавания, основанные на результатах изучения передового отечественного и зарубежного опыта, а также проводимых педагогических экспериментов. В обучении активно применяются современные образовательные технологии и программные продукты. Так, по всем учебным дисциплинам на кафедре разработаны электронные учебно-методические комплексы, подготовлены обучающие программы, тренажерные комплексы и учебные видеофильмы по наиболее сложным темам. Для выработки практических умений и навыков в распоряжение обучающихся предоставлены криминалистические полигоны и специализированные аудитории.

На кафедре активно проводятся научные исследования по актуальным проблемам криминалистического обеспечения выявления и расследования преступлений. Среди наиболее значимых исследований последних лет необходимо отметить следующие: «Судебно-экспертное обеспечение доказывания», «Компьютерная криминалистика», «Криминалистические способы и методы установления личности преступника», «Расследование хулиганства, совершенного с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств», «Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений», «Судебно-медицинская диагностика огнестрельных повреждений, образующихся в результате рикошета картечи», «Использование опыта деятельности правоохранительных органов при проведении учебных занятий на кафедре криминалистики», «Организационно-тактическое и технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений», «Организационно-методическое обеспечение деятельности органов уголовного преследования по раскрытию и расследованию отдельных видов и групп преступлений», «Планирование деятельности органов уголовного преследования по раскрытию и расследованию преступлений», «Технико-криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел», «Формирование криминалистического мышления с использованием кейс-методов», «Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции», «Криминалистическое обеспечение деятельности милиции общественной безопасности», «Использование специальных знаний в деятельности органов внутренних дел».

Проводимые научные исследования отличаются не только высокой степенью актуальности и востребованности в правоохранительных органах, но и инновационным содержанием. Так, по результатам их проведения сотрудники кафедры стали обладателями 6 патентов на изобретение,

6 патентов на полезную модель, а также удостоверения на рационализаторское предложение. Результаты научных исследований активно внедряются в образовательный процесс и практическую деятельность.

Кафедра организует и проводит Международную научно-практическую конференцию «Минские криминалистические чтения» (2018, 2020, 2022, 2024, 2026), являющуюся одним из крупнейших научных форумов в Республике Беларусь, посвященных обсуждению современных проблем криминалистики, тенденций развития судебно-экспертной деятельности, актуальных проблем выявления (раскрытия) и расследования преступлений. На этой диалоговой площадке имеют возможность высказать свою точку зрения не только авторитетные ученые Республики Беларусь, Российской Федерации, других зарубежных государств, но и адъюнкты (аспиранты), представители практических подразделений различных правоохранительных органов, курсанты и студенты.



*Открытие Международной научно-практической конференции
«IV Минские криминалистические чтения». 2024 г.*

Кафедра активно и плодотворно взаимодействует с родственными кафедрами учреждений высшего образования Республики Беларусь, а также развивает международное сотрудничество, участвует в мероприятиях теоретико-прикладного характера, имеет тесные научные и профессиональные связи с коллективами образовательных учреждений России, Казахстана, Узбекистана и других стран.



*Участники Международной научно-практической конференции
«IV Минские криминалистические чтения»*

Большинство педагогов, работающих на кафедре, имеют за плечами колоссальный опыт работы в различных подразделениях правоохранительных органов. Они занимают различные должности, разнятся характером и возрастом, но их всех объединяет чувство долга и патриотизма, любви к родной кафедре, Академии, верности присяге и традициям, желание своим каждодневным трудом приумножить достигнутое, стремиться к новым вершинам на благо Родины и государства.

История кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь продолжается...



Коллектив кафедры криминалистики. 2026 г.

УДК 343.9

И.А. Анищенко, И.С. Нестер

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ РИСК И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Внимание ученых-криминалистов к категории криминалистического риска концентрируется на протяжении долгого времени. Примечательным является тот факт, что не только научное сообщество, но и практические работники в сфере раскрытия и расследования преступлений все чаще обращают свое внимание на данную научную категорию.

Изначально понятие риска зародилось, формировалось и исследовалось в рамках экономической сферы интересов научного сообщества. Среди многообразия подходов к содержанию понятия «риск» в управлении, экономике можно выделить следующие:

- 1) риск – неопределенность, связанная с принятием решений, реализация которых происходит только с течением времени;
- 2) риск – возможность возникновения неблагоприятных ситуаций в ходе реализации планов и исполнения бюджетов предприятия;
- 3) риск – возможная опасность, действие наудачу в надежде на благополучный исход.

Позже категория рисков активно исследовалась в психологии. Здесь выделяют основные направления изучения данного феномена: меру ожидаемого неблагоприятия при неуспехе в деятельности; действие в том или ином отношении, грозящее тактическим проигрышем, неиспользованием благоприятных возможностей сложившейся ситуации и ситуацию выбора между двумя возможными вариантами действия (бездействия).

Феномен риска как вероятностного наступления определенных последствий со временем привлек внимание в том числе и ученых-криминалистов. Исследованием риска при расследовании преступлений занимались Р.С. Белкин, И.Ф. Герасимов, А.В. Дулов, Н.П. Яблоков, Г.А. Зорин и другие криминалисты. В частности, Г.А. Зорин сформулировал определение риска, охарактеризовав его как сознательно-волевую деятельность субъекта, этическую категорию, означающую проявление субъектом активности и стремления добиться положительного, оптимального результата, в том числе превзойти то, что ожидалось и предполагалось [1, с. 251].

Обращает на себя внимание тот факт, что дискуссии велись преимущественно о категории «тактический риск», который, в свою очередь,

определялся как возможность наступления отрицательного результата или отрицательных последствий при производстве следственных действий и учитывался при принятии тактического решения.

В то же время использование категории риска иными науками (экономикой, психологией и др.) позволяет охарактеризовать риск как весьма многогранное субъективно-воспринимаемое явление, применение которого в криминалистике не должно ограничиваться исключительно положениями криминалистической тактики. Прослеживая всю цепочку выявления, раскрытия и расследования преступлений, становится очевидным, что криминалистический риск выходит за рамки следственных действий, существенно расширяя свои возможности, в том числе и на иные разделы криминалистической науки. Нельзя не согласиться с Г.А. Зориным, который правомерно отмечал, что формы, характер и субъекты риска в связи с расследованием преступлений могут быть различны и их нельзя втиснуть в узкое понятие «тактический риск».

Для правильного понимания места рисков в криминалистике необходимо уделить некоторое внимание этимологии этого слова.

Согласно этимологическому словарю русского языка М. Фасмера, слово «риск» заимствовано из французского «*risque*» или из итальянского «*risico*», которые восходят к греческому – утес, подножие горы. Отсюда слово «рисковать» определяется через французское «*risquer*», итальянское «*risicare*» и первоначально означало «ларировать между скал» [2, с. 237].

В словаре В.И. Даля риск определяется, с одной стороны, как опасность чего-либо, а с другой – как действие наудачу, требующее смелости, решительности, предприимчивости в надежде на счастливый исход [3, с. 96].

Таким образом, можно констатировать наличие категоричного, диаметрально-противоположного подхода, в соответствии с которым риск определяется либо как наступление негативных последствий, либо в качестве надежды на благоприятный исход событий. Принимая во внимание всю многогранность описываемого явления, полагаем, что в криминалистической науке не совсем приемлемо рассматривать риск исключительно с этих двух позиций. Негативные и благоприятные последствия относятся к субъективным оценочным категориям, что противоречит принципу объективности в сфере раскрытия и расследования преступлений.

По указанной выше причине криминалистический риск следует охарактеризовать как определенную вероятность получения результатов посредством задействования всех ресурсов, направленных на выявление, раскрытие и расследование преступления. Последствием риска может быть как недостаток информации об изучаемом событии и

появление необходимости задействования дополнительных ресурсов в результате определенных действий либо как возможность возникновения благоприятных ситуаций в ходе реализации планов, что способствует извлечению дополнительной информации о расследуемом событии. Иными словами, риск есть не что иное, как средство адаптации субъекта криминалистики к ситуации, требующей немедленной эффективной реакции в виде выбора рационального средства, метода, приема и т. д.

На основании вышеизложенного представляется возможным выделить ключевые особенности риска, к числу которых относятся целостность, вариативность и двойственность.

Целостность риска определяется единством действий, сопряженных с вероятностью наступления каких-либо событий. Криминалистический риск не зависит от среды своего существования, т. е. от вида расследуемого преступления, правового регулирования раскрытия и расследования преступления, уровня взаимодействия субъектов и т. д. В то же время существует зависимость каждого элемента системы риска (принятие решения, действие, деятельность и последствия) от функций, условий, методологических основ применения и иных обстоятельств.

Вариативность выражается в наличии выбора между двумя или более вариантами решений, направлений или моделей поведения. Если деятельность предполагает строгий порядок выполнения операций, то риск не возникает, поскольку у субъекта отсутствует выбор.

Двойственность результата риска обусловлена вероятностью получения как положительного, так и негативного результата вследствие осуществления субъектом потенциально рискованных действий, а также их оценки как предполагаемых последствий.

Таким образом, криминалистический риск представляет собой многогранную категорию, требующую глубокого теоретического осмысления, конкретизации его понятия, структуры, специфики, функций и места в системе криминалистики. Немаловажным является и прикладное значение криминалистического риска, что выступает весьма перспективным в сфере выявления, раскрытия и расследования преступления.

Список использованных источников

1. Зорин, Г.А. Теоретические основы криминалистики / Г.А. Зорин. – Мн. : Амалфея, 2000. – 416 с.
2. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. ; пер. с нем. / М. Фасмер. 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 3–4. – 832 с.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М. : Рус. яз., 1980. Т. 4. – 683 с.

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
РАССЛЕДОВАНИЯ НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ**

В условиях сохраняющейся латентности наркопреступности и значительного числа уголовных дел, по которым лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено либо его причастность осталась недоказанной, особую актуальность приобретает разработка криминалистической характеристики расследования нераскрытых преступлений прошлых лет в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Для указанной категории дел характерно существенное влияние фактора времени. Это связано с тем, что часть доказательственной информации утрачивается, материальные следы под воздействием естественных причин приходят в негодность для их дальнейшего изучения, а показания очевидцев становятся менее полными и точными. Вместе с тем отдельные элементы криминалистической характеристики сохраняют информационный потенциал и могут служить основой для построения новых следственных версий.

Под наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами понимаются средства, вещества и препараты, включенные в перечни объектов, подлежащих государственному контролю [1, с. 453]. Для рассматриваемой темы принципиальное значение имеет криминалистическая интерпретация данных свойств. Вид вещества, его агрегатное состояние, химический состав, способ фасовки, особенности упаковочного материала, маркировка, а также приспособления для изготовления, хранения, перевозки и потребления способны содержать сведения как о способе совершения преступления, так и о личности участников незаконного оборота.

В структуре криминалистической характеристики расследования нераскрытых преступлений данной категории прошлых лет целесообразно выделять следующие взаимосвязанные элементы: способ совершения преступления; обстановку его совершения; сведения о личности преступника; следовую картину и вещественные доказательства; особенности предмета преступного посягательства; типичные исходные следственные ситуации при возобновлении производства по делу. В отличие от расследования преступлений по горячим следам указан-

ные элементы должны оцениваться во взаимосвязи, поскольку именно корреляция между ними нередко компенсирует дефицит прямой доказательственной информации.

Способ совершения преступления в сфере незаконного оборота наркотиков охватывает незаконные изготовление, переработку, приобретение, хранение, перевозку, пересылку и сбыт соответствующих веществ, а также и иные действия, направленные на вовлечение граждан в нелегальный оборот [2, с. 362]. Для дел прошлых лет значение данного элемента возрастает, поскольку именно способ совершения преступления чаще всего сохраняет относительную устойчивость. Технология изготовления, характер фасовки, выбор каналов передачи, способы конспирации, использование тайников, интернет-коммуникаций, посредников или курьеров могут указывать на повторяемость действий, связь с определенной преступной группой либо типичный криминальный почерк.

Не менее значимым элементом выступает обстановка совершения преступления. К ней относятся место, время, условия обнаружения наркотических средств либо следов их незаконного оборота, особенности окружающей среды, наличие свидетелей, а также иные обстоятельства, характеризующие механизм преступной деятельности. При расследовании дел прошлых лет обстановка нередко подлежит мысленной реконструкции на основе протоколов следственных действий, фототаблиц, схем, заключений экспертов, а также данных оперативно-справочных и иных учетов. Повторный анализ этих материалов позволяет выявить ранее недооцененные обстоятельства: устойчивые маршруты перемещения, типичные места закладок и хранения, связи между местом обнаружения вещества и территорией проживания либо деятельности предполагаемых участников преступления.

Сведения о личности преступника занимают центральное место в рассматриваемой характеристике. Для лиц, участвующих в незаконном обороте наркотиков, в криминалистической литературе выделяются определенные социально-демографические и поведенческие особенности: преобладание мужчин молодого возраста, наличие криминального опыта, отсутствие устойчивой занятости, включенность в устойчивые неформальные связи, знание способов маскировки преступной деятельности [3, с. 181–185]. Вместе с тем в делах прошлых лет значение имеют не столько усредненные признаки, сколько возможность их сопоставления с другими элементами характеристики. Особенности упаковки, способы коммуникации, характер распределения ролей между участниками, источники приобретения прекурсоров и места сбыта могут указывать на определенную категорию субъектов.

Особую роль в делах данной категории играют следы преступления и вещественные доказательства. Материальные следы могут быть представлены остатками наркотических средств, упаковкой, оборудованием для изготовления и потребления, средствами фасовки, микрочастицами, цифровыми носителями, перепиской, сведениями о денежных переводах и телефонных соединениях. Для преступлений прошлых лет характерно, что часть названных объектов может быть утрачена, однако оставшиеся материалы подлежат повторной криминалистической оценке с учетом современных возможностей экспертных исследований. Повторное изучение упаковки, следов пальцев рук, биологических объектов, электронных данных и финансовой информации нередко позволяет выявить новые фактические данные либо по-новому интерпретировать уже известные обстоятельства [4, 5].

Применительно к нераскрытым преступлениям прошлых лет особое значение приобретает анализ корреляционных зависимостей между отдельными элементами криминалистической характеристики. Такие зависимости могут проявляться между видом наркотического средства и способом его изготовления, между особенностями упаковки и каналами поставки, между географией сбыта и социальными характеристиками участников, между цифровой активностью фигурантов и периодами совершения отдельных эпизодов. При повторном аналитическом рассмотрении материалов уголовного дела они способны выполнять ориентирующую функцию и выступать основой для выдвижения новых версий, назначения повторных либо дополнительных экспертиз, а также проведения адресных оперативно-розыскных мероприятий.

Типичные исходные ситуации при возобновлении расследования преступлений прошлых лет в сфере незаконного оборота наркотиков могут быть сведены к нескольким вариантам: отсутствию сведений о лице, совершившем преступление; наличию фрагментарной информации о предполагаемом преступнике; наличию ранее проверявшихся лиц, причастность которых не была доказана [3, с. 181]. Каждая из указанных ситуаций требует собственной тактики. В первом случае приоритет имеет повторный анализ следовой информации и информационных массивов. Во втором – сопоставление имеющихся признаков с учетными данными, архивными материалами и сведениями о связях фигурантов. В третьем – критическая оценка полноты первоначальной проверки и проверка версии о причастности лиц, ранее исключенных из круга подозреваемых.

Анализ практики показывает, что существенными причинами сохранения нераскрытости таких преступлений являются недостатки пер-

воначального расследования: неполный осмотр места происшествия, утрата либо ненадлежащее закрепление вещественных доказательств, поверхностный анализ сведений о способе совершения преступления, недооценка первоначальных версий, отсутствие системной работы с оперативной информацией [6]. И поэтому возобновление расследования должно сопровождаться не простым повторением ранее выполненных действий, а их переосмыслением с позиций современной криминалистики. Практическое значение имеют повторный анализ доказательств с использованием новых экспертных и информационных технологий, реконструкция событий, сравнение с аналогичными эпизодами, использование цифровых баз данных и межведомственных учетов.

Таким образом, криминалистическая характеристика расследования нераскрытых преступлений прошлых лет в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов представляет собой систему взаимосвязанных сведений о способе совершения преступления, обстановке, личности преступника, следовой картине и типичных следственных ситуациях. Ее практическая ценность состоит в том, что она позволяет восполнить дефицит прямой доказательственной информации за счет установления устойчивых связей между отдельными элементами и тем самым повысить результативность возобновленного расследования. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка рекомендаций по использованию криминалистического анализа данных и информационно-аналитических систем для выявления корреляций в делах указанной категории.

Список использованных источников

1. Ганиева, И.А. Методика и проблемы расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / И.А. Ганиева // E-Scio. – 2022. – № 12. – С. 452–455.
2. Белянцева, М.Е. Общие характеристики расследования преступлений «прошлых лет» / М.Е. Белянцева // Аллея науки. – 2024. – Т. 1, № 2. – С. 360–366.
3. Рачков, И.Н. Типичные признаки лиц, вовлеченных в незаконный оборот наркотиков / И.Н. Рачков // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2007. – № 2. – С. 181–185.
4. Бастрыкин, А.И. Криминалистика: техника, тактика и методика расследования преступлений : науч.-практ. пособие / А.И. Бастрыкин. – 2-е изд., доп. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2010. – 459 с.
5. Лавров, В.П. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : учеб. пособие / В.П. Лавров. – М. : Высш. шк. МВД СССР, 1972. – 87 с.
6. Драпкин, Л.Я. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет / Л.Я. Драпкин // Российский юридический журнал. – 2014. – № 4. – С. 105–113.

**ДРОПЫ И ДРОПОВОДЫ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ:
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СУЩНОСТЬ И КЛАССИФИКАЦИЯ**

Предмет настоящего исследования охватывает прежде всего деяния, связанные с завладением имущества путем обмана или злоупотребления доверием, хищением имущества посредством модификации компьютерной информации, незаконными действиями со средствами платежа, платежными инструментами, их реквизитами и аутентификационными данными, а также с совершением финансовых операций и иных действий, направленных на сокрытие происхождения, движения и действительной принадлежности средств, полученных преступным путем (ст. 209, 212, 222, 235 Уголовного кодекса Республики Беларусь). В этой связи криминалистическое исследование характеристик лиц, совершающих такие преступления, приобретает самостоятельное значение, поскольку позволяет раскрыть внутреннюю организацию преступного механизма, применяя анализ функционального распределения ролей, обеспечивающих достижение общего преступного результата, и тем самым объяснить, каким образом в единой схеме соединяются хищение денежных средств, использование платежной инфраструктуры, незаконный оборот реквизитов и данных доступа, а в ряде случаев – и последующее сокрытие происхождения преступных активов [1, с. 1076; 2, с. 36–37; 3, с. 232].

Методологическая актуальность рассматриваемой проблематики определяется и тем, что в практической плоскости одни и те же внешние действия – оформление счета, передача реквизитов, получение денежных средств, их дальнейший перевод или снятие – могут свидетельствовать о существенно различных ролевых позициях в механизме преступления. Без разработки криминалистически значимой классификации такие действия воспринимаются как однородные, что приводит к упрощению следственной картины и затрудняет выявление управляющего звена преступной схемы. Напротив, разграничение их ролей позволяет установить внутреннюю логику преступной деятельности, определить последовательность участия конкретных лиц и соотнести их действия с соответствующими блоками доказательственной информации – банковской, цифровой, коммуникационной и организационной. В современных исследованиях именно этот аспект – связь ролевой специализации с

повышением эффективности расследования – рассматривается как один из ключевых [4, с. 68].

Для целей криминалистического анализа под дропом целесообразно рассматривать лицо, использующее либо предоставляющее счет, банковскую платежную карточку, электронный или виртуальный кошелек, а также соответствующие реквизиты и средства доступа для приема, перемещения, перераспределения либо сокрытия денежных средств, ставших объектом преступного посягательства. Такая фигура имеет значение не только как возможный участник соучастия, но и как носитель специфической следовой информации: банковских операций, цифровых идентификаторов, данных аутентификации, коммуникационных следов и географии финансовых действий. В этом состоит ее криминалистическая специфика: дроп связывает собственно акт хищения с последующими этапами движения денежных средств и тем самым формирует промежуточное звено между первичным преступным результатом и конечным выгодоприобретателем.

С учетом результатов анализа судебно-следственной практики за период с 2022 по 2025 г. наиболее информативной представляется многокритериальная классификация дропов. По степени осознания и характеру вовлечения следует различать осознанного дропа и дропа, вовлеченного в преступную схему путем обмана. Первую категорию образуют лица, понимающие противоправный характер использования своих платежных инструментов либо реквизитов и сознательно предоставляющие их для преступной деятельности. Во вторую входят лица, которые формально выполняют ту же функцию, однако первоначально не осознают преступного характера происходящего вследствие введения их в заблуждение. Такое разграничение имеет принципиальное значение для расследования, поскольку позволяет дифференцировать круг обстоятельств, подлежащих доказыванию: наличие умысла, корыстной заинтересованности, содержание переписки, условия вербовки и степень осведомленности лица о последующем использовании переданных данных.

По функциональной роли в движении денежных средств дропов целесообразно подразделять на номинальных, приемных, транзитных, обналичивающих и конвертационных. Номинальный дроп предоставляет преступной схеме платежную инфраструктуру в виде счета, карточки или кошелька. Приемный дроп обеспечивает первоначальное поступление похищенных средств. Транзитный дроп дробит и перераспределяет денежные потоки, размывая финансовый след. Обналичивающий дроп переводит денежные средства в наличную форму, что формирует уже

не только цифровые, но и материально фиксируемые следы. Конвертационный дроп обеспечивает перевод денежных средств в электронные либо виртуальные формы, затрудняющие их прослеживание. Указанное разграничение позволяет сопоставить роль конкретного лица с определенным участком преступного механизма и с конкретным массивом доказательственной информации.

Наряду с этим выполним анализ роли дроповода как лица, обеспечивающего подбор, вовлечение, координацию и организационную устойчивость использования дропов в преступной схеме. Криминалистическая значимость выделения дроповода обусловлена тем, что именно он связывает разрозненные эпизоды движения денежных средств в единую управляемую систему. В современной специальной литературе, посвященной рассматриваемой проблематике, феномен дроповодов изучается как один из ключевых элементов современной киберпреступности, существенно осложняющий выявление реальных организаторов преступных схем [3, с. 223–224; 4, с. 62–63]. Это позволяет рассматривать дроповода как особую криминалистическую фигуру, в следовой картине которой преобладают не столько банковские, сколько коммуникационные и организационные признаки: переписка о подборе участников, передаче реквизитов, распределении функций и координации отдельных операций.

По доминирующей функции в преступном механизме дроповодов можно подразделить на вербовочные, координационно-распределительные, инфраструктурные, маршрутизирующие и конспирационно-обеспечивающие. Вербовочный дроповод осуществляет подбор и вовлечение новых лиц. Координационно-распределительный определяет функции участников и последовательность действий. Инфраструктурный обеспечивает создание платежной основы схемы – оформление счетов, карточек, получение доступа к кошелькам, сбор реквизитов и аутентификационных данных. Маршрутизирующий управляет перемещением денежных потоков между отдельными звеньями. Конспирационно-обеспечивающий поддерживает устойчивость сети путем замены выбывающих участников, перераспределения ролей и минимизации прямых контактов между звеньями. Такая классификация позволяет выявить управляющий контур преступной деятельности и тем самым существенно расширяет возможности расследования.

Практическое значение предложенной классификации состоит в том, что она позволяет дифференцировать предмет доказывания применительно к каждой ролевой позиции участника криминального деяния. Так, в отношении дропа существенными становятся обстоятельства получения и передачи реквизитов, маршрута движения денежных средств, использования устройств доступа, характера аутентификационных

данных и связи с иными участниками схемы. В отношении дроповода ключевое значение приобретают доказательства организационного воздействия: подбор исполнителей, распределение ролей, управление переводами и поддержание устойчивости преступной сети. Многокритериальная классификация дропов и дроповодов выступает не только способом научной систематизации, но и инструментом построения следственных версий, выбора направлений оперативно-розыскного и следственного поиска, а также разграничения пособничества в хищении, самостоятельных деяний, связанных с незаконным оборотом платежных инструментов и их реквизитов, и действий, направленных на сокрытие либо легализацию преступных доходов.

Список использованных источников

1. Ахатова, А.М. Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения / А.М. Ахатова // Вестник Удмурдского университета. Серия: Экономика и право. – 2024. – Т. 34, № 6. – С. 1075–1083.
2. Ковальчук, А.А. Квалификация незаконного оборота средств платежа и (или) инструментов в условиях новеллизации уголовного законодательства / А.А. Ковальчук, А.В. Ковальчук // Предварительное расследование. – 2023. – № 1. – С. 34–41.
3. Боренштейн, А.Л. Некоторые аспекты совершенствования понятийно-категориального аппарата для расследования преступлений с участием «дропов» и «дроповодов» в цифровой среде / А.Л. Боренштейн, Ю.С. Кухарев, К.Г. Балашов // Вестник Томского государственного университета. – 2025. – № 512. – С. 223–232.
4. Синяева, М.И. Криминологический анализ феномена дроповодов в современной киберпреступности / М.И. Синяева, К.Г. Балашов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 62–69.

УДК 343.9

Ю.В. Гаврилин

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Сегодня ставшее классическим определение предмета криминалистики, сформулированное в 1987 г. профессором Р.С. Белкиным, охватывает специальные методы и средства предотвращения преступлений [1, с. 83]. Научные дискуссии относительно содержания криминалистического предупреждения преступлений ведутся уже более полувека,

однако в настоящее время констатировать активный интерес к нему не представляется возможным.

Традиционно основное внимание в криминалистической литературе уделяется вопросам раскрытия и расследования преступлений. На предупреждении преступлений – специальной задаче криминалистической науки – исследователи, как правило, останавливаются в контексте методики расследования отдельных видов преступлений, в частности, установления причин и условий, способствовавших совершению преступления.

При этом нередко наблюдается смешение понятий криминалистического предупреждения, предотвращения и профилактики преступлений, в то время как они не тождественны. Так, если предотвращение означает конкретный акт, направленный на то, чтобы не дать случиться непосредственной угрозе здесь и сейчас, то профилактика представляет собой систему мер, создающих условия, при которых угроза либо не возникает вовсе, либо не может реализоваться. Предупреждение, в свою очередь, направлено на то, чтобы не допустить реализации уже существующей угрозы или перерастания проблемы в более тяжкую [2, с. 394–397]. Иными словами, в триаде «профилактика – предупреждение – предотвращение» можно использовать следующую логическую схему: профилактика – работа на упреждение (создание условий, при которых проблема невозможна), предупреждение – работа по снижению рисков, когда известно, что проблема может случиться, предотвращение – финальный заслон, не дающий проблеме случиться.

Одним из первых вопрос о криминалистической профилактике преступлений поднял В.П. Колмаков: в начале 60-х гг. XX в. предложил рассматривать ее в качестве самостоятельного раздела криминалистики наряду с техникой, тактикой и методикой [3, с. 106–109]. Однако данная идея в научных кругах подвергалась критике. По этому поводу Г.Г. Зуйков отмечал, что криминалистические средства, приемы и методы предотвращения и раскрытия преступлений находятся в неразрывном единстве, а их разработка в каждом из разделов криминалистики рассматривается как важнейшая и неотложная задача [4].

Для профессора Р.С. Белкина, включившего вопросы предупреждения преступлений в предмет криминалистики, отнесение к криминалистическим конкретных средств и методов также носило неочевидный характер: «до настоящего времени не существует общепризнанного мнения о том, какие средства и методы предотвращения преступлений относятся к числу криминалистических» [5, с. 157]. При этом ученый подчеркивал, что по своей служебной роли в борьбе с преступностью

существующие криминалистические средства и методы предотвращения преступлений можно подразделить на предназначенные:

для установления причин и условий, способствовавших совершению или сокрытию преступлений;

получения информации о готовящихся преступлениях;

защиты различных объектов от преступных посягательств и создания благоприятных условий для возникновения доказательственной информации.

Тем самым признавалось основание для существования подобной частной криминалистической теории, однако дальнейшего развития данная идея не получила.

Из современных работ особое внимание заслуживает монография Ю.Ф. Каменецкого «Теория и практика следственной профилактики» [6]. В ней рассмотрены теоретические, правовые, организационные, тактические, технические и методические аспекты данной деятельности, даны рекомендации сотрудникам правоохранительных органов. Под следственной профилактикой при этом понимается деятельность уполномоченных актами законодательства и локальными актами должностных лиц, организаций, органов и подразделений в сфере досудебного уголовного производства, направленная на предупреждение преступлений, правонарушений, аморального поведения, иных деструктивных и социально опасных явлений [6]. Такая деятельность рассматривается в качестве криминалистической теории, но собственно криминалистическая специфика подобной профилактики из приведенного просматривается недостаточно четко, а предложенная система методов и средств, включающая в себя, в частности, правовое просвещение, выявление пробелов в действующем законодательстве, кадровое обеспечение, выходит за рамки предмета криминалистики.

Из современных работ российских авторов заслуживают внимания методические рекомендации «Криминалистическая профилактика преступлений органами предварительного следствия» [7]. В научной работе авторы сводят данную профилактику к внесению представлений об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ, а также проведению межведомственных совещаний, в том числе координационные совещания правоохранительных органов по вопросам профилактики, совещания представительных органов, выступления в учебных заведениях и т. д. Сходный подход представлен и А.А. Митрофановой [8; 9 с. 153–162]

При этом следует отметить, что более основательно вопросы профилактики разработаны в теории судебной экспертизы.

Инициатором разработки теории экспертной профилактики выступил И.А. Алиев, который обосновал необходимость конструирования частной теории экспертной профилактики; определил ее принципы и функции, содержание и структуру, закономерности построения этой частной теории; дал понятие ее предмета, самой экспертной профилактики и экспертно-профилактической деятельности; показал организацию экспертной профилактики по структурно-функциональному принципу, ее взаимодействие с иными видами профилактической деятельности. На основании изложенного отметим, что «частная теория экспертной профилактики должна строиться с учетом положений общей теории судебной экспертизы и явиться отражением, теоретическим обобщением и на этой основе новым знанием об экспертной профилактической деятельности» [10, с. 153].

В.Ю. Федорович, в свою очередь, обращает внимание на то, что широкое использование в судебно-экспертной деятельности инновационных технологий по изучению закономерностей в рассматриваемой области и ведомственных информационных платформ может позволить без создания дополнительных организационных структур достигать профилактических целей как на федеральном уровне, например, в рамках межведомственного координационно-методического совета по проблемам экспертных исследований и Правительственной комиссии по профилактике правонарушений, так и на региональном уровне – в рамках специальных комиссий и общественных советов по судебно-экспертной деятельности [11, с. 130–134].

В нашем понимании представляется, что сводить криминалистическое предупреждение преступлений исключительно к установлению причин и условий, способствовавших их совершению, является неоправданным сужением возможностей данного направления криминалистической науки.

С учетом приоритетных задач, стоящих сегодня перед органами внутренних дел, их потребности в научно-методическом обеспечении экспертно-криминалистической и уголовно-процессуальной деятельности, меняются роль и значение криминалистической науки: требуется смещение акцентов от ретроспективного изучения обстоятельств криминальных событий, имевших место в прошлом, к проактивному формированию комплекса потенциальной криминалистической значимой информации на основе регуляторных механизмов действующего законодательства в сферах, технологические достижения которых широко используются в противоправной деятельности: связи, телекоммуникации, дистанционном банковском обслуживании и др.

При перечисленных обстоятельствах возникает необходимость переосмысления роли криминалистического обеспечения в системе предупреждения преступлений.

И здесь представляет интерес подход, реализованный в законодательстве Российской Федерации об оружии и состоящий в установлении криминалистических требований к гражданскому и служебному оружию, направленных на предотвращение возможности обратной переделки гражданского оружия в боевое путем внесения минимальных изменений, обеспечивающих возможность скрытого ношения и ведения огня очередями. Такие требования призваны обеспечить исключение возможности переделки списанного, пневматического, сигнального и газового оружия, а также огнестрельного оружия ограниченного поражения, поступающему в оборот, в огнестрельное оружие, пригодное для стрельбы. Кроме того, криминалистические требования обеспечивают возможность определения видовой принадлежности оружия и его идентификацию.

Соответственно, обязательным условием для оборота гражданского и служебного оружия согласно территории Российской Федерации является наличие соответствующего заключения о соответствии криминалистическим требованиям, что предусмотрено ст. 7 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии».

К числу наиболее значимых криминалистических требований к гражданскому и служебному оружию относятся:

- запрет на отсоединение у огнестрельного длинноствольного оружия ствола длиной менее 500 мм от ствольной коробки, а также установление его минимально допустимой длины 300 мм;

- определение комплекса необходимых технических изменений, приводящих основные части списанного оружия в негодность и затрудняющих их последующее восстановление;

- запрещение отсоединения ствола от затвора, рамки или ствольной коробки у газового, сигнального оружия и огнестрельного оружия ограниченного поражения;

- обязательное наличие в канале ствола огнестрельного оружия ограниченного поражения выступающих элементов, препятствующих производству выстрела металлическими снарядами, в результате чего им сообщается удельная кинетическая энергия более 0,5 Дж/мм²;

- наличие в спортивном пневматическом оружии, приобретаемом без получения лицензии, неразборной конструкции частей и механизмов, влияющей на дульную энергию выстрела.

Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

установлен запрет на производство гражданского и служебного огнестрельного длинноствольного оружия с использованием основных частей огнестрельного короткоствольного оружия и (или) ранее произведенного огнестрельного оружия, имеющего возможность ведения огня очередями.

Реализация данного положения направлена на исключение:

поступления в оборот гражданского длинноствольного оружия, фактически изготовленного посредством переделки различных короткоствольных пистолетов, револьверов, автоматов, пистолетов-пулеметов, пулеметов, в том числе имеющих возможность ведения огня очередями;

возможности обратной переделки в модели оружия, в том числе боевого ручного стрелкового, имеющего свойства скрытого ношения и ведения огня очередями, запрещенных законодательством Российской Федерации для гражданского и служебного оружия.

Основанием для принятия указанных изменений послужили участвовавшие факты обращения производителей и импортеров оружия о проведении исследований в целях определения соответствия криминалистическим требованиям охотничьих карабинов, которые изготавливались посредством переделки моделей пистолетов и пулеметов, в том числе стоящих на вооружении государственных военизированных организаций.

Подобный подход к предупреждению преступлений с использованием криминалистических методов, средств, специальных знаний, с нашей позиции, можно распространить и на отдельные технологии, используемые в противоправной деятельности, что предполагает установление к ним криминалистических требований. Установление в отраслевом законодательстве о связи информационных и финансовых технологиях, цифровых активах и других технологиях, используемых в механизме совершения преступлений, возможности установления к ним криминалистических требований, способно стать эффективным механизмом предупреждения и профилактики преступлений на основе криминалистических знаний. Такой подход даст импульс развитию соответствующей частной теории и востребованности криминалистических знаний в целом, сделает данный сегмент правоохранительной деятельности более системным и эффективным.

Следует отметить, что отдельные требования, установленные действующим законодательством Российской Федерации, к информационным и телекоммуникационным технологиям фактически носят характер криминалистических.

В частности, к криминалистическим требованиям к коммуникационным технологиям, связанным с передачей (обменом) информацией между двумя и более устройствами, можно отнести:

достоверную идентификацию пользователей, предусмотренную п. 8 ст. 10 Федерального закона № 149-ФЗ, которая может производиться с использованием абонентского номера оператора подвижной радиотелефонной связи, государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» и иных нормативно определенных способов;

сохранение истории действий и сообщений (ст. 10.1 Федерального закона № 149-ФЗ);

хранение персональных данных пользователей территории Российской Федерации (ч. 5 ст. 18 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных»);

возложение на операторов связи обязанности при вхождении скомпрометированного устройства в сеть информировать инициатора постановки устройства на учет (ст. 46.1 Федерального закона Российской Федерации от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»).

К числу криминалистических требований к цифровым финансовым технологиям можно отнести их подключение к единой информационной системе противодействия преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, содержащей сведения о реквизитах скомпрометированных средств платежа и расчетных счетов, IP- и MAC-адресах, абонентских и IMEI-номерах; цифровых профилях устройств, использованных в противоправных целях. Данная система содержит паспортные данные, ИНН и иные идентификационные сведения о лицах, а также информацию о фишинговых и мошеннических сайтах (домены, URL) (ст. 27.4 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»).

Названная выше информационная система является ярким примером практической реализации криминалистических рекомендаций по предупреждению преступлений. Концепция функционирования данной системы [10] и план мероприятий по ее реализации [11] утверждены Правительством Российской Федерации. Целью создания рассматриваемой системы является защита граждан, общества и государства от киберугроз. Для достижения поставленной цели система призвана решать определенные задачи: повышать эффективность расследования киберпреступлений; обеспечивать безопасность персональных данных; помогать гражданам в восстановлении прав, нарушенных мошенниками; повышать цифровую грамотность населения и др.

Центральный элемент системы – государственная информационная система оперативного предупреждения, выявления и пресечения преступлений с использованием информационно-коммуникационных

технологий. С 1 марта 2026 г. она начала функционировать, объединяя усилия государства, банков и операторов связи для борьбы с кибермошенничеством в реальном времени, что позволяет ликвидировать ведомственную разобщенность в борьбе с мошенниками и обеспечить обмен данными между правоохранными и надзорными органами (Генпрокуратура, Следственный комитет, МВД, ФСБ, Роскомнадзор, Росфинмониторинг), финансовым сектором (Банк России, кредитные организации (банки), Национальная система платежных карт), телеком- и интернет-компаниями (операторы связи, владельцы мессенджеров, социальных сетей, хостинг-провайдеры), а также цифровые платформы (маркетплейсы, площадки для объявлений).

Механизм функционирования рассматриваемой системы следующий: если оператор связи или банк фиксирует подозрительную активность (например, массовый обзвон с номера или перевод на счет, замеченный в мошеннических схемах), эта информация передается в систему, которая обеспечивает сверку данных с ранее внесенными и рассылает предупреждения всем остальным участникам. Получив сигнал, кредитная организация вправе приостановить операции по карте, чтобы дать владельцу время подтвердить перевод. При этом он получает уведомление с инструкцией, как оспорить блокировку, если она произведена ошибочно.

Представляется оправданным и целесообразным установление криминалистических требований и к иным информационным технологиям, используемым в противоправной деятельности, в частности; обязательная маркировка сгенерированного цифрового контента, идентификация пользователей инфраструктуры обращения цифровой валюты, приостановление платежных операций лиц, внесенных в перечни экстремистов и террористов, а также компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке, и др.

Список использованных источников

1. Белкин, Р.С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов / Р.С. Белкин. – 3-е изд., доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 837 с.
2. Аванесов, Г.А. Криминология / Г.А. Аванесов. – М. : Акад. МВД СССР, 1984. – 498 с.
3. Колмаков, В.П. Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений / В.П. Колмаков // Советское государство и право. – 1961. – № 12. – С. 106–109.
4. Роль органов Министерства охраны общественного порядка в выявлении причин преступности и осуществлении мер предупреждения преступлений : учеб. пособие / Г.Г. Зуйков, В.П. Лавров, В.С. Аханов, Р.С. Белкин [и др.] ; под ред. М.И. Якубовича, Г.Г. Зуйкова ; Высш. шк. МООН СССР. – М., 1967. – 178 с.

5. Белкин, Р.С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов : в 3 т. / Р.С. Белкин. – М. : Юристъ, 1997. – Т. 1. – 408 с.
6. Каменецкий, Ю.Ф. Теория и практика следственной профилактики : монография / Ю.Ф. Каменецкий. – Мн. : Строй МедиаПроект, 2024. – 536 с.
7. Передерий, В.А. Криминалистическая профилактика преступлений органами предварительного следствия : метод. рекомендации / В.А. Передерий ; под ред. А.М. Багмета. – М. : Моск. акад. Следств. ком. Рос. Федерации, 2017. – 30 с.
8. Степаненко, Д.А. К определению понятия «криминалистическая профилактика преступлений» / Д.А. Степаненко, А.А. Митрофанова // Российский следователь. – 2020. – № 2. – С. 52–57.
9. Митрофанова, А.А. О сущности и содержании криминалистического предупреждения преступлений: теоретический и практический аспекты / А.А. Митрофанова // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – 2024. – № 6. – С. 153–162.
10. Алиев, И.А. Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы / И.А. Алиев, Т.В. Аверьянова. – Баку, 1992. – 186 с.
11. Федорович, В.Ю. О становлении частной теории экспертной профилактики в свете научных трудов профессора Р.С. Белкина / В.Ю. Федорович // Научный портал МВД России. – 2022. – № 3. – С. 130–134.

УДК 343.985.7

А.В. Есько

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ТАКТИЧЕСКОЙ КОМБИНАЦИИ

В условиях трансформации способов совершения преступлений и активного противодействия со стороны подозреваемых (обвиняемых) особую значимость приобретает применение эффективных тактических средств в процессе расследования уголовных дел. Одним из таких средств является тактическая комбинация, которая, по нашему мнению, представляет собой модель взаимосвязанных и целенаправленно организованных действий, ориентированных на оптимизацию процесса расследования. Ее использование обусловлено необходимостью решения сложных задач расследования посредством рационального использования благоприятных условий следственной ситуации и нейтрализации либо изменения неблагоприятных факторов.

В научной литературе цели тактической комбинации формулируются по-разному, однако их объединяет направленность на разрешение конкретной задачи расследования путем воздействия на следственную ситуацию в целом либо на ее отдельные элементы, что, в конечном итоге, оказывает влияние на лиц, связанных с расследуемым уголовным делом [1, с. 511–512].

К числу целей тактической комбинации относят и разрешение конфликтных ситуаций, обеспечение следственной тайны, осуществление рефлексивного управления лицом, противодействующим расследованию, а также создание условий для успешного проведения отдельных следственных действий [2, с. 231].

Достижение поставленных целей предполагает решение ряда взаимосвязанных задач, среди которых: поиск данных, представляющих криминалистический интерес; непосредственное восприятие следовой и иной криминалистически значимой информации; фиксация и изъятие полученных сведений для дальнейшего использования в качестве доказательств; организация эффективного взаимодействия с сотрудниками других правоохранительных органов.

Реализация указанных задач осуществляется посредством комплекса действий, которые условно можно сгруппировать в три блока: 1) планово-организационные мероприятия; 2) действия, связанные при необходимости с применением технических средств; 3) действия, обеспечивающие поиск и познание информации в процессуальной и непроцессуальной формах, т. е. организационные, технические и тактические мероприятия [3, с. 90].

Первый блок ориентирован на организацию и планирование деятельности: определение характера необходимой информации (ориентирующей, справочной либо относящейся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию), установление взаимодействия с иными субъектами, распределение функций и координацию совместных действий.

Второй блок связан с обеспечением расследования системой технических средств, выбором необходимых устройств, определением приемов и способов их применения для оптимального решения тактических и организационных задач.

Третий блок включает в себя тактические действия и мероприятия, воздействующие на объект тактической комбинации. Их содержание определяется природой соответствующих объектов и целями воздействия, а конкретный перечень формируется с учетом особенностей сложившейся следственной ситуации.

Тактическая комбинация может быть направлена на решение конкретной задачи расследования, достижение цели отдельного следственного действия либо реализацию конкретного тактического приема. Четкое определение ее целей способствует эффективному планированию расследования, рациональному распределению сил и средств, соблюдению требований законности и допустимости получаемых доказательств.

В большинстве случаев цели тактической комбинации сводятся к установлению предмета доказывания либо решению задач выявления

и расследования преступлений. Конкретизация задач осуществляется применительно к видам тактических комбинаций: обеспечению сохранности доказательственной информации, задержанию подозреваемого, обеспечению возмещения ущерба, изобличению виновных лиц, розыску, изучению личности субъекта преступления, установлению личности трупа и др.

По своей природе тактическая комбинация является программно-целевой системой, создаваемой для достижения заранее определенной цели, и реализуемой по предварительно разработанной программе. Необходимость создания таких систем обусловлена тем, что в основе их применения заложена сложная тактическая задача, решение которой часто невозможно посредством проведения только отдельных следственных действий.

Существенной особенностью тактической комбинации является то, что она создается следователем специально для разрешения конкретной следственной ситуации. Следовательно, все ее элементы, этапы и детали должны быть предусмотрены и учтены в процессе подготовки и реализации.

Тактические комбинации в уголовном судопроизводстве используются как средство получения достоверной ориентирующей информации, необходимой для подтверждения либо опровержения обстоятельств, имеющих значение для расследования. Вместе с тем фактические данные, полученные в результате их проведения, приобретают статус доказательств только при условии их надлежащего процессуального оформления и закрепления.

Таким образом, тактическая комбинация выступает сложным организационно-тактическим средством, направленным на эффективное решение задач расследования преступлений. Ее цели обусловлены необходимостью установления предмета доказывания, выявления и изобличения виновных лиц, обеспечения сохранности доказательственной информации и создания условий для ее правомерного использования. Реализация указанных целей обеспечивается последовательным решением конкретных задач – от поиска и фиксации сведений до их проверки и процессуального закрепления.

Список использованных источников

1. Криминалистика : учеб. / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов [и др.] ; под ред. Р.С. Белкина. – М. : НОРМА, 1999. – 990 с.
2. Криминалистика : учеб. для вузов по специальности «Правоведение» / А.Н. Васильев, И.Ф. Герасимов, Н.П. Яблоков, Л.Я. Драпкин [и др.] ; под ред. Н.П. Яблокова, В.Я. Колдина. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 462 с.

3. Дулов, А.В. Тактические операции при расследовании преступлений / А.В. Дулов. – Мн. : Изд-во БГУ, 1979. – 128 с.

УДК 343.98

А.С. Жидович

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ
В ОТНОШЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ,
БОЕПРИПАСОВ И ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ:
ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬНОСТИ**

Концепция национальной безопасности Беларуси определяет незаконный оборот огнестрельного оружия и предметов вооружения в качестве одного из источников угроз государственной стабильности. Уголовная ответственность за подобные преступные деяния предусмотрена ст. 295 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Актуальность данной угрозы обусловлена рядом факторов. Во-первых, потенциальные и реальные негативные последствия применения указанных предметов при совершении различного вида тяжких и особо тяжких преступлений. Например, вооруженное разбойное нападение, совершенное в середине февраля 2026 г. в Минской области, где наряду со специальными средствами применялось огнестрельное оружие [1]. Во-вторых, угрозу усиливает устойчивый нелегальный приток на территорию страны огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, что в значительной степени связано с ее геополитическим положением. По данным правоохранительных органов, ежегодно пресекается порядка 40 каналов незаконного перемещения указанных предметов [2]. Например, в 2025 г. таможенной службой был пресечен ввоз на территорию Беларуси крупнейшей зафиксированной партии взрывчатки (580 кг бризантного взрывчатого вещества) [3].

Отдельные аспекты предмета преступного посягательства по рассматриваемой категории дел изучались в научных работах Г.А. Бойко, А.Н. Вдовина, И.Б. Дворянова, С.Г. Павликова, Н.А. Столбовой, В.А. Талалаева, Е.С. Тесленко и др.

В криминалистике под предметом преступного посягательства понимается «вещь материального мира либо нематериальный элемент, которые преимущественно сохраняют свои свойства, не изменяются при совершении преступления» [4, л. 79]. Диспозиция ст. 295 УК конкретизирует этот элемент криминалистической характеристики преступления применительно к рассматриваемой категории дел, относя к нему: огне-

стрельное оружие, его составные части и компоненты (за исключением охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия и его составных частей и компонентов), боеприпасы (за исключением боеприпасов к охотничьему огнестрельному гладкоствольному оружию), взрывчатые вещества, взрывные устройства и их основные части.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что в Беларуси в качестве таких предметов фигурируют: патроны – 71,8 % случаев, огнестрельное оружие, его составные части и компоненты (автоматы, пистолет-пулеметы, винтовки, ружья (обрезы), револьверы, пистолеты и иное) – 36,5 %, взрывчатые вещества (бризантные, метательные) – 16,7 %, взрывные устройства (гранаты, детонаторы, взрывпакеты) – 10,3 %, боеприпасы взрывного действия (мины) – 1,3 % изученных дел.

Одной из характерных черт рассматриваемых преступлений является вариативность предмета преступного посягательства, изъятого по уголовному делу, как в количественном, так и в качественном отношении. *Приведем пример из практики. В ходе проверки гражданина, причастного к незаконному обороту огнестрельного оружия и предметов вооружения, сотрудниками правоохранительных органов был проведен осмотр его домовладения, в результате которого были обнаружены и изъяты: длинноствольный карабин, две винтовки, револьвер, пистолет, около 50 составных частей и компонентов к оружию, свыше 1,7 тыс. боеприпасов различного калибра, порядка 2,5 кг взрывчатых веществ [5].*

Качественная характеристика предмета преступного посягательства в значительной степени детерминирует способы совершения преступления, что проявляется в следующем:

во-первых, в большинстве случаев осуществляется сбыт огнестрельного оружия, его составных частей, боеприпасов, тогда как оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств встречается существенно реже;

во-вторых, наибольшее распространение получило незаконное изготовление огнестрельного оружия, его составных частей и боеприпасов, значительно реже – взрывных устройств и взрывчатых веществ;

в-третьих, повышенная общественная опасность данных предметов преступного посягательства обуславливает необходимость соблюдения особых мер безопасности при обращении с ними (особенно с боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами);

в-четвертых, незаконный оборот указанных предметов характеризуется латентным характером преступных действий, что проявляется в использовании скрытых способов ношения, перевозки и хранения, вплоть до обустройства специальных тайников.

В настоящее время актуальной проблемой в сфере оборота оружия является распространение так называемого призрачного оружия (ghost gun) – огнестрельного оружия, не имеющего идентификационных (серийных) номеров и изготовленного кустарным способом. Ситуацию осложняет то, что выявить и отследить перемещение такого оружия крайне сложно. Кроме того, его относительно низкая себестоимость и общедоступность технических средств (материалов, орудий) создают возможность для кустарного производства в домашних условиях. Наряду с традиционными способами и средствами изготовления предметов вооружения в преступной деятельности активно используются и современные технологии, в частности, аддитивное производство (3D-печать) огнестрельного оружия. Данная проблематика актуальна и для Беларуси. Так, в 2025 г. сотрудниками правоохранительных органов был задержан гражданин, причастный к незаконному изготовлению огнестрельного оружия. При осмотре принадлежащего ему гаража были обнаружены предмет, конструктивно сходный с огнестрельным оружием, и два глушителя. По результатам баллистической экспертизы установлено, что изъятый объект представляет собой самодельный 9-мм пистолет-пулемет FGC-9 версии МК-2, изготовленный с применением технологии 3D-печати. Конструктивно пистолет-пулемет был выполнен преимущественно из пластика, за исключением металлического ствола, пружин и бойка с выбрасывателем, которые были изготовлены из подручных средств. Изделие было оснащено регулируемым телескопическим прикладом, коллиматорным прицелом с лазерным целеуказателем, а также глушителем [6].

Выявленный белорусскими правоохранительными органами факт изготовления огнестрельного оружия (пистолета-пулемета) с применением аддитивных технологий наглядно иллюстрирует и актуализирует проблему правового регулирования технических устройств, используемых для 3D-печати. Данный случай также свидетельствует о негативной тенденции распространения огнестрельного оружия, изготовленного с использованием таких технологий, среди населения. К числу возможных направлений правового регулирования относятся:

- определение круга лиц, которым разрешен оборот 3D-принтеров (например, индивидуальным предпринимателям и организациям в целях их профессиональной и коммерческой деятельности);

- установление технических параметров (производительности и иных характеристик) 3D-принтеров, предназначенных для свободного оборота;

- установление контроля за оборотом материалов, используемых в 3D-печати;

- ограничение (запрет) на размещение технической информации, необходимой для производства аддитивного огнестрельного оружия.

Важно подчеркнуть, что при разработке соответствующих мер необходимо соблюдать баланс между обеспечением необходимого уровня безопасности и стимулированием технологических инноваций.

В заключение следует отметить, что реализация предложенных рекомендаций и применение на практике сведений, касающихся предмета преступного посягательства, будут способствовать повышению эффективности контроля в сфере оборота огнестрельного оружия и результативности расследования дел рассматриваемой категории.

Список использованных источников

1. Вооруженный разбой на Минщине: подозреваемые задержаны милиционерами по горячим следам // МВД Республики Беларусь (сайт). – URL: <https://www.mvd.gov.by> (дата обращения: 18.02.2026).
2. Тертель: пресечено более 40 каналов переброски оружия и взрывчатки из Украины в Беларусь // БЕЛТА (сайт). – URL: <https://belta.by> (дата обращения: 18.02.2026).
3. Белорусской таможенной службой пресечен ввоз на территорию ЕАЭС крупнейшей в истории Беларуси партии взрывчатки // Таможенные органы Республики Беларусь. – URL: <https://www.customs.gov.by> (дата обращения: 18.02.2026).
4. Столбова, Н.А. Методика расследования незаконного оборота огнестрельного оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»: дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Столбова Наталья Алексеевна ; Байкал. гос. ун-т. – Иркутск, 2024. – 243 л.
5. У жителя Минщины изъят большой арсенал // МВД Республики Беларусь. – URL: <https://www.mvd.gov.by> (дата обращения: 18.02.2026).
6. Задержан житель Брестчины, который «напечатал» оружие на 3D-принтере // МВД Республики Беларусь. – URL: <https://www.mvd.gov.by> (дата обращения: 18.02.2026).

УДК 343.98

П.Л. Зайцева

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В КРИМИНАЛИСТИКЕ: ВСПОМОГАТЕЛЬНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ПРИЗНАК

В последние десятилетия искусственный интеллект (ИИ) стал одним из ключевых факторов цифровой трансформации общества, оказывая глубокое влияние на все сферы человеческой деятельности, в том числе правоохранительную. Криминалистика, как наука о раскрытии, рассле-

довании и предупреждении преступлений, традиционно интегрирует достижения смежных дисциплин – математики, информатики, биологии, химии, психологии – и сегодня переживает новый этап эволюции, связанный с внедрением ИИ.

В научной и правовой литературе понятие «искусственный интеллект» имеет различные трактовки. Однако впервые термин «искусственный интеллект» был введен в научный оборот американским информатиком Джоном Маккарти в 1956 г. на Дартмундском семинаре, где им была предпринята попытка формулирования основной идеи функционирования ИИ: «Это наука и инженерия создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ. Это связано с аналогичной задачей использования компьютеров для понимания человеческого интеллекта, но искусственный интеллект не обязан ограничиваться биологически наблюдаемыми методами» [1].

Б.Т. Акылбекова, М.С. Мулдагалиева отмечают, что ИИ «можно рассматривать как технологию, на основе которой создаются различные интеллектуальные системы» [2, с. 551], при этом определяя ИИ в качестве «научно-технического направления, ориентированного на разработку программных и аппаратных решений, способных выполнять интеллектуальные функции, традиционно присущие человеку» [2, с. 552].

Е.В. Соломонов с целью формирования термина «искусственный интеллект» первично определяет присущими признаками: автономность и самоорганизация без участия человека; способность к обучению, самообучению и самосовершенствованию; способность к самостоятельному поиску, анализу, обобщению информации и выработке интеллектуальных решений на основе изученных данных; способность иметь признаки разумного поведения – ставить и решать интеллектуальные задачи, для которых отсутствует заранее заданный алгоритм решения; способность при выполнении задач достигать и превышать результаты интеллектуальной деятельности человека. На основе данных признаков Е.В. Соломонов определяет ИИ как «автономную систему (технологическое решение), обладающую способностью к обучению, самообучению и самосовершенствованию, осуществляющую самостоятельный поиск, анализ и обобщение информации, имеющую признаки разумного поведения, – возможность ставить и решать интеллектуальные задачи, для которых отсутствует заранее заданный алгоритм решения, достигая и превышая при этом результаты интеллектуальной деятельности человека вне зависимости от сферы применения» [3, с. 62].

В настоящее время понятие «искусственный интеллект» получило не только доктринальное содержание, но и закрепленное на уровне нормативного правового регулирования. Примером является закрепление

определения данного термина в Модельном законе «О технологиях искусственного интеллекта», разработанного в рамках СНГ с целью унификации законодательства государств – участников СНГ. Согласно ч. 1 ст. 2 указанного закона ИИ – это «комплекс технологических решений, включающих информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе такое, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы обработки данных и поиска решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решения без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их».

Вышеуказанная дефиниция является релевантной в контексте общетеоретического подхода к ИИ и обладает значительной степенью детализации. Вместе с тем в рамках криминалистики как прикладной науки, ориентированной на решение задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, возникает объективная необходимость в специализированном определении термина «искусственный интеллект».

Формирование определения термина «искусственный интеллект» применительно к сфере криминалистики требует предварительного анализа его ключевых функциональных направлений в данной области. М.В. Белоголовкин и М.В. Сомова к ключевым направлениям использования ИИ в криминалистике относят автоматизацию процессов обработки вещественных доказательств, прогностический анализ мест и времени совершения преступлений, улучшение качества судебных экспертиз [5, с. 1339].

И.О. Тюнис и А.М. Анисимова к основному преимуществу ИИ в контексте задач криминалистики относят способность алгоритмов машинного обучения к распознаванию определенного типа контента – изображений, видео, текста, аудио – всего, что возможно к применению с целью автоматического выявления криминалистически значимых элементов в массивах данных. Примером распознавания текстового контента являются технологии обработки естественного языка (NLP), что делает ИИ способным понимать смысл текста, содержащий в себе эвфемизмы, жаргонную лексику, а также устанавливать связи между различными фрагментами информации [5, с. 248].

Р.С. Хамидуллин отмечает, что ИИ может быть использован в криминалистической деятельности с целью разработки версий и планирования расследования на начальном этапе, а также формировании вопро-

сов для экспертов на основе анализа представленных материалов дела, корректных и полных данных [6, с. 134].

На основе вышеизложенного целесообразно сделать следующие выводы:

1. Ключевой функцией ИИ в криминалистике является вспомогательно-инструментальная, направленная на ускорение и повышение эффективности анализа информации с целью получения криминалистически значимых результатов при безусловном сохранении за человеком роли интерпретатора полученной информации и лица, принимающего на основе этого решения.

2. В контексте решения задач криминалистики ИИ может быть определен как комплекс технологических решений, которые, имитируя отдельные когнитивные функции человека (распознавание образов, логические выводы, прогнозирование), выполняют вспомогательно-инструментальную функцию с целью автоматизированного получения, анализа, оценки и предоставления данных для формирования криминалистически значимой информации (версий, закономерностей, признаков).

Список использованных источников

1. McCarthy J. «What is Artificial Intelligence?» / J. McCarthy. – 2007. – URL: <http://www-formal.stanford.edu> (date of access: 25.01.2026).

2. Акылбекова, Б.Т. Искусственный интеллект: понятие, признаки, классификации и способы разработки / Б.Т. Акылбекова, М.С. Мулдагалиева // Вестник науки. – 2025. – Т. 3, № 3. – С. 548–555.

3. Соломонов, Е.В. Понятие и признаки искусственного интеллекта / Е.В. Соломонов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2023. – Т. 20, № 4. – С. 57–65.

4. Белоголовкин, М.В. Криминалистика и Искусственный интеллект: новые вызовы и возможности / М.В. Белоголовкин, М.В. Сомова // Вестник науки. – 2025. – Т. 3, № 5. – С. 1337–1342.

5. Тюнис, И.О. Искусственный интеллект и цифровые технологии в криминалистике / И.О. Тюнис, А.М. Анисимова // Закон и право. – 2025. – № 3. – С. 246–251.

6. Хамидуллин, Р.С. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений с использованием технологий искусственного интеллекта / Р.С. Хамидуллин // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Шестой Всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 24 мая 2024 г. – Екатеринбург, 2024. – С. 131–135.

**УСТАНОВЛЕНИЕ И УСТРАНЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ,
СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, –
ВАЖНЕЙШАЯ ДОМИНАНТА ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ**

Выявление, раскрытие, расследование и профилактика преступлений являются одними из важнейших задач, стоящих перед системой правоохранительных органов во все времена.

Применение мер профилактики правонарушений возложено на органы внутренних дел в соответствии с законодательством. Согласно ч. 2 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) в ходе уголовного судопроизводства подлежат выявлению обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Следователь вправе вносить в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Профилактическая деятельность следователя должна носить адресный характер. При выполнении данной функции, как утверждает Г.А. Волкова, «следователь должен действовать строго в рамках уголовно-процессуального закона и иных нормативных правовых актов, регламентирующих данного рода деятельность» [1, с. 37]. Влияние на общие факторы социального и экономического характера – прерогатива других органов власти. Отсутствие реакции на выявленные нарушения закона и заведомо неэффективные формальные меры в равной степени негативно сказываются на следственной работе. Направление необоснованных представлений участковым уполномоченным, выдвижение невыполнимых и не основанных на законе требований отвлекает от выполнения основных задач следователя, сотрудников других служб органов внутренних дел и должностных лиц организаций, в которые направляются представления.

В соответствии с ч. 2 ст. 73 УПК РФ установлению подлежат изучаемые нами обстоятельства. С этой целью возможно производство следственных действий. Например, следователь дополнительно провел осмотр места происшествия, в ходе которого установил факт отсутствия охранной сигнализации в помещении, откуда были похищены материальные ценности. Кроме того, данные обстоятельства могут быть установлены путем направления следователем запросов, требований, поручений [2, с. 70]. Исполнение данных запросов, требований, поручений обязательно (ч. 4 ст. 21 УПК РФ).

Неисполнение законных требований следователя об устранении изучаемых нами обстоятельств влечет за собой привлечение виновных физических и юридических лиц к административной ответственности по ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ).

Необходимо также отметить, что для решения вопроса о привлечении лица, не реагирующего на представление следователя, к административной ответственности, должен соблюдаться срок давности привлечения виновного лица за совершение административного правонарушения, установленный ст. 4.5 КоАП РФ, который по делу, рассматриваемому судьей, составляет три месяца со дня его совершения (со дня обнаружения – при длящемся административном правонарушении).

В связи с дополнением ст. 17.7 КоАП РФ санкцией в виде дисквалификации должностного лица на срок от шести месяцев до одного года (Федеральный закон Российской Федерации от 22 декабря 2014 г. № 434-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» КоАП РФ) срок давности привлечения к ответственности за совершение указанного административного правонарушения составляет один год.

В целом проведенный анализ позволяет отметить надлежащую организацию работы органов предварительного следствия и других служб, наделенных полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 17.7 КоАП РФ.

В большинстве территориальных органов внутренних дел разработаны методические рекомендации и иные пособия по рассматриваемой тематике. Например, в ряде следственных управлений направляются в подчиненные следственные подразделения макеты материалов дел по ст. 17.7 КоАП РФ и образцы рапортов об обнаружении признаков административного правонарушения. Проблемные вопросы рассматриваются на совещаниях у руководства и заседаниях оперативных штабов.

Кроме того, по вопросам организации взаимодействия в структурных подразделениях территориальных органов МВД России проводятся занятия со следователями, осуществляется анализ состояния данной работы с последующим направлением в подчиненные территориальные органы на районном уровне обзоров и информационных писем.

Проводятся также и иные мероприятия организационно-практического характера. Например, для повышения эффективности административно-правового воздействия на лиц, не исполнивших законные требования следователей об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, организации надлежащего контроля за деятельностью по профилактике преступлений в Главном следственном

управлении МВД по Республике Башкортостан (ГСУ) отдельным распоряжением начальника за данной линией закреплен ответственный сотрудник, который осуществляет сбор, систематизацию, учет, обобщение и анализ результатов работы с ежемесячным докладом руководству ГСУ.

При этом по сведениям территориальных органов МВД России в большинстве случаев (в среднем 70 % и более) к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ привлекаются лица за отказ от участия в следственных действиях, от обязательной дактилоскопической регистрации, непредоставление (несвоевременное предоставление) запрашиваемой информации, т. е. по основаниям, не связанным с умышленным игнорированием требований следователя об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. Данные факты также не могут оставаться без внимания как со стороны руководителей следственных подразделений, так и надзирающих прокуроров.

В соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ следователь, установив изучаемые обстоятельства, также должен выявить и иные нарушения закона. Следовательно, указанная норма направлена на профилактику преступлений и устранение обстоятельств, которые им способствуют, и допускает при этом реагирование на иные нарушения закона. Необходимо отметить, что внесение представления является правом органа расследования. Решение профилактических задач не должно приводить к чрезмерному отвлечению от установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Указанный подход нашел свое воплощение в ведомственных критериях оценки деятельности органов предварительного расследования, которые предполагают обязательное внесение представлений при наличии к тому оснований. Таким образом, ч. 2 ст. 158 УПК РФ в смысле, придаваемом ей правоприменительной практикой, может рассматриваться, как предписывающая следователю выявлять и реагировать на все нарушения закона, которые тем или иным образом привели к возможности совершения уголовно наказуемого деяния.

Деятельность следователя по установлению и устранению изучаемых нами обстоятельств должна быть реализована в рамках следующего алгоритма:

- 1) оценка материалов уголовного дела (следственной ситуации) в целях выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления;
- 2) установление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений;
- 3) оценка оснований для направления представлений;
- 4) подготовка и направление представлений;

5) контроль за исполнением направленного представления и получение письменного ответа от исполнителя в установленный законом срок (не позднее одного месяца со дня его вынесения). Важнейшим элементом, как утверждает В.О. Захарова, является также «факт указания срока его рассмотрения и заблаговременное уведомление о дате, времени и месте рассмотрения внесенного представления» [3, с. 74]. Автор убежден, что соблюдение данного алгоритма действий позволит существенно повысить эффективность деятельности следователя в данном направлении работы и положительно повлияет на профилактическую функцию деятельности органов предварительного расследования в целом.

Таким образом, эффективной профилактической формой, используемой следователями в ходе предварительного следствия по уголовным делам, является внесение в соответствующие организации или должностным лицам представлений о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления или других нарушений закона. Своевременное его внесение и указанные в нем законные предписания, а также контроль его исполнения надлежащими субъектами позволит реально повысить качество профилактической деятельности.

Список использованных источников

1. Волкова, Г.А. Деятельность следователя по внесению представлений о мерах по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления: теоретические и практические аспекты / Г.А. Волкова // Вестник экономической безопасности. – 2024. – № 3. – С. 36–42.
2. Курилов, С.И. Роль и место подразделений дознания и следствия МВД России в профилактической деятельности / С.И. Курилов // Академическая мысль. – 2022. – № 1. – С. 69–73.
3. Захарова, В.О. Внесение представления следователем (через призму следственных ошибок) / В.О. Захарова // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2020. – № 2. – С. 73–76.

УДК 343.96

М.Ю. Кашинский

ПЕДОФИЛИЯ И ПЕДОФИЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОСУЖДЕННЫХ

В нашей стране борьбе с «педофильными преступлениями» – преступлениями против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних (ст. 166–170, 343 Уголовного кодекса Рес-

публики Беларусь (УК)) уделяется пристальное внимание. Так, на государственном уровне разработаны и реализуются ряд программных документов; совершенствуется уголовное законодательство. Вместе с тем, несмотря на принимаемые государством меры, проблема противодействия педофильным преступлениям и педофилии остается сверхактуальной, что было озвучено на заседании коллегии МВД Республики Беларусь по итогам работы за 2023 г.: в стране «сохраняется высокий уровень угрозы педофилии. Зарегистрировано свыше 1,1 тыс. преступлений, установлено более 1,2 тыс. детей, потерпевших от сексуальных посягательств» [1, с. 56; 2].

Важно понимать, что понятия «педофилия» и «педофильные преступления» не равнозначны. Термин «педофилия» – медицинский диагноз (F65.4), означающий наличие психического расстройства, относящегося к расстройствам полового предпочтения (парафилиям) (F65), официальное определение которого дано в Международной классификации болезней десятого пересмотра (далее – МКБ-10), действующей в Республике Беларусь [3], а термин «преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних» – юридический [4, с. 72].

Расстройства сексуального предпочтения (F65) (синонимы: сексуальные девиации, парафилии, сексуальные перверсии; устаревший термин «половая психопатия») – психические расстройства, при которых возбуждение и удовлетворение достигаются через необычные, часто социально неприемлемые объекты, ситуации или действия. В отличие от обычного полового влечения расстройства сексуального предпочтения часто носят навязчивый характер и существенно мешают социальной жизни, личным отношениям и психологическому комфорту. Как свидетельствует анализ специальной литературы, во всем мире около 1–2 % населения сталкиваются с данным нарушением в той или иной форме. Но точная статистика остается под вопросом, поскольку люди редко обращаются за медицинской помощью, попав в такую ситуацию.

Министерство здравоохранения Республики Беларусь (далее – Минздрав) определяет педофилию как расстройство, которое «характеризуется стойким сексуальным влечением к детям (мальчикам, девочкам или к тем и другим) обычно препубертатного или раннего пубертатного возраста (возраста полового созревания), которое приводит к дистрессу или негативным последствиям, выражением которого являются сексуальные мысли, фантазии, побуждения или действия» (постановление Минздрава от 8 ноября 2022 г. № 108 «Об утверждении клинических протоколов»). В МКБ-10 отмечается, «что социально осуждаемые кон-

такты между взрослыми и половозрелыми лицами юношеского возраста, особенно однополыми, тем не менее не обязательно являются проявлениями педофилии». Обязательным для установления диагноза считается достижение субъектом по меньшей мере 16-летнего возраста и наличие 5-летней разницы с используемым объектом. Наряду с этим оговаривается, что данная диагностическая категория включает в себя тех мужчин, которые, несмотря на предпочтение взрослых сексуальных партнеров, в силу постоянных фрустраций при установлении соответствующих контактов привычно обращаются в качестве замены к педофильному объекту. Точно также диагноз «Педофилия» может быть установлен в отношении мужчин, сексуально посягающих на собственных детей препубертатного возраста, в тех случаях, когда они обнаруживают домогательство к другим детям [5, с. 71]. По данным специальной литературы, «распространенность педофилии достоверно неизвестна, однако в зарубежных исследованиях отмечается, что педофилы составляют от 1 до 3 % мужского населения [6].

Согласно внесенным в 2024 г. изменениям в УК наличие диагноза «Педофилия» у лица, совершившего по достижении восемнадцатилетнего возраста преступления, предусмотренные ст. 166¹–170 и 343¹ УК, в отношении малолетнего (малолетней) и признанного вменяемым по отношению к содеянному, свидетельствует о его общественной опасности, вследствие чего судом данному лицу наряду с наказанием с целью лечения и создания условий, способствующих достижению целей уголовной ответственности, могут быть назначены принудительные меры безопасности и лечения (п. 2 ч. 3 ст. 100 УК). Лечение от педофилии осужденных к аресту, лишению свободы или пожизненному лишению свободы проводится по месту отбывания наказания. Лицам, нуждающимся в продолжении лечения после отбытия наказания в виде ареста, лишения свободы, а равно осужденным к иным видам наказания или иным мерам уголовной ответственности, лечение от педофилии проводится по месту жительства путем принудительного амбулаторного наблюдения и лечения.

По обоснованному мнению известного российского криминолога профессора Ю.М. Антоняна, «чтобы объяснить педофилию, необходимо найти и исследовать ее связи с расстройствами психического здоровья личности» [7, с. 54]. Очевидно, что именно научные исследования педофилии призваны создавать эффективные меры ее предупреждения, а также исправления осужденных в местах лишения свободы [7, с. 55].

По данным экспертов-психиатров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – ГКСЭ), несмотря на

тот факт, что установление диагноза «педофилия» проводится в стране в соответствии с диагностическими критериями МКБ-10, в настоящее время экспертная «диагностика указанного расстройства существенно усложняется», в том числе и из-за «отрицания сексуального влечения к детям» [8, с. 103].

Трудность изучения педофилии, как и в целом преступности лиц с психическими расстройствами, усугубляется сложноорганизованностью их структуры как объектов исследования, к тому же разработка многих теоретических и методологических аспектов этой многофакторной проблемы заметно отстает от достижений современной криминологии при изучении других видов преступности. В частности, современной криминологией и в целом отечественной уголовно-правовой наукой еще не изучена личность преступника-педофила (как и в целом особенности личности преступников с психическими расстройствами); не раскрыты механизмы противоправного поведения лиц с психическими расстройствами; не изучены криминогенность и правовая специфика различных нозологических форм психических расстройств и психических состояний, не определены их место, роль и значение в противоправном поведении личности; недостаточно изучены вопросы о детерминантах данного вида преступности [9, с. 263].

С целью выявления особенностей личности лиц, совершивших педофильные преступления, определения наличия (отсутствия) связи совершенного преступления с педофилией, установления причин и условий, способствовавших совершению указанных преступлений, а также для определения эффективных подходов к работе с данной категорией лиц в условиях пенитенциарной системы автором был разработан опросный лист для интервьюирования лиц, осужденных за педофильные преступления, отбывающих наказание в виде лишения свободы, и при организационной поддержке Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – ДИН МВД) было проведено интервьюирование осужденных. Опросный лист включал в себя 93 вопроса (утверждения). Личность осужденных, совершивших педофильные преступления, рассматривалась как единая система, с условным выделением в ней взаимозависимых и взаимосвязанных структурных элементов (социально-демографических (биографических), сексологических (сексopatологических), уголовно-правовых, уголовно-исполнительных, нравственно-психологических, медико-психиатрических).

Как показало проведенное автором исследование, абсолютное большинство лиц, совершивших педофильные преступления и отбы-

вающих наказание в виде лишения свободы, не соответствуют диагностическим критериям педофилии. Так, только у 6,46 % осужденных за преступления данной категории установлен диагноз «Педофилия» (F65.4). Данный диагноз им был впервые установлен только после совершения ими преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних по результатам производства экспертами ГКСЭ судебных экспертиз (судебно-психиатрических, комплексных судебных психолого-психиатрических, судебно-медицинских психологических, судебных психофизиологических, судебных сексологических экспертиз). При этом только 2,37 % считают (признают) себя педофилами.

Вместе с тем, как свидетельствуют результаты проведенного исследования, преступники, совершившие сексуальные преступления против детей и подростков, особенно с применением насилия (ст. 166, 167 УК), не только обладают рядом общих личностных особенностей, образующих их криминологическую характеристику (социально-демографические, уголовно-правовые, нравственно-психологические особенности), но и криминологические, криминалистические, уголовно-процессуальные и иные аспекты сексуальных преступлений против несовершеннолетних, тесным образом связаны с особенностями сексологической и психиатрической характеристик личности преступника [10, с. 91–92]. Так, у 24 % осужденных был установлен диагноз иного психического расстройства, не исключающего вменяемости. При этом 14,51 % осужденных состояли на диспансерном учете психиатра (нарколога) до совершения педофильного преступления.

Результаты проведенного автором исследования личности осужденных за педофильные преступления были доложены на заседании научно-методического совета ДИН МВД. В соответствии с п. 3 протокола заседания Методического совета от 18 декабря 2025 г. № 4 принято следующее решение: «Результаты исследования личностных особенностей осужденных за преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, представленного кандидатом юридических наук, доцентом, полковником юстиции М.Ю. Кашинским, использовать в рамках плановой деятельности управления организации исправительного процесса Департамента исполнения наказаний по совершенствованию воспитательной работы и психологического обеспечения воспитательного воздействия в отношении лиц, отбывающих наказание за совершение вышеуказанных преступлений».

Список использованных источников

1. Кашинский, М.Ю. Криминологическая характеристика преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних в Республике Беларусь / М.Ю. Кашинский, А.А. Сосновский // *Право.by.* – 2024. – № 6. – С. 55–62.
2. Казакевич: в 2023 году достигнуты значимые результаты в борьбе с преступностью. 08.02.2024, 14:03 (сайт). – URL: <https://www.belta.by> (дата обращения: 08.02.2026).
3. Расстройства сексуального предпочтения (F65) / Классы МКБ-10 / F00–F99 / F60–F69 / F65. – URL: <https://mkb-10.com> (дата обращения: 11.01.2026).
4. Кашинский, М.Ю. О необходимости совершенствования межведомственного взаимодействия по противодействию педофилии и педофильным преступлениям / М.Ю. Кашинский // Роль и значение судебно-экспертной деятельности и судебной экспертологии в обеспечении национальной безопасности : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2–3 окт. 2025 г. / НПЦ Гос. ком. суд. экспертиз Респ. Беларусь ; редкол.: В.С. Позняк (пред.) [и др.] ; под общ. ред. В.С. Позняка. – Мн. : ИВЦ Минфина, 2025. – С. 72–75.
5. Ткаченко, А.А. Сексуальные извращения-парафилии / А.А. Ткаченко. – М. : Триада-Х, 1999. – 461 с.
6. Seto, M.C. Assessment of the paraphilias / M.C. Seto, D.A. Kingston, D. Bourget // *Psychiatric Clinics.* – 2014. – Vol. 37, № 2. – P. 149–161.
7. Антонян, Ю.М. Педофилия и ее причины / Ю.М. Антонян // *Научный портал МВД России.* – 2022. – № 3. – С. 48–56.
8. Курова, С.Г. Экспертная диагностика педофилии / С.Г. Курова // Роль и значение судебно-экспертной деятельности и судебной экспертологии в обеспечении национальной безопасности : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2–3 окт. 2025 г. / НПЦ Гос. ком. суд. экспертиз Респ. Беларусь ; редкол.: В.С. Позняк [и др.] ; под общ. ред. В.С. Позняка. – Мн. : ИВЦ Минфина, 2025. – С. 101–103.
9. Кашинский, М.Ю. Теоретико-методологические особенности криминологического исследования педофилии / М.Ю. Кашинский // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности : тез. докл. III Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 17 нояб. 2023 г.) / ред. кол.: С.Я. Аземша [и др.]. – Мн. : Строй МедиаПроект, 2023. – С. 260–265.
10. Кашинский, М.Ю. Система предупреждения преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних: современное состояние, проблемы и решения / М.Ю. Кашинский // *Следственная деятельность.* – 2025. – № 5. – С. 84–103.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Домашнее насилие остается одной из наиболее латентных форм преступности в Республике Беларусь. По данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, число преступлений в сфере домашнего насилия в 2025 г. снизилось по сравнению с 2024 г. на 18,7 % [1]. Своеобразие преступлений данной категории определяется их совершением в частной сфере жизни, характеризующейся ограниченными возможностями государственного вмешательства, а также наличием у потерпевших психологической, экономической или иной формы зависимости от лица, совершающего противоправные деяния. Совокупность названных обстоятельств предопределяет повышенную сложность выявления, расследования и доказывания вины по уголовным делам о домашнем насилии. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость разработки и применения специальной криминалистической методики, ориентированной на эффективное выявление, фиксацию и доказывание обстоятельств преступлений указанной категории.

Научная новизна заключается в выявлении типичных недостатков механизма фиксации цифровых доказательств (переписки, аудио- и видеозаписи) и в обосновании алгоритма действий следователя при первоначальном осмотре места происшествия по делам о систематическом домашнем насилии.

Домашнее насилие следует рассматривать как устойчивую форму противоправного поведения, реализуемую в рамках семейных или приравненных к ним отношений. В отличие от разового бытового конфликта насилие характеризуется систематичностью, целенаправленным причинением физического или психического вреда и использованием зависимости потерпевшего.

С уголовно-правовой точки зрения действия виновного квалифицируются по различным статьям Уголовного кодекса Республики Беларусь: причинение вреда здоровью (ст. 147, 149, 153), истязание (ст. 154), угроза убийством (ст. 186), принуждение к действиям сексуального характера (ст. 170), убийство (ст. 139). Однако криминалистический подход требует не только правовой оценки деяния, но и анализа типичных признаков его совершения.

Криминалистическая характеристика включает в себя: типичные способы совершения; обстановку преступления; личностные особен-

ности субъекта и потерпевшего; механизм слеодообразования; типовые доказательства и их источники [2].

Типичные способы совершения: импульсивные действия на фоне конфликта, использование подручных предметов (кухонные приборы, ремни, элементы мебели), психологическое давление и угрозы, изоляция потерпевшего от социального окружения, контроль финансовых средств и передвижений.

Обстановка: преступление совершается в закрытом пространстве (квартира, частный дом), что ограничивает круг свидетелей. В 78 % изученных дел отсутствовали посторонние очевидцы, что повышает значимость материальных следов и объективизирует необходимость тщательного осмотра места происшествия¹.

Личность преступника. Анализ приговоров показал, что в 82 % случаев преступления совершаются лицами мужского пола в возрасте от 28 до 52 лет (медианный возраст – 39 лет). В 61 % случаев виновные ранее привлекались к административной ответственности за правонарушения против личности, в 43 % – злоупотребляли алкоголем. Характерной особенностью является склонность к минимизации собственной вины и перекладыванию ответственности на потерпевшего.

Личность потерпевшего. В 89 % изученных дел потерпевшими являлись женщины. Типичными признаками выступают экономическая или эмоциональная зависимость от обвиняемого, наличие несовершеннолетних детей (68 % дел), отсутствие социальной поддержки. В 54 % случаев потерпевшие изменяли показания на стадии судебного разбирательства, что обуславливает необходимость немедленной и полной фиксации первоначальных показаний [3].

Домашнее насилие характеризуется сложным механизмом образования следов, включающим в себя:

1) телесные повреждения. Для систематического насилия характерно наличие повреждений различной давности (в 67 % изученных дел эксперты фиксировали повреждения, полученные в разные временные периоды) [4]. Это позволяет выявить повторяемость противоправных действий и служит ключевым доказательством при квалификации по ст. 154 Уголовного кодекса Республики Беларусь (истязание);

2) материальные следы включают в себя: следы крови на стенах, мебели, одежде; разрушенные предметы мебели и интерьера; орудия при-

¹ Примечание: Исследование основано на анализе 87 приговоров районных (городских) судов Республики Беларусь за период 2022–2025 гг., 12 определений судебных коллегий по уголовным делам, материалов 23 проверок в порядке ст. 173–174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь.

чинения вреда (ремни, кухонные предметы, элементы мебели); следы борьбы (царапины на мебели, разбросанные предметы);

3) цифровые доказательства. В современных условиях значительную роль играют: переписка в мессенджерах (Telegram, Viber, WhatsApp), записи телефонных разговоров, видеозаписи систем наблюдения (камеры видеодомофонов, уличные камеры) [5]. Анализ практики фиксации цифровых доказательств выявил типичные недостатки: отсутствие понятых при изъятии электронных носителей (31 % изученных протоколов); несоблюдение требований к упаковке и опечатыванию (24 % случаев); отсутствие детального описания изымаемого устройства (модель, IMEI, серийный номер) (42 % протоколов); недостаточная фиксация исходного состояния устройства (уровень заряда, включенные приложения) (38 % случаев). Указанные недостатки составляют основания для оспаривания допустимости цифровых доказательств в суде.

Анализ приговоров и материалов проверок позволил выявить ряд проблем. К ним относятся:

1) высокий уровень латентности. По данным Национального статистического комитета, только 14,5 % женщин, подвергшихся домашнему насилию, обращаются в правоохранительные органы [6];

2) отказ потерпевших от заявлений. В 38 % изученных дел потерпевшие отказывались от дачи показаний или изменяли их на стадии судебного разбирательства, что приводило к прекращению уголовного преследования либо изменению квалификации на менее тяжкую;

3) сложность квалификации систематических действий. Квалификация по ст. 154 Уголовного кодекса (истязание) требует доказывания систематичности, что затруднительно при отсутствии предшествующей фиксации эпизодов насилия;

4) недостаточная фиксация первоначальных следов. В 29 % случаев осмотр места происшествия проводился формально, без детальной фиксации обстановки и материальных следов.

В ряде случаев обвинение строится на совокупности косвенных доказательств: показаниях соседей, записях вызовов скорой медицинской помощи, медицинских документах.

Анализ решений судов общей юрисдикции показывает, что большинство дел о домашнем насилии связано с причинением легких и средней тяжести телесных повреждений.

Практика на основе изучения приговоров и определений Верховного Суда Республики Беларусь позволяет выделить следующие тенденции: значительная доля дел (34 %) прекращается в связи с примирением сторон; в случаях повторности (рецидива) наказание ужесточается: назна-

чается реальное лишение свободы вместо условного осуждения; при наличии несовершеннолетних детей суды учитывают фактор угрозы их безопасности какотягчающее обстоятельство; электронные доказательства (аудиозаписи угроз, переписка) постепенно приобретают самостоятельное доказательственное значение и используются в 41 % дел (см. табл. 1, 2).

Таблица 1

**Типичные квалификации по делам о домашнем насилии
(по данным выборки 87 приговоров за 2022–2025 гг.)**

Категория деяния	Доля, %	Особенности доказывания
Легкие телесные повреждения (ст. 153 УК)	48	Основаны на заключении судебно-медицинской экспертизы
Побои без стойкого вреда (ст. 9.1 КоАП)	27	Требуется подтверждение систематичности для уголовной ответственности
Угроза убийством (ст. 186 УК)	14	Доказывается через свидетельские показания и аудиозаписи
Истязание (ст. 154 УК)	8	Необходима совокупность доказательств систематичности
Иные преступления	3	Индивидуальный подход

Таблица 2

**Основные доказательства по делам о домашнем насилии
(по данным выборки 87 приговоров)**

Вид доказательства	Частота, %	Значимость для обвинения
Судебно-медицинская экспертиза	96	Ключевая (объективно подтверждает факт причинения вреда)
Показания потерпевшего	91	Высокая, но зависит от стабильности показаний
Показания свидетелей	52	Средняя (часто носят косвенный характер)
Фото- и видеозаписи	43	Усиливают доказательственную базу
Переписка и аудиофайлы	41	Подтверждают угрозы и психологическое насилие

Домашнее насилие представляет собой сложную категорию противоправных деяний, расследование которых затруднено закрытым характером семейно-бытовых отношений [7]. Это обстоятельство частично обуславливает недостаточность доказательств. В данных условиях решающее значение приобретает специализированная методика рас-

следования, основанная на своевременной фиксации первоначальной следовой картины, процессуально грамотной работе с цифровыми доказательствами и установлении систематичности насильственного поведения [8]. Таким образом, целесообразно проводить дальнейшую работу: по совершенствованию методики расследования дел о домашнем насилии в современных реалиях с разработкой алгоритма работы с цифровыми доказательствами; усовершенствованию реестра домашнего насилия для выявления систематичности; усилению мер профилактического контроля в отношении лиц, ранее привлекавшихся к ответственности за аналогичные преступления; расширению практики видеофиксации первоначальных показаний потерпевших для предотвращения последствий изменения показаний.

Список использованных источников

1. Количество преступлений в сфере домашнего насилия снизилось на 18,7 % в 2025 г. – URL: <https://minsknews.by> (дата обращения: 22.02.2026).
2. Криминалистика : учеб. / под ред. В.И. Беляева. – Мн. : БГУ, 2020.
3. Петрова, Н.А. Психологические аспекты домашнего насилия / Н.А. Петрова // Право и безопасность. – 2023. – № 2. – С. 45–52. – URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 25.02.2026).
4. Смирнов, Д.И. Судебно-медицинская экспертиза телесных повреждений / Д.И. Смирнов. – Мн., 2022. – URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 24.02.2026).
5. В Беларуси низкий показатель домашнего насилия в отношении женщин. – URL: <https://belarus-news.by> (дата обращения: 22.02.2026).
6. Пашенко, А.С. Особенности расследования преступлений, связанных с домашним насилием : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Пашенко Анастасия Сергеевна ; Волгогр. акад. МВД России. – Волгоград, 2005. – 183 л.
7. Международные стандарты защиты от домашнего насилия. – Женева, 2019. – URL: <https://un.org> (дата обращения: 22.02.2026).
8. Васильев, Л.М. Криминалистическая методика расследования преступлений / Л.М. Васильев. – М., 2019. – URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 25.02.2026).

УДК 343.98

И.А. Кубасов, О.О. Уманцева

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Цифровая трансформация в начале XXI в. стала ключевым трендом развития государственных институтов, затронув не только экономику и

социальную сферу, но и правоохранительную деятельность, в том числе криминалистику и судебную экспертизу. Особое значение в работе следственных органов и криминалистических подразделений приобретает использование нейросетевых алгоритмов. Одновременно возрастает потребность в осмыслении правовых, этических и организационных последствий внедрения подобных технологий в деятельность правоохранительных органов.

Проанализировав особенности применения искусственного интеллекта (ИИ) в криминалистике в контексте цифровой трансформации, нами выявлены ключевые направления использования нейросетей в расследовании преступлений, обозначены существующие проблемы и возможные риски, намечены перспективы их дальнейшего развития.

Истоки современных интеллектуальных систем, применяемых в криминалистике, восходят к концепции систем поддержки принятия решений (СППР), сформировавшейся в бизнес-аналитике во второй половине XX в. Первоначально СППР использовались управленцами для оперативного анализа больших массивов статистики в условиях неопределенности и дефицита времени. Основная идея заключалась в структурировании данных, выделении существенных зависимостей и предложении пользователю вариантов действий с наибольшей вероятностью благоприятного результата.

Развитие вычислительной техники, теории искусственных нейронных сетей и алгоритмов машинного обучения привело к переходу от простых аналитических модулей к системам, способным самостоятельно выявлять скрытые закономерности, обобщать накопленный опыт и адаптироваться к изменяющимся условиям. В криминалистике это выразилось в появлении специализированных информационно-аналитических комплексов, ориентированных на выявление преступных связей, профилирование личности правонарушителя, прогнозирование криминогенной обстановки и автоматизацию отдельных этапов расследования [1].

Современные нейросетевые модели, используемые в правоохранительной деятельности, опираются на широкий спектр методов – от многослойных перцептронов до сверточных и рекуррентных сетей, ансамблей глубокого обучения. Их применение позволяет повышать точность распознавания образов, эффективность классификации и кластеризации криминалистических данных, особенно при работе с неструктурированной информацией: изображениями, видеофайлами, аудиозаписями и текстами процессуальных документов [2]. В криминалистической теории традиционно выделяются две крупные группы

задач: диагностические и идентификационные. Применение ИИ позволяет по-новому их структурировать и решать. В диагностическом аспекте нейросети используются для анализа изображений с места происшествия: по характеру повреждений, расположению предметов и следов формируются вероятностные модели механизма события, выделяется тип орудия и примерная последовательность действий. В идентификационном аспекте ИИ применяется при сравнении биометрических и иных признаков – изображений лиц, отпечатков пальцев, образцов голоса, ДНК-профилей. Нейросетевые алгоритмы обеспечивают высокую точность сопоставления даже при наличии шумов, частичных совпадений и больших объемов данных.

Интеллектуальные системы при этом не подменяют классические криминалистические методы, а дополняют их, повышая скорость и устойчивость результатов при массовой обработке информации. В уголовно-процессуальном аспекте результаты, полученные с использованием ИИ, рассматриваются как доказательства, подлежащие оценке по общим правилам свободной оценки с учетом их надежности, условий получения и корреляции с другими материалами дела [3].

В зарубежных правовых системах использование ИИ в правоохранительной деятельности началось раньше, чем в России, и уже охватывает широкий спектр задач – от анализа криминальной статистики до поддержки принятия решений в судебном процессе. Это включает в себя активное тестирование и применение систем прогнозирования преступности, моделирующих вероятностное распределение правонарушений по территориям с учетом истории преступлений и социально-экономических параметров, широкое использование технологии распознавания лиц, применение ДНК-фенотипирования для получения ориентирующей информации о человеке и т. д. [4]. Одновременно в научной и правоохранительной среде ведется дискуссия о рисках предвзятости алгоритмов, недостаточной прозрачности их работы и возможном нарушении прав человека при безусловном доверии к результатам систем.

В Российской Федерации первые проекты по внедрению ИИ в деятельность правоохранительных органов относятся к середине 2010-х гг. Знаковым этапом при этом стала апробация систем распознавания лиц во время чемпионата мира по футболу 2018 г., когда технология была интегрирована с сетью городского видеонаблюдения, включая в себе камеры метрополитена, стадионов и фан-зон. Использование таких систем позволило выявить и задержать ряд лиц, находившихся в розыске, что подтвердило практическую эффективность данного метода. Дальнейшее развитие в рамках концепции «Безопасный город» получили проекты,

направленные на комплексный мониторинг обстановки с применением видеонаблюдения, анализа транспортных потоков и мониторинга массовых мероприятий. Нейросетевые модули в этих системах используются для распознавания лиц, обнаружения подозрительных объектов, фиксации аномального поведения и формирования сигналов о потенциальных угрозах [5]. Параллельно развиваются специализированные криминалистические системы, ориентированные на решение конкретных задач расследования. Среди отечественных разработок выделяются комплексы, использующие элементы ИИ и автоматизированного анализа. Система «Маньяк» предназначена для анализа серийных убийств: на основе данных о жертвах, способе нападения и иных обстоятельствах формируется вероятностный профиль предполагаемого преступника, что позволяет следователю сужать круг проверяемых лиц. Система «Спрут» строит сеть связей между фигурантами экономических преступлений, организациями и финансовыми потоками, помогая выявлять устойчивые криминальные структуры. Системы «Блок», «Сейф», «Зеркало», «Криминалист» решают задачи типизации способов хищений, учета краж из хранилищ, геоинформационного анализа преступности и комплексной поддержки принятия решений. В 2020-е гг. реализуются проекты нового поколения, ориентированные на анализ цифровых следов и противодействие злоупотреблениям генеративными технологиями. Разрабатывается система «Клон» для выявления поддельных аудио- и видеоматериалов, созданных с применением дипфейковых технологий, а также система «Конъюнктура», предназначенная для прогнозирования чрезвычайных ситуаций и моделирования сценариев реагирования. Данные разработки основаны на обработке больших данных и тесно связаны с задачами криминалистики и информационной безопасности.

Широкое внедрение ИИ в криминалистику сталкивается с рядом технических и организационных ограничений. Глубокие нейросетевые модели требуют значительных вычислительных ресурсов, надежной инфраструктуры хранения и передачи данных, специализированных серверов и программных платформ. Обучение и дообучение моделей предполагает постоянное пополнение обучающих выборок, которые содержат персональные данные и сведения, охраняемые законом, что требует строгого соблюдения режимов конфиденциальности и информационной безопасности. Не менее важной является проблема формирования новой профессиональной культуры среди следователей, экспертов и криминалистов. От сотрудников требуется не глубокое знание технических деталей, а понимание возможностей и ограничений ИИ, умение критически относиться к результатам алгоритмов, не восприни-

мая их за абсолют, а интегрируя в систему доказательств наряду с традиционными источниками. Это обуславливает необходимость адаптации образовательных программ ведомственных вузов и систем повышения квалификации, включения в них модулей по цифровой криминалистике, машинному обучению, этике и правовым аспектам использования ИИ. Одним из наиболее дискуссионных аспектов остается вопрос доверия к алгоритмам и распределения ответственности за решения, принятые с использованием систем ИИ. Проблема «черного ящика» заключается в том, что многие модели не позволяют прозрачно объяснить ход рассуждений, а ошибки могут иметь тяжелые последствия.

Перспективы развития ИИ в криминалистике связаны с дальнейшей интеграцией интеллектуальных модулей в системы учета, аналитические платформы и экспертные методики. Ожидается распространение таких решений на региональном уровне и появление специализированных модулей для конкретных задач – от противодействия контрабанде до анализа преступности в туристических регионах. Параллельно развивается направление генеративного ИИ, который может использоваться как для реконструкции событий и образов по неполным данным, так и для выявления искусственно созданных материалов.

При этом ключевым условием успешной интеграции ИИ в криминалистику является комплексное научное, нормативное и этико-правовое сопровождение. ИИ должен рассматриваться как высокотехнологичный инструмент, усиливающий возможности специалиста, но не заменяющий его процессуальных полномочий и ответственности за принимаемые решения.

Список использованных источников

1. Комаров, И.М. Предмет криминалистики и современные криминальные вызовы / И.М. Комаров // Эксперт-криминалист. – 2025. – № 3. – С. 30–34.
2. Кубасов, И.А. О разработке моделей поддержки принятия решений, используемых для установления фенотипических признаков человека на основе анализа его ДНК / И.А. Кубасов, О.О. Уманцева // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2025. – № 2. – С. 104–110.
3. Тюнис, И.О. Искусственный интеллект и цифровые технологии в криминалистике / И.О. Тюнис, А.М. Анисимова // Закон и право. – 2025. – № 3. – С. 246–251.
4. Кубасов, И.А. От ДНК к фенотипу: применение технологий искусственного интеллекта и биоинформатики в генетическом анализе / И.А. Кубасов, О.О. Уманцева // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России) : сб. науч.ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч., Москва, 25 апр. 2025 г. – М. : Акад. упр. МВД России, 2025. – С. 106–111.

5. Холостов, К.М. Направления и проблемы внедрения в деятельность органов внутренних дел технологий искусственного интеллекта и робототехнических систем / К.М. Холостов // Искусственный интеллект на службе полиции : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – М. : Акад. упр. МВД России, 2021. – 118 с.

УДК 343.98

Р.О. Кулеш

СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ И МЕХАНИЗМ СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ И ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ

В современных условиях, несмотря на реализуемые государством организационно-правовые и профилактические меры, проблема противодействия незаконному обороту оружия по-прежнему сохраняет устойчивую актуальность, что обусловлено как высокой степенью общественной опасности соответствующих деяний, так и их способностью порождать иные формы преступной активности. В этой связи особое значение приобретают разработка и совершенствование научно обоснованных подходов к расследованию преступлений рассматриваемой категории.

Криминалистическая характеристика преступления, выступающая в качестве своеобразной информационной модели типичного противоправного посягательства, обеспечивает систематизацию сведений о его закономерных признаках и тем самым способствует оптимизации процесса раскрытия и расследования. Она аккумулирует данные о наиболее характерных элементах преступной деятельности, формируя ориентиры для построения следственных версий и выбора адекватных тактических решений.

Способ совершения преступления занимает ключевое место в системе криминалистической характеристики указанных деяний, поскольку отражает динамическую сторону преступной деятельности и раскрывает механизм реализации преступного замысла. Категория «способ совершения преступления» является межотраслевой по своей природе: она исследуется как в рамках уголовно-правовой доктрины, так и в криминалистике, что предопределяет многоаспектность ее содержания и различия в функциональном назначении.

В уголовно-правовом измерении способ совершения преступления рассматривается как элемент объективной стороны состава преступления и понимается в качестве внешне выраженного акта противоправ-

ного поведения, повлекшего причинение вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям либо создавшего реальную угрозу его причинения. Такое понимание ориентировано преимущественно на юридическую квалификацию содеянного, позволяя отграничить преступное деяние от непроступного, а также дифференцировать различные виды преступных посягательств.

В криминалистическом аспекте содержание данной категории значительно шире и выходит за пределы формально-юридической оценки. Здесь способ совершения преступления выступает источником ориентирующей информации, необходимой для разработки частных методик расследования, определения направлений поиска доказательств, выбора тактических приемов и технических средств фиксации следов преступной деятельности. Иными словами, если в уголовном праве способ выполняет преимущественно квалификационную функцию, то в криминалистике он приобретает эвристическое и прогностическое значение.

Глубокое осмысление сущности способа совершения преступления, анализ его внутренней структуры, выявление факторов, детерминирующих выбор конкретных приемов противоправного поведения, а также изучение способов подготовки и сокрытия преступных действий имеют принципиальное значение для формирования научно обоснованных рекомендаций по расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. Кроме того, систематизированные сведения о способе совершения преступления создают предпосылки для выдвижения и проверки следственных версий, способствуют более точному определению круга подозреваемых лиц и в конечном счете обеспечивают достижение целей уголовного судопроизводства [1, с. 25].

При установлении конкретного способа совершения преступления принципиальное значение приобретает анализ поведенческих характеристик лица, реализующего преступный замысел, а также особенностей его образа жизни, социальных связей и профессиональных навыков. Указанные обстоятельства позволяют выявить закономерности выбора тех или иных приемов противоправной деятельности и установить причинно-следственные связи между личностными свойствами субъекта и объективной стороной содеянного. В данном контексте представляется обоснованной позиция Н.П. Яблокова, согласно которой «под способом совершения преступления в криминалистическом смысле целесообразно понимать объективно и субъективно обусловленную систему поведения субъекта до, в момент и после совершения преступления, оставляющую различного рода характерные следы, вовне, позволяющие

с помощью криминалистических приемов и средств получить представление о сути происшедшего, своеобразии преступного поведения правонарушителя, его отдельных личностных данных и соответственно определить наиболее оптимальные методы решения задач раскрытия и расследования преступления» [2, с. 291].

Анализируя способы совершения преступлений, сопряженных с незаконными действиями в отношении огнестрельного оружия и взрывчатых веществ, целесообразно выделить ряд альтернативных форм противоправного поведения, к числу которых относятся незаконное изготовление, приобретение, передача во владение, сбыт, хранение, перевозка, пересылка и ношение огнестрельного оружия. Каждая из названных форм обладает собственной спецификой механизма реализации и образует самостоятельный элемент криминалистической характеристики.

Под незаконным изготовлением огнестрельного оружия, его составных частей либо компонентов следует понимать как создание соответствующих объектов «с нуля», так и восстановление утраченных поражающих свойств ранее существовавшего оружия, его отдельных элементов или узлов, а равно переделку иных предметов, в результате которой они приобретают функциональные признаки огнестрельного оружия либо его конструктивных компонентов. Иными словами, речь идет о трансформации материальных объектов, влекущей возникновение у них качественно новых свойств – способности к производству выстрела и поражению цели. Иллюстрацией подобного способа может служить изготовление токарем или фрезеровщиком на рабочем месте отдельных деталей оружия с их последующей сборкой в пригодный к использованию образец [3].

Самостоятельной формой противоправного поведения выступает незаконное приобретение огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов. Данная категория охватывает покупку, мену (в случае получения оружия в обмен на иной объект), получение в качестве вознаграждения за оказанные услуги, присвоение найденного предмета и иные способы фактического установления контроля над соответствующим объектом. Характерной особенностью приобретения посредством купли-продажи или мены является обязательное наличие второго участника преступной деятельности – лица, осуществляющего сбыт оружия либо его элементов. Такое лицо подлежит самостоятельной уголовно-правовой оценке, в том числе по ч. 2 ст. 295 Уголовного кодекса Республики Беларусь, что свидетельствует о взаимосвязанности действий приобретателя и сбывающего субъекта в рамках единого криминального механизма.

Рассматривая вопрос сбыта огнестрельного нарезного оружия, его составных частей или компонентов, необходимо иметь в виду, что к такому способу будет относиться не только продажа, но и дарение, мена (в случае, когда субъект передает оружие взамен иного предмета) и иные формы отчуждения. Кроме того, следует отметить, что указанный способ должен рассматриваться в тесной связи с ранее рассмотренным – приобретением. Так, одновременное приобретение одним лицом и сбыт другим лицом одного и того же предмета будут совершены в одних условиях, в одно время и при одинаковых обстоятельствах, в силу чего субъекты, совершившие данные деяния, будут являться подозреваемыми, а затем и обвиняемыми по одному уголовному делу [3].

Далее остановимся на хранении огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов. Такие незаконные действия являются продолжением ранее совершенного хищения, приобретения или изготовления. Для хранения преступники могут сооружать различные тайники, закапывать оружие, предварительно смазав его и соответствующим образом упаковав, либо хранить его вместе с зарегистрированным оружием в специальном сейфе или ящике.

Осуществление ухода за оружием и умысел на хранение могут быть установлены в этом случае по следам оружейного или иного, примененного для смазки масла, которое может быть обнаружено кроме оружия и у подозреваемого (в жилище, гараже, иных подсобных помещениях, по месту работы, на одежде или ветоши) [3].

Таким образом, исходя из проведенного анализа, можно заключить, что криминалистический аспект исследования незаконных действий в отношении огнестрельного оружия и взрывчатых веществ концентрируется вокруг детального изучения способа совершения преступления как системообразующего элемента. В отличие от уголовно-правового подхода, ориентированного на квалификацию, криминалистика рассматривает способ совершения преступления в качестве динамической модели поведения, охватывающей этапы подготовки, исполнения и сокрытия, что предоставляет следствию ключевые данные для реконструкции события, выявления закономерностей и построения эффективных методик расследования. Практическая значимость такого анализа подтверждается классификацией и характеристикой конкретных способов (изготовление, приобретение, сбыт, хранение), где каждый оставляет специфический комплекс следов и взаимосвязан с определенными мотивами и условиями совершения деяния. Углубленное исследование способа совершения преступления выступает не только теоретической основой криминалистики, но и необходимым инструментом противодействия устойчивым криминальным практикам в указанной сфере.

Рассмотрение элементов криминалистической характеристики незаконного оборота оружия позволяет выделить некоторые особенности: на способ совершения данного вида преступления влияют предмет преступления и навыки преступника, преобладание в Республике Беларусь хранения и изготовления огнестрельного оружия.

Список использованных источников

1. Хлус, А.М. Средства совершения преступлений как элемент их криминалистической структуры / А.М. Хлус // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 1. – С. 24–32.
2. Яблоков, Н.П. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 2005. – 781 с.
3. Большун, А.С. Криминалистическая характеристика незаконного оборота оружия / А.С. Большун, Т.Л. Щерба. – URL: https://elib.institutemvd.by/bitstream/MVD_NAM/3008/1/Bolshun_Shcherba.pdf (дата обращения: 20.02.2026).

УДК 343.98

Ю.Н. Михайлова

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ)

Тактика следственного действия как неотъемлемая часть расследования связана с ситуацией расследования в целом и с ситуацией производства конкретного следственного действия в частности. Ситуационный подход в криминалистике сегодня сформировался в самостоятельное криминалистическое учение и относится к числу изученных криминалистических категорий. Не ставя целью анализ существующих в специальной литературе догм, остановимся на тех вопросах, которые представляются дискуссионными.

Как известно, «...ситуационный подход способствует интеграции рекомендаций криминалистической техники, тактики в частных методиках расследования» [1, с. 18]. Интегративный характер ситуационного подхода, находящий воплощение в частных методиках расследования, имеет особое значение, так как процесс расследования прежде всего обусловлен конкретной категорией совершенного преступления и необходимостью его расследования, установлением обстоятельств совершенного деяния. В связи с этим неслучайно компоненты информационного характера предопределяют формирование ситуации.

Анализируя обстоятельства совершенного деяния, следователь получает необходимую информацию для производства следственных действий, в ходе которых можно подтвердить либо опровергнуть ее средствами, предусмотренными законом. Исходя из количества данной информации, следователь может мысленно смоделировать событие преступления. При этом существует ряд факторов, которые могут оказать на это существенное влияние, в том числе и уровень подготовки следователя. Так, в специальной литературе, базирующейся на следственной практике, встречаются упоминания о возможности опознания трупа в ходе осмотра места происшествия. Понимание того, что речь идет не о предъявлении для опознания трупа в порядке, установленном ст. 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), позволяет констатировать, что даже употребление термина «опознание» является неуместным, в силу того, что законодатель терминологически отождествляет «опознание» (в наименовании гл. 26 УПК РФ) и «предъявление для опознания» (в ст. 193 УПК РФ). Кроме того, предъявление для опознания трупа в порядке ст. 193 УПК РФ производится только по возбужденному уголовному делу и предусматривает в качестве обязательного условия производства предварительный допрос опознающего (ч. 2 ст. 193 УПК РФ). Вследствие этого в данной ситуации узнавание будет происходить в рамках оперативно-розыскного мероприятия «Отождествление личности».

Следственная ситуация оказывает влияние и на выбор следственного действия после возбуждения уголовного дела. Анализ фактических оснований позволяет рассмотреть возможности арсенала следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. В целом, основываясь на опубликованных приговорах судов, можно прийти к выводу, что наблюдается тенденция к сокращению количества производимых следственных действий, что влечет за собой и потерю следователями навыков в их производстве. В этой связи полагаем, что необходимо уточнить некоторые аспекты производства предъявления для опознания и влияние на его тактические аспекты ситуационного фактора. Предваряет производство предъявления для опознания наличие оснований к его производству. Фактические основания предъявления для опознания предопределены ситуациями, которые складываются после получения показаний в ходе предварительного допроса, предшествующего предъявлению для опознания. Полагаем, что относительно некоторых следственных действий ситуационный фактор заложен законодательно (например, для принятия решения о производстве и непосредственно производстве очной ставки, проверки показаний на месте, следственно-

го эксперимента, предъявления для опознания в качестве обязательного условия предусмотрено проведение предварительного допроса).

Исходя из количества и качества информации, полученной в ходе предварительного допроса, можно выделить следующие виды ситуаций, предшествующих предъявлению для опознания: 1) изложены детально обстоятельства, при которых видел ранее объект, и признаки объекта; отмечает, что может опознать; 2) изложены детально обстоятельства, при которых видел ранее объект, и признаки объекта; отмечает, что не может опознать; выяснить причину, по которой не может опознать; 3) изложены детально обстоятельства, при которых видел ранее объект, признаки объекта помнит расплывчато, конкретно назвать не может; отмечает, что может опознать; 4) изложены детально обстоятельства, при которых видел ранее объект, не может указать признаки объекта; отмечает, что не сможет опознать объект; 5) обстоятельства, при которых видел ранее объект, изложить не может, но может назвать признаки объекта; отмечает, что может опознать; 6) обстоятельства, при которых видел ранее объект, изложить не может, но может назвать признаки объекта; отмечает, что не может опознать.

Приведенные ситуации можно детализировать, но сущность вопроса заключается не в этом, и в специальной литературе на это неоднократно обращали внимание авторы, занимающиеся проблемами предъявления для опознания. Суть данного аспекта заключается в том, что законодательно закреплена формулировка о необходимости предварительного допроса, а в ходе допроса – обязательности установления обстоятельств, при которых опознающий ранее видел объект, и признаков объекта. Все остальные представленные варианты относятся не просто к ситуациям тактического риска, но и к законодательно запрещенным. Исключение из этого контекста могут составлять те ситуации, когда обстоятельства или признаки объектов воспроизведены не в полном объеме, фрагментарно, но опознающий указывает, что может опознать объект. В данном случае проблему вызывает оценка результатов такого предъявления для опознания следователем и производство следственного действия будет осуществляться в условиях тактического риска, но при наличии оснований полагать, что опознающий опознает опознаваемого и при невозможности установления данных обстоятельств другими, более надежными способами такое опознание может быть проведено.

Значительное воздействие на ситуационный фактор предварительного допроса и предъявления для опознания оказывают возраст, психическое состояние допрашиваемого (опознаваемого), уровень интеллектуального развития. Кроме процессуального положения, на ситуации предъявления для опознания существенное влияние оказывает возраст

опознающего. При предъявлении для опознания с участием несовершеннолетнего выделяют ситуации, начиная от полного запрета производства данного следственного действия, возможности производства с участием несовершеннолетних, обладающих конкретным процессуальным положением, до производства данного следственного действия в условиях, обеспечивающих безопасность несовершеннолетнего участника. С.А. Сулейманова и вовсе рекомендует проводить предъявление для опознания в условиях, «исключающих обоюдное визуальное наблюдение, зрительный и словесный контакт. Кроме того, несовершеннолетнему свидетелю необходимо заранее разъяснить, что предъявление для опознания будет производиться именно так» [2, л. 111], обосновывая это осложнениями, связанными с участием в данном следственном действии подозреваемого (обвиняемого). В предлагаемой рекомендации вызывает недоумение употребление термина «обоюдное». Во-первых, это полностью исключает возможность наблюдения объекта, так как автор предлагает исключить любые способы его восприятия, и фактически приравнивается к его «непроведению»; во-вторых, противоречит нормам ч. 8 ст. 193 УПК РФ, которой предусмотрено предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, что представляется вполне логичным и оправданным. Тактические рекомендации о запрете предъявления для опознания, в котором несовершеннолетний выступает в качестве опознающего, представляют опасность, так как несовершеннолетние могут быть единственным источником получения доказательственной информации [3, л. 312–313].

Получение информации от потенциального опознающего в ходе допроса об обстоятельствах, при которых он ранее видел объект, и о приметах и особенностях данного объекта обуславливает возникновение ситуаций следующего уровня. Если обстоятельства могут оказать существенное влияние на узнавание, то они в обязательном порядке должны быть учтены и при необходимости реконструированы, смоделированы, что повысит достоверность опознания. В этой связи нами ранее предлагалась классификация условий, которая может быть использована и в современных реалиях [4, с. 94].

В специальной литературе встречаются предложения о приоритете предъявления для опознания объектов, в том числе живых лиц, конкретным участникам уголовного судопроизводства, в частности свидетелю [5, с. 239]. Такое предложение представляется нам весьма неоднозначным. Утверждение о том, что криминальная ситуация оказывает на свидетеля психотравмирующее воздействие в меньшей степени, чем на потерпевшего, не может быть верным для всех свидетелей. Психическое

и психофизиологическое состояние отдельных свидетелей может быть крайне нестабильным, вследствие чего распространить на них данное утверждение будет невозможно. В связи с этим при осуществлении выбора потенциального опознающего необходимо ориентироваться не на процессуальное положение лица, а на совокупность факторов, среди которых надежность идентификации объекта, которую можно прогнозировать исходя из результатов предварительного допроса, психическое и психологическое состояние участника, свидетельствующее о его возможности принять участие в указанном следственном действии в качестве опознающего.

Таким образом, влияние ситуационного фактора на тактику предъявления для опознания является определяющим, требующим более глубокого осмысления в целях дальнейшего моделирования ситуаций предъявления для опознания для обеспечения эффективности производства данного следственного действия.

Список использованных источников

1. Волчецкая, Т.С. Криминалистическая ситуалогия : монография / Т.С. Волчецкая. – М. ; Калининград : КГУ, 1997. – 248 с.
2. Сулейманова, С.А. Тактико-криминалистические средства, используемые в работе с несовершеннолетними при расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Сулейманова Сабина Абдулгаметовна ; Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина. – М., 2017. – 172 л.
3. Зайнуллин, Р.И. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Зайнуллин Руслан Ильдарович ; Рост. юрид. ин-т МВД РФ. – Уфа, 2022. – 480 л.
4. Степанов, В.В. Научные и правовые основы тактики предъявления для опознания при расследовании преступлений : монография / В.В. Степанов, Ю.Н. Михайлова. – Саратов : Саратов. гос. акад. права, 2003. – 168 с.
5. Манцурова, Л.А. Особенности тактики допроса, предшествующего предъявлению для опознания, в зависимости от процессуального положения допрашиваемого лица / Л.А. Манцурова // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 6. – С. 239–241.

УДК 343.985.7:004.89

А.Э. Набатова, Е.Ю. Горошко

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Механизм преступления – элемент предмета криминалистики, обладающий самодостаточным статусом. На протяжении длительного времени ученые-криминалисты включают его в поле своих научных и

прикладных исследований, так как его значение для раскрытия и расследования преступлений сложно переоценить. К определению понятия, содержания механизма преступления, его прикладному значению неоднократно обращались в учебной и научной литературе Р.С. Белкин, А.В. Дулов, Е.П. Ищенко, Н.И. Порубов, А.А. Эксархопуло, Н.П. Яблочкин и др. Традиционно под механизмом преступления понимается сложная динамическая система, включающая в себя субъект преступления, его отношение к своим действиям и их последствиям, к соучастникам; предмет посягательства; способ совершения и сокрытия преступления; преступный результат и др. [1, с. 51].

В настоящее время исследовательский интерес к механизму преступления не угасает. Среди ученых по-прежнему продолжается дискуссия о данном элементе предмета криминалистики и его трансформациях под воздействием современных реалий, а именно ИТ-технологий, искусственного интеллекта (ИИ) и других цифровых инструментов. Как представляется, практически ежедневно увеличивается степень доступности указанных технологий в целом и ИИ в частности. Наблюдается активная коммерциализация ИИ, что делает его весьма доступным для неопределенного круга граждан, повышая привлекательность для преступников. Таким образом, можно правомерно утверждать, что достижения в цифровой сфере активно используются в преступных целях, существенно трансформируя криминалистические знания о механизме преступления, а тенденцией последнего времени является применение ИИ при совершении преступлений. Не вдаваясь в серьезный системный анализ механизма преступления, в связи с ограниченным объемом публикации отметим лишь некоторые ключевые аспекты данной проблематики в качестве основания для постановки научной проблемы и дальнейших исследований.

Как отмечают эксперты, несмотря на снижение общего количества преступлений более чем в два раза за последние 15 лет, наблюдается тенденция роста числа киберпреступлений. Так, каждое пятое преступление в Республике Беларусь совершено с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [2]. С Интернетом или ИКТ связаны также 20 % всех преступлений, совершенных подростками в Беларуси за первое полугодие 2025 г. По данным МВД, из 516 преступлений, совершенных несовершеннолетними, 96 – это киберпреступления. Среди них – хищения имущества путем модификации компьютерной информации, заведомо ложные сообщения об опасности, кибермошенничества, незаконный оборот средств платежа [3], продажа фиктивных товаров через несуществующие интернет-магазины [4].

Отталкиваясь от обозначенных убедительных экспертных оценок, можно с уверенностью констатировать, что цифровая трансформация преступности будет продолжаться, в том числе благодаря ИИ. Уже сегодня правоприменительная деятельность сталкивается с преступлениями, где способом, орудием и средством их совершения выступает ИИ.

Как отмечает Р.С. Рашитханов, наблюдается процесс автоматизации преступлений под влиянием ИИ [5, с. 132]. Данная автоматизация предполагает использование программ ИИ для воспроизводства однотипных повторяющихся преступных действий, существенно повышая их «продуктивность» (например, рассылка ИИ писем с фишинговыми ссылками позволяет увеличить их количество до тысяч в минуту и улучшить качество содержания для «наибольшей достоверности»). Наряду с этим ИИ создает фиктивные профили в социальных сетях с целью рассылки фишинговых ссылок и ложных сообщений потенциальным жертвам. Под воздействием технологий ИИ эволюционировал вишинг. При подготовке к совершению преступления путем вишинга ИИ анализирует данные из Интернета о целевых группах или отдельных жертвах, составляет психологические портреты, на основании которых определяются наиболее эффективные методы психологического воздействия [6, с. 15–16].

В преступных целях посредством ИИ злоумышленники создают и используют поддельные цифровые материалы. Так, сервис OnlyFake активно применяется для изготовления поддельных паспортов, водительских удостоверений и иных официальных документов. Технология DeepFake применяется в преступных целях для генерации поддельного видео-, фото- и аудиоконтента, при совершении преступлений в политической сфере, для подрыва доверия к государственным органам, главам государства, правовым институтам, государственным средствам массовой информации, избирательной системе, создания угроз национальной безопасности и обострения социальных разногласий.

Технология блокчейна является привлекательным инструментом для отмыкания денежных средств, финансирования терроризма, торговли запрещенными товарами. Известны факты применения ИИ для создания вредоносных программ, реализации мошеннических схем в финансовой сфере, подключения чат-ботов для продажи запрещенных веществ в социальных сетях. Широкое распространение в социальных сетях получили чат-боты, имитирующие действия пользователей, генерирующие и распространяющие неопределенному кругу лиц сообщения, пропагандирующие экстремистские идеи, содержащие криминальные установки и призывы к деструктивной активно-

сти. Серьезной проблемой является применение ИИ при реализации криминальных информационно-психологических операций. Так, ИИ на основе анализа больших данных способен прогнозировать развитие событий при конкретных целевых психологических воздействиях на аудиторию, выявлять наиболее эффективные направления и способы их применения для решения поставленных задач, разрабатывать на этой основе стратегию для достижения установленных целей (например, призыв к массовым беспорядкам, свержению государственного строя и т. д.). ИИ используется для маскировки вредоносных программ, что делает их обнаружение затруднительным. Как отмечают специалисты, ИИ может изменять названия переменных, внедрять «мертвый» код, зашифровать его содержимое. В итоге вирусы становятся практически неотличимыми от стандартного программного обеспечения [6, с. 16].

Для совершения преступлений, как правило, киберпреступники создают скам-группы с четкой иерархией и распределением ролей. Объединение участников происходит в Интернете, сохраняется анонимность в их взаимодействии. Как отмечают правоохранители, численность некоторых киберпреступных группировок достигает нескольких тысяч человек, в состав, как правило, входят граждане Беларуси, России и Украины. Устойчивость функционирования скам-групп и вовлечение новых соучастников осуществляются через сообщества, чаты, в которые с помощью рекламы легкого заработка вовлекаются обычные граждане. Преступники «атакуют» соотечественников и граждан из других стран. Организаторы групп находятся за пределами Беларуси, как правило, на Украине, там же находятся группировки по фишингу, функционируют колл-центры, выводятся денежные средства, полученные от преступной деятельности. Белорусы участвуют в совершении киберпреступлений с территории нашей страны в качестве пособников. Вызывает озабоченность количественный состав кибергруппировок. За последние годы пресечена деятельность трех крупнейших преступных групп, совершивших более 20 000 хищений. В их состав входило от 600 до нескольких тысяч человек, в том числе несовершеннолетние [7].

Таким образом, сложились предпосылки для переосмысления содержания элемента предмета криминалистики «закономерности механизма преступления», так как IT-технологии, ИИ существенно трансформировали способы взаимодействия лиц, предметов и материальных процессов, влекущих преступные события. Указанные тенденции обуславливают необходимость детального изучения современной практики расследования преступлений и проведения комплексных на-

учных исследований по уточнению предмета криминалистики и его элементов.

Список использованных источников

1. Криминалистика : учеб. для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Ко-рухов, Е.Р. Россинская ; под ред. Р.С. Белкина. – М. : НОРМА – ИНФРА-М, 2000. – 990 с.
2. Генпрокурор Беларуси привлёк внимание к обеспечению кибербезопасности // Рамблер. – URL: <https://news.rambler.ru/world/53143832-genprokuror-belarusi-privlek-vnimanie-k-obespecheniyu-kiberbezopasnosti/> (дата обращения: 05.02.2026).
3. Бардеев, Р.В. Подростки чаще совершают преступления в интернете // Пресс-центр Дома прессы. – URL: <https://novosti-belarusi.com/posts/id13957-pochti-kazhdoe-pjatoe-podrostkovoe-prestuplenie-v-belarusi-sovershaetsja-v-internete> (дата обращения: 05.02.2026).
4. МВД: в Беларуси начало сокращаться число киберпреступлений. – URL: <https://sputnik.by/20250724/mvd-v-belarusi-nachalo-sokraschatsya-chislo-kiberprestupleniy-1098381683.html> (дата обращения: 05.02.2026).
5. Рашитханов, Р.С. Трансформация преступности под влиянием искусственного интеллекта / Р.С. Рашитханов // Актуальные проблемы российского права. – 2026. – Т. 21, № 1. – С. 128–141.
6. Осипенко, А.Л. Технологии искусственного интеллекта в преступной деятельности: новые угрозы и вызовы / А.Л. Осипенко // Общество и право. – 2023. – № 4. – С. 15–25.
7. Представители Следственного комитета рассказали, как борются с киберпреступностью // Следственный комитет Республики Беларусь. – URL: <https://sk.gov.by/ru/news-ru/view/predstaviteli-sledstvennogo-komiteta-rasskazali-kak-v-belarusi-borjutsja-s-kiberprestupnostjju-13274/> (дата обращения: 05.02.2026).

УДК 343.95

А.П. Пацкевич

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА С КАФЕДРОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ АКАДЕМИИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Впервые познакомился с коллективом кафедры в 1978 г., когда обучался в Минской высшей школе МВД СССР. Эта кафедра, расположенная на втором этаже центрального корпуса, привлекала наше пристальное внимание, потому что была не совсем обычной. На стенах криминалистических учебных аудиторий находились стенды с развешанным холодным и огнестрельным оружием, патронами и пулями, документами и другими криминалистическими объектами.

Занятия по криминалистике предполагались с третьего курса обучения, но уже на втором курсе у нас состоялось знакомство со специальной техникой (эта учебная дисциплина преподавалась тогда на кафедре криминалистики). Следует уточнить, что специализация Минской высшей школы МВД СССР в тот период была оперативно-розыскная, поэтому мы тщательно штудировали основы негласной фотосъемки, работы с металлоискателями и иными поисковыми приборами, техническими средствами, предназначенными для перлюстрации документов (прибор «Елочка»), которые тогда повсеместно использовались в правоохранительной деятельности, в частности сотрудниками оперативно-розыскных подразделений.

Уже тогда многие из слушателей с увлечением посещали кружок по криминалистике, возглавляемый доцентом, кандидатом юридических наук, подполковником милиции Гарольдом Ивановичем Грамовичем, где происходили интересные встречи с практическими работниками, в том числе с руководителями и сотрудниками подразделений уголовного розыска и отделов борьбы с хищениями социалистической собственности, следственных подразделений, экспертно-криминалистических служб и не только БССР, но и РСФСР, Латвии, Литвы и Эстонии.

Эти встречи позволяли глубже проникнуть в проблемы криминалистической науки и использования криминалистической техники в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Однако уже в начале изучения курса криминалистики многим пришлось поменять свое мнение о том, что это легкая учебная дисциплина. Все началось с криминалистической фотографии. Сложность заключалась в том, что фотолабораторий на кафедре было всего две, а желающих изготовить фотоснимки — более чем достаточно, если учесть, что на курсе было 240 человек и всем для зачета по криминалистической технике требовалось изготовить специальный практикум по криминалистике. Двери фотолабораторий не закрывались вплоть до отбоя. Тем не менее именно благодаря стараниям работников кафедры, приобщивших нас к фотографии, многие из нас привязанность к фотodelу пронесли через всю жизнь, радуя себя и окружающих качественными фотоснимками.

Запомнились и полевые занятия по криминалистике с выездом на берег Заславского водохранилища, где, разбившись на группы по 2–3 человека, под руководством наших преподавателей мы отрабатывали практические навыки по обнаружению, фиксации и изъятию следов обуви с изготовлением гипсовых слепков. Аналогичные полевые заня-

тия, но уже в прибрежной зоне Комсомольского озера проводились по теме «Осмотр места происшествия», где нами не только фиксировалась обстановка места происшествия, но и шла «борьба» с гражданами без определенного места жительства за криминалистические объекты – стеклянную тару с отпечатками пальцев.

На занятиях по теме «Дактилоскопия» нам приходилось не только определять тип папиллярных узоров и выводить основные и дополнительные дактилоскопические формулы, но и по представленным фрагментам дактопленки определять лицо, оставившее эти следы, с использованием дактилоскопических карт.

Еще одним значимым направлением в деятельности кафедры была научная работа преподавателей и обучающихся. Рассматривая это направление, прежде всего следует остановиться на научном потенциале профессорско-преподавательского состава кафедры, возглавляемой доктором юридических наук, профессором Николаем Ивановичем Порубовым. Кроме Н.И. Порубова, в этом коллективе работали доктора юридических наук, профессора Гарольд Иванович Грамович и Николай Игнатьевич Николайчик, а также доктор медицинских наук, профессор и эксперт Валентин Кириллович Стешиц – видный белорусский ученый, ранее возглавлявший кафедру судебной медицины Минского медицинского института и службу судебно-медицинской экспертизы БССР. В этот же период (1977–1981 гг.) слушатели активно участвовали в обсуждении новинок криминалистической литературы, в том числе таких авторов, как О.Я. Баев, Р.С. Белкин, И.А. Возгрин, Е.П. Ищенко, И.Ф. Крылов и многих других, которые встречались с нами, делились своими планами в области научной деятельности.

После окончания в 1981 г. Минской высшей школы МВД СССР меня распределили на работу в органы предварительного следствия, где и трудился сначала 10 лет в РОВД, а затем пять лет в следственном подразделении УВД.

В 1995 г. мне посчастливилось встретить на одной из станций столичного метрополитена профессора Г.И. Грамовича, и эта встреча изменила всю мою жизнь.

Г.И. Грамович к этому моменту стал начальником кафедры криминалистики уже Академии МВД Республики Беларусь и сменил профессора Н.И. Порубова на этом посту.

Помня, что во время моей учебы я проводил под его руководством научные исследования криминалистических проблем, связанных с экспертизой холодного оружия, а также зная о более чем 15-летнем практическом стаже моей следственной работы, он пригласил меня на должность

старшего преподавателя кафедры криминалистики. Я согласился с его предложением. Преподавательская работа была новой сферой деятельности для меня как практического работника. На тот момент на кафедре существовал определенный недостаток в преподавателях. Г.И. Грамович укрепил кафедру за счет Г.Б. Дергая и Г.В. Фёдорова, которые в указанное время обучались в адъюнктуре Академии МВД Республики Беларусь по кафедре криминалистики, а также с практики, кроме меня, на кафедру пришли в прошлом бывшие следователи Е.И. Климова, С.Ю. Ревтова. Все мы успешно в течение нескольких лет подготовили и защитили кандидатские диссертации.

В это же время с Научно-исследовательского института проблем криминалистики, криминологии и судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Беларусь вернулись на кафедру профессора Н.И. Порубов и Н.И. Николайчик.

Кафедра криминалистики в скором времени стала занимать лидирующие позиции в научных исследованиях широкого спектра различных проблем криминалистики, обладая высоким научным потенциалом. Члены кафедры активно участвовали в научной жизни не только в Республике Беларусь, но и далеко за ее пределами.

К этому периоду относится и создание научной криминалистической школы Академии МВД Республики Беларусь, существующей в этом учреждении образования и сегодня.

К криминалистической научной школе, к которой я причисляю и себя, к ее основателям и моим учителям до настоящего времени отношусь с чувством глубокой благодарности и уважения.

УДК 343.98

И.В. Пашута, Н.Н. Пашута

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Оставаясь активным проводником достижений науки и техники в деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, криминалистика в настоящее время испытывает огромное влияние процесса цифровизации, активно происходящего в обществе. Среди последних трендов и направлений в данной сфере преобладают использование искусственного интеллекта (ИИ), чат-ботов, анализ больших данных (Big Data), вопросы кибербезопасности и др. В связи

с возрастающим объемом данных, которыми приходится оперировать субъекту доказывания, их надлежащей оценкой и принятием оптимального решения по уголовному делу вопрос об использовании ИИ, в том числе при проведении следственных действий, становится весьма актуальным.

Проблемные вопросы внедрения технологий ИИ в процесс раскрытия, расследования и предупреждения преступлений рассматривались в трудах Д.В. Бахтеева [1], А.А. Бессонова [2], Ю.В. Гаврилина [3], Е.П. Ищенко [4], О.С. Кучина, Н.В. Кручининой, В.В. Полякова [5], С.В. Серебрянникова [6], А.Б. Смушкина [7], А.К. Щербаченко и др. В то же время вопросы использования ИИ в процессе подготовки, проведения и оценки результатов следственных действий изучены в меньшей степени.

В самом общем виде под ИИ понимается «комплекс технологических решений, включающих информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе такое, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы обработки данных и поиска решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решения без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» [8]. В настоящее время в деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений технологии ИИ активно используются для обработки больших массивов информации в целях ее поиска и анализа по определенным критериям, а также прогнозирования действий преступника на основе выявленных закономерностей; в системах распознавания лиц для идентификации (опознания и поиска) определенных категорий лиц (объявленных в розыск, пропавших без вести и др.); для поддержки версионного процесса (выдвижение на основе большого объема информации наиболее вероятных, типовых, а также с определенной долей конкретизации частных версий) и т. д.

Прежде всего важно отметить, что использование ИИ может оказать значительную помощь на подготовительном этапе следственного действия (создание 3D-моделей обстановки места происшествия, реконструкция обстановки места происшествия для проведения следственного эксперимента, подбор изображений для проведения предъявления для опознания и т. п.). Так, например, при подготовке к проведению допроса с помощью ИИ могут быть собраны данные о допрашиваемом

путем анализа больших объемов данных из открытых источников сети Интернет (социальные сети, чаты, форумы и т. п.). С использованием алгоритмов ИИ представляется возможным собрать информацию о личностных особенностях допрашиваемых, выявить логические противоречия и недостающую информацию в ранее данных ими показаниях, что имеет значение для выбора тактических приемов допроса. Кроме того, ИИ может предложить субъекту доказывания не только перечень обстоятельств, подлежащих выяснению, но и правильно сформулированные вопросы, которые следует поставить перед допрашиваемым [9, с. 96]. При проведении допроса технологии ИИ могут также пригодиться в ситуациях, когда необходима помощь переводчика. Очевидны преимущества ИИ при машинном переводе текстов с одного языка на другой.

Для повышения эффективности и продуктивности работы ИИ на этапах подготовки и проведения следственного действия могут быть подгружены актуальные тексты нормативных правовых актов (Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), Уголовного кодекса Республики Беларусь, Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» и др.), образцы процессуальных документов, методические рекомендации по расследованию преступлений отдельных видов или групп, обзоры судебной следственной практики.

На этапе оценки доказательств ИИ может быть обучен проверке процессуальных документов (протоколов допроса, очной ставки, проверки показаний на месте и др.) на соответствие требованиям УПК (например, требованиям ст. 193–194 УПК), выявлению потенциальных процессуальных нарушений, формированию рекомендаций по тактике следственных действий с учетом сложившейся следственной ситуации и правоприменительной практики. Обращает на себя особое внимание способность ИИ к обучению на основе обратной связи, что позволяет адаптировать его работу к специфике проведения следственных и иных процессуальных действий, расследования преступлений в целом по конкретным категориям уголовных дел и особенностям правоприменительной практики отдельных следственных подразделений [10, с. 4].

Таким образом, использование ИИ как комплекса технологических решений при подготовке, проведении и оценке результатов следственных действий будет способствовать повышению эффективности деятельности по расследованию преступлений.

Список использованных источников

1. Бахтеев, Д.В. О связи криминалистики и технологии искусственного интеллекта / Д.В. Бахтеев // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2022. – № 1. – С. 88–93.
2. Бессонов, А.А. Искусственный интеллект как инструмент решения задач современной криминалистики / А.А. Бессонов // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды : сб. докл. VIII Моск. юрид. форума (XIX Междунар. науч.-практ. конф.), Москва, 8–10 апр. 2021 г. : в 5 ч. / Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина. – М., 2021. – Ч. 4. – С. 112–115.
3. Кучин, О.С. Тенденции и проблемы в развитии современной российской криминалистики / О.С. Кучин, Ю.В. Гаврилин // Академическая мысль. – 2020. – № 4. – С. 85–89.
4. Ищенко, Е.П. Преступления, совершаемые с использованием высоких технологий / Е.П. Ищенко, Н.В. Кручинина // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 5. – С. 740–746.
5. Поляков, В.В. К проблеме использования понятия «искусственный интеллект» в криминалистике / В.В. Поляков // Юрислингвистика. – 2022. – № 25. – С. 21–28.
6. Щербаченко, А.К. Теоретические и практические проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта в процесс расследования и раскрытия преступлений / А.К. Щербаченко, С.В. Серебрянников // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., 3 мая 2024 г. : науч. электрон. изд. / отв. ред. А.В. Варданян. – Ростов н/Д : ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2024. – С. 232–239.
7. Смушкин, А.Б. Цифровая трансформация процесса расследования как объективная реальность / А.Б. Смушкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 90–107.
8. Модельный закон «О технологии искусственного интеллекта». – URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpra_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni/10 (дата обращения: 28.02.2026).
9. Кузнецов, А.А. К вопросу об использовании искусственного интеллекта при производстве следственных действий / А.А. Кузнецов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы XXIV Междунар. науч.-практ. конф., Барнаул, 5–6 февр. 2026 г. : науч. электрон. изд. / Барнаул. юрид. ин-т МВД России ; редкол.: О.С. Носков (пред.) [и др.]. – Барнаул, 2026. – С. 95–97.
10. Костенко, Р.В. О возможности создания и использования ИИ-агентов в следственной деятельности / Р.В. Костенко, А.Н. Ильяшенко. – Российский следователь. – 2005. – № 5. – С. 2–5.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Методология отечественной криминалистики базируется на системном подходе как одном из ведущих принципов научного знания. Большинство исследователей сегодня не только четко формулируют предмет и задачи своих работ, но и определяют место полученных результатов в общей системе криминалистических знаний. Для криминалистики, имеющей ярко выраженный прикладной характер, это означает, что теоретические построения обретают практическую ценность только будучи встроенными в единую методологию.

Следует отметить, что системный подход не является изобретением криминалистики и имеет глубокие философские корни. Системный подход как направление методологии научного познания сформировался в середине XX в., а его истоки восходят к античной философии. Исторически идеи системного исследования объектов мира и процессов познания возникли еще в трудах Платона и Аристотеля, получили развитие в трудах мыслителей Нового времени (И. Кант, Ф. Шеллинг), а впоследствии исследовались К. Марксом применительно к анализу сложных социально-экономических структур [1].

Исследователи по-разному относятся к идеям систематизации и классификации, понимая их преимущества и ограничения. Однако подавляющее большинство авторов сходятся во мнении, что системность представляет собой фундаментальный закон развития научного знания [2, с. 149]. Со времен Античности до наших дней идеи дифференциации знаний по условным группам, их упорядочивания и систематизации являются общепринятым атрибутом научной деятельности.

Первые идеи о необходимости и важности системного понимания науки высказывали еще пионеры отечественной криминалистики. Особо отмечается вклад Р.С. Белкина, А.И. Винберга, Н.П. Яблокова и многих других исследователей, которые в своих работах последовательно развивали представления о криминалистике как о целостной системе научного знания [3, с. 37].

Особого внимания заслуживают исследования А.Ю. Головина, который активно развивал идеи криминалистической систематики как отдельного направления криминалистического знания. В своих работах он и его последователи рассматривают понятие криминалистической систематики как самостоятельного научного направления, изучающего закономерности построения систем в криминалистике. А.Ю. Головин

справедливо отмечает, что криминалистические системы и классификации имеют не только теоретическое, но и важное прикладное значение, поскольку они активно применяются в практике расследования преступлений, способствуют выдвижению версий, принятию решений и обеспечению единообразия понимания криминалистических понятий и терминов [3, с. 25, 37].

Нетрудно заметить, что систематизация криминалистики как науки не является общепринятым трендом. Многие авторы, в частности В.Я. Колдин, О.А. Крестовников, К.К. Сейтенов, отмечают, что системный подход в криминалистике является характерной чертой советской и постсоветской школы криминалистики, в то время как исследователи Западной Европы, США, Китая не рассматривают криминалистику в подобном ключе [4]. В западной традиции доминирует модель, сконцентрированная вокруг понятия *forensic science* («судебная наука»). Данный термин имеет широкое значение и охватывает различные области научного знания, применяемые в процессе разрешения юридических вопросов [4].

Следует отметить, что современные зарубежные исследователи проявляют интерес к использованию системного подхода в криминалистике. Например, Дж. Скольоне отмечает, что современный редукционистский подход в западной криминалистике, т. е. сосредоточение на частях или отдельных элементах системы, является недостаточно эффективным и требует пересмотра в сторону системности [5, р. 1615]. Л. Уилсон и соавторы говорят о важности применения системного подхода в организации криминалистики в военной сфере [6, р. 15].

Кроме того, формируются попытки систематизации в контексте правоприменительной деятельности. В частности, в странах Европейского союза сформирована концепция единого криминалистического пространства [7]. Исследователи отмечают, что это важный шаг, который в условиях роста транснациональной организованной преступности, международного терроризма, вооруженных конфликтов направлен на объединение усилий разных школ криминалистики, формирование если не единообразного, то сходного методологического и терминологического аппарата. Эти и многие другие мероприятия и исследования показывают, что западная наука также обращает внимание на системность в методологии криминалистики, однако применяет ее преимущественно для решения конкретных прикладных задач, а не для построения теоретической системы самой науки.

При всех преимуществах системного подхода нельзя не отметить его ограничения. Схематизация неизбежно приводит к упрощению понима-

ния сложных процессов в окружающем мире, ввиду чего любая структура принципиально неполна, что создает риск упустить значимые элементы или неверно оценить их роль. Однако достоинства такого подхода представляются более весомыми, тем более что он является лишь одним из возможных вариантов анализа и не препятствует рассмотрению предмета криминалистики с иных точек зрения. Как отмечают методологи науки, системный подход не существует в виде строгой концепции, а выполняет гносеологические функции, оставаясь совокупностью познавательных принципов [1; 2, с. 152].

Подводя итоги, можно отметить, что формирование единого, системного представления о криминалистике является сложным и многогранным процессом, который не завершен до сих пор. Необходимо особо подчеркнуть, что теоретическая система создается с целью упростить понимание реальности, сознательно исключая отдельные элементы, упрощая конструкцию реального мира, делая ее более простой не только для понимания, но и для эффективного решения конкретных практических задач [8, с. 35].

Если исследователи будут ставить задачу достижения наибольшего сходства теоретической системы и реальной, то неизбежно столкнутся с огромным количеством сложных взаимосвязей, учет которых затруднителен. Ввиду этого системный подход и наделяется искусственными ограничениями, на которые ученые должны идти сознательно. Однако случаются ситуации, когда в силу разных причин исследователи и правоприменители считают, что усложнение системы улучшит ее функционирование, что не всегда соответствует действительности.

В контексте развития белорусской правовой науки и практики данная проблематика приобретает особую актуальность. В частности, выделение судебно-экспертной деятельности в самостоятельную сферу, регламентированную специальным законодательством, является эффективным процессом, обусловленным ростом значения экспертных исследований для судопроизводства. Рассмотрение судебно-экспертной деятельности в рамках отдельного направления помогает говорить о ее специфических особенностях и позволяет более четко регулировать связанные с ней общественные отношения.

Однако нельзя не отметить, что указанная тенденция к строгому, доктринальному обособлению судебной экспертологии от криминалистики заставляет исследователей четко дифференцировать свои работы, относить нередко смежные области знания к конкретной дисциплине, не учитывая сильнейшие связи между обеими дисциплинами. Это обстоятельство, на наш взгляд, может являться препятствием к дальнейшему

научному развитию данных областей, поскольку искусственное разграничение единого по своей сути научного знания обедняет обе дисциплины. Представляется, что требуется поиск новых моделей эффективного взаимодействия и интеграции криминалистики и судебно-экспертной деятельности, которые позволили бы не только сохранить их специфику, но и обеспечить учет общих методологических корней и сфер практического применения.

Список использованных источников

1. Системный подход // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; науч.-ред. совет: В.С. Степин (пред.) [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2010. – URL: <https://iphras.ru/elib/2745.html> (дата обращения: 26.02.2026).
2. Майкова, В.П. Системный подход как основа научной методологии / В.П. Майкова, В.С. Горбунов, И.В. Наместникова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2019. – № 1. – С. 148–158.
3. Головин, А.Ю. Криминалистическая систематика / А.Ю. Головин ; под ред. Н.П. Яблокова. – М. : ЛексЭст, 2002. – 335 с.
4. Колдин, В.Я. Глобальные модели криминалистики и судебной экспертизы / В.Я. Колдин, К.К. Сейтенов, О.А. Крестовников // Теория и практика судебной экспертизы. – 2018. – Т. 13, № 3. – С. 6–11.
5. Scollione, J. A Systems-Based Approach to Criminal Thinking and Behavior / J. Scollione // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. – 2024. – Vol. 68, № 15. – P. 1615–1628.
6. A Systems Approach to Forensic Science Applied in the Military Domain / L.E. Wilson, M.E. Gahan, C. Lennard, J. Robertson // Australian Journal of Forensic Sciences. – 2017. – Vol. 51, № 1. – P. 12–21.
7. Council Conclusions on the Vision for European Forensic Science 2020 including the Creation of a European Forensic Science Area and the Development of Forensic Science Infrastructure in Europe. – URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/jha/126875.pdf (date of access: 26.02.2026).
8. Крестовников, О.А. Системно-деятельностный подход как основание методологических программ в научных криминалистических исследованиях / О.А. Крестовников // Теория и практика судебной экспертизы. – 2018. – Т. 13, № 2. – С. 27–35.

СХЕМА УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ И СБОРОВ КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Преступления в сфере налогообложения, значительный рост которых наблюдается в Республике Беларусь, причиняют ущерб экономике государства, поэтому эффективность принимаемых мер противодействия им особенно актуальна для обеспечения экономической безопасности страны. Качественному раскрытию и расследованию уголовных дел указанной категории способствует исследование составных элементов криминалистической характеристики преступлений.

Элементами криминалистической характеристики налоговых преступлений И.В. Александров выделяет обобщенные данные о предмете, времени, месте и обстановке преступного посягательства, типичных способах совершения налоговых преступлений и лицах, их осуществляющих, механизме следообразования и локализации следов [1, с. 18]. Помимо названных, О.Ш. Петросян элементами криминалистической характеристики называет в том числе способы сокрытия налоговых преступлений, а также обстоятельства, способствовавшие их совершению [2, с. 43]. Характерным для указанных элементов является их тесная взаимосвязь, устанавливаемая путем исследования каждого элемента, имеющего особое значение, в отдельности и в их совокупности. По мнению ученых, анализ данных элементов криминалистической характеристики позволяет создать информационную модель преступления, обеспечив на первоначальном этапе расследования при наличии ограниченных сведений о некоторых из них возможность сделать суждение об остальных, найти наиболее эффективные, оптимальные пути их установления [2, с. 35].

В свою очередь, С.Н. Хаванский в диссертационном исследовании центральным объектом изучения криминалистической характеристики выделяет способ преступной деятельности по уклонению от уплаты налогов и (или) сборов, информационная значимость для раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений которого обусловлена наличием информационных связей с другими элементами преступной деятельности. Способ уклонения от уплаты налогов предопределяет суждение о личности преступника и его умысле, связан со спецификой объекта и предмета преступления (в первую очередь своим документальным характером) и обстановкой преступного уклонения и играет значительную роль в механизме преступления [3, л. 12–13].

Исследование каждого элемента криминалистической характеристики в отдельности, а не выделение ключевым одного по отношению к другим, а также установление их взаимосвязей и взаимодополняемости видится более приемлемым. Однако для разработки частной методики расследования результат исследования любого события, явления, равно как и совершенного преступления в виде уклонения от уплаты налогов, с описанием наиболее присущих ему черт должен быть в том числе представлен в виде отдельного элемента, связующего звена, именуемого «схема уклонения от уплаты налогов».

При исследовании способов ухода от налогообложения (способов уклонения от уплаты налогов) как элемента криминалистической характеристики налоговых преступлений термин «схема» первым упомянул В.А. Козлов, обозначив ее комплексом взаимосвязанных финансовых и товарных операций, направленных на сокрытие получаемого дохода или занижение налогооблагаемой базы [4, л. 335]. В свою очередь, предложенная В.В. Ефимовой дефиниция схемы имеет комплексный характер, связана со всеми элементами криминалистической характеристики преступления, дополняет их, обеспечивает связь между налоговым правонарушением и налоговым преступлением и не ограничена лишь отраженными в учете видами хозяйственных операций, искажающих налогооблагаемую базу [5, л. 30]. При анализе схемы налогового преступления обязательным в методике расследования является установление связи между способами его совершения и деятельностью преступника в целом. Схема позволяет с высокой степенью вероятности сделать предположения о следовой картине налогового преступления, которая определяет выбор методических средств для ее анализа. Установлению схемы конкретного налогового преступления способствуют типовые способы налоговых правонарушений, включенные в структуру типовой информационной модели налогового преступления [5, л. 30–31].

Для любого предпринимателя вопрос снижения расходов, в том числе в части уменьшения налоговой нагрузки, является особенно актуальным. С момента утраты в 2019 г. юридической силы Указа Президента Республики Беларусь от 23 октября 2012 г. № 488 «О некоторых мерах по предупреждению незаконной минимизации сумм налоговых обязательств» законодательное отражение термина «минимизация налоговых обязательств» перестало существовать, а вместе с ним и грань между допустимой оптимизацией налогообложения и незаконной минимизацией стала очень тонкой.

В связи с вступлением в силу изменений в Налоговый кодекс Республики Беларусь, содержащих перечень оснований для корректировки на-

логовой базы плательщика, сумм подлежащих уплате налогов, сборов (пошлин), указанная норма начала широко использоваться в правоприменительной практике при выявлении схем уклонения от уплаты налогов (незаконной минимизации налогов).

Отнесение действий или событий к хозяйственным операциям, основной целью совершения которых являются неуплата (неполная уплата) и (или) зачет, возврат суммы налога (сбора) в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 июля 2022 г. № 465 «Об особенностях оценки отдельных хозяйственных операций» (далее – Постановление № 465), связывается с получением экономической выгоды в виде неуплаченных (не полностью уплаченных) сумм налогов (сборов) в результате совершения хозяйственных операций, не обусловленных разумными экономическими или иными причинами, в отсутствие намерения получить экономический эффект от реальной предпринимательской или иной экономической деятельности.

Схемами уклонения от налогообложения в правоприменительной практике, с которыми в настоящее время наиболее часто сталкиваются контролирующие органы, являются следующие: сокрытие выручки; использование подконтрольных организаций для торговли с целью сокрытия выручки, искажения стоимости товаров, работ, услуг и т. п.; схема «дробление бизнеса» для применения особых режимов налогообложения, других преференций; необоснованный возврат налога на добавленную стоимость из бюджета; использование индивидуальных предпринимателей для обналичивания денежных средств и оформления фиктивных услуг; подмена трудовых отношений гражданско-правовыми; продажа имущества по заниженной цене (как правило, недвижимость, дорогостоящие автомобили) физическим лицам с дальнейшей реализацией ими по рыночной цене; выплата заработной платы и иных доходов в конвертах [6].

Несмотря на отсутствие законодательного закрепления термина «дробление бизнеса», упоминание указанной схемы уклонения от уплаты налогов начало набирать популярность с момента проведения контролируемыми органами первых проверок, после вступления в силу п. 4 ст. 33 Налогового кодекса Республики Беларусь. Сущность данной схемы уклонения от уплаты налогов заключается в создании новых субъектов хозяйствования, в том числе путем выделения их из основного крупного субъекта при его реорганизации, с последующим использованием в процессе предпринимательской деятельности вновь созданными субъектами особых режимов налогообложения и преференций. При этом дробление является фактически искусственным процессом, экономический смысл, а также разумная хозяйственная и дело-

вая цель которого отсутствуют, а самостоятельность деятельности вновь созданных юридических лиц имитируется для сокрытия наличия схемы уклонения. Предпринимательская деятельность контролируется одним лицом или группой лиц. В результате искусственного разделения бизнеса впоследствии происходит распределение выручки (дохода) среди подконтрольных взаимозависимых (аффилированных) субъектов хозяйствования с целью уменьшения налоговой нагрузки основного субъекта хозяйствования, который фактически может осуществлять свою финансово-хозяйственную деятельность и без создания новых фирм.

В связи с введением в 2021 г. в Республике Беларусь уголовной ответственности за уклонение от исполнения обязанностей налогового агента по перечислению налогов, сборов (ст. 243¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)), а также уклонение от уплаты страховых взносов (ст. 243³ УК) сегодня особенно распространена и актуальна для исследования схема уклонения от уплаты налогов путем выплат заработной платы в конвертах. Использование указанной схемы уклонения от уплаты налогов приносит ущерб не только государству, но и влечет негативные последствия для самого работника. Как правило, это часть завершающего этапа использования какой-либо незаконной схемы, в результате которой у руководителей организации оседают неучтенные наличные деньги, из которых и выплачивается неотражаемая в учете субъекта заработная плата в конверте [6].

Целью применения любой схемы налогового преступления является получение налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды. Схема так или иначе подразумевает искажение сведений о фактах экономической деятельности хозяйствующего субъекта. Общественно опасными последствиями применения налоговых схем выступают непоступление сумм налогов (сборов), нанесение ущерба соответствующему бюджету [7, с. 278–279]. Отражение указанных характерных признаков схемы уклонения, предложенных М.А. Рябкиной и А.М. Каминским, представляются обоснованными.

Таким образом, под схемой уклонения от уплаты налогов следует понимать объединяющее звено результатов исследования всех элементов криминалистической характеристики, которое описывает главные черты преступления и служит ориентиром для разработки частной методики расследования преступлений в сфере налогообложения.

Список использованных источников

1. Александров, И.В. Теоретические и практические проблемы расследования налоговых преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Александров Игорь Викторович ; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2003. – 40 с.

2. Петросян, О.Ш. Характеристика налоговых преступлений. Теория и практика : монография / О.Ш. Петросян. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2010. – 143 с.

3. Хаванский, С.Н. Основы криминалистической характеристики преступного уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с организации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Хаванский Сергей Николаевич ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2007. – 196 л.

4. Козлов, В.А. Научные основы криминалистической характеристики налоговых преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Козлов Владимир Афанасьевич ; Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказания. – Владимир, 2006. – 567 л.

5. Ефимова, В.В. Расследование современных схем налоговых преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Ефимова Виктория Викторовна ; автоном. некоммерч. орг. высш. образования «Российский новый университет». – М., 2023. – 363 л.

6. Елизарова, К. Как выявляются схемы уклонения от налогов? Рассказываем о распространенных нарушениях бизнеса / К. Елизарова // MYFIN.BY. – URL: <https://myfin.by/article/biznes/kak-vyavlautsa-shemy-uklonenia-ot-nalogo-rasskazyvaem-o-rasprostranennyh-naruseniah-biznesa.html> (дата обращения: 22.03.2026).

7. Рябкина, М.А. Схема налогового преступления как элемент криминалистической характеристики преступлений данной группы / М.А. Рябкина, А.М. Каминский // Молодой ученый. – 2025. – № 25. – С. 278–280.

УДК 343.98

М.В. Савич

АЛГОРИТМ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ПРОВЕДЕНИИ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ИЛИ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ

При расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних перед следователем встает сложная дилемма: с одной стороны, необходимо собрать исчерпывающие доказательства, с другой – обеспечить защиту психического здоровья ребенка. Именно это противоречие делает особенно актуальной задачу разработки четкого алгоритма принятия решения о проведении проверки показаний на месте (далее – ППнаМ) с участием несовершеннолетних потерпевших. Детская психика отличается незрелостью, повышенной внушаемостью, а само участие в следственных действиях может обернуться повторной психологической травмой. Чтобы избежать этого, решение о проведении ППнаМ должно быть научно обоснованным и взвешенным.

В Беларуси порядок проведения ППнаМ регламентируется ст. 225 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), которая описывает процедуру воспроизведения показаний на месте событий. Дополнительные гарантии прав несовершеннолетних закреплены в ст. 221 УПК. Однако наличие правовой нормы само по себе не защищает ребенка от стресса. Вследствие этого процесс принятия решения о проведении ППнаМ должен включать в себя последовательную оценку пяти ключевых факторов, которые вместе образуют единый алгоритм действий следователя.

Первый критерий – оценка необходимости и целесообразности проведения ППнаМ. Научные исследования Е.Ю. Родиной позволили выделить шесть тактически обоснованных ситуаций, в которых производство данного следственного действия является результативным: когда несовершеннолетний не смог назвать точные параметры или ориентиры расположения объекта, заявив, что может указать путь следования к нему; для более точного и наглядного представления механизма происшедшего; когда имеющие значение для дела обстоятельства могут быть установлены или проверены на месте только с участием допрашиваемого; в целях выяснения первоначальной обстановки, если со временем она была нарушена; для отыскания еще не обнаруженных следов преступления; для установления объектов, наличие которых могло повлиять на ход преступления [1, с. 16–17]. При отсутствии хотя бы одного из указанных оснований проведение ППнаМ нецелесообразно, поскольку создает риск повторной травматизации без доказательственной пользы.

Второй критерий – оценка возрастной допустимости и психологической готовности несовершеннолетнего. На основе психофизиологических характеристик, свойственных конкретному возрастному периоду, Ю.В. Лебедева обосновала дифференцированный подход к допустимости проведения ППнаМ. Для детей раннего возраста (1–3 года) проведение ППнаМ допустимо лишь в исключительных случаях при персонифицированной оценке когнитивных способностей и обязательном участии квалифицированного психолога. Дошкольный возраст (4–6 лет) допускает проведение ППнаМ при обязательном участии психолога, с учетом наглядно-образного мышления и склонности к фантазированию. Младший школьный (7–10 лет) и подростковый (11–14 лет) возраст является наиболее продуктивным для проведения ППнаМ в силу сформированных когнитивных и коммуникативных способностей [2, с. 54–61]. При наличии сомнений в способности несовершеннолетнего к участию в следственном действии решение о допустимости должно приниматься на основании заключения детского психолога.

Третий критерий – изучение личности несовершеннолетнего потерпевшего. Как отмечает Р.А. Варфоломеев, реализация потенциала ППнаМ невозможна без планомерного изучения личности участника данного следственного действия [3, с. 128]. Структура изучения личности включает в себя три компонента. Социально-демографические свойства (состав семьи, социальное положение родителей) влияют на выбор тактических приемов: воспитание в неполной семье может способствовать появлению невротических нарушений, что подлежит учету при оценке хода следственного действия. Нравственно-психологические характеристики личности несовершеннолетнего определяют линию поведения следователя: положительно-ситуативный тип склонен к сотрудничеству, тогда как последовательно-криминогенный требует применения приемов разоблачения ложных показаний. Состояние психического здоровья также имеет принципиальное значение: при наличии психических аномалий традиционные тактические приемы могут оказаться неэффективными или вредными [3, с. 130].

Четвертый критерий – оценка социально-психологической составляющей. Следователю необходимо определить тип взаимоотношений в семье, установить, кто из взрослых является авторитетом для несовершеннолетнего, так как данное обстоятельство может негативно повлиять на поведение ребенка в ходе следственного действия.

Пятый критерий – недопущение повторной психотравматизации несовершеннолетнего потерпевшего. Названный критерий имеет приоритетное значение, поскольку повторное погружение ребенка в атмосферу совершенного в отношении него преступного события может оказать отрицательное воздействие на его психику. Интеграция данного критерия в алгоритм принятия решения о проведении ППнаМ предполагает оценку следующих субкритериев:

участие специалиста (педагога или психолога) при проведении ППнаМ с участием потерпевшего, не достигшего 14 лет;

психологическая готовность – решение о проведении ППнаМ принимается только после предварительной диагностики готовности несовершеннолетнего; признаками недостаточной готовности являются выраженная тревожность, регрессивные формы поведения;

исключение визуального контакта – следователь обязан обеспечить условия, исключающие визуальный контакт несовершеннолетнего с подозреваемым, его защитником или иными лицами, способными оказать психологическое давление;

временные ограничения – продолжительность ППнаМ в УПК не регламентирована, однако следственное действие с участием несовер-

шеннолетних не следует проводить длительное время; при появлении признаков усталости или эмоционального истощения следственное действие подлежит немедленному приостановлению или прекращению;

психологический комфорт – место и время проведения ППнаМ выбираются с учетом минимизации стрессового воздействия; не допускается производство следственного действия в ночное время, в условиях плохой видимости;

добровольность и информированность – участие несовершеннолетнего допускается только при наличии его добровольного согласия и (или) согласия законных представителей, после разъяснения им порядка производства следственного действия;

обязательная видеофиксация – ППнаМ с участием несовершеннолетнего потерпевшего подлежит обязательной видеозаписи, которая выполняет двойную функцию: является гарантией правомерности действий следователя и источником для последующего экспертного анализа эмоционального состояния несовершеннолетнего;

тактическая адаптация – тактика проведения ППнаМ должна соответствовать возрастным и индивидуально-психологическим особенностям несовершеннолетнего;

альтернативность – при наличии равноценных способов получения доказательственной информации, не связанных с проведением ППнаМ, приоритет отдается менее травматичному для несовершеннолетнего способу.

Интеграция вышеуказанных пяти критериев позволяет сформировать алгоритм принятия решения о проведении ППнаМ. На первом этапе следователь оценивает наличие показаний, требующих проверки, и их соответствие критериям целесообразности. На втором этапе определяются возрастная группа несовершеннолетнего и допустимость проведения ППнаМ с учетом психофизиологических особенностей. На третьем этапе изучается личность потерпевшего через анализ социально-демографических, нравственно-психологических характеристик и состояние психического здоровья. На четвертом этапе оцениваются социально-психологическая составляющая в семье и готовность к участию в следственном действии. На пятом этапе проводится оценка риска повторной психотравматизации. Только при положительной оценке всех пяти критериев принимается решение о проведении ППнаМ.

Таким образом, алгоритм принятия решения о проведении ППнаМ в отношении несовершеннолетних потерпевших по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы позволит обеспечить баланс между задачами доказывания и обязанностью госу-

дарства защитить права и психическое здоровье ребенка, минимизировать риск повторной психотравматизации и повысить доказательственную ценность полученных результатов.

Список использованных источников

1. Родина, Е.Ю. Тактика производства процессуальных действий с участием малолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Родина Елена Юрьевна ; С.-Петерб. ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – СПб., 2024. – 21 с.
2. Лебедева, Ю.В. Проверка показаний на месте с участием малолетнего: правовые, криминалистические и психологические аспекты / Ю.В. Лебедева // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2024. – № 4. – С. 50–63.
3. Варфоломеев, Р.А. Значение криминалистической характеристики личности несовершеннолетнего подозреваемого для проведения проверки показаний на месте / Р.А. Варфоломеев // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 4. – С. 127–132.

УДК 343.985

П.В. Седых

ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ПЛАТЕЖНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ, СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА И ИХ РЕКВИЗИТОВ

В 2025 г. в Республике Беларусь выявлены 24 дроп-сервиса [1]. Эти преступные группы осуществляли незаконный оборот платежных инструментов, средств платежа и их реквизитов (далее – НОПИ), тем самым обеспечивая вывод похищенных активов для различных скам-сообществ.

Следует отметить, что сегодня необходимость оперативного выявления и пресечения НОПИ очевидна, поскольку с учетом геополитической обстановки во многих случаях это единственно эффективный способ противодействия организованным преступным группам, действующим транснационально. Тем самым совершенствование криминалистического обеспечения расследования киберпреступлений, в том числе НОПИ, является объективной необходимостью.

В настоящее время нами разрабатывается частная криминалистическая методика расследования НОПИ и исследование способа совершения преступления является отправной точкой в ее создании.

Способ совершения НОПИ в контексте незаконного изготовления, сбыта поддельных банковских платежных карточек либо хищений, совершенных с использованием электронных средств платежа, исследо-

вали А.В. Абдурагимова, Т.Б. Беркинбаев, В.Б. Вехов, С.В. Воронцова, Ю.В. Гаврилин, Н.А. Данилова, Н.В. Дикова, Ю.Б. Имаева, А.В. Маилян, И.М. Мишина, А.В. Седых, А.Д. Тлиш, Е.П. Фирсов и другие ученые.

Однако правоприменительная практика свидетельствует, что способ изменился. Актуальным сегодня является способ совершения НОПИ в форме распространения из корыстных побуждений находящихся в незаконном владении лица реквизитов банковских платежных карточек либо аутентификационных данных, посредством которых возможно получение доступа к счетам, электронным или виртуальным кошелькам (далее – реквизиты БПК, аутентификационные данные) [2, с. 372–379].

Отдельные аспекты современных способов совершения НОПИ находят отражение в работах белорусских ученых С.Л. Гамко и А.В. Зенько [3], Ю.Ф. Каменецкого [4], В.В. Песенко [5]. Однако рассмотрение способа НОПИ не являлось предметом отдельного исследования.

В Российской Федерации комплексным изучением проблемы исследования неправомерного оборота средств платежей занимается Е.А. Сучкова. В ходе исследования одного из способов этого преступления автор указывает: «Общественно опасные действия преступников направлены на электронное средство, электронный носитель информации и электронные средства платежа, используя для осуществления платежных операций с использованием подставных лиц и зарегистрированных на них фирм. ... Последние, имея корыстную заинтересованность, продают данные средства, с предоставлением доступа к расчетным счетам юридического лица» [6, с. 300]. Подобная преступная схема (способ), описанная на основе судебно-следственной практики Российской Федерации, также имела место и в белорусской правоприменительной практике, когда фигурант в целях получения большего количества платежных инструментов оформлял их от имени юридического лица [7].

Типичный для белорусской правоприменительной практики способ совершения НОПИ можно проиллюстрировать примером из публикации С.Л. Гамко и А.В. Зенько: «Н. и Д. согласились на постоянной основе за денежное вознаграждение подыскивать подставных физических лиц – „дропов“. За денежное вознаграждение по просьбе и под контролем Н. и Д. они заключали договоры об оказании услуг электросвязи с операторами связи, получали сим-карты с абонентскими номерами телефонов, заключали договоры на открытие и последующее использование банковских счетов, получали БПК к данным счетам, после чего передавали Н. и Д. сим-карты с абонентскими номерами телефонов, БПК и реквизиты доступа к счетам» [3, с. 62]. Типичным является также наличие последующих звеньев цепи (они же каналы сбыта), по которым

дроповоды (Н. и Д.) распространяли находящиеся в их незаконном владении предметы преступления.

Н. и Д. взаимодействовали с «вышестоящим» дроповодом И., который подыскивал этих лиц для осуществления НОПИ. Он, в свою очередь, «создал Telegram-канал, где рекламировал свои услуги и направлял анонимным покупателям фотоизображения и сообщения с реквизитами БПК, аутентификационными данными» [3, с. 62]. Конечными покупателями предметов преступления, как показывает практика расследования, выступают различные scam-сообщества.

Характеризуя в целом способ совершения НОПИ как полноструктурный (подготовка, совершение и сокрытие), нами рассматривается современный способ непосредственного совершения НОПИ. Он заключается в распространении предметов преступления, которые находятся в незаконном владении виновного лица, совершаемом из корыстных побуждений. Предмет преступления, в свою очередь, выступает объективным фактором, детерминирующим способ совершения преступления, в том числе способ распространения предмета НОПИ [8, с. 382].

Применительно к рассматриваемой форме НОПИ А.В. Ковальчук выделяет следующие способы распространения предмета преступления: при непосредственной передаче предмета преступления, при удаленном сообщении распространителем реквизитов БПК либо аутентификационных данных с помощью использования глобальной компьютерной сети Интернет или другой сети [9].

Имеющиеся эмпирические данные (нами изучено более 100 приговоров и решений суда по ст. 222 Уголовного кодекса Республики Беларусь за период с 2022 по 2025 г.) позволяют характеризовать способ совершения НОПИ в зависимости от способа передачи предмета:

1) при непосредственной передаче предмета преступления – в ходе личной встречи (путем визуальной демонстрации предмета преступления – самой БПК с реквизитами; устного сообщения реквизитов БПК или аутентификационных данных; непосредственно передачи БПК с реквизитами и документов к ней из рук в руки).

Чаще всего при такой передаче предмета преступления данный предмет НОПИ существует физически, как вещь, и в таком виде его передают;

2) при опосредованной передаче предмета преступления – удаленное сообщение распространителем реквизитов БПК либо аутентификационных данных с помощью использования глобальной компьютерной сети Интернет или другой сети:

путем передачи (отправки) электронных сообщений (в ходе переписки в социальной сети, мессенджере, ином цифровом (виртуальном) пространстве);

в ходе телефонного разговора;

с использованием иных средств (переписка в онлайн-играх).

Посредством данного способа предмет НОПИ физически (как вещь) не передается, но передаются сведения о нем посредством сетей и иных цифровых каналов связи.

Эти способы передачи предмета НОПИ представляется возможным дополнить способом, который характеризуется непосредственной передачей предмета преступления, существующего физически, как вещь (например: БПК с реквизитами, документы к ней), но осуществляется виновным лицом опосредованно и без использования цифровых каналов связи;

3) при опосредованной передаче с использованием способов сокрытия преступления – передача предметов преступления с использованием лиц, неосведомленных о противоправной деятельности (курьер, водитель маршрутного такси); посредством тайника.

Субъективным фактором, детерминирующим современный способ совершения НОПИ, чаще всего является прямое стремление извлечь материальную выгоду (деньги), как правило, для себя [8, с. 384–385]. В то же время извлечение виновным имущественной выгоды в виде получения дохода не является обязательным, главное, чтобы у лица было стремление на ее извлечение для себя или близких либо имелось намерение избавить себя или близких от материальных затрат [9].

Ведя речь об указанном мотиве, важно отметить, что обнаружение органом уголовного преследования сведений об оплате (получении) деятельности по НОПИ имеет ключевую значимость с точки зрения установления выводной цепочки денежных средств, лиц, причастных к НОПИ и другим киберпреступлениям. Это возможно ввиду того, что оплата (получение) предполагает совершение лицами, причастными к НОПИ, действий, которые с точки зрения исследования способа совершения НОПИ должны быть отнесены к одному из его структурных элементов.

Так, оплата за распространение предмета преступления предполагает совершение действий по оплате со стороны третьих лиц (канал сбыта). Такая оплата может производиться путем пополнения карт-счета дроповода, лицевого счета его абонентского номера, виртуального кошелька, игрового счета и др.

С точки зрения дроповода получение оплаты от третьих лиц представляет собой, с одной стороны, бездействие (ожидание оплаты), с

другой – предполагает во многих случаях сообщение сведений о реквизитах своего счета, электронного кошелька, виртуального кошелька, необходимых для получения оплаты. Это может происходить как на этапе предварительной договоренности между дроповодом и третьими лицами (канал сбыта), так и после факта распространения предметов преступления.

Таким образом, действия виновного лица по получению оплаты от третьих лиц путем пополнения счетов, электронных кошельков, виртуальных кошельков дроповода, когда они выполняются после распространения предметов НОПИ, по нашему мнению, следует отнести к способу непосредственного совершения преступления.

Следует также обратить внимание на оплату деятельности дропов (субъект административного правонарушения) со стороны дроповода (субъект преступления). Оплата услуг дропа может осуществляться сразу после получения от него реквизитов БПК и аутентификационных данных, т. е. как бы из личных средств дроповода. В этом случае мы говорим про подготовку к совершению преступления, поскольку последующего распространения предметов преступления из корыстных побуждений еще не наступило. Однако если оплата услуг дропа осуществлялась после распространения дроповодом предметов преступления третьим лицам (канал сбыта) и получения от них оплаты, соответственно, действия виновного лица по оплате деятельности дропов будут относиться к способу непосредственного совершения НОПИ.

С учетом вышеизложенного современный способ совершения НОПИ – это действия виновного лица (дроповода) по распространению из корыстных побуждений находящихся в его незаконном владении платежных инструментов и их реквизитов, оформленных на подставных лиц (дропов), а также по оплате за выполнение указанных действий в интересах третьих лиц (канал сбыта).

Описание современного способа непосредственного совершения НОПИ и его определение дают теоретический прирост в разработке частной криминалистической методики расследования НОПИ, служат основой практических рекомендаций для качественного расследования данного вида преступления.

Список использованных источников

1. Киберпреступность-2025: что происходит на самом деле // Следственный комитет Республики Беларусь. – URL: <https://sk.gov.by/ru/news-ru/view/kiberprestupnost-2025-chto-proisxodit-na-samom-dele-15685/> (дата обращения: 27.02.2026).

2. Седых, П.В. Генезис проблемы расследования незаконного оборота платежных инструментов, средств платежа и их реквизитов / П.В. Седых // Следственная деятельность : сб. науч. тр. / Ин-т Следств. ком. Респ. Беларусь. – Мн., 2025. – Вып. № 5. – С. 367–382.

3. Гамко, С.Л. Положительный опыт противодействия незаконному распространению реквизитов банковских платежных карточек, аутентификационных данных для доступа к счетам / С.Л. Гамко, А.В. Зенько // Предварительное расследование. – 2024. – № 1. – С. 61–64.

4. Каменецкий, Ю.Ф. Противодействие киберпреступлениям в контексте формирования нелегальной цифровой отрасли / Ю.Ф. Каменецкий // Предварительное расследование. – 2025. – № 2. – С. 20–27.

5. Песенко, В.В. Положительный опыт предварительного следствия по факту совершения незаконного оборота средств платежа и (или) инструментов / В.В. Песенко // Предварительное расследование. – 2024. – № 2. – С. 74–77.

6. Сучкова, Е.А. Исследование способа совершения неправомерного оборота средств платежей / Е.А. Сучкова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2025. – № 1. – С. 298–305.

7. Архив суда г. Минска за 2024 г. – Приговор по уголовному делу № 102У2437.

8. Седых, П.В. Факторы, детерминирующие современные способы совершения незаконного оборота платежных инструментов, средств платежа и их реквизитов / П.В. Седых // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности : тез. докл. V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13 нояб. 2025 г. / редкол.: С.Я. Аземша (пред.) [и др.] ; науч. ред. М.П. Шруб. – Мн. : СтройМедиаПроект, 2025. – С. 380–387.

9. Ковальчук, А.В. Комментарий к статье 222 / А.В. Ковальчук // Научно-практический комментарий к главе 25 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» : актуально на 19 авг. 2025 г. // iLex : информ.-правовая система (дата обращения: 27.02.2026).

УДК 343.98

К.В. Скрипко

СЛЕДОВАЯ КАРТИНА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 была утверждена Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Данный документ стратегического планирования задает основополагающие ориентиры обеспечения собственной безопасности в различных сферах. Минимизация уровня коррупции

призвана одним из основных национальных интересов в социальной сфере.

Полагая, обеспечение национальной безопасности невозможно без формирования эффективного механизма раскрытия, расследования и предупреждения коррупционных преступлений. В свою очередь, результативность расследования напрямую зависит от осмысления особенностей следовой картины данных преступлений.

В условиях цифровизации изменение коррупционных преступлений является закономерным процессом. В ходе реализации современных способов совершения коррупционных преступлений все чаще используются различные цифровые средства и инструменты (программы, технологии и т. д.). Как отмечают следователи, фиксируется усложнение коррупционных схем.

А.А. Дедковский также указывает на специфику следовой картины преступлений, механизм которых предусматривает использование IT-технологий, «возможность совершения последних удаленно, без физических контактов» [1, с. 85]. Следы преступной деятельности могут храниться на удаленных серверах, в распределенных реестрах, в облачных сервисах, а также маскироваться посредством специализированного программного обеспечения.

И.Г. Мухин отмечает, что «перед передачей криптовалюты в качестве предмета взятки взяткодатель приобретает на бирже Bitcoin за доллары США; производит транзакцию в Bitcoin (переводит на виртуальный кошелек взяткополучателя); взяткополучатель реализует Bitcoin, переводя криптовалюту обратно в фидуциарные деньги» [2, с. 205].

Следовая картина представляет собой объективно обусловленный результат взаимодействия лица с окружающей средой. При этом субъект совершения коррупционного деяния является основным и системообразующим элементом. В описанном примере, приведенным И.Г. Мухиным, каждое действие субъекта порождает специфические следы (банковские операции, блокчейн-записи, транзакции и т. д.).

В процессе расследования коррупционных преступлений важно установить признаки, по которым можно идентифицировать такого субъекта, его должностное положение. Однако субъект коррупционного преступления характеризуется не только должностным статусом и наличием управленческих полномочий. В условиях цифровизации он может обладать различным уровнем цифровых компетенций. К их числу относится также знание принципов функционирования цифровых технологий, криптовалют, механизмов анонимизации и способов сокрытия

цифровых следов. Такой субъект, как правило, имеет доступ к цифровой инфраструктуре, например к криптоплатформам или электронным кошелькам [3].

Цифровая трансформация обуславливает учет такого значимого признака, как уровень цифровых компетенций лица. Уровень цифровой компетенции напрямую влияет на характер и сложность следовой картины: чем выше уровень, тем более завуалированной становится система следов (криптоплатформы, одноразовые кошельки, смешанные монеты, анонимные аккаунты, сокрытие IP-адресов). В связи с этим усложняется процесс криминалистической идентификации. Указанные особенности формируют специфическую следовую картину коррупционного преступления, что, в свою очередь, имеет значение для построения следственных версий.

Таким образом, цифровая трансформация коррупционных проявлений обуславливает изменение следовой картины. Современная следовая картина коррупционных преступлений представляет собой сложную систему следов, формируемую в результате взаимодействия субъекта с информационной средой.

Данный аспект имеет принципиальное значение для эффективного механизма раскрытия, расследования и предупреждения коррупционных преступлений, тем самым реализуя задачи обеспечения национальной безопасности в условиях цифровизации.

Список использованных источников

1. Дедковский, А.А. Криптопреступление: понятие, виды, характеристика отдельных компонентов / А.А. Дедковский // Тактика и методика расследования преступлений: теория, практика, инновации : материалы круглого стола с междунар. участием, Минск, 25–26 окт. 2024 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: В.Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Мн., 2024. – С. 84–91.

2. Мухин, И.Г. Криптовалюты как предмет преступного посягательства в криминалистике / И.Г. Мухин // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегод. криминалист. чтения) : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 18 мая 2018 г. / Акад. упр. МВД России ; редкол.: С.В. Валов (пред.) [и др.]. – М., 2018. – С. 202–205.

3. Коррупционер в игровой сфере брал взятки в криптовалюте: обвиняемый под стражей // Следственный комитет Республики Беларусь. – URL: <https://sk.gov.by/ru/news-ru/view/korrupsioner-v-igornoj-sfere-bral-vzjatki-v-kriptovaljute-obvinjaemyj-pod-strazhej-13722/> (дата обращения: 26.02.2026).

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ БЕСКОНТАКТНЫХ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Расследование дорожно-транспортных происшествий (ДТП), повлекших по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или его смерть, на современном этапе развития российского законодательства представляет собой сложную, многогранную задачу. Особую сложность приобретает расследование так называемых бесконтактных ДТП, криминалистическая природа которых до настоящего времени остается предметом острых научных дискуссий и правоприменительных ошибок.

Основным признаком, характеризующим бесконтактное ДТП, является отсутствие факта физического взаимодействия (контакта) между транспортными средствами (ТС), а также между ТС и пешеходами. Причинно-следственный механизм развития такого вида ДТП заключается в том, что действия одного участника дорожного движения, создавшего помеху (критическую аварийную ситуацию), вынуждают другого водителя принимать экстренные меры. В сложившихся условиях действия водителя, реагирующего на опасность, могут привести к причинению вреда третьим лицам или объектам, ранее не вовлеченным в конфликт [1, с. 191].

Отсутствие контакта не исключает вины, но существенно усложняет процесс доказывания. Актуальность темы обусловлена ростом числа ДТП, где вред причиняется не столкновением, а уклонением от него. В правоприменительной практике наблюдается фрагментарность методик расследования таких ДТП, что влечет неверную квалификацию либо необоснованное освобождение виновных от ответственности.

Приведем классический пример бесконтактного ДТП. Автомобиль «А» поворачивает налево, автомобиль «Б» движется прямо. Из-за ограниченной видимости опасность первоначально отсутствует. При сближении водитель «Б», обнаружив, что автомобиль «А» перегородил ему путь, предпринимает маневр объезда, предотвращая столкновение. В результате автомобиль «Б» выезжает на тротуар и наезжает на препятствие, причиняя вред здоровью. Контакт между автомобилями «А» и «Б» отсутствует, но именно действия водителя автомобиля «А» создали аварийную обстановку, детерминировавшую последующее ДТП. Задача криминалистики – разработка методов фиксации и анализа таких ситуаций [2, с. 246].

Несмотря на отсутствие физического взаимодействия в виде столкновения ТС, бесконтактное ДТП, на наш взгляд, является серьезным происшествием, требующим всестороннего и объективного разбирательства. Криминалистически значимой особенностью здесь выступает необходимость установления не только факта нарушения Правил дорожного движения (ПДД), но и всей совокупности причин и условий, способствовавших развитию критической аварийной ситуации, которая, в свою очередь, детерминировала наступление общественно опасных последствий с иными участниками дорожного движения.

В отсутствие легальной дефиниции бесконтактного ДТП в законодательстве правоприменитель и научное сообщество вынуждены восполнять этот пробел доктринальным толкованием. Анализ сложившейся правовой позиции позволяет согласиться с выводом о том, что к категории бесконтактных следует относить ДТП, где действия лица, управляющего ТС, состоят не только в нарушении конкретных пунктов ПДД, но и в создании такой аварийной обстановки, которая объективно вынуждает других участников дорожного движения действовать в условиях крайней необходимости либо с целью избежать столкновения, что в итоге приводит к ДТП с причинением вреда.

С криминалистической точки зрения это означает, что предмет доказывания по данной категории дел расширяется. Следовательно необходимо установить: наличие причинно-следственной связи между действиями «первичного» нарушителя (создателя помехи) и последствиями, наступившими у «вторичных» участников; отсутствие у водителя, попавшего в критическую ситуацию, технической возможности предотвратить вред иным способом (кроме того маневра, который он совершил); момент возникновения опасности и психофизиологические возможности водителя по адекватному реагированию на нее. Таким образом, отсутствие законодательно закрепленного понятия не освобождает следствие от обязанности квалифицировать содеянное по ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), но предъявляет повышенные требования к качеству криминалистического обеспечения расследования, в частности к назначению комплексных экспертиз и моделированию дорожной ситуации.

Для эффективного расследования бесконтактных ДТП первостепенное значение имеет установление типичных обстоятельств их возникновения. Анализ практики позволяет выделить наиболее распространенные причины развития критической аварийной обстановки: внезапное начало маневра (поворот, разворот, обгон, перестроение) без заблаговременной подачи сигнала, создающее помеху другим участникам; не-

соблюдение скоростного режима без учета дорожных условий (знаки, рельеф, покрытие, освещенность); отсутствие контроля за управлением ТС по субъективным причинам (телефон, беседа с пассажиром, ухудшение самочувствия); внезапное падение груза, вызывающее резкое маневрирование (объезд препятствия); внезапное появление пешехода в местах, где это неожиданно для водителя (автомагистраль, вне переходов). Данный перечень имеет криминалистическое значение, позволяя систематизировать типичные следственные ситуации и определить алгоритм первоначальных действий.

Осмотр места происшествия по делам о бесконтактных ДТП при всем его сходстве с классической процедурой обладает существенной спецификой. Объектом осмотра выступает не только участок, где произошло столкновение или наезд (финальная фаза), но и вся территория развития аварийной ситуации. Для системного подхода к осмотру представляется целесообразным выделять пять ключевых фаз развития бесконтактного ДТП: фаза обнаружения опасности – место, где у водителя возникла объективная возможность воспринять помеху; фаза реагирования – участок, на котором водитель принял меры (торможение, маневрирование, их комбинация); фаза разъезда (объезда) – место, где ТС разминулись без контакта; фаза последствий разъезда – участок, где ТС утратило устойчивость или изменило траекторию; фаза совершения ДТП – место столкновения с иным участником, наезда на препятствие или опрокидывания [3, с. 80].

Если описание обстановки в пятой фазе осуществляется по классической методике фиксации ДТП, то выявление и анализ следов в фазах 1–4 имеют основополагающее значение для доказывания по данной категории дел. Именно здесь формируется доказательственная база, позволяющая установить первопричину ДТП. Ключевое значение приобретает работа со следами шин, оставленными при резком маневрировании. Их криминалистический анализ (фиксация в протоколе, отображение на схеме и фототаблицах) позволяет решить одну из главных задач расследования: определить, являлось ли маневрирование вынужденной и технически обоснованной реакцией на опасность либо было следствием ложных (ошибочных) действий водителя, вызванных испугом или неверной оценкой обстановки. Приоритетное направление – поиск и изъятие видеозаписей с регистраторов и камер наблюдения: их анализ позволяет точно восстановить механизм ДТП и момент возникновения опасности. При отсутствии видеофиксации основой экспертного моделирования служат характер и расположение следов шин.

Правовую основу для привлечения к ответственности создателей аварийной обстановки формирует позиция высшей судебной инстанции. Как следует из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25, при нарушении ПДД несколькими участниками ответственность по ст. 264 УК РФ наступает при наличии причинной связи между действиями каждого из них и наступившими последствиями. Более того, в правоприменительной практике подчеркивается, что отсутствие непосредственного контакта ТС не изменяет характера правоотношений, а под воздействием источников повышенной опасности понимаются и иные, кроме столкновения, виды взаимодействия [4, с. 158].

Проведенное исследование позволяет сформулировать выводы, имеющие значение для криминалистического обеспечения расследования бесконтактных ДТП. Бесконтактное ДТП – многостадийный процесс, где вред причиняется не столкновением, а действиями участников, вынужденно реагирующих на созданную другим лицом аварийную обстановку. Криминалистическая характеристика бесконтактных ДТП включает в себя типичные способы создания опасности: внезапное маневрирование, нарушение скоростного режима, отвлечение внимания, а также особенности обстановки и личности участников, что служит основой для выдвижения версий и планирования расследования. Методика расследования должна базироваться на «пофазном» анализе ситуации при комплексном использовании ситуационной, автотехнической и психофизиологической экспертиз для моделирования альтернативных вариантов развития событий и оценки обоснованности маневра. Таким образом, эффективное расследование бесконтактных ДТП возможно лишь при комплексном применении криминалистических средств на всех этапах доказывания.

Список использованных источников

1. Лосев, П.А. Особенности производства экспертных исследований «бесконтактных» ДТП // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 190–192.
2. Сучков, А.И. Особенности расследования уголовных дел по дорожно-транспортным преступлениям при бесконтактном ДТП / А.И. Сучков // Актуальные проблемы предварительного расследования : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / С.-Петерб. ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – СПб., 2022. – С. 245–250.
3. Бадиков, Д.А. Бесконтактные дорожно-транспортные преступления: особенности расследования / Д.А. Бадиков, А.И. Сучков // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 1. – С. 78–83.

4. Попов, Е.М. Бесконтактные ДТП / Е.М. Попов // Конституционно-правовое регулирование общественных отношений: теория, методология, практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Воронеж, 25 янв. 2018 г. – Воронеж : АМиСта, 2018. – С. 156–161.

УДК 343.985.7

Е.А. Тимофеева

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ СУБЪЕКТОВ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ КОНТРОЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНИЗАЦИЙ СОБСТВЕННИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ,
В РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ДОЛЖНОСТНЫМИ
ЛИЦАМИ УКАЗАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
СВОИХ СЛУЖЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ**

С учетом современных научных подходов криминалистической науки и анализа правовой регламентации деятельности организаций собственников (ОС) в Республике Беларусь представляется важным определить возможности использования отдельных видов специальных знаний при расследовании хищений, совершаемых должностными лицами указанных организаций с использованием своих служебных полномочий.

В практической деятельности органов уголовного преследования, связанной с расследованием хищений, совершенных должностными лицами ОС с использованием своих служебных полномочий, чаще всего используются следующие виды специальных знаний сведущих лиц: получение у специалистов письменных справок, ответов, заключений и др.; получение устных консультаций у специалистов; привлечение специалистов для участия в процессуальных и следственных действиях; назначение экспертиз; проведение допроса специалиста в качестве свидетеля; проведение допроса эксперта.

Кроме этого, отдельного внимания заслуживает использование следователем специальных знаний субъектов, осуществляющих контроль деятельности ОС (в том числе финансово-хозяйственной деятельности (ФХД)).

Так, контроль деятельности ОС в зависимости от субъектов, его осуществляющих, может быть представлен в виде:

- 1) внутреннего контроля, осуществляемого членами ревизионной комиссии ОС в форме проверки ФХД ОС;
- 2) независимого контроля, осуществляемого аудитором или аудиторской организацией в форме аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности;

3) государственного контроля, осуществляемого:

контролирующим (надзорным) органом (местным исполнительным и распорядительным органом) в форме проверки ФХД или мониторинга деятельности ОС в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 6 июня 2025 г. № 227 «О повышении эффективности контрольной (надзорной) деятельности» (далее – Указ № 227) [1];

местными исполнительными и распорядительными органами в форме мероприятий предупредительного характера в соответствии со ст. 8, 9, 186 Жилищного кодекса Республики Беларусь (далее – ЖК) [2].

В соответствии со ст. 171 ЖК создаваемая в ОС ревизионная комиссия осуществляет свои контрольные полномочия путем проведения не реже одного раза в год проверки ФХД ОС, а также путем постоянного отслеживания соблюдения финансово-хозяйственной дисциплины и законодательства о финансовой деятельности ОС. Следует отметить, что ЖК не содержит норм, определяющих порядок и методы проведения проверки ФХД членами ревизионной комиссии. В число членов ревизионной комиссии ОС входит не менее трех человек, которыми не могут являться председатель правления и члены правления ОС, их близкие родственники и свойственники, а также уполномоченные. Результаты проведенной проверки ФХД ОС отражаются в заключении ревизионной комиссии ОС.

В то же время результаты деятельности ревизионной комиссии могут быть недостаточно объективны, поскольку ее члены, как правило, заинтересованы в ходе проверки и могут быть некомпетентны в некоторых вопросах деятельности ОС ввиду того, что законодатель не закрепляет квалификационные требования, предъявляемые к членам ревизионной комиссии.

Результаты изучения мнений правоохранительных органов показали, что наиболее действенным видом контроля деятельности ОС является контроль, осуществляемый аудитором или аудиторской организацией. Нормы ЖК предусматривают возможность осуществления аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности как альтернативу проверке ФХД членами ревизионной комиссии (п. 1 ст. 171 ЖК). Аудит в данном случае представляет собой независимую оценку финансовой деятельности ОС, проводимую за счет собственных средств организации путем заключения договора с привлекаемым извне аудитором или аудиторской организацией. Принятие решения о проведении аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности относится к исключительной компетенции общего собрания членов ОС в соответствии со ст. 167 ЖК. Результаты проведенного аудита отражаются в аудиторском заключении [3].

Согласно нормам Указа № 227 государственный контроль деятельности ОС осуществляется контролирующими (надзорными) органами (местными исполнительными и распорядительными органами) в форме проверок ФХД ОС (выборочных и внеплановых) и мониторинга деятельности ОС.

Внеплановая проверка ФХД ОС может назначаться по поручению органа уголовного преследования по возбужденному уголовному делу, судов по находящимся в их производстве делам и по иным основаниям, предусмотренным действующим законодательством. В свою очередь, для включения ОС в план выборочных проверок применяется риск-ориентированный подход, в соответствии с которым ОС должна соответствовать критериям оценки степени риска, содержащимся в решении Минского городского исполнительного комитета от 22 марта 2018 г. № 940 «Об утверждении критериев оценки степени риска» [4]. Критерии оценки степени риска должны быть направлены на выявление признаков, свидетельствующих о возможности нарушения субъектом законодательства.

В то же время действующими подзаконными актами не предусмотрено присутствие такого критерия, как «наличие возбужденного уголовного дела в отношении должностных лиц ОС». Включение данного критерия в имеющийся перечень критериев с присвоением ему наивысшего балла позволило бы осуществить проверку ФХД местным исполнительным и распорядительным органом сразу после возбуждения уголовного дела в отношении должностных лиц ОС, а соответственно, способствовало бы установлению дополнительных фактов преступной деятельности или предупреждению их совершения.

Нормами Указа № 227 и ЖК предусмотрено проведение контролирующим (надзорным) органом мониторинга деятельности ОС, который представляет собой форму контроля, заключающуюся в наблюдении, анализе, оценке, установлении причинно-следственных связей, применяемую контролирующим (надзорным) органом для выявления и предотвращения нарушений законодательства и недостатков в осуществлении деятельности субъекта, причин и условий, способствовавших совершению нарушений и допущению недостатков. Мониторинг может проводиться контролирующим (надзорным) органом дистанционно путем анализа и оценки имеющихся у него в распоряжении информации, документов и сведений о деятельности ОС на предмет соответствия требованиям законодательства без выхода на территорию ОС, а также путем наблюдения за деятельностью ОС, на территории которой она осуществляется, в целях оперативной оценки фактического состояния

ОС и условий ее деятельности на предмет соответствия требованиям законодательства. Результаты мониторинга могут быть оформлены в виде предложений, требования (предписания), рекомендаций.

Вместе с тем положения Указа № 227 не содержат возможности изучения органом уголовного преследования результатов мониторинга, содержащих признаки нарушений законодательства, в том числе в части необоснованного расходования денежных средств ОС, что могло бы иметь и предупредительный характер.

Местные исполнительные и распорядительные органы также осуществляют государственный контроль, в том числе контроль ФХД ОС, в соответствии со ст. 8, 9, 186 ЖК. Нормы ЖК не предусматривают порядок, формы и методы осуществления ими контрольных полномочий, однако, исходя из смыслового содержания норм указанного кодифицированного нормативного правового акта, контролирующий орган вправе реализовывать контрольные полномочия по защите прав и законных интересов членов ОС, в том числе проводить документальный анализ деятельности ОС путем истребования соответствующих документов о ФХД ОС. Перечень названных контрольных полномочий местного исполнительного и распорядительного органа открыт, что дает возможность контролирующему субъекту осуществлять полный комплекс мероприятий предупредительного характера.

Учитывая важность для органа уголовного преследования результатов контроля, проводимого контролирующими (надзорными) органами, иными субъектами, осуществляющими контроль деятельности ОС, в том числе ФХД, представляется целесообразным организовать взаимодействие между органом уголовного преследования и перечисленными субъектами по имеющимся материалам проверки, уголовным делам:

путем внесения предложений органом уголовного преследования о возможности проведения мониторинга деятельности ОС;

оказания содействия органу уголовного преследования посредством его информирования местным исполнительным и распорядительным органом о результатах контроля деятельности ОС;

оказания содействия органу уголовного преследования путем предоставления местным исполнительным и распорядительным органом результатов контроля деятельности ОС (в том числе ФХД) с установленными им нарушениями с целью рассмотрения их в соответствии с компетенцией;

проведения рабочих совещаний с целью планирования и организации проведения проверки ФХД, осуществления мониторинга деятельности ОС, реализации иных форм контроля по материалам проверки и уголовным делам в отношении должностных лиц ОС;

истребования результатов контроля у аудитора, аудиторской организации, ревизионной комиссии ОС и местного исполнительного и распорядительного органа.

Сформированные криминалистические рекомендации о возможностях использования органом уголовного преследования специальных знаний субъектов, осуществляющих контроль деятельности ОС, в том числе путем взаимодействия с последними, полагаем, будут способствовать не только качественному осуществлению процессуальных и следственных действий по материалам проверки и уголовным делам, но и противодействовать хищениям, совершаемым должностными лицами ОС с использованием своих служебных полномочий.

Список использованных источников

1. О повышении эффективности контрольной (надзорной) деятельности : Указ Президента Респ. Беларусь от 6 июня 2025 г. № 227 : в ред. от 17 сент. 2025 г. № 337 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 11.03.2026).

2. Жилищный кодекс Республики Беларусь : 28 авг. 2012 г. № 428-З : принят Палатой представителей 31 мая 2012 г. : одобр. Советом Респ. 22 июня 2012 г. : в ред. от 16 марта 2026 г. № 37-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 21.03.2026).

3. Об аудиторской деятельности : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 56-З : в ред. от 14 июля 2025 г. № 95-З // іlex : информ.-правовая система (дата обращения: 13.03.2026).

4. Об утверждении критериев оценки степени риска : решение Мин. гор. исполн. ком. от 22 марта 2018 г. № 940 : в ред. от 5 янв. 2023 г. № 22 // іlex : информ.-правовая система (дата обращения: 14.01.2026).

УДК 343.98

В.В. Толочко

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В последние годы все чаще приходится констатировать снижение количества определенных видов преступлений, совершаемых при непосредственном физическом контакте преступника и потенциальной жертвы. Одновременно увеличивается доля дистанционно совершаемых преступлений с использованием различных компьютерных и информационных технологий. Как следствие, возникает необходимость совершенствования существующих и разработки новых методик расследований конкретных видов преступлений.

Методологической основой построения системы частных криминалистических методик и определения их содержания является криминалистическая классификация преступлений. В связи с этим видится необходимым углубленное изучение существующих и разработка новых (соответствующих современным реалиям и потребностям практических подразделений) криминалистических классификаций преступлений, которым сегодня уделяется недостаточно внимания.

Сущность классификации заключается в группировке множества объектов по определенным признакам в классы с целью их систематизации, упорядочивания, сравнительного анализа. Классификация является важным инструментом научных исследований. Так, в криминалистике широкое распространение получила криминалистическая классификация преступлений, при построении которой используются классификационные признаки, определяемые исходя из криминалистической характеристики преступлений [1, с. 33].

Криминалистическая классификация преступлений имеет давнюю историю развития, активно разрабатывается с 1970-х гг., однако до сих пор далека от завершения [2, с. 320]. Известные в криминалистической литературе схемы общей классификации преступлений, построенные с учетом их наиболее общих признаков, не в полной мере отражают многообразие видов преступлений и условий их осуществления. Обычно они дополняются разнообразными схемами частной классификации преступлений, более детально описывающими отдельные особенности преступлений. Нередко схемы классификации преступлений представляют собой сложную иерархическую структуру – криминалистическое дерево классификации, которое «имеет достаточно много уровней и подуровней, оказывает существенное влияние на системные исследования преступной деятельности в криминалистике, разработку методических рекомендаций по расследованию и предупреждению преступлений» [1, с. 39].

Типичным примером общей криминалистической классификации преступлений является классификация, в которой выделено шесть основных классификационных групп преступлений, составленных по следующим признакам: способ совершения и сокрытия преступления, субъект совершения преступления, потерпевший и особенности его поведения, непосредственный объект и предмет преступного посягательства, субъективная сторона преступления, специфика места, времени и обстановки совершения преступления [1, с. 33–38].

В пределах каждой из этих основных групп преступления классифицируются по дополнительным признакам, объединяясь в дополнитель-

ные группы более низкого иерархического уровня. Так, в первой основной группе такими признаками, относящимися к способу совершения преступления, являются: структура, содержание и время реализации способа совершения преступления; сложность использованной криминальной технологии; вхождение преступника в преступную группировку, распределение криминальных ролей при совершении преступления между его участниками и уровень координации их действий; орудия и средства совершения преступления; факт осуществления, правовой характер и сложность действий по сокрытию преступления.

В свою очередь, в пределах каждой из этих дополнительных групп преступления классифицируются по новым дополнительным признакам, объединяясь в новые дополнительные группы еще более низкого иерархического уровня. Так, преступления, сгруппированные по признаку структуры способа совершения преступления, подразделяются на преступления, характеризующиеся наличием или, наоборот, отсутствием единого криминального замысла действий по их подготовке и сокрытию.

Построенная таким образом трехуровневая схема общей криминалистической классификации преступлений характеризуется общими классификационными признаками, которые могут быть применены в отношении самых разных преступлений, независимо от их вида или специфики условий совершения.

Типичным примером соотношения общей и частной криминалистических классификаций преступлений являются классификации средств высокотехнологичных преступлений: общая классификация, применимая для всех групп средств и проведенная по таким признакам, как содержание технической реализации средств (программные, аппаратные и программно-аппаратные средства), законность их происхождения, вклад преступников в их разработку и создание, элементы способа преступления, и частные классификации, относящиеся к группе программно-аппаратных средств, характеризующиеся такими признаками, как энергозависимость, мобильность, наличие сетевого интерфейса и вид юридических правомочий на использовавшиеся средства [3, с. 435].

Известно немало частных криминалистических классификаций преступлений, свидетельствующих о большом разнообразии видов преступлений и условий их совершения. Примерами тому являются криминалистические классификации преступлений в сфере обеспечения продовольственной безопасности [4, с. 155], коррупционных преступлений [5, с. 117], преступлений, совершаемых в сети Интернет [6, с. 56],

преступлений, совершаемых в местах принудительного содержания [7, с. 211], преступлений, причиняющих вред чести, достоинству и репутации [8, с. 14], компьютерных преступлений [9, с. 266] и др.

В Министерстве внутренних дел Республики Беларусь на нормативно-правовом уровне осуществляется учет преступлений по направлениям деятельности органов внутренних дел. В зависимости от того, какой нормой Уголовного кодекса Республики Беларусь предусмотрено преступление (и (или) каким способом оно совершено), преступления объединены в следующие группы: «преступления по линии уголовного розыска», «преступления по линии наркоконтроля и противодействия торговле людьми», «борьба с коррупцией и экономическими преступлениями», «противодействие киберпреступности», «противодействие экстремизму» и др. Это, по сути, выступает основой их классификации, в том числе криминалистической. Кроме того, имеется техническая возможность структурирования криминалистически значимой информации об определенных преступлениях в соответствующей автоматизированной информационной системе (АИС «ГУПК»), что положительно сказывается на процессе расследования киберпреступлений, а в ряде случаев позволяет также объединять уголовные дела.

Таким образом, существует широкий спектр криминалистических классификаций различных видов преступлений, использование которых будет способствовать выработке необходимых рекомендаций, отражающихся в совершенствовании существующих и разработке новых частных методик расследований преступлений на основе научно-технических возможностей и с учетом вариабельности, динамичности и специфики совершаемых преступлений. Вследствие этого практически важно дальнейшее изучение особенностей построения таких классификаций и алгоритмов их применения в борьбе с преступностью.

Список использованных источников

1. Головин, А.Ю. Базовые криминалистические классификации преступлений / А.Ю. Головин // Известия Тульского государственного университета. Серия: Экономические и юридические науки. – 2013. – Вып. 2, ч. 2. – С. 31–40.
2. Белкин, Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. / Р.С. Белкин. – М. : Юристъ, 1997. – Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – 480 с.
3. Поляков, В.В. Криминалистическая классификация средств высокотехнологичных преступлений / В.В. Поляков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2024. – № 2. – С. 435–453.
4. Малимонова, А.С. Криминалистическая классификация преступлений в сфере обеспечения продовольственной безопасности / А.С. Малимонова // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 8. – С. 152–159.

5. Хлус, А.М. Криминалистическая классификация и ее значение для формирования общей методики расследования коррупционных преступлений / А.М. Хлус // Эпомен. – 2022. – № 74. – С. 110–123.

6. Милто, Е.А. Особенности классификации современных преступлений, совершаемых посредством сети Интернет / Е.А. Милто // Курсантские исследования : сб. науч. работ / Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: Ю.А. Матвейчев (пред.) [и др.]. – Могилев, 2018. – Вып. 5. – С. 55–57.

7. Климаков, Л.Л. Классификация организованных форм и видов преступной деятельности в местах принудительного содержания / Л.Л. Климаков // Общество и право. – 2016. – № 2. – С. 210–214.

8. Гулиева, Н.Б. Классификация преступлений, причиняющих вред чести, достоинству и репутации / Н.Б. Гулиева // Уголовная юстиция. – 2019. – № 13. – С. 13–16.

9. Лузгин, И.И. Криминалистика : учеб.-метод. комплекс : в 5 ч. / И.И. Лузгин. – Новополюк : ПГУ, 2008. – Ч. 2 : Криминалистическая техника и системная технология (криминалистическое исследование материальной структуры преступления) : в 2 кн. – Кн. 2. – 300 с.

УДК 343.985

О.В. Трубкаина

ПСИХОТРАВМИРУЮЩАЯ СИТУАЦИЯ КАК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЙ ФАКТОР: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЧНОСТЬ

При доказывании объективной и субъективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 106 «Убийство матерью новорожденного ребенка», 107 «Убийство, совершенное в состоянии аффекта» и 113 «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта» Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), установление наличия психотравмирующей ситуации имеет принципиальное значение, на что прямо указывает конструкция данных составов. Совершению указанных преступлений способствуют не только сложившаяся внешняя обстановка и поведение потерпевшего (за исключением ст. 106 УК РФ), но и личное внутреннее переживание лица, совершившего преступление. В связи с этим требуются четкое разграничение и содержательное толкование терминов, используемых в диспозициях названных статей, что обеспечит верное толкование элементов криминалистической характеристики, основные из которых, при установлении их корреляционной зависимости, будут опираться на исследуемое нами понятие.

Статья 106 УК РФ указывает на совершение убийства «в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости». Часть 1 ст. 107 и ст. 113 УК РФ описывают преступление, «совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействиями) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего». Более развернутое определение аффекта дал советский психолог и философ С.Л. Рубинштейн, характеризуя его как «стремительно и бурно протекающий эмоциональный процесс взрывного характера, который может дать неподчиненную сознательному волевому контролю разрядку в действии» [1, с. 46]. А.А. Точилкина в своем исследовании указывает, что «аффект, хотя и представляет собой деструктивное психофизиологическое состояние, но сопровождающее его внезапное резкое сужение и торможение сознания не является вариантом психического расстройства» [2, с. 74], что, соответственно, не исключает уголовной ответственности.

Значимой характеристикой аффекта является его внешнее поведенческое проявление. Так, реакции торможения могут быть сильнее возбуждения и способны ввести человека в состояние расслабления, абсолютной отстраненности или полного ступора либо, наоборот, обусловить гнев. В таком случае торможение будет проявляться в том, что лицо, испытывающее аффект, не может совладать со своими эмоциями, а осознание контроля над ситуацией и взвешивание мотивов происходящего становятся невозможными, действия приобретают взрывной характер. Состояние физиологического аффекта может возникнуть у любого человека, в самых разных ситуациях, способных оказать сильное воздействие на его психику. Такими ситуациями могут стать дорожно-транспортное происшествие, стихийное бедствие, несчастный случай, социальные конфликты и т. д. Указанные обстоятельства не могут зависеть от человека и являются делом случая, но могут оставить неизгладимый след в психике некоторых лиц в виде страха и паники такой степени, что волевые качества на их фоне гаснут.

Однако для целей уголовного права согласно ст. 107 и 113 УК РФ аффект приобретает юридическое значение только в том случае, если непосредственным раздражителем нервной системы обвиняемого может быть только потерпевший и никакие иные обстоятельства:

раздражитель должен наносить максимальный дискомфорт психоэмоциональному состоянию, носить опасный характер и вызывать же-

ление прекратить происходящее; выражаться в провокациях со стороны потерпевшего в виде насилия, издевательства или тяжких оскорблений; предполагается разрушительная, негативная реакция на происходящее;

предполагается умысел на достигнутые последствия.

Нередки ситуации, когда кумулятивный аффект формируется в ходе длительной психотравмирующей ситуации, а фаза взрыва может возникнуть в момент «последней капли» переполненного напряжения.

Понятие «психотравмирующая ситуация» не имеет законодательного толкования. В уголовно-правовом контексте ее можно рассматривать как комплекс психоэмоциональных, физических и социальных факторов, которые, взаимодействуя с личностными особенностями индивида, оказывают дестабилизирующее воздействие на его психику и способствуют совершению преступления. Являясь обстоятельством серьезного внешнего воздействия на человека, психотравмирующая ситуация влечет тяжелое личное переживание – психотравму, которая, в свою очередь, характеризуется нарушением механизмов психики, ее системности и способности к адаптации, в результате чего затрагиваются наиболее значимые стороны жизни в разных ее проявлениях и человек погружается в глубокие переживания. В таком состоянии другие бытовые, социальные связи и ценности могут теряться, происходит заикленность и концентрация на одном событии.

В психиатрии при обсуждении психотравмирующих ситуаций используется термин «критические жизненные события», который применяется к депрессивным и тревожным расстройствам. Критические жизненные события, изменяющие жизнь, при расследовании преступлений исследуемого вида приобретают криминалистически важные свойства, характеристики которых в виде их характера, субъектов, даты и времени начала влияния, содержания качественного изменения отношения лица к окружающему миру, иным внешним событиям и взаимоотношениям с другими людьми, периодами последующих всплеск аффективных реакций приобретают свойства элементов обстоятельств, подлежащих установлению и криминалистической характеристике.

В упрощенном виде психотравмирующие ситуации можно классифицировать по основаниям:

семейно-бытового характера (систематические ссоры и конфликты с близкими родственниками или лицами, проживающими совместно, развод, алкоголизм или потребление наркотиков близким человеком, материально-бытовая неустроенность и т. д.);

связанные с профессиональной или производственной деятельностью (сложные взаимоотношения на работе, неадекватные требования и

задания от руководства, неблагоприятные условия и эмоциональная напряженность при осуществлении деятельности, высокая степень ответственности, увольнение, отчисление, понижение в должности и т. д.);

неудачно складывающиеся жизненные обстоятельства, включающие в себя социальные и экономические факторы (болезнь, инвалидность, невзаимная любовь, риск позора, систематичные грубые оскорбления, совершение поступка, который может опорочить репутацию, неуверенность в будущем и т. д.).

Все ситуации оказывают индивидуальное влияние на разных людей, однако их черед, последовательность и количественные показатели также приобретают криминалистическое значение, оценка которых при производстве расследования должна осуществляться специалистами.

Поведение и действия лиц, виновных в исследуемых преступлениях, могут быть разными, типично не поддаваясь полному контролю и анализу: они могут, находясь рядом с потерпевшим либо погибшим, наносить себе увечья, пытаясь покончить с жизнью; вызывать скорую помощь, обращаться к соседям и оказывать помощь самостоятельно; покидать место преступления, плакать, рассказывать знакомым, звонить близким и сообщать о случившемся; инсценировать иное событие и т. д.

Согласно нашему исследованию материалов правоприменительной практики психотравмирующая ситуация оказывает влияние в том числе на запоминание характера события виновным. Так, несмотря на все разнообразие их поведения, при истребовании в дальнейшем показаний подозреваемые типично помнят о том, что было в руках у потерпевшего; как он использовал этот предмет; характеризуют свои ощущения как «испугался за свою жизнь» или «устал от бессилия», описывают момент формирования умысла в виде «желать наступления смерти потерпевшего»; помнят, где и как приискали орудие причинения повреждений. При этом типичны фрагментарные провалы в памяти относительно характера действий, совершаемых непосредственно в момент нанесения ударов, характеризуемые ими «как в тумане», «в пелене», «помню смутно»; последовательности и мест причинения телесных повреждений. Данные обстоятельства требуют назначения психолого-психиатрической экспертизы.

Таким образом, психотравмирующая ситуация, являясь критерием дифференциации уголовной ответственности за совершение исследуемых преступлений, является сложной системной категорией, оказывающей существенное влияние не только на характер преступных действий, но и на все иные элементы криминалистической характеристики, требуя тщательной оценки, которая является залогом успешного расследования.

Список использованных источников

1. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии : учебник / С.Л. Рубинштейн. – Питер, 2012. – 775 с.
2. Точилкина, А.А. Особенности расследования преступлений против жизни и здоровья личности, совершенных под воздействием психотравмирующих ситуаций: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Точилкина Анастасия Андреевна ; Рост. юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – Ростов н/Д, 2023. – 249 с.

УДК 343.98

И.А. Фомина

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В современных условиях расследование преступлений осуществляется в ситуации высокой информационной нагрузки, процессуальных ограничений, временного дефицита и повышенной ответственности за принимаемые решения. Это требует научно обоснованного психологического сопровождения следственной деятельности. Именно здесь на помощь приходит криминалистическая психология – прикладная отрасль знаний, одна из отраслей юридической психологии, изучающая закономерности и механизмы психической деятельности человека, направленная на психологическое обеспечение и сопровождение криминалистической деятельности следователей и дознавателей [1, с. 6].

В этой связи, в реалиях того, что за последние несколько десятков лет, как было обоснованно отмечено В.М. Логвиным, произошли существенные изменения в подходах к подготовке специалистов в области юриспруденции [2, с. 203], особое значение приобретает интеграция знаний из криминалистической психологии в образовательный процесс, поскольку современному юристу необходимо не только владеть правовыми нормами, но и уметь применять психологические методы для эффективного расследования и анализа преступлений.

Общая задача криминалистической психологии заключается в обеспечении психологической поддержки процессов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений посредством системного применения знаний о закономерностях и механизмах психической деятельности человека. Она исследует закономерности восприятия, мышления, памяти, принятия решений, коммуникации и эмоциональной регуляции в условиях расследования, что позволяет повысить эффективность профессиональных действий должностных лиц.

Концепция криминалистической психологии строится на четко определенной методологической основе, в качестве которой целесообразно рассматривать теорию психологического обеспечения процессов выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Именно такая парадигма позволяет определить ее место и функции в системе юридических наук и правоохранительной практики. Прикладная криминалистическая психология при этом не сводится к разработке психogramm или профессиogramm следователя, дознавателя и иных должностных лиц. Ее назначение значительно шире и заключается прежде всего в обеспечении участия практических психологов правоохранительных органов в психологическом сопровождении оперативно-розыскной и следственной деятельности.

Особую значимость криминалистическая психология приобретает в связи с усложнением форм преступной деятельности. Современные преступления отличаются продуманностью, вариативностью способов совершения и сокрытия, использованием технологий психологического воздействия. В этих условиях успешность расследования во многом зависит от способности правильно интерпретировать криминалистически значимую информацию, учитывать психологические механизмы поведения участников процесса и прогнозировать их реакции. Как подчеркивают Е.В. Васько и В.Ю. Толстоцкий, интерпретация следов преступления с психологических позиций, исследование способа его совершения, поведенческих проявлений преступника, а также установление мотивационной структуры деяния (включая осознаваемые и неосознаваемые потребности и побуждения) дают возможность сформировать целостное представление о личности преступника [3, с. 167]. Такая реконструкция образа субъекта преступления необходима для его эффективного розыска и последующего задержания. Криминалистическая психология здесь обеспечивает методологическую основу такой интерпретации.

Важнейшим направлением реализации криминалистической психологии в практике расследования выступает психологическое сопровождение следственных действий. Каждое следственное действие – не только юридически регламентированная процедура, но и сложная психологическая ситуация взаимодействия, в которой проявляются индивидуальные особенности личности, эмоциональные состояния и когнитивные процессы участников. Так, допрос предполагает активизацию памяти допрашиваемого, формирование и вербализацию воспоминаний в условиях возможного стресса, тревоги или внутреннего конфликта. Очная ставка представляет собой ситуацию повышенного эмоционального напряжения, в которой возможно обострение конфликтов, защитных реакций и попыток психологического давления между участниками. Криминалистическая психология учитывает закономерности воспомина-

ния и воспроизведения информации, влияние времени на сохранность следов памяти, эффект искажения воспоминаний под воздействием внушающих вопросов или внешнего давления. Психологическое сопровождение позволяет прогнозировать поведенческие реакции сторон, выбирать оптимальную последовательность вопросов, контролировать динамику общения и предотвращать эскалацию конфликта, способную повлиять на объективность показаний. В данном контексте криминалистическая психология, исследуя закономерности психической деятельности в условиях следственной ситуации, обеспечивает научную основу для организации и проведения следственных действий. Ее применение позволяет минимизировать процессуальные ошибки, снизить риск искажения доказательственной информации и тем самым повысить качество и надежность доказательственной базы по уголовному делу.

Кроме того, современная модель уголовного судопроизводства строится на приоритете прав и свобод человека, принципах законности, состязательности и недопустимости принуждения к даче показаний. В этих условиях особое значение приобретает психологически выверенная организация расследования, исключая любые формы неправомерного воздействия – как явного, так и скрытого.

Следственная деятельность по своей природе связана с властными полномочиями, эмоциональной напряженностью и асимметрией процессуального положения участников. Подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие и свидетели нередко находятся в состоянии стресса, тревоги, страха либо психологической зависимости от ситуации. В таких условиях даже некорректная интонация, наведение в вопросах, давление авторитетом должностного лица или игнорирование индивидуальных особенностей могут привести к искажению информации, формированию ложных признаний либо к отказу от сотрудничества.

Криминалистическая психология, исследуя механизмы внушаемости, конформности, психологической защиты и стрессовых реакций, позволяет выстроить такую тактику следственных действий, которая исключает недопустимые методы воздействия.

На уровне предупреждения преступлений криминалистическая психология обобщает данные исследований для выявления типичных психологических механизмов преступного поведения, особенностей конфликтных ситуаций и факторов, способствующих противоправным действиям. Это позволяет разрабатывать профилактические меры и совершенствовать тактику работы правоохранительных органов, повышая эффективность предупреждения преступлений.

Психологически грамотная организация расследования также способствует более объективной оценке доказательственной информации.

Знание закономерностей формирования показаний, влияния внешних факторов на память и поведение человека помогает следователю критически анализировать полученные сведения, отделять добросовестные ошибки восприятия от сознательного искажения фактов. Это снижает вероятность следственных и судебных ошибок, что в конечном итоге способствует соблюдению процессуальных гарантий, укрепляет доверие к правоохранительным органам и обеспечивает баланс между интересами государства в раскрытии преступлений и защитой прав личности.

Подводя итог, следует отметить, что на современном этапе роль и значение криминалистической психологии обусловлены не только классическими методами анализа поведения и следственных ситуаций, но и применением цифровых технологий, аналитических инструментов больших данных, методов психологического профилирования и прогнозирования преступного поведения. Это позволяет более точно интерпретировать действия участников события, выявлять психологически значимые особенности способов совершения преступлений и моделировать вероятностные сценарии поведения подозреваемых с учетом индивидуальных и социально-психологических факторов.

Список использованных источников

1. Яджин, Н.В. Криминалистическая психология для следователей (дознателей) : учеб.-практ. пособие / Н.В. Яджин. – Тюмень : ТИПК МВД России, 2020. – 122 с.
2. Логвин, В.М. О некоторых проблемных вопросах развития отечественной криминалистики / В.М. Логвин // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 13. – С. 202–206.
3. Васько, Е.В. Методологические основы комплексного корреляционно-смыслового подхода к составлению розыскного профиля неизвестного преступника / Е.В. Васько, В.Ю. Толстолюцкий // Вестник Пермского университета. – 2014. – № 4. – С. 166–172.

УДК 343.985

К.А. Цалко

ЦИФРОВАЯ КРИМИНАЛИСТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫМ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМ

В XXI в. цифровые технологии стали основой функционирования современного общества. Интернет, облачные сервисы, мобильные приложения, электронные платежные системы и социальные сети используются почти во всех сферах жизни современного человека: в экономике,

государственном управлении, образовании, медицине и повседневном общении. Стремительное развитие технологий, таких как искусственный интеллект, интернет вещей (IoT), блокчейн и большие данные, существенно расширяет возможности цифрового пространства.

Однако вместе с ростом цифровизации увеличивается количество преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Киберпреступность стала одной из наиболее динамично развивающихся форм преступной деятельности в мире. По данным международных аналитических организаций, ежегодный ущерб от киберпреступлений измеряется сотнями миллиардов долларов [1, с. 5].

В современных условиях вопросы обеспечения кибербезопасности становятся важнейшей составляющей национальной безопасности любого государства. Современная цифровая инфраструктура обеспечивает работу банковской системы, энергетики, транспорта, связи и государственных информационных систем. Любое постороннее вмешательство в данные системы может привести к серьезным экономическим и социальным последствиям.

В этой связи особое значение приобретает цифровая криминалистика. В.Б. Вехов представляет понятие «цифровая (электронная) криминалистика» как «систему научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов, методик и рекомендаций по собиранию, исследованию и использованию компьютерной информации, средств ее обработки и защиты в целях расследования преступлений» [2, с. 52].

Современная киберпреступность отличается высокой технологичностью, транснациональным характером и сложностью расследования. Преступники активно используют новейшие технологии, что значительно осложняет работу правоохранительных органов.

Наиболее распространенными видами киберпреступлений сегодня являются [1, с. 17–34]:

фишинговые атаки, когда мошенники создают поддельные сайты банков, государственных порталов или популярных сервисов с целью получения конфиденциальных данных пользователей (логинов, паролей и банковских реквизитов);

телефонное и мессенджер-мошенничество (вишинг) – злоумышленники представляются сотрудниками банков, правоохранительных органов или технической поддержки и убеждают граждан передать данные банковских платежных карточек либо перевести деньги на «безопасные счета»;

вредоносное программное обеспечение, распространение вирусов, троянских программ и программ-вымогателей (ransomware), которые блокируют доступ к данным пользователя или организации и требуют выкуп за их восстановление;

мошенничество на онлайн-площадках, фиктивные объявления о продаже товаров, аренде жилья или оказании услуг, целью которых является получение предоплаты без выполнения обязательств;

криптовалютные преступления, использование цифровых валют для отмывания денег, финансирования незаконной деятельности, а также мошеннические инвестиционные схемы;

использование технологий искусственного интеллекта. В последние годы появились новые формы преступлений, связанные с использованием нейросетей, например создание дипфейков – поддельных изображений или видео, сгенерированных искусственным интеллектом для создания максимально реалистичного контента [3].

Вследствие этого следует отметить, что современная киберпреступность постоянно видоизменяется, что требует развития новых методов расследования.

Цифровая криминалистика представляет собой перспективное направление криминалистической науки, занимающееся поиском, сохранением, исследованием и анализом информации, содержащейся на электронных устройствах и в цифровых сетях, с целью использования ее в качестве доказательств.

Основная особенность цифровых доказательств заключается в том, что они могут существовать в различных формах: данные на компьютерах и мобильных устройствах, информация в облачных сервисах, сетевой трафик, данные социальных сетей и мессенджеров, электронная почта, записи видеонаблюдения, метаданные файлов.

В отличие от традиционных доказательств цифровая информация может быть легко изменена или уничтожена. В связи с этим крайне важно правильно зафиксировать и сохранить ее при проведении следственных действий.

Цифровая криминалистика играет ключевую роль в расследовании современных преступлений, поскольку значительная часть противоправной деятельности оставляет так называемый цифровой след.

Современная цифровая криминалистика включает в себя несколько основных направлений деятельности.

Сбор цифровых доказательств. На данном этапе осуществляется обнаружение и изъятие электронных устройств и носителей информации (компьютеров, смартфонов, серверов, флеш-накопителей и других

цифровых устройств), при этом используются специальные методики, позволяющие сохранить информацию в неизменном виде.

Анализ данных. После изъятия информации специалисты проводят ее детальное исследование. Анализируются журналы событий (лог-файлы), история интернет-активности, сетевые соединения, электронная переписка, финансовые транзакции.

Этот этап позволяет установить последовательность действий злоумышленника.

Восстановление удаленной информации. Даже удаленные файлы могут быть восстановлены с помощью специализированного программного обеспечения. Это позволяет выявить скрытые данные, которые могут иметь доказательственное значение.

Подготовка экспертного заключения. Результаты исследования оформляются в виде экспертного заключения, которое используется в суде в качестве доказательства.

Кроме того, следует добавить, что в последние годы в цифровой криминалистике активно применяются новые технологические решения, такие как:

искусственный интеллект – используется для анализа больших массивов данных и выявления закономерностей, которые сложно обнаружить вручную [4];

Big Data-технологии – позволяют анализировать огромные объемы информации (банковские операции, сетевой трафик, активность пользователей) [5];

блокчейн-технологии – рассматриваются как инструмент для надежной фиксации цифровых доказательств, поскольку записи в распределенных реестрах практически невозможно изменить.

Наряду с этим активно развиваются системы автоматизированного мониторинга киберугроз, которые позволяют выявлять подозрительную активность в режиме реального времени.

Несмотря на активное развитие данной области, существует ряд проблем, которые затрудняют эффективное противодействие киберпреступности.

Во-первых, наблюдается нехватка квалифицированных специалистов, обладающих знаниями одновременно в области права, информационных технологий и криминалистики.

Во-вторых, значительная часть киберпреступлений носит трансграничный характер. Преступники могут находиться в одной стране, использовать серверы в другой, а жертвы могут быть расположены в третьей. Это усложняет процесс расследования.

Кроме того, преступники активно используют анонимизирующие технологии, такие как VPN, анонимные сети и криптовалюты, что затрудняет их идентификацию.

Для повышения эффективности борьбы с киберпреступностью необходимо реализовать комплекс мер.

Прежде всего требуется развитие международного сотрудничества между правоохрнительными органами различных государств, поскольку большинство киберпреступлений носят международный характер.

Не менее важным является создание специализированных центров кибербезопасности, которые будут заниматься мониторингом угроз и координацией действий различных ведомств.

Следует также уделять внимание подготовке специалистов в области цифровой криминалистики. Необходимы образовательные программы, сочетающие знания в сфере информационных технологий, права и криминалистики [6, с. 227].

Дополнительное значение имеет повышение цифровой грамотности населения, поскольку многие преступления совершаются с использованием методов социальной инженерии [7].

Таким образом, цифровизация общества приводит не только к расширению возможностей для развития экономики и технологий, но и к появлению новых угроз. Киберпреступность становится одной из наиболее серьезных проблем современности.

В этих условиях цифровая криминалистика выступает ключевым инструментом выявления и расследования преступлений в цифровой среде. Она объединяет достижения информационных технологий и криминалистической науки, позволяя эффективно противодействовать современным формам преступности.

Дальнейшее развитие цифровой криминалистики, совершенствование законодательства, внедрение новых технологий и расширение международного сотрудничества являются необходимыми условиями обеспечения безопасности общества в условиях цифровой эпохи.

Список использованных источников

1. Противодействие киберпреступности в условиях трансформации вызовов и угроз экономической безопасности Российской Федерации : учеб. пособие / Ю.Г. Наумов, С.Н. Белова, В.В. Новиков [и др.]. – М. : Акад. упр. МВД России, 2025. – 111 с.

2. Вехов, В.Б. Электронная криминалистика в XXI веке: тенденции развития / В.Б. Вехов // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации : материалы ежегод. всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 2 нояб. 2018 г. / МВД России, С.-Петерб. ун-т ; сост. О.С. Лейнова ; редкол.: Э.В. Лантух, О.С. Лейнова, А.В. Бачиева. – СПб., 2019. – С. 51–54.

3. Глобальная сеть и киберпреступность: как защититься от дипфейков // Kaspersky : офиц. сайт. – URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/protect-yourself-from-deep-fake> (дата обращения: 24.03.2026).

4. Искусственный интеллект в криминалистике // Элкомсофт : блог компании. – 2025. – URL: <https://blog.elcomsoft.ru/2025/10/iskusstvennyj-intellekt-v-kriminalistike/> (дата обращения: 10.03.2026).

5. Что такое Big Data: простыми словами о больших данных // Selectel : блог. – URL: <https://selectel.ru/blog/what-is-big-data/> (дата обращения: 06.03.2026).

6. Мамонтов, А.Г. Цифровая криминалистика: от истоков к современному состоянию / А.Г. Мамонтов // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 12. – С. 224–228.

7. Электронные доказательства в юридической практике // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – URL: <https://vestnikf.ru/ru/nauka/article/103026/view> (дата обращения: 09.03.2026).

УДК 159.9:343.9

Д.В. Яковчик

МНОГОФАКТОРНАЯ МОДЕЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Современный этап развития правоохранительной деятельности характеризуется устойчивым запросом на повышение эффективности раскрытия и расследования преступлений. Традиционные методы, опирающиеся преимущественно на анализ материальных следов, в случае с латентными, серийными или тщательно подготовленными преступлениями часто оказываются недостаточными. В этой ситуации ключевое значение приобретает информация о личности предполагаемого преступника, что делает методы психологического портретирования (профилирования) востребованным инструментом в арсенале следователя и оперативного сотрудника. Однако анализ современной практики показывает, что процесс составления психологического портрета часто страдает от субъективизма, фрагментарности и отсутствия единой методологической базы, что снижает его доказательственную и эвристическую ценность [1, с. 139]. Преодоление этих недостатков видится в разработке и внедрении стандартизированных, научно обоснованных моделей, позволяющих перейти от интуитивных описаний к структурированному анализу.

Целью нашего исследования является представление авторской многофакторной модели психологического портрета личности преступника

и демонстрация ее прикладного потенциала для решения задач, возникающих в процессе расследования преступлений.

В основу предлагаемой модели положен интегративный (биопсихосоциальный) подход к изучению личности преступника, преодолевающий ограниченность монофакторных концепций. Данный подход рассматривает преступное поведение как результат сложного динамического взаимодействия трех групп факторов: биологических (генетические предпосылки, нейрофизиологические особенности, темперамент), психологических (мотивация, ценностно-нормативные деформации, когнитивные искажения, саморегуляция) и социальных (макросоциальные условия, микросоциальное окружение). Такая теоретическая платформа позволяет обеспечить полноту и системность при реконструкции личностного профиля правонарушителя.

На основе систематизации существующих в криминологии, психологии и криминалистике подходов нами разработана структурная модель, включающая в себя три ключевых блока, которые в совокупности дают целостное представление о личности преступника:

I. Биосоциальный блок: антропометрические характеристики (тип телосложения и внешность), возрастно-половые параметры (в основном являющиеся статистическими данными и необходимые для составления базы данных психологических профилей), биологическое здоровье (патологии и инвалидности) и темпераментные особенности (влияющие на преступность как ее возможные детерминанты).

II. Социально-ролевой блок: профессиональный статус и квалификация, образовательный уровень, социальное происхождение и статус (возможно, влияющие на способы совершения преступления), семейное положение и детность (статистический фактор).

III. Психологический блок: мотивационная структура (доминирующие потребности), характерологические особенности (наличие (отсутствие) акцентуаций характера, патологических черт, социально обусловленных деформаций), эмоционально-волевой профиль (возможная эмоциональная холодность, аффективная неустойчивость, склонность к садизму, тревожности, паранойе; стремление к гиперконтролю, склонность к риску, импульсивность), когнитивные особенности (интеллектуальный уровень, стиль мышления, когнитивные искажения), сексуальная сфера, коммуникативные паттерны (речевые особенности, невербальное поведение, социальная адаптация) [2, с. 81–82]. Данная модель служит своеобразной матрицей, которая наполняется конкретным содержанием в процессе работы по уголовному делу.

Ценность предложенной модели для практики раскрытия и расследования преступлений реализуется в двух основных направлениях: ра-

бота с неустановленным преступником и углубленный анализ личности уже установленного обвиняемого.

Для неустановленного преступника модель служит инструментом выдвижения версий. Анализ способа совершения преступления (*modus operandi*), места, времени, особенностей жертвы позволяет сформулировать гипотезы о характеристиках, входящих в блоки модели. Например, серия квартирных краж, совершенных в дневное время в одном районе с использованием простых отмычек, может указывать на следующие вероятные черты из биосоциального блока: мужчина, 20–40 лет, проживающий или работающий в данном районе (или имеющий устойчивые связи здесь). Из социально-ролевого блока: возможно, не имеет постоянного легального источника дохода либо имеет профессию, связанную с работой руками. Из психологического блока: средний или низкий самоконтроль (рискованность действий), ориентация на быстрое получение выгоды [3, с. 202–203]. Такая структурированная версия позволяет целенаправленно проверять определенные категории лиц, а не действовать вслепую.

Географическое профилирование и теория «кругов» Д. Кантера, дополненные анализом психологических черт, позволяют прогнозировать район проживания преступника и возможное место следующего преступления. Так, «мародеры» (совершающие преступления вблизи дома) и «нарушители» (выезжающие на «промысел») будут иметь не только разные географические паттерны, но и, вероятно, различаться по степени социальной смелости (фактор Н) и самоконтроля (фактор Q3) [4, с. 50].

В том случае, когда подозреваемый установлен и доступен для взаимодействия, модель позволяет провести углубленную диагностику для уточнения мотивов, оценки рисков и выбора тактики следственных действий. Наиболее релевантным инструментом здесь является стандартизированный многофакторный опросник личности Р. Кеттелла (16PF), который позволяет операционализировать большинство компонентов психологического блока модели [5].

Анализ профиля 16PF в контексте расследования может дать следующую информацию.

Темперамент и эмоционально-волевая сфера. Низкие показатели по фактору С (эмоциональная нестабильность) в сочетании с низким фактором Q3 (низкий самоконтроль) и высоким фактором Q4 (напряженность) формируют профиль, склонный к импульсивным, аффективным действиям. Такой преступник мог действовать под влиянием момента, плохо продумывать сокрытие следов и на допросе может быть неустойчив, склонен к резким перепадам настроения. Напротив, высокие фак-

торы С и Q3 в сочетании с низким фактором А (замкнутость) и высоким В (интеллект) могут указывать на хладнокровного, расчетливого преступника, способного к длительному планированию и эффективному противодействию следствию [6, с. 16].

Мотивация и ценностная сфера. Низкий фактор G (низкая нормативность поведения) напрямую коррелирует с пренебрежением к правовым и социальным нормам. В сочетании с высоким фактором L (подозрительность) и фактором Е (доминантность) это может указывать на враждебную установку по отношению к социуму и склонность оправдывать свои противоправные действия («все так делают», «меня не понимают»). Высокий фактор Н (смелость) и низкий фактор О (самоуверенность) у корыстного преступника могут говорить о склонности к авантюризму и недооценке риска быть разоблаченным [7, с. 123].

Характерологические акцентуации. Специфические конфигурации факторов позволяют предположить наличие акцентуаций, что важно для прогноза поведения. Например, сочетание высоких А, F, Н и низкого Q3 характерно для демонстративных личностей, которые могут стремиться к самооговору или, наоборот, к театральному отрицанию вины. Сочетание низких А, F и высоких L, О может указывать на шизоидную акцентуацию с аутизацией, что предполагает трудности в установлении психологического контакта [8, с. 221].

Предложенная многофакторная модель психологического портрета личности преступника представляет собой не абстрактную теоретическую конструкцию, а практический инструмент, интегрирующий достижения криминалистики, психологии и криминологии. Ее использование в расследовании позволяет структурировать разрозненную информацию о преступлении, перевести интуитивные догадки в ранг обоснованных версий, углубить понимание мотивов уже установленного обвиняемого и выбрать наиболее эффективную тактику взаимодействия с ним на всех этапах уголовного судопроизводства. Дальнейшее развитие модели видится в создании автоматизированных систем поддержки принятия решений, которые, однако, должны оставаться под полным контролем эксперта-человека, что позволит минимизировать риски, связанные с внедрением технологий искусственного интеллекта в криминалистическую практику.

Список использованных источников

1. Попов, В.В. Психологический портрет как способ идентификации личности / В.В. Попов, Ю.Ю. Тройченко // Юрист-Правовед. – 2019. – № 3. – С. 137–141.

2. Яковчик, Д.В. Понятие, структура и виды психологического портрета личности преступника / Д.В. Яковчик // Вестник Могилевского института МВД. – 2025. – № 1. – С. 78–83.

3. Елеси́на, И.Г. Понятие, структура и криминологическая характеристика свойств личности преступника / И.Г. Елеси́на, Е.В. Сухарева // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2025. – № 1. – С. 200–205.

4. Абрамовский, А.А. Профайлинг: понятие и основные направления его развития в криминалистике / А.А. Абрамовский // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 4. – С. 48–56.

5. Капусти́на, А.Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла : практ. пособие / А.Н. Капусти́на. – СПб. : Речь, 2001. – 112 с.

6. Лепешев, Д.В. Психологический анализ участников насильственных ситуаций: образ агрессора и его особенности поведения / Д.В. Лепешев, Д.А. Доскенова // Наука и реальность. – 2025. – № 1. – С. 5–19.

7. Гончарова, М.В. Мотивация преступного поведения корыстных преступников / М.В. Гончарова, И.Н. Подволоцкий // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 3, ч. 2. – С. 122–125.

8. Назаренко, Г.В. Криминогенность и криминотаксис акцентуаций / Г.В. Назаренко // Российский девиантологический журнал. – 2022. – Т. 2, № 2. – С. 219–224.

УДК 343.98.062

А.В. Яскевич, В.Ю. Мезяк

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Одним из факторов, влияющих на эффективность противодействия экономической преступности, является ее высокая латентность. Данное обстоятельство требует соответствующих методов борьбы, позволяющих преодолевать обозначенный барьер. Это могут быть и новые подходы в оперативно-розыскной деятельности, направленные на получение оперативно значимой информации, и совместные действия оперативных сотрудников и следователей в процессе расследования (проведение оперативных комбинаций, оперативное обслуживание, оперативное сопровождение), и вопросы оптимизации организационной структуры (введение в штат оперативных подразделений ревизоров), и совершенствование методов исследования документов и др.

Эффективное противодействие экономической преступности предполагает также наличие соответствующей нормативной правовой базы,

систематическое повышение квалификации сотрудников органов уголовного преследования, внедрение в практическую деятельность современных научных подходов к обнаружению и документированию латентных экономических преступлений.

Решение обозначенных задач непосредственно связано с совершенствованием методического обеспечения служебной деятельности, в частности с овладением и дальнейшим развитием методик исследования документов. Каждое из обозначенных направлений деятельности по противодействию преступности в сфере экономики имеет свою специфику и свои проблемы. Рассмотрим более подробно методы исследования экономической документации.

В различных отраслях знаний термин «документ» имеет свои специфические особенности. В экономике, в частности в сфере хозяйственно-финансовой деятельности организаций, документ выступает носителем как экономической, так и юридически значимой информации. С экономической точки зрения в нем фиксируются первичные наблюдения и регистрация хозяйственных операций; с юридической – содержатся сведения, позволяющие сформировать полное и объективное представление о характере и содержании совершенной операции.

В криминалистической литературе документ часто определяется как «предмет, на котором с помощью слов или иных общедоступных обозначений любым способом зафиксированы сведения о фактах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела» [1, с. 5].

Исследование документов позволяет решать широкий круг задач, связанных с установлением обстоятельств совершения экономических преступлений, выявлением особенностей производственных процессов, а также содержания и последовательности хозяйственных операций. В этом аспекте документы выступают источником сведений, необходимых для формирования доказательственной базы и принятия обоснованных процессуальных решений.

Вместе с тем исследование экономических документов представляет значительную сложность для органов уголовного преследования, что во многом обусловлено недостаточным уровнем знаний в сфере документального оформления хозяйственных операций, особенностей документооборота и методов их криминалистического анализа. Существенным фактором является и то, что исследование содержания документов традиционно делегируется соответствующим специалистам (в области бухгалтерского учета, налогового учета и др.), а способы работы оперативных сотрудников и следователей с экономическими документами остаются недостаточно разработанными. В результате усложняется

процесс расследования и создаются риски утраты значимой доказательственной информации, не выявляемой ввиду отсутствия у них соответствующих знаний в области криминалистического анализа, уголовного права, уголовного процесса и др. В этой связи для эффективного выявления и последующего расследования экономических преступлений принципиальное значение приобретает первоначальное исследование документов оперативными сотрудниками, следователями, предполагающее соблюдение установленных правил работы с ними, проведение их первичного анализа, а также своевременное обнаружение признаков материальной подделки, интеллектуального подлога, фальсификации данных, приписок и пр.

В исследованиях, посвященных проблемам выявления экономических преступлений, основное внимание традиционно уделяется бухгалтерским документам как основному источнику экономически значимой информации. Вместе с тем анализ исключительно указанной категории документов не в полной мере учитывает многообразие документальных форм, используемых в современной хозяйственной деятельности. В процессе экономической деятельности формируется значительное число документов, не относящихся непосредственно к бухгалтерскому учету, однако содержащих сведения, представляющие интерес, в том числе документы, составляемые при осуществлении закупочных процедур, договорной, управленческой деятельности и др. Данные документы могут отражать как фактические обстоятельства принятия управленческих решений, так и элементы механизма совершения преступления. В этой связи методы исследования бухгалтерских документов в значительной степени могут быть применены при анализе иных документов, содержащих экономически и юридически значимую информацию. Такой подход позволяет рассматривать обозначенные документы в качестве самостоятельных объектов криминалистического исследования, отражающих элементы механизма совершения экономических преступлений. Расширение круга исследуемых документов и использование универсальных специальных методов их анализа способствуют повышению эффективности выявления и последующего расследования экономических преступлений.

Традиционно, помимо судебного почерковедения и судебного автографоведения, отраслью криминалистической техники является технико-криминалистическое исследование документов, включающее в себя исследование полностью поддельных документов (исследование бланков); документов, выполненных на печатных устройствах (исследование машинописных текстов, кассовых чеков и т. п.); оттисков печатей и

штампов; частично поддельных документов; документов, снабженных средствами защиты от подделок [2, с. 302]. Как видно, не все методы исследования экономических документов находят свое воплощение в классической криминалистике. В этой связи представляется целесообразным обратиться к другим юридическим дисциплинам.

Так, в частности, в финансовом праве метод исследования документов рассматривается как «совокупность приемов и способов, с помощью которых уполномоченные органы осуществляют финансовый контроль» [3, с. 49–51]. Однако у разных авторов классификации методов исследования документов разнятся. Например, в зависимости от объекта исследования выделяют методы документального и фактического контроля. К методам документального контроля относят: формальную проверку, арифметическую проверку, логическую проверку, нормативно-правовую проверку, экономическую проверку, встречную проверку, обратную калькуляцию, проверку документов по данным корреспондирующих счетов, аналитическую (счетную) проверку отчетности и балансов [3, с. 49–51]. В других источниках к методам финансового контроля относят наблюдение, проверку, исследование, анализ, ревизию [4, с. 43–44].

В судебной бухгалтерии способы и приемы исследования бухгалтерских документов, способствующие выявлению, пресечению, предупреждению и расследованию экономических преступлений, собиранию доказательственной базы, образуют методы проверки бухгалтерских документов. Методы проверки взаимосвязанных документов подразделяются на встречную проверку и метод взаимного контроля. Методы проверки документов с информацией об однородных операциях применяются при проверке нескольких документов, в которых зарегистрирована одна и та же операция [5].

В судебно-бухгалтерской экспертизе в зависимости от сферы применения предлагается классификация приемов исследования учетных данных, в рамках которой выделяются общенаучные и специальные методы. К общенаучным относятся методы, используемые при проведении исследований независимо от их предметной направленности (анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция, обобщение и др.). Специальные методы, в свою очередь, с учетом способа их реализации подразделяются на методы исследования документов, а также на расчетные методы, основанные на использовании экономических и математических приемов анализа [6, с. 33].

Общенаучные методы используются на уровне общего подхода к исследованию, тогда как непосредственное значение для анализа документов имеют специальные методы. По мнению С.А. Звягина, специальные

методы исследования документов можно разделить на четыре группы: диагностирующие, конкретизирующие, аналитические, систематизирующие [7].

Таким образом, можно заключить, что в специальной литературе до настоящего времени не сложилось единого подхода к определению стройной системы исследования экономической документации, принципов классификации используемых методов, их принадлежности единой научной дисциплине и алгоритма применения.

Список использованных источников

1. Голубятников, С.П. Учетные документы как доказательство при расследовании хищений государственного и общественного имущества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Голубятников Севир Павлович ; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – М., 1965. – 19 с.
2. Криминалистика : учеб. для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. – М. : НОРМА – ИНФРА-М, 1999. – 990 с.
3. Финансовое право : учеб. пособие / О.В. Маркова, А.В. Дешук, И.В. Сауткин [и др.]. – Мн. : Акад. МВД, 2023. – 331 с.
4. Каменков, В.С. Финансовое право Республики Беларусь : учеб.-метод. комплекс / В.С. Каменков, А.В. Каменков. – Мн., 2008. – 439 с.
5. Цыпарков, Н.Г. Судебная бухгалтерия (включая бухгалтерский учет и аудит) : учеб. пособие / Н.Г. Цыпарков, М.А. Балухтин, И.В. Сауткин. – Мн. : Акад. МВД, 2018. – 187 с.
6. Пашенко, Т.В. Судебно-бухгалтерская экспертиза: принципы, методы и методика : монография / Т.В. Пашенко. – Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2018. – 116 с.
7. Звягин, С.А. Исследование документов при производстве судебно-бухгалтерской экспертизы / С.А. Звягин // Уголовный процесс. – 2008. – № 1. – С. 58–64.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.98:004

А.А. Бородин

АВТОМАТИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ТАБЛИЦ ФОТОИЗОБРАЖЕНИЙ К ПРОТОКОЛАМ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВЕБ-ТЕХНОЛОГИЙ

Фиксация хода и результатов следственных действий предполагает использование фотосъемки, а полученные фотоснимки приобщаются к протоколу следственного действия в установленном уголовно-процессуальном порядке (ч. 7 ст. 193 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь). В этой связи надлежащее оформление таблиц фотоснимков выступает в качестве важного элемента процессуальной фиксации доказательственной информации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования средств подготовки фототаблиц к протоколам следственных действий с учетом требований оперативности, стандартизации и удобства практического использования. В этих условиях перспективным направлением является применение веб-технологий, позволяющих автоматизировать подготовку соответствующих документов и минимизировать влияние человеческого фактора.

Разработка веб-ориентированного программного средства может обеспечить автоматизированное формирование таблиц фотоснимков в формате docx, прилагаемых к протоколам следственных действий. Практическая значимость разработки состоит в сокращении времени подготовки фототаблиц, снижении количества ошибок форматирования и обеспечении единообразного оформления документов в соответствии с правовыми и ведомственными требованиями.

На практике составление фототаблиц нередко осуществляется вручную в текстовых редакторах, что требует значительных временных затрат на вставку изображений, их масштабирование, выравнивание, нумерацию и оформление пояснительных надписей. Дополнительные сложности связаны с большим объемом графических файлов, создаваемых современными цифровыми устройствами, что может приводить к замедлению работы программ, техническим сбоям и нарушению единообразия оформления процессуальных документов.

Для решения данных проблем нами было разработано клиент-серверное веб-приложение, предназначенное для автоматической генерации таблиц фотоизображений в формате docx. Целью разработки является создание отказоустойчивого, интуитивно понятного инструмента, который обеспечивает автоматизированное выполнение операций по верстке документа, сжатию изображений и соблюдению единых стандартов оформления.

Разработанный сервис имеет классическую клиент-серверную архитектуру. Клиентская часть реализована с использованием современных стандартов HTML5, CSS3 и JavaScript (ES6+) на базе сборщика Vite. Серверная часть построена на платформе Node.js с использованием фреймворка Express.

Особенностью архитектуры является перенос ресурсоемких операций по первичной обработке изображений на сторону клиента. На этапе тестирования было отмечено, что загрузка тяжелых оригинальных фотографий напрямую на сервер приводила к превышению лимитов времени ожидания и ошибкам сети. Для решения этой проблемы в клиентскую часть интегрирован модуль `browser-image-compression`. При выборе файлов пользователем приложение прямо в браузере осуществляет асинхронное сжатие изображений (ограничение до 1 МБ на файл и максимального разрешения 1920 пикселей) без видимой потери качества для печати. Это решение позволило кардинально снизить нагрузку на канал связи и сервер.

Пользовательский сценарий работы с сервисом прост и состоит из нескольких шагов. На первом этапе пользователь заполняет метаданные документа: описание к заголовку (например, к какому протоколу прилагается таблица), свои фамилию, имя, отчество, должность, звание и подразделение (рис. 1). Для ускорения ввода реализованы компоненты автозаполнения (`combobox`), которые подтягивают актуальные списки подразделений и званий из базы данных сервера.

Формирование таблиц фотоснимков

Описание к заголовку
к протоколу осмотра предметов от...

Ф.И.О.
И.И. Иванов

Подразделение
Начните вводить...

Должность
Начните вводить...

Звание
Начните вводить...

Выберите фотографии

Сформировать документ

Рис. 1. Пользовательский интерфейс веб-приложения

На втором этапе пользователь выбирает необходимые фотографии. Приложение поддерживает массовую загрузку. После локального сжатия миниатюры фотографий отображаются в блоке предпросмотра (рис. 2).

Предпросмотр

Файлов: 2 из 500

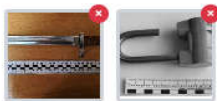


Рис. 2. Блок предпросмотра и сортировки изображений

Функциональным элементом является система Drag-and-Drop (перетаскивание). Пользователь может менять порядок фотографий в документе с помощью мыши, выстраивая их в нужной последовательности. Предусмотрена возможность удаления ошибочно загруженных изображений.

После нажатия кнопки формирования документа подготовленный массив данных (текстовые поля и сжатые изображения) отправляется на сервер посредством технологии Fetch API в формате FormData.

На стороне сервера маршрутизация и валидация данных обеспечиваются библиотеками express и express-validator. За прием файлов отвечает промежуточное программное обеспечение Multer, которое сохраняет файлы во временную директорию.

Ядром серверной логики является модуль генерации документа, построенный на базе библиотеки docx. Процесс генерации включает в себя следующие этапы: сервер анализирует пропорции фотографий и вписывает их в рамки (максимальная ширина – 560 пикселей, высота – 340 пикселей), корректно (не искажая пропорции) обрабатывая как горизонтальные, так и вертикальные (сделанные на смартфон) кадры. Создается верхний колонтитул с указанием ведомства («Следственный комитет Республики Беларусь»), подразделения и нумерацией страниц. Фотографии размещаются по центру страницы. Под каждым изображением генерируется пояснительная надпись, отражающая порядок приведения фотографий в документе (например, Фотоизображение № 1) курсивом. В конце документа формируется реквизит «Подпись» с указанием должности, звания, фамилии, имени, отчества составителя, оформленный в виде невидимой таблицы для выравнивания текста с соблюдением стандартов (рис. 3), установленных Инструкцией по делу-

производству в государственных органах, иных организациях, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 29 августа 2025 г. № 65.

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Управление Следственного комитета Республики Беларусь по Брестской
области, Брестский межрайонный отдел

ТАБЛИЦА ФОТОСНИМКОВ
к протоколу осмотра предметов от 01.01.2026



Фотоизображение № 1

Таблицу фотоснимков составил:
Следователь
старший лейтенант юстиции

И.И.Иванов

Рис. 3. Фрагмент сгенерированного документа

После сборки документа в оперативной памяти сервера он конвертируется в бинарный буфер и отправляется обратно клиенту с заголовками, инициирующими автоматическое скачивание файла с названием «Таблица фотоснимков.docx». Временные файлы на сервере удаляются для экономии дискового пространства. Приложение может быть развернуто в локальной сети.

Использование программы позволяет сократить время на составление фототаблицы с нескольких десятков минут, а при сотнях фотографий, как часто бывает в следственной практике, – и часов до нескольких секунд, исключает ошибки форматирования и гарантирует единообразное оформление документов, составляемых в соответствии с ведомственными и правовыми требованиями. Дальнейшее развитие проекта может включать в себя интеграцию функционала для добавления пояснительных выносок и стрелок на фотографии через веб-интерфейс, возможность включения индивидуальных пояснительных надписей к каждому отдельному фотоизображению.

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЭКСПЕРТА-БАЛЛИСТА

В современных условиях развития судебной экспертной деятельности непрерывное образование выступает в качестве фундаментального принципа подготовки высококвалифицированных кадров. Для эксперта-баллиста, осуществляющего исследование огнестрельного оружия, боеприпасов и следов выстрела, профессиональная компетентность приобретает особое значение в силу высокой значимости баллистических экспертиз для установления истины по уголовным делам, связанным с применением огнестрельного оружия. Трансформация криминальных угроз, появление новых объектов исследования (оружие, изготовленное с использованием 3D-печати, «бесшумное» оружие, непрерывная модификация серийных образцов оружия и др.), активное внедрение автоматизированных баллистических систем и т. п. требуют от специалиста постоянного обновления знаний, умений и навыков.

Понятие профессиональной компетентности судебного эксперта является ключевым для понимания целей непрерывного образования. Как справедливо отмечает Т.Ф. Моисеева, основу этой компетентности составляет «тот объем и содержание знаний, которые необходимы для производства судебной экспертизы конкретного рода и вида, и тот круг полномочий, которыми наделяет его закон» [1, с. 161]. Данная позиция означает, что эксперт должен неразрывно сочетать глубокие знания в базовой науке, технике или ремесле со свободным владением методологией судебно-экспертной деятельности и знанием основ юриспруденции, что и обеспечивает полноценное использование его специальных знаний в правовом поле.

Однако в динамично меняющемся мире статичного объема знаний недостаточно. В развитие данного подхода Н.В. Нижегородцева предлагает развернутое определение, понимая непрерывное образование как «учебную деятельность на протяжении всей жизни с целью улучшения знаний, навыков и компетенций в рамках профессиональной деятельности» [2, с. 77].

Профессиональный рост судебного эксперта строится по принципу накопления: каждый последующий этап образования закономерно базируется на знаниях, навыках и, что особенно важно, сформированных личностно-профессиональных качествах, приобретенных на предыду-

щих этапах непрерывного образования. Если по каким-либо причинам образовательный этап «выпадает» или оказывается неэффективным, дальнейшее развитие специалиста значительно затрудняется [2, с. 77]. Следовательно, для успешного непрерывного профессионального роста судебного эксперта-баллиста необходимы содержательная целостность и преемственность всех этапов его подготовки и последующего развития – от получения диплома о высшем образовании, профессиональной подготовки эксперта-стажера до самообразования в ходе дальнейшей профессиональной деятельности и наставничества.

Компетенция современного судебного эксперта-баллиста представляет собой сложное комплексное образование, включающее в себя не только владение традиционными криминалистическими методиками, но и способность к освоению инновационных технологий, критическому осмыслению результатов исследований, адаптации к новым экспертным задачам. Особое место занимает формирование профессионально значимых личностных качеств эксперта: ответственности, объективности, логического мышления, методологической последовательности. Однако в условиях стремительного научно-технического прогресса и появления новых видов (моделей) вооружения особое значение приобретает способность эксперта самостоятельно пополнять объем знаний.

Опираясь на концепцию многомерности образовательного пространства, применительно к судебной экспертной деятельности целесообразно выделить три вектора профессионального развития эксперта. Первый вектор – «вперед», предполагающий углубление компетентности в рамках базовой экспертной специальности. Второй вектор – «вверх», предусматривающий восхождение вверх по ступеням квалификации. Третий вектор – «по горизонтали», включающий в себя освоение смежных экспертных специальностей.

Реализация приведенной многомерной модели непрерывного образования требует смены устоявшихся подходов в сознании самого эксперта и в организации образовательного процесса. Понимание непрерывного образования как ориентированного непосредственно на личность эксперта и его личностные преобразования обеспечивает принципиально важный переход:

от репродуктивного исследования (действия по шаблону) – к творческому решению нестандартных экспертных задач;

формального следования методическим требованиям – к глубокому осознанию собственной субъективной позиции, основанной на методологии и практическом опыте;

пассивного прохождения курсов повышения квалификации (в сроки, установленные законодательством) – к активному, постоянному самообразованию.

Для эксперта-баллиста это означает необходимость использования широкого спектра форм самостоятельного профессионального развития:

участие в научно-практических конференциях, семинарах и круглых столах позволяет эксперту не только ознакомиться с новейшими разработками в области судебной баллистики, но и получать обратную связь от коллег;

подготовка научных статей в профильных журналах, сборниках материалов конференций, а также подготовка методических рекомендаций, информационных листов по результатам экспертной практики способствуют систематизации накопленного опыта и его распространению (обмену опытом), а также стимулируют эксперта к более глубокому анализу исследуемых проблем;

мониторинг зарубежных научных источников информации, ознакомление с практикой работы судебно-экспертных учреждений других стран, изучение зарубежных методик либо методов исследования (например, по исследованию таких объектов, как оружие, изготовленное при помощи 3D-печати, составные части и компоненты огнестрельного оружия) позволяют эксперту расширить профессиональный кругозор и применять наиболее эффективные подходы в отечественной практике проведения судебных баллистических экспертиз. Участие в международных стажировках и конференциях также становится значимым источником новых знаний;

выступая в роли наставника, эксперт не только передает накопленные знания молодым сотрудникам, но и развивается сам. Систематизируя и актуализируя материал в ходе ответов на вопросы при проведении практических занятий и круглых столов, он обеспечивает собственный профессиональный рост и укрепляет авторитет среди коллег;

инициативное изучение новых объектов, поступающих на исследование, проведение экспериментальных исследований, разработка и апробация частных методик исследования также являются активной формой самообразования эксперта-практика;

обсуждение сложных экспертных задач с коллегами в профессиональных онлайн-сообществах как национальных, так и зарубежных (при соблюдении конфиденциальности передаваемой информации и ограниченности доступа к сайту сообщества) помогает оперативно получать информацию о новых подходах к решению сложных экспертных задач.

Таким образом, непрерывное образование является не просто прохождением связанных этапов образовательного процесса эксперта, а его фундаментальной основой. В условиях, когда цена экспертной ошибки может быть непоправимой для судьбы человека, профессиональное становление эксперта должно быть процессом без финальной точки. Теоретические положения о преемственности и многомерности непрерывного образования, развиваемые в трудах многих ученых-криминалистов, находят свое практическое подтверждение в вызовах, возникающих перед современной судебной баллистической экспертизой.

Создание условий для реализации всех трех векторов развития образовательного процесса («вперед», «вверх» и «по горизонтали») и стимулирование активной познавательной позиции самого эксперта позволят обеспечить качество судебных баллистических экспертиз, соответствующее уровню преступности XXI в. и требованиям правосудия.

Список использованных источников

1. Моисеева, Т.Ф. Организационные и методологические аспекты подготовки судебных экспертов / Т.Ф. Моисеева // Правосудие. – 2019. – Т. 1, № 2. – С. 160–168.

2. Психологическое содержание понятия «непрерывное образование» // Непрерывное образование: методология, технологии, управление : кол. монография / под ред. Н.А. Лобанова [и др.]. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – С. 74–87.

УДК 616-01/09

А.О. Гусенцов

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

За последние 25 лет в мире наблюдается невероятный скачок в развитии научно-технического прогресса, главным образом в области цифровых технологий, которые находят свое применение не только при достижении глобальных целей в сфере науки, техники, экономики, но и для решения гражданами простых повседневных задач. Яркими примерами цифровых технологий, которые широко и успешно применяются для снижения трудозатрат человека в быту, являются голосовой помощник «Алиса», беспилотные автомобили такси, аэротакси, программы с искусственным, в том числе генеративным интеллектом (ChatGPT, DeepSeek, Claude (Anthropic) / Gemini (Google), ManyChat и т. д.).

По сути, можно констатировать тот факт, что в настоящее время мы живем в эпоху цифровой трансформации общества, которая закономерно не обошла своим влиянием и сферу деятельности, столь значимую для построения и развития правового государства, которой является судебная медицина.

Современный этап развития судебно-медицинской науки и практики характеризуется возрастающим объемом экспертной нагрузки, количества и уровня сложности проводимых экспертиз, повышением требований к объективизации выводов эксперта в соответствии с принципом состязательности уголовного процесса. Применение цифровых технологий не только увеличивает скорость и глубину проводимых исследований, но и в значительной степени повышает точность полученных результатов, обеспечивая существенный рост уровня визуализации, объективности и обоснованности выводов в заключении эксперта [1].

В данном контексте весьма показательными являются результаты исследования, проведенного А.П. Ардашкиным и В.В. Сергеевым в целях изучения степени понимания судебно-медицинскими экспертами Российской Федерации возможностей цифровой трансформации в экспертной практике и ее влияния на объективность результатов экспертных исследований. Авторами проведено анкетирование 77 судебно-медицинских экспертов бюро судебно-медицинской экспертизы Республики Башкортостан, Воронежской, Кировской и Самарской областей. По результатам проведенного исследования установлено, что специалисты, признавая важность и значимость цифровой трансформации судебно-медицинской деятельности, проявляют недостаточно высокий уровень познавательной активности в данном отношении [2].

В настоящее время среди большого числа цифровых технологий, используемых для решения научно-практических задач в судебной медицине, следует отметить компьютерные технологии трехмерного (3D-) моделирования, математическое моделирование и посмертную визуализацию (виртопсию). Указанные современные методы исследования убедительно доказали свою состоятельность в целях получения объективных, достоверных и научно обоснованных результатов, характеризующихся помимо прочего высоким уровнем наглядности.

3D-моделированием называют процесс создания трехмерных объектов самых разнообразных конфигураций, осуществляемый с использованием возможностей компьютерной графики. Визуализация объектов (в том числе на месте происшествия) реализуется при помощи специализированных компьютерных программ (MicroSmith Poser, Agisoft PhotoScan и др.), что позволяет качественно воспроизвести этапы изучаемого криминального события [3]. Объективными преимуществами

данного метода является возможность построения качественной модели тела человека в трехмерном пространстве, в том числе на основе файлов рентгеновских изображений, отображения скелета человека, учета половой и возрастной принадлежности, антропометрических данных, неограниченного количества моделей травмирующих предметов, объектов места происшествия и т. д., что в совокупности, безусловно, способствует возрастанию степени визуализации выводов эксперта.

Экспертная практика, а также результаты анализа научных публикаций по данной тематике, проведенного И.Ю. Макаровым и соавторами, убедительно доказывает тезис о том, что использование возможностей 3D-моделирования в целях судебной медицины позволяет осуществлять проектирование объектов в виртуальной среде, изучать их структурные особенности и вариации поведения в условиях различных нагрузок, в значительной степени минимизируя временные затраты эксперта на визуализацию выводов [4].

Математическое моделирование в судебной медицине реализуется путем применения различных математических методов с целью проведения анализа сложных биомеханических процессов, реконструкции событий, идентификации личности, объективизируя результаты судебно-медицинских экспертиз. Преимуществами данного метода являются осуществление моделирования разрушений путем импорта оригинальных файлов компьютерной томографии в среду проектирования, а также возможность решения поставленных эксперту вопросов об условиях образования телесных повреждений в конкретных условиях. Ю.И. Пиголкиным, М.А. Кисловым, К.Н. Крупиным разработана методика математического моделирования с помощью конечного элементного анализа в судебно-медицинской экспертизе, включающая семь этапов [5]:

1. Построение геометрической модели объекта исследования, пригодной для конечного элементного анализа, с учетом параметров, необходимых для расчетов.

2. Выбор физических свойств материала, определяемых при исследовании реальных биологических объектов – различных тканей и органов человека.

3. Создание сетки конечных элементов – формирование максимально возможного количества областей с упорядоченной сеткой, имеющей одинаковый размер и форму конечных элементов, что способствует увеличению сходимости и точности получаемых результатов.

4. Моделирование граничных условий (с учетом особенности реального взаимодействия элементов).

5. Численное решение системы уравнений с использованием специализированных программных комплексов.

6. Анализ результатов с получением закономерностей распределения напряжений и деформаций, формы, характера и последовательности разрушения объекта.

7. Валидация результатов моделирования путем сравнения с результатами экспериментов, проведенных в анализируемых условиях.

Посмертная компьютерная томография (посмертная визуализация, виртопсия) представляет собой методику посмертного исследования трупа человека (или его частей), объединяющую проведение классического патологоанатомического или судебно-медицинского вскрытия с предварительным использованием КТ- и (или) МРТ-исследования. Виртопсия позволяет произвести детальное, быстрое и щадящее исследование трупа, в том числе анатомических областей либо частей тела, технически сложных для проведения традиционного вскрытия: лицевой скелет, основание черепа, позвоночник, спинной мозг, таз.

Применение данного вида исследования обеспечивает выводам эксперта достижение высочайшей степени наглядности; эффективно применяется помимо прочего в случаях массовой гибели людей. В дополнение к изложенному достаточно значимые преимущества посмертной визуализации заключаются в получении объективных проверяемых данных, которые можно не только повторно обработать, но и интерпретировать либо сопоставить с результатами, полученными в ходе собственно вскрытия. Кроме того, виртопсия может послужить основой для 3D-печати поврежденных структур в целях реконструкции внешнего вида трупа [6].

Программная краниофациальная идентификация является автоматизированным методом, использующим нейросети (например, Skull-face), для сопоставления черепа трупа человека с его прижизненными фотографическими изображениями. Система осуществляет анализ реперных точек черепа (глабелла, гонион и др.), позволяя производить идентификацию личности либо составлять словесный портрет по костным останкам (черепу). Неоспоримыми преимуществами данного метода исследования являются совмещение функционала мобильных телефонов и технологий машинного обучения в целях судебно-медицинской идентификации личности, а также возможность его применения в условиях чрезвычайных ситуаций, сопровождающихся массовыми человеческими жертвами [7].

Таким образом, применение цифровых технологий в судебной медицине является весьма перспективным направлением, позволяющим эффективно решать поставленные задачи, способствующим повышению точности получаемых результатов, увеличению степени их визуализации, объективности и обоснованности выводов эксперта.

В целях активизации внедрения цифровых технологий в судебно-медицинскую науку и практику необходимы повышение уровня соответствующей квалификации лиц, задействованных в их реализации, а также обеспечение постоянного контроля эксперта над процессом применения цифровых технологий в ходе проведения экспертизы и полученными результатами.

Список использованных источников

1. XII Международный конгресс «Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики – 2025». – 2025. – URL: <https://congress-fme-klevno.ru> (дата обращения: 24.01.2026).
2. Ардашкин, А.П. О цифровизации в судебной медицине / А.П. Ардашкин, В.В. Сергеев // Судебная медицина. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 315–321.
3. Визуализация реконструкции криминального события методом 3D-моделирования / Е.Н. Леонова, Ю.П. Шакирьянова, С.В. Леонов [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. – 2018. – № 6. – С. 52–54.
4. Эффективность использования современных компьютерных технологий в клинической практике и перспективы применения биомеханических 3D-моделей в судебной медицине / И.Ю. Макаров, А.В. Светлаков, А.В. Сотин [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. – 2018. – № 61. – С. 58–64.
5. Пиголкин, Ю.И. Математическое моделирование с помощью конечно-элементного анализа в судебно-медицинской экспертизе / Ю.И. Пиголкин, М.А. Кислов, К.Н. Крупин // Судебно-медицинская экспертиза. – 2023. – № 66. – С. 9–13.
6. Виртопсия в Чешской Республике / Я. Фришонс, В. Навотны, П. Рейтар [и др.] // Судебная медицина. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 44–48.
7. Современные возможности использования компьютерных программ и мобильных устройств в рамках идентификации личности / О.И. Косухина, Ю.П. Карева, С.В. Леонов [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. – 2024. – № 67. – С. 27–30.

УДК 340.63:343.988

В.В. Дукорский

СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА БЕСПОМОЩНОГО СОСТОЯНИЯ У ПОТЕРПЕВШИХ В СООТВЕТСТВИИ СО СТ. 139 И 147 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Постановлениями Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» и от 29 марта 2006 г. № 1 «О судебной практике по делам об умышленном причинении тяж-

кого телесного повреждения» судам разъяснено, что под беспомощным следует понимать такое состояние, которое лишает потерпевшего возможности в силу его физического или психического состояния оказать преступнику активное сопротивление, уклониться от посягательства или иным образом ему противостоять. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, можно отнести, в частности, тяжелобольных либо страдающих психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее (формулировка обоих постановлений идентична).

Таким образом, предметом судебно-психиатрической экспертизы по определению психической беспомощности является выявление психических расстройств (медицинский критерий) у потерпевших, которые обуславливают невозможность правильно воспринимать происходящее и противостоять преступнику (юридический критерий). Наличие совокупности указанных критериев является необходимым основанием для констатации психической беспомощности при проведении судебно-психиатрической экспертизы [1, с. 7; 2, с. 9].

Юридический критерий психической беспомощности (беспомощного состояния). Для раскрытия содержательной стороны интеллектуального компонента юридического критерия психической беспомощности, т. е. ответа на вопрос о том, в какой степени потерпевший был способен правильно воспринимать происходившее, можно выделить два уровня восприятия, использование которых является весьма продуктивным при судебно-психиатрической оценке: способность к общему осмысленному восприятию, способность к разумным оценочным суждениям в отношении воспринятого.

Общее осмысленное восприятие – восприятие самых общих обстоятельств криминальной ситуации (время, место, внешность правонарушителя, последовательность совершаемых им действий и т. д.). Если потерпевший в период правонарушения был дезориентирован в месте и времени, не понимал, кто рядом с ним находится, какие действия совершаются, т. е. в силу психического расстройства у него отсутствовала способность к базовому осмысленному восприятию происходящего, то он, безусловно, должен быть признан неспособным правильно воспринимать происходящее и противостоять правонарушителю.

Способность к разумным оценочным суждениям в отношении воспринятого – оценка способности потерпевшего соотносить совершаемые в отношении него действия с моральными, социальными и правовыми нормами, критически к ним относиться, а также прогнозировать их возможные последствия. Применительно к правонарушению пони-

мание на уровне разумных оценочных суждений означает прежде всего способность осмыслить нравственно-этическую сторону общественно опасного деяния (достаточно понимания на простом уровне: хорошо или плохо, социальную сторону общественно опасного деяния (достаточно понимания на уровне допустимости или недопустимости, социальной приемлемости или неприемлемости) и правовое значение общественно опасного деяния (достаточно способности к пониманию противоправности поведения), а также потенциальные последствия совершенного правонарушения для жизни, здоровья и благополучия исследуемого.

Для заключения об отсутствии расстройств психики, обуславливающих наличие юридического критерия беспомощного состояния, необходимо констатировать сохранность понимания на обоих уровнях, тогда как для вывода о психической беспомощности достаточно установить отсутствие понимания хотя бы на одном из этих уровней.

Рассматривая вопрос о содержательной стороне волевого компонента юридического критерия психической беспомощности, необходимо прежде всего обратить внимание на такие стороны волевых (эмоционально-волевых) изменений, при которых существенно нарушается способность к целенаправленному, последовательному, адекватному поведению и, следовательно, к оказанию сопротивления (противостоянию). В частности, это могут быть такие нарушения волевых процессов, при которых имеет место: выраженное снижение спонтанности поведения в виде торпидности, вялости, аспонтанности; патологически повышенные внушаемость и подчиняемость.

Значимость учета волевых расстройств для общей оценки глубины психического дефекта с позиций юридического критерия психической беспомощности связана еще и с тем, что речь идет о сохранности способности произвольно регулировать свое поведение не в привычной обстановке, а исключительно в криминальной ситуации, которая нередко носит для потерпевшего экстремальный характер, предъявляя повышенные требования к психической устойчивости. Нестабильность психического состояния, легкость наступления психогенно обусловленной дезорганизации психической деятельности (что характерно для психопатологических состояний с выраженными эмоционально-волевыми нарушениями) могут способствовать существенному углублению дезорганизации психической деятельности (в рамках криминальной ситуации) до степени, исключающей возможность адекватной произвольной регуляции поведения.

Медицинский критерий психической беспомощности (беспомощного состояния). Психические нарушения, обуславливающие беспомощное состояние потерпевшего, могут наблюдаться при широком спектре

психических расстройств. В большинстве случаев при психотических расстройствах закономерен вывод о том, что потерпевший не мог правильно воспринимать происходящее и противостоять преступнику. Экспертное заключение при этом в зависимости от характера психопатологических расстройств может основываться как на констатации интеллектуального компонента юридического критерия беспомощного состояния (в результате нарушения правильного понимания), так и на сочетании интеллектуальных и эмоционально-волевых нарушений.

Следует особо отметить, что далеко не во всех случаях психотических расстройств правомерно заключение о психической беспомощности. В случае, например, стойкой ремиссии при шизофрении расстройство не препятствует способности понимать суть происходящих действий и оказывать правонарушителю сопротивление (активное и осознанное, адекватное ситуации). В таком случае правомерен вывод об отсутствии юридического критерия беспомощного состояния.

Отдельное положение в группе временных расстройств психики занимают состояния, сопровождающиеся частичной или полной утратой сознания либо характеризующиеся различными клиническими формами помрачения сознания (делирии). При этом констатация нарушения способности к осмысленному восприятию событий криминальной ситуации (в результате той или иной формы нарушения сознания) оказывается достаточным основанием для вывода о психической беспомощности потерпевшего.

Особое место среди психических расстройств в рамках оценки психической беспомощности занимают различные клинические формы когнитивного дефицита (как врожденного, так и приобретенного). Если при выраженных степенях когнитивного дефицита (например, при глубокой умственной отсталости или выраженной деменции) заключение о наличии психической беспомощности практически однозначно вытекает из психиатрического диагноза (хотя, безусловно, и в данном случае для обоснования вывода необходимо использовать предложенные критерии экспертной оценки), то в других случаях (легкая умственная отсталость, легкое или умеренное когнитивное снижение) экспертная оценка включает в себя более детальный анализ соответствующих компонентов юридического критерия психической беспомощности с подробным описанием степени выявляемых нарушений.

Вывод о неспособности потерпевшего правильно воспринимать происходящее и противостоять преступнику при проведении судебно-психиатрической экспертизы должен быть четко аргументирован, а именно: вследствие какой психопатологической симптоматики данная способность была нарушена.

Список использованных источников

1. Метелица, Ю.Л. Судебно-психиатрическая оценка психических расстройств потерпевших : метод. рекомендации / Ю.Л. Метелица. – М. : ВНИИ общ. и судеб. психиатрии им. В.П. Сербского, 1988. – 21 с.
2. Морозова, Н.Б. Судебно-психиатрическая оценка психических расстройств потерпевших, получивших черепно-мозговую травму в криминальной ситуации : метод. рекомендации / Н.Б. Морозова, Т.А. Смирнова, Т.П. Печерникова. – М. : Гос. науч. центр социал. и судеб. психиатрии им. В.П. Сербского, 1995. – 17 с.

УДК 616.89-008.441.44

Д.Д. Зайцева

РОЛЬ И МЕСТО СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ В КОМПЛЕКСНОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ САМОУБИЙСТВ

Проблема завершенных самоубийств остается одной из наиболее острых и социально значимых для современного здравоохранения. Как отмечают многие исследователи, суицид представляет собой многофакторный феномен, изучение которого требует комплексного подхода – от психопатологических предпосылок до детального анализа морфологических признаков, выявляемых в ходе осмотра места происшествия и проведения судебно-медицинской экспертизы трупа.

Результаты анализа судебно-медицинской практики в случаях самоубийств имеют критически важное значение не только для установления непосредственной причины смерти, но и для реконструкции условий и обстоятельств происшедшего, исключения признаков другого рода насильственной смерти (прежде всего убийства), а также выявления закономерностей, характерных для конкретных регионов и социальных групп.

Принимая во внимание вышеизложенное, для определения возможностей судебной медицины в деле профилактики суицидов необходимо систематизировать и проанализировать данные отечественной и зарубежной литературы, посвященной изучению медико-социальных и судебно-медицинских аспектов завершенных суицидов.

Выбор способа совершения самоубийства является первичным звеном в судебно-медицинской экспертной диагностике данной проблемы. В работе П.Б. Зотова и соавторов проведено сравнительное изучение частоты различных способов совершения суицидов в Российской Федерации и Республике Беларусь. Установлено, что наиболее часто встре-

чающимся способом завершённых суицидов является самоповешение (82,1–87,5 %) [1], что в целом соответствует результатам исследования, проведенного по материалам Калужского областного бюро судебно-медицинской экспертизы [2], а также данным, полученным в ходе мониторинга ситуации по Минску [3]. Высокая степень встречаемости данного способа может быть объяснена простотой и доступностью средств в сочетании с его эффективностью. Примечательно, что, по данным П.Б. Зотова и соавторов, женщины в 72 % случаев выбирают повешение, что опровергает широко распространенный тезис о преимущественном использовании ими медикаментозных средств при попытках совершения суицида.

Второе и третье места в структуре способов самоубийства делят отравления и повреждения, причиненные огнестрельным оружием. В данном контексте следует отметить, что в ряде случаев наблюдается «профессионально ориентированный суицид». Как указывают В.В. Зыков, А.Е. Мальцев и И.В. Шешунов, определенные профессии подразумевают доступ к специфическим средствам, которые могут быть применены в целях завершённого суицида: сотрудники правоохранительных органов и военные – нанесение огнестрельных ранений (самострел), медицинские работники – использование медикаментов (самоотравления) и нанесение резаных ран с предварительной анестезией, работники технических специальностей – использование промышленного оборудования (гидравлических зажимов, поражение электричеством). По результатам исследования, проведенного данными авторами, выделена специфическая категория – самоубийства на рабочих местах (около 2 % от всех случаев). Авторы отмечают следующие факторы риска «рабочего» суицида: пол – данный вид самоубийства отмечен исключительно среди мужчин (что составило 2,6 % от общего числа мужских суицидов); профессия – лидируют работники котельных (27 %), что связывается с социальной изоляцией и ночными сменами; временной фактор – наибольшая активность зафиксирована в утренние часы (с 6:00 до 12:00), что коррелирует с пиком социальной активности и конфликтности. Около 67 % лиц, совершивших суицид на рабочем месте, страдали хроническими соматическими заболеваниями (преимущественно сердечно-сосудистыми и онкологическими) [4]. В женской популяции наиболее значимым фактором являются эмоциональные расстройства депрессивного спектра [3].

Типичными признаками совершения суицида с применением острых предметов, что также встречается в судебно-медицинской практике, являются локализация ран в анатомических областях, являющихся «удобными» для нанесения самоповреждений (передняя поверхность шеи,

предплечья), наличие следов «примеривания» (множественные поверхностные раны, расположенные преимущественно параллельно друг другу), освобождение поверхности тела от одежды для достижения поставленной суицидентом цели. В случаях применения огнестрельного оружия ключевым маркером самоповреждения является дистанция выстрела (как правило, упор) и обнаружение сопутствующих продуктов выстрела на тыльной поверхности кисти рабочей руки, удерживавшей оружие [5].

Результаты исследований, проведенных В.В. Зыковым, а также С.В. Давидовским и соавторами, демонстрируют не только наличие взаимосвязи между завершенными суицидами и алкоголизацией, проблемами соматического здоровья, но и важнейшую роль данных факторов в развитии указанной проблемы. В частности, злоупотребление алкогольными напитками является мощнейшим фактором дезадаптации человека, снижающим волевой контроль и провоцирующим импульсивное поведение. В Кировской области 81,8 % суицидентов на рабочих местах находились в состоянии опьянения [3, 4].

Таким образом, завершенный суицид является результатом взаимодействия биологической предрасположенности (наличие заболеваний и др.), социального окружения и доступности средств совершения акта. При проведении судебно-медицинской экспертизы помимо выявленных морфологических закономерностей учитываются условия и обстоятельства наступления смерти (профессия погибшего, особенности, выявленные в ходе осмотра места происшествия, и др.), которые могут быть почерпнуты из материалов проверки по факту смерти либо уголовного дела.

Судебно-медицинская практика, данные научной литературы, посвященной изучению возможностей диагностики завершенных суицидов, в качестве наиболее значимого индикатора истинности суицидальных намерений выделяют способ самоповреждения. Результаты изучения, систематизации и анализа комплекса вышеуказанных факторов позволяют медицинским судебным экспертам не только исключать криминальный характер наступления смерти, но и предоставлять органам здравоохранения объективные данные для формирования эффективных комплексных стратегий првенции.

Список использованных источников

1. Способы завершенных суицидов: сравнительный аспект / П.Б. Зотов, О.Ж. Бузик, М.С. Уманский [и др.] // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2018. – № 3. – С. 62–66.

2. Носова, Е.С. Судебно-медицинские аспекты самоубийств (на примере материалов Калужского областного бюро судебно-медицинской экспертизы) / Е.С. Носова, Б.А. Спасенников, О.Ю. Александрова // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. – 2022. – № 1–2. – С. 6–15.

3. Клинико-психологические и социально-демографические особенности суицидального поведения населения Минска (Республика Беларусь) / С.В. Давидовский, Ж.А. Ибрагимова, С.А. Игумнов [и др.] // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2020. – № 3. – С. 102–113.

4. Зыков, В.В. Судебно-медицинские и медико-социальные аспекты самоубийств на рабочих местах / В.В. Зыков, А.Е. Мальцев, И.В. Шешунов // Судебная медицина. – 2017. – Т. 3, № 3. – С. 25–28.

5. Гусенцов, А.О. Судебно-медицинская характеристика самоповреждений, возникающих при воздействии острых предметов и выстреле из огнестрельного оружия / А.О. Гусенцов // Проблемы и современное состояние криминалистики и судебной экспертизы : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск 26 мая 2016 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: М.П. Шруб (отв. ред.) [и др.]. – Мн., 2016. – С. 173–177.

УДК 343.9

Е.И. Зинкевич

ГЕНЕЗИС УЧЕТНО-РЕГИСТРАЦИОННЫХ ФОРМ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Современная криминалистика все чаще сталкивается не с проблемой отсутствия информации, а с проблемой ее организации. В этой связи обращение к историческим моделям упорядочивания сведений позволяет выявить устойчивые алгоритмы систематизации, существовавшие задолго до формирования научной криминалистики. Анализ рукописных текстов, демонстрирующих продуманную структуру, критерии включения и способы фиксации сведений способствуют уточнению теоретических оснований системного подхода в криминалистике.

Так, в 1910 г. во Львове прошло заседание Геральдического общества, где рассматривался вопрос о возможной публикации рукописи неизвестного автора, получившей впоследствии название *Liber Chamorum*.

Обнаруженная примерно в XIX в. рукопись состояла примерно из 800 страниц, где представлены данные на 2 534 человек в алфавитном порядке. В некоторых случаях приведены рисунки гербов, означавших, что данные лица имеют отношение к привилегированному сословию.

Ответить на вопросы, кто является автором, о дате ее написания, месте написания, наименовании и причинах, обусловивших ее создание, на момент изучения рукописи не представлялось возможным.

Между тем исследователи [1], изучив этот артефакт, все же сделали ряд важных выводов:

название рукописи в переводе с латинского языка *Liber Chamorum* звучит как «Книга происхождения, или Каталог о тех плебейх, которые претендуют на знатное происхождение»;

период написания – с 1626 по 1639 г.;

примерный регион создания – Краковское воеводство, Люблин и отдельные регионы, входившие в состав Польши в конце XVII в.;

систематизация сведений проведена по алфавиту Калепино¹;

написание сведений латиницей и кириллицей на польском, русинском и латинском языках, использование методов криптографии того времени свидетельствовали, что писавший был образованным человеком.

Итоговое мнение исследователей заключалось в констатации низкой исторической ценности рукописи, так как содержащая в ней информация включала слухи, сплетни и другие малодостоверные сведения, что снижало ее геральдическую ценность.

Между тем исследователи *Liber Chamorum* отмечали, что в рукописи отражены моменты, подтверждаемые другими источниками, в частности описание способов узурпации титулов представителями низкого сословия, не имеющими на то право, притязаний на движимое и недвижимое имущество, с изложением процесса данного приобретения, нюансов владения, признаков незаконного владения и пр.

В рукописи представлена критика лиц, которые путем различных ухищрений получили титул, а вместе с ним и право приобретения движимого и недвижимого имущества. Она иллюстрируется примерами жизни придворных, разговорной речи, миниатюрными рассказами, описанием громких скандалов, известных всей стране, и пр.

Кроме того, исследователи рукописи *Liber Chamorum* совершенно справедливо считали, что ее публикация нанесет непоправимый ущерб репутации уже существующим родам, которые описаны в ней.

Следует также отметить, что дальнейшие исследования *Liber Chamorum* позволили установить автора, которым оказался Валериан Неканда Трепка, представитель известного аристократического рода, родившийся после 1583 г. К концу XVII в. он утратил большинство своих фамильных земельных наделов. В результате чего был вынужден перебраться в Краков, где совершал постоянные поездки в поисках материала для своего труда. В молодости В.Н. Трепка являлся инициатором нескольких судебных процессов по узурпации титулов, а также ряда скандалов с представителями низкого сословия [2].

¹ Алфавит Калепино : Амброзио Калепино – автор нескольких словарей, чья структура послужила основой для систематизации в различных сферах деятельности.

Данный труд, по нашему мнению, представляет интерес для криминалистики по ряду причин.

Во-первых, в нем четко обозначен объект – лицо, незаконно завладевшее титулом (узурпатор) и владениями, ранее принадлежавшими шляхте.

Во-вторых, сбор сведений и их оформление формируются по правилам составления криминалистических учетов.

В целом назначение *Liber Chamorum* отвечает нескольким целям – от банального шантажа до судебного преследования узурпаторов. Обозначенные исследователями причины сбора подобных сведений до настоящего времени, по нашему мнению, являются не вполне достоверными и дискуссионными.

Однако даже предварительный анализ *Liber Chamorum* позволяет идентифицировать ее как иллюстрацию ранней модели алгоритмической систематизации персонализированной информации, материальность которой подтверждена временем. При этом использование научных методов, характерных для того времени (систематизация Калепино), позволяет констатировать использование системного подхода. В данном случае алфавит выступает как системообразующий алгоритм. Каждое лицо получает заранее определенное место в структуре, что обеспечивает воспроизводимость поиска, устойчивость размещения информации и возможность ее дополнения. Именно такая логика построения массива данных позволяет говорить о формировании информационной матрицы, а не случайного собрания сведений.

Конечно, использование в качестве объекта преследования лиц, незаконно завладевших титулами (узурпаторов), не отвечало потребностям материального права ни того времени, ни современного, особенно если имелись свидетельства, закрепившие переход от одного социального статуса к другому. Однако наука имеет множество примеров, когда открытие, используемое в одной сфере, применялось в другой. Данные парадоксы имеют место и в современный период.

Например, «Илиада» Гомера, которая была известна довольно широко, сподвигла в 1860 г. Г. Шлимана к самостоятельным археологическим раскопкам в поисках легендарной Трои, хотя мало кто предполагал, что в ней описывались действительные исторические события. Обнаружение Трои повлекло за собой другие проекты.

Сфера правоохранительной деятельности по своей сути является абсолютным лидером использования открытий из других наук, среди которых наиболее значимыми являются: новый метод идентификации личности по отпечаткам пальцев рук, предложенный в системе административного управления колониями У.Д. Гершелем в 1877 г., который

в 1916 г. опубликовал отчет о своей работе с отпечатками пальцев под названием *The Origin of Finger-Printsing* [3]; антропометрический метод уголовной регистрации и идентификации преступников А. Бертильона, основанный на результатах работ социолога А. Кетле, в частности «Человек и развитие его способностей, или Опыт общественной физики» [4]; современные достижения генетики, которые базируются на исследованиях вопросов наследственности растений, в частности Г.И. Менделя [5]. Примеров подобного использования достаточно много.

Так, представителями полиции использовался системный подход в сфере противодействия преступности:

современная система оперативного учета преступлений, использование помощи ученых для исследования вещественных доказательств, проведения следственных экспериментов и др. стали результатом деятельности Эжена Франсуа Видока (1775–1857), являющимся основоположником современной криминальной полиции и детективной деятельности [6];

системное аккумулирование всех сведений о деятельности преступников в единый массив данных, а также по расследованию тяжких преступлений практически реализовал Уильям Генри Слимман (1788–1856), в 1835 г. возглавивший расследование организованной религиозной секты тугов в Британской Индии [7];

статистические подходы Фрэнсиса Гальтона (1822–1911) к исследованию узоров пальцев рук (типов и видов) позволили сформировать современную систему дактилоскопических учетов, его же исследования существенно улучшили антропометрический метод систематизации по отдельным параметрам А. Бертильена [8].

В этом отношении труд *Liber Chamorum* являлся новаторским по нескольким причинам:

использование уникальной системы фиксации информации от А до Z, основанной на латинском алфавите, где фамилии располагались строго последовательно;

широкая система источников, включающих в себя представителей всех слоев населения (мальчик-нищий, епископский повар, Стас-возничий и др.);

довольно обширный пласт сведений (2 534 лица), указывающий на то, что автор обладал коммуникационными навыками в условиях статусного общества;

рукописный характер труда, свидетельствующий о его функциональности и ценности для автора;

наличие системы шифрования сведений, содержащихся в *Liber Chamorum* [9];

идентификационные признаки, позволяющие опознать того или иного персонажа, отмеченного в труде [2].

В этом контексте рукопись В.Н. Трепки интересна не как «криминалистика XVII в.», а как исторически зафиксированная модель системного учета: алфавитная организация массива, сеть источников сведений, фиксация идентификационных признаков, методы защиты информации и проблема достоверности источников.

Список использованных источников

1. Polaczówna, H. Liber Chamorum / H. Polaczówna. – Łwów, 1911.
2. Treпка, W.N. Liber Generationis Plebeianorum (Liber Chamorum) : Część I i II / W.N. Treпка. – Część I. Zakład narodowy imienia Ossolinskiх. – Wrocław ; Warszawa-Kraków : Wydawnictwo polskiej akademii nauk, Ossolineum, MCMLXIII, 1963.
3. Herschel, W.J. The Origin of Finger-Printing / William J. Herschel. – Oxford : Univ. Press, 1916.
4. Кетле, А. Человек и развитие его способностей, или Опыт общественной физики / А. Кетле // Сочинения / А. Кетле. – СПб. : Изд. О.И. Бакста, 1865. – Т. 1.
5. Мендель, Г. Опыты над растительными гибридами / Г. Мендель ; пер. К.А. Фляксбергера ; введ. ст. и общ. ред. Н.И. Вавилова. – М. ; Л. : ОГИЗ – Сельхозгиз, 1935.
6. Видок, Э.Ф. Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции : в 3 т. / Эжен Франсуа Видок. – М. : Свенас, 1991.
7. Sleeman, W.H. Report on the Depredations Committed by the Thug Gangs of Upper and Central India From the Cold Season of 1836–37, Down to Their Gradual Suppression, Under the Operation of the Measures Adopted Against Them by the Supreme Government, in the Year 1839 / William Henry Sleeman // Ramaseeana, Or, A Vocabulary of the Peculiar Language Used by the Thugs. – Calcutta : G.H. Huttman, Military Orphan Press, 1836.
8. Собрание опубликованных работ Фрэнсиса Гальтона. – URL: <https://galton.org/bibliography/index.html> (дата обращения: 20.03.2026).
9. Соболева, Т.А. История шифровального дела в России / Т.А. Соболева. – М. : ОЛМА-Пресс – Образование, 2002.

УДК 343.98

Н.С. Корсак

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, ИЗГОТОВЛЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ 3D-ПЕЧАТИ

Развитие аддитивных технологий в XXI в. оказывает существенное влияние не только на промышленное производство, инженерное проектирование и бытовую сферу, но и на характер современной преступной

деятельности. Технологическая доступность 3D-печати привела к тому, что изготовление отдельных элементов огнестрельного оружия, а в ряде случаев и его цельных функциональных образцов стало возможным вне традиционной производственной инфраструктуры. Данное обстоятельство формирует качественно новый вызов для криминалистического оружиеведения, поскольку ставит под сомнение достаточность классических экспертных подходов, ориентированных преимущественно на оружие заводского либо «традиционного» самодельного изготовления.

Актуальность рассматриваемой проблематики подтверждается как научными публикациями, так и материалами правоприменительной практики. В Республике Беларусь зафиксирован случай изготовления 3D-печатного пистолета-пулемета FGC-9, который по результатам судебной экспертизы был признан пригодным для стрельбы патронами калибра 9×19 мм [1]. Тем самым 3D-печатное оружие следует рассматривать уже не как потенциальную, а как реальную угрозу, имеющую значение для следственной, оперативно-розыскной и экспертной деятельности. Зарубежные исследования также фиксируют рост числа случаев обнаружения подобных объектов правоохранительными органами, особенно после 2021 г. [2].

3D-печатное оружие представляет собой неоднородную группу объектов. К ней относятся полностью полимерные образцы, гибридные конструкции, сочетающие напечатанные и металлические детали, а также отдельные компоненты оружия, изготовленные с использованием аддитивных технологий. Для криминалистики такое разграничение принципиально важно, поскольку степень функциональной пригодности, прочности и слеодообразования у данных объектов существенно различается. Если ранние модели, подобные Liberator, характеризовались ограниченным ресурсом, то более поздние конструкции демонстрируют значительно более высокий уровень технической приспособленности к практическому использованию [3, 4].

Традиционные подходы в области криминалистического исследования огнестрельного оружия во многом ориентированы на признаки, присущие серийному промышленному производству: маркировочные обозначения, устойчивые конструктивные параметры, типичные следы металлообработки и воспроизводимые особенности взаимодействия деталей механизма. В случае 3D-печатных образцов значительная часть указанных признаков либо отсутствует, либо приобретает нестабильный характер. Цифровая модель может многократно модифицироваться, печать выполняется на разных устройствах и из разных материалов, а итоговый объект нередко подвергается ручной доработке. Вследствие

этого установление происхождения оружия, его классификационной принадлежности существенно осложняется [5, 6].

Отдельного внимания заслуживает вопрос об идентификации оружия по следам на пулях и гильзах. Для оружия заводского изготовления в судебной баллистике традиционно важны индивидуализирующие признаки, возникающие на внутренних поверхностях ствола, ударнике, чашке затвора, выбрасывателе и других деталях. Однако применительно к полностью или преимущественно полимерным образцам устойчивость подобных признаков может снижаться. Исследования показывают, что отдельные 3D-печатные модели способны произвести выстрел, но при этом не формируют достаточного комплекса стабильных индивидуальных признаков, пригодных для уверенной идентификации [3]. Следовательно, эксперт не всегда может оперировать привычным набором сравнительных признаков, используемых при исследовании серийного оружия.

Вместе с тем аддитивное производство формирует собственную группу криминалистически значимых характеристик. К ним могут быть отнесены особенности послойного нанесения материала, микрорельеф поверхности, обусловленный параметрами печати, признаки, возникающие вследствие настройки сопла, платформы и программного обеспечения печатающего прибора, а также следы постобработки – шлифования, термического воздействия, склеивания либо армирования деталей. В научной литературе ставится вопрос о возможности использования стратификационных микропризнаков как индивидуализирующих характеристик, способных указывать на конкретный принтер либо технологический режим изготовления [6, 7].

Наряду с морфологическими признаками возрастает значение материаловедческого исследования. Используемые при 3D-печати материалы различаются по химическому составу, механическим свойствам и поведению при выстреле. Для целей расследования это означает возможность изучения полимерных следов, остатков расплава, продуктов термического разрушения и микрочастиц, оседающих на пулях, гильзах, преградах или одежде. В ряде исследований указывается на перспективность анализа полимерных отложений как дополнительного источника сведений о конструкции оружия и примененном материале [3]. Следовательно, комплексная судебная экспертиза 3D-печатного оружия неизбежно выходит за пределы традиционной баллистики и требует привлечения методов физико-химического анализа.

Существенная криминалистическая проблема связана и с цифровым происхождением подобных объектов. В случае 3D-печати значимым

источником доказательственной информации выступают электронные файлы: трехмерные модели, данные слайсера, история загрузки и редактирования, параметры печати, сведения о программном обеспечении и носителях информации. Это смещает исследовательский фокус в сторону интеграции оружейведения с цифровой криминалистикой. Установление связи между изъятым предметом, компьютером, носителем данных и конкретным 3D-принтером может иметь решающее значение для доказывания факта изготовления и степени участия лица в незаконном обороте оружия [8].

Дополнительные возможности открывает использование современных неразрушающих методов исследования. В зарубежной практике для изучения гибридных и сложных 3D-печатных конструкций применяется микто-СТ, позволяющая получить цифровую модель внутреннего устройства объекта без его предварительного разрушения [2]. Такой подход важен как с точки зрения безопасности эксперта, так и для фиксации доказательственной информации о конфигурации канала ствола, расположении армирующих элементов, скрытых дефектах и способе соединения деталей. В результате криминалистическое оружейведение переходит от преимущественно внешнего морфологического анализа к многоуровневому исследованию объекта как сложной технико-цифровой системы.

Практические трудности порождает и быстрое распространение цифровых моделей 3D-печатного оружия в открытом сегменте сети Интернет. Исследователи отмечают, что систематизация доступных чертежей и файлов имеет самостоятельное значение для правоохранительной деятельности, поскольку позволяет прогнозировать, какие модели и компоненты с наибольшей вероятностью будут обнаруживаться в ходе осмотров, обысков и таможенного контроля [8]. Следовательно, экспертно-криминалистические подразделения нуждаются не только в методике исследования уже изъятых объектов, но и в формировании специализированных массивов данных о распространенных схемах, моделях и вариантах изготовления 3D-печатного оружия.

С учетом изложенного можно выделить несколько ключевых направлений совершенствования криминалистического оружейведения:

- разработка частных методик исследования полимерных и гибридных элементов оружия;

- систематизация признаков, возникающих в процессе 3D-печати и постобработки;

- развитие междисциплинарной интеграции судебной баллистики, трасологии, материаловедения, цифровой криминалистики и компьютерной томографии;

совершенствование подготовки экспертов и следователей по вопросам выявления, фиксации и изъятия как самого объекта, так и цифровой инфраструктуры его изготовления.

Таким образом, 3D-печатное огнестрельное оружие выступает сложным и динамично развивающимся объектом криминалистического познания. Его специфика заключается в сочетании вещественных, технологических и цифровых характеристик, каждая из которых может иметь доказательственное значение. В этой связи дальнейшее развитие криминалистического оружиеведения должно быть направлено на формирование самостоятельной методологической модели исследования таких объектов, учитывающей вариативность конструкции, особенности следообразования, значение полимерных материалов и роль цифровых данных как источника криминалистически значимой информации.

Список использованных источников

1. Задержан житель Брестчины, который «напечатал» оружие на 3D-принтере // Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь : офиц. сайт. – 2013–2026. – URL: <https://clck.ru/3T6cTn> (дата обращения: 30.03.2026).
2. The Use of Micro-CT in the Investigation of a Case Involving 3D-Printed Firearms / S. Goia, G. Cooper, D.G. Norman [et. al.] // Forensic Science International. – 2024. – July, Vol. 363. – URL: <https://www.clckr.ru/3T6dIH> (data of access: 30.03.2026).
3. The Relevance of Current Forensic Firearms Examination Techniques When Applied to 3D-Printed Firearms / Z.E. Wenzinger, S. Wetzel, B. Bernarding [et. al.] // Journal of Forensic Sciences. – 2024. – Vol. 69, №. 2. – P. 659–668.
4. The emergence of 3D-Printed Firearms: An analysis of media and law enforcement reports / S. Schaufelbühl, N. Florquin, D. Werner, O. Delémont // Forensic Science International: Synergy. – 2024. – Vol. 8. – Art. 100464.
5. Кокин, А.В. 3D-оружие и перспективы его криминалистического исследования / А.В. Кокин // Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – Т. 12, № 2. – С. 34–41.
6. Лозинский, О.И. Криминалистическое исследование огнестрельного оружия, изготовленного способом аддитивного производства (распечатки на 3D-принтере): инновации в судебной баллистической экспертизе / О.И. Лозинский // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 100–107.
7. Pavlovich, S. Same Source Profiling of 3D-Printed Firearms Using Deposition Striae: a discussion / S. Pavlovich // Australian Journal of Forensic Sciences. – 2022. – Jule. – P. 96–104.
8. Investigating the availability of 3D-printed firearm designs on the clear web / S. Schaufelbühl, A. Szwed, A. Gallusser [et. al.] // Forensic Science International: Synergy. – 2023. – Vol. 7. – Art. 100444.

ИЗМЕНЕНИЯ РОЛИ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

До конца 60-х гг. XX в. российскому уголовному судопроизводству был известен только один участник, обладающий специальными знаниями, – эксперт, который, во-первых, выступал самостоятельной процессуальной фигурой, проводя исследования в рамках назначенной ему экспертизы, во-вторых, выполнял функции помощника следователя, участвуя в производстве следственных действий. В учебной литературе того времени ему соответствовали два названия: научный эксперт и справочный эксперт. Научный эксперт отвечал за проведение исследования и дачу заключения, в котором излагал выводное знание, основываясь на проведенном исследовании. Справочный эксперт привлекался следователем (судом) для участия в следственных (судебных) действиях с целью содействия в собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств [1, с. 119].

В 1966 г. в Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) РСФСР появился новый участник – специалист. Под ним понимался помощник следователя, осуществлявший научно-техническую поддержку в ходе производства следственных действий, содержание которой преимущественно заключалось в обнаружении, фиксации и изъятии следов преступления, работе с технико-криминалистическими средствами.

С принятием в 2001 г. нового уголовно-процессуального закона произошло расширение компетенции специалиста. В ч. 1 ст. 58 УПК РФ законодатель указал, что помимо функционала, унаследованного из прежнего закона, специалист привлекается также для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Существенно расширилась компетенция специалиста в 2003 г. с введением законодателем в ст. 80 УПК РФ ч. 3 и 4, в результате чего перечень доказательств пополнился заключением и показаниями данного участника. Таким образом, предполагалось уравновесить возможности сторон и повысить тем самым состязательную составляющую уголовного судопроизводства. О состязательности при использовании специальных знаний стало возможно говорить как о конкуренции заключения судебного эксперта, привлеченного стороной обвинения, и заключения специалиста, привлеченного стороной защиты. В результате помимо факта расширения компетенции специалиста возникла «альтернативная» процедура использования специальных знаний.

Различия процессуальной формы заключения эксперта и заключения специалиста достаточно очевидны, но материальные (сущностные) отличия оказались не так отчетливы. В научном сообществе возникли вопросы об их дифференциации по содержательному признаку. В качестве основного отличия усматривалась возможность проведения специалистом действий исследовательского характера. Анализируя содержание ч. 3 ст. 80 «Заключение и показания эксперта и специалиста» УПК РФ, можно предположить, что заключение специалиста – это выраженное в письменном виде суждение, основанное на имеющихся специальных знаниях, а не продукт исследовательской деятельности в отличие от заключения эксперта. Как общепринятую можно охарактеризовать точку зрения о том, что в случае необходимости проведения отдельного исследования «должна производиться экспертиза, там, где необходимости в исследовании нет и достаточно „суждения“, можно ограничиться заключением специалиста. В такой ситуации заключение специалиста предстает как некое „облегченное“ заключение эксперта» [2, с. 503].

Имевшие место сомнения относительно возможности проведения специалистом исследований для дачи заключения в 2010 г. были развеяны с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», в п. 20 которого прямо указывалось на недопустимость производства исследований специалистами. Однако в измененной редакции 2021 г. данное положение в тексте постановления отсутствует. Можно было бы сделать вывод о том, что проведение исследований получило право на существование, но исключенными также оказались все пункты (с 19-го по 23-й), посвященные специалисту, что существенно сузило процессуальную компетенцию последнего. Фактически Верховный Суд РФ признал отсутствие связи между специалистом и экспертом и «отверг тезис о равном доказательственном значении заключений обоих сведущих лиц» [3, с. 106].

Данный факт можно трактовать, с одной стороны, как значительное сокращение возможностей защиты, сформированных в уголовно-процессуальном законе в первое десятилетие действия УПК РФ для обеспечения состязательности в процедурах использования специальных знаний, с другой стороны, как демонстрацию заведомой ущербности заключения специалиста в сравнении с заключением эксперта.

Наметился некий возврат на исходные позиции и в научных исследованиях. Так, в качестве основной роли заключения специалиста в уголовном процессе предлагается рассматривать «оказание содействия дознавателю, следователю, суду, а также невластным участникам со стороны обвинения и стороны защиты в надлежащем понимании известных фактов, необходимом для проверки и оценки полноты, юри-

дической и научно-методической доброкачественности промежуточных либо окончательных результатов досудебного или судебного производства» [4, с. 19]. Таким образом, вновь актуализируется указанное в ч. 1 ст. 58 УПК РФ положение о назначении специалиста, заключающемся в разъяснении сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

В целом можно сделать вывод, что результатом рассмотренных выше изменений компетенции специалиста стало фактическое восстановление монополии стороны обвинения в судебно-экспертной деятельности.

Помимо данного факта также можно констатировать наличие на текущий момент времени нескольких разновидностей специалистов в российском уголовном судопроизводстве в зависимости от их процессуальной компетенции. Л.В. Головкин и Л.Т. Ульянова указывают на возникновение феномена нормативной омонимии, когда два понятия (в данном случае «специалист») одинаково пишутся и звучат, но являются автономными по отношению друг к другу институтами. В данной связи авторы предлагают различать помимо специалиста в традиционном понимании, участвующего в производстве следственных (судебно-следственных) действий, также специалиста, дающего заключение («альтернативная» экспертиза сторон) [2, с. 507].

В целом исследование эволюционного процесса формирования процессуальной компетенции и статуса специалиста должно способствовать получению теоретически и практически значимых результатов и выработке необходимых для современной судебной системы предложений по совершенствованию процессуального положения сведущих лиц в судопроизводстве.

Список использованных источников

1. Якимов, И.Н. Криминалистика. Уголовная тактика / И.Н. Якимов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во НКВД РСФСР, 1929. – 312 с.
2. Арутюнян, А.А. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусицын, О.Л. Васильев ; под ред. Л.В. Головкин. – 2-е изд., испр. – М. : Статут, 2017. – 1280 с.
3. Молохов, А.В. Эволюция роли специалиста в уголовном процессе / А.В. Молохов // Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и его влияние на современный уголовный процесс : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 16 нояб. 2023 г. / Моск. акад. Следств. ком. Рос. Федерации. – М., 2024. – С. 104–108.
4. Россинский, С.Б. Заключение эксперта и заключение специалиста как средства доказывания в уголовном судопроизводстве: каковы критерии их разграничения? / С.Б. Россинский, Н.С. Расулова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 15–20.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОДЛОГА ДОКУМЕНТОВ В ПУНКТАХ ПРОПУСКА ЧЕРЕЗ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАНИЦУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Современное технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений с использованием достижений научно-технического прогресса, естественных и технических наук направлено на каждодневное совершенствование практической деятельности правоохранительных органов. В области раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь путем использования подложных документов для незаконного пересечения государственной границы, технико-криминалистическое обеспечение в первую очередь направлено на выявление фактов использования подложных документов и имеет свои особенности, обусловленные местом совершения преступления – пунктом пропуска через государственную границу и объектом исследования – документом на право пересечения границы. Данные детерминанты напрямую влияют на пределы применения технических средств и методов исследования документов, а также определяют возможности и проблемы связанной с ними деятельности соответствующих подразделений органов пограничной службы.

Несомненен факт того, что все имеющиеся технические возможности пунктов пропуска через государственную границу имеют главной целью недопущение совершения преступлений на участке государственной границы нашего государства. Техничко-криминалистическое обеспечение пунктов пропуска предназначено для выявления попыток совершения преступлений и направлено на техническую поддержку данной деятельности.

Сегодня технико-криминалистическое обеспечение в пунктах пропуска через государственную границу представлено системой технико-криминалистических средств исследования документов и программного оборудования проведения идентификации внешности лиц, пересекающих государственную границу. Данный факт обусловлен тем, что чаще всего незаконно пересечь государственную границу в пунктах пропуска пытаются либо при помощи поддельного документа, либо путем использования документа, не принадлежащего предъявителю. Выявление первого способа совершения преступления требует соответствующих методов и технико-криминалистических средств исследова-

ния документов, а второго – методов проведения идентификации (сравнения) изображения внешности лица в документе с внешностью лица, предъявляющего документ. В то же время современные возможности органов пограничной службы позволяют наравне с традиционными (криминалистическими), визуальными методами проведения сравнения признаков внешности лиц пользоваться достижениями современной автоматизации данного процесса, т. е. соответствующим программным оборудованием проведения идентификации внешности лиц, пересекающих государственную границу.

Технико-криминалистические средства исследования подлинности документов в пунктах пропуска через государственную границу представлены широким перечнем – от луп 10-кратного увеличения до таких приборов контроля подлинности документов, как видеоспектральные компараторы. Их применение в пунктах пропуска многофункционально и позволяет решать целый ряд задач как строго пограничной направленности, так и экспертного исследования. Можно констатировать, что все технические средства исследования подлинности документов в пунктах пропуска при их использовании различными подразделениями и на разных стадиях выявления и расследования преступления могут быть направлены: на проверку подлинности документов (военнослужащими подразделений пограничного контроля органов пограничной службы при несении службы по проверке документов в пункте пропуска), исследование и описание средств защиты в ходе следственного осмотра документов, а также на отыскание признаков несоответствия данных документов образцам, углубленное исследование признаков подделки документов (при проведении экспертного исследования). Различие целей визуализирует проблему необходимости создания единой системы вышеуказанных технико-криминалистических средств.

Особого внимания заслуживают технические средства выявления фактов использования подлинных, но не принадлежащих предъявителю документов при прохождении пограничного контроля в пункте пропуска. В настоящее время к ним относятся автоматический комплекс пограничного контроля «Регула-Л» («Регула-9818») и система распознавания лиц Regula Face Processing Service. Автоматический комплекс «Регула-Л» наряду со сканированием и идентификацией отпечатков пальцев рук, а также проверкой подлинности документов (включая считывание MRZ, оптическое распознавание символов, а также проверку данных с бесконтактных чипов) при помощи смарт-камеры и встроенного оборудования осуществляет автоматическую проверку (идентификацию) биометрической модели лица предъявителя с биометрически-

ми данными лица в документе [1, с. 263]. Система распознавания лиц Regula Face Processing Service расположена на рабочем месте контролера, осуществляющего проверку документов у физических лиц, пересекающих государственную границу, она осуществляет фотографирование лица, пересекающего государственную границу, с последующим автоматическим сравнением данного полученного фотоизображения с фотоизображением лица в документе. Результаты сравнения визуализируются контролеру в виде процентной характеристики совпадения признаков внешности (например, 90 % сходства) [2, с. 112].

Несомненно, является ошибочной убежденность некоторых сотрудников правоохранительных органов в том, что технико-криминалистические средства исследования подлинности документов или автоматизированные комплексы проведения идентификации (сравнения) изображения внешности лица в документе с внешностью лица, предъявляющего документ, способны автоматически решить проблему выявления подложных документов в пункте пропуска. Это обусловлено тем, что программные средства проведения идентификации внешности лиц проводят сравнение изображений лиц без учета влияния факторов возрастных или приобретенных изменений внешности, имеют погрешности и, таким образом, только дополняют суждение военнослужащего о наличии или отсутствии тождества сравниваемых лиц.

Технико-криминалистические средства исследования документов имеют технические возможности лишь визуализировать средства защиты, имеющиеся или отсутствующие в документе. Только анализ обладающего специальными знаниями в области признаков защиты и подделки документов сотрудника позволяет выявить и правильно определить вид и способ подделки.

Вышеизложенное, таким образом, обосновывает важную роль технико-криминалистических средств, применяемых в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь, в выявлении подложных документов, требующих соответствующей систематизации. Кроме того, рассмотренные вопросы акцентируют внимание на теоретико-методологической составляющей образования отдельно взятого сотрудника и его роли в системе государственной безопасности.

Список использованных источников

1. Бондарь, С.В. О применении автоматического комплекса пограничного контроля «Регула-Л» в пунктах пропуска / С.В. Бондарь // Обеспечение пограничной безопасности и охрана Государственной границы Республики Беларусь: теория и практика : материалы XIV респ. науч.-практ. конф., Минск, 6 марта

2025 г. : в 4 ч. / Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь ; редкол.: П.В. Савинов [и др.]. – Мн., 2025. – Ч. 1. – С. 262–264.

2. Лосева, В.Г. Использование современных возможностей технических средств пограничного контроля в судебной портретной экспертизе / В.Г. Лосева // Роль и значение судебно-экспертной деятельности и судебной экспертологии в обеспечении национальной безопасности : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2–3 окт. 2025 г. / Науч.-практ. центр Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь ; редкол.: В.С. Позняк (пред.) [и др.] ; под общ. ред. В.С. Позняка. – Мн., 2025. – С. 110–112.

УДК 343.98

Е.Л. Лужинская

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МОДИФИЦИРОВАННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА

Научно-технический прогресс, направленный на повсеместную цифровизацию общества затрагивает все сферы человеческой жизнедеятельности, не является исключением и судебно-экспертная деятельность.

Одним из проявлений цифровизации в судебно-экспертной деятельности является трансформация объектов судебных экспертиз в так называемый цифровой образ. В частности, фото- и видеоматериалы, являющиеся объектами множества экспертиз (портретная, фототехническая, автотехническая, почерковедческая и пр.), поступают на исследование в цифровой форме. Данный факт не влечет за собой нарушений основных положений теории идентификации, если объект материального мира отражается в цифровой форме без утраты присущих ему основных признаков. Вместе с тем существуют проблемные аспекты исследования цифровых объектов, напрямую связанные с приращением новых признаков, обусловленных цифровой формой отражения, вызывающих модификацию отображения искомого объекта.

Как справедливо отмечает Р.С. Белкин, сам процесс отражения обусловлен в каждом взаимодействии явлений с окружающей средой, в которой проходит его отражение [1, с. 35]. В нашем случае это цифровая среда. Такая взаимосвязь определяет как форму отражения свойств объекта, так и полноту его отражения [2, л. 63]. Экстраполируем данные положения на конкретный вид криминалистических экспертиз – судебную портретную экспертизу, современными объектами которой являются объективные отображения внешнего облика человека в цифровом

виде – графические файлы и видеофайлы на цифровых носителях. Одним из проблемных полей данного вида исследований является поступление видеоизмененных посредством программных продуктов изображений. Сущность проблемы заключается в том, что признаки данных объектов обусловлены не только цифровой формой, но и модификацией «входного» изображения, существенно влияющей на дальнейшую идентификацию человека по его отображению.

Данный факт, по нашему мнению, обуславливает необходимость выделения отдельного направления в рамках криминалистического учения о внешнем облике человека – криминалистического исследования модификаций внешнего облика. Развитие данного направления видится в изучении закономерностей изменения внешнего облика человека, способов искусственного и естественного преобразования, влияния этих процессов на возможность последующей идентификации, а также на трансформацию существующих и разработку новых методологических подходов к исследованию такого рода объектов.

На наш взгляд, определение закономерностей возможно через анализ признаков, свидетельствующих о модификации изображения внешнего облика человека посредством программных продуктов. Основная сложность в данном случае заключается в том, что модификация в большинстве своем осуществляется посредством использования искусственного интеллекта, в результате чего происходит размывание границ между существующими объектами (людьми), их признаками и их искусственно сгенерированными аналогами. Для судебной портретной экспертизы, основанной на антропоцентрическом подходе, это принципиальный аспект, заключающийся в разграничении закономерностей естественного изменения признаков внешности человека с искусственной трансформацией его цифрового отображения.

Логично полагать, что для выявления закономерностей модификации должен измениться методологический подход к исследованию модифицированных изображений внешнего облика человека, так как сгенерированный цифровой внешний облик человека по своей природе, в принципе, не может и не должен быть исследован только в рамках устоявшихся методов портретной экспертизы.

В связи с этим предлагается рассмотреть вариант выделения инструментального метода исследования, направленного на автоматическое (при помощи искусственного интеллекта) распознавание изображений, измененных либо созданных с помощью программных продуктов. Данный метод должен включать в себя алгоритмы выявления следующих модификаций: цифровой ретуши, цифрового монтажа, технологий морфинга и дипфейка, генерации нейросетями.

В завершение необходимо отметить, что искусственный интеллект всегда должен быть лишь вспомогательным средством на пути к получению достоверного и обоснованного вывода, а полный и критический анализ с использованием всего арсенала методов для выявления признаков и формулирования выводов относится исключительно к прерогативе судебного эксперта.

Список использованных источников

1. Криминалистика : учеб. для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Ко-рухов, Е.Р. Россинская ; под ред. Р.С. Белкина. – М. : НОРМА, 2001. – 990 с.
2. Чистилина, А.С. Судебно-экспертное прогнозирование формирования и развития новых родов и видов экспертиз в условиях цифровизации: теоретические и прикладные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Чистилина Анастасия Сергеевна ; Моск. гос. юрид. ин-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М., 2025. – 224 л.

УДК 340.67

М.Ю. Матвеевко

МАКРОСКОПИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ОТРАВЛЕНИЯ ПСИХОАКТИВНЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ ПРИ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ТРУПА

Проблема незаконного оборота психоактивных веществ до настоящего времени является существенной и значимой для населения Республики Беларусь. Ежегодно по причине потребления психоактивных веществ здоровью и социальному благополучию значительного числа граждан в нашей стране наносится серьезный урон, а порой приводит к летальному исходу вследствие их передозировки. Судебные эксперты, своевременно выявляя факты потребления психоактивных веществ и информируя органы правопорядка, вносят свой вклад в борьбу с их незаконным оборотом.

Установление факта потребления запрещенных веществ незадолго до наступления смерти является непростой задачей для судебно-медицинского эксперта. Химические исследования с целью выявления в органах и тканях трупа психоактивных веществ назначаются лишь при наличии к тому оснований, а не в отношении каждого факта внезапной смерти. В большинстве случаев такие основания уже имеются у следователя и указываются в постановлении о назначении судебно-медицинской экспертизы, однако порой признаки потребления психоактивных

веществ отсутствуют или замаскированы. Таким образом, проблема установления признаков отравления психоактивными веществами является актуальной для повышения качества первичной диагностики на этапе судебно-медицинского исследования трупа. Ее решение позволит своевременно назначать дополнительные исследования и сократить сроки проведения соответствующих экспертиз, что, в свою очередь, положительно повлияет на выявление случаев незаконного оборота психоактивных веществ и раскрытие данных преступлений.

Установление факта потребления психоактивных веществ, в том числе связанной с этим причины смерти, базируется на совокупности данных об обстоятельствах смерти, осмотра места происшествия, наружного и внутреннего исследования трупа и результатов лабораторных экспертиз. Макроскопическое исследование является первым этапом судебно-медицинской экспертизы трупа, определяющим направление и объем последующих исследований.

Основная сложность при проведении аутопсии с целью выявления отравления психоактивными веществами заключается в отсутствии абсолютно специфичных признаков такого отравления. Типично выявляются морфологические изменения, характерные для сердечно-легочной недостаточности. Лишь в совокупности нижеследующие признаки указывают на высокую вероятность значительного (вплоть до летального) отравления психоактивными веществами.

1. Наружные признаки:

1) имеющиеся следы инъекций. Их локализация в локтевых ямках, на тыльных поверхностях кистей или в области шеи может указывать как на медицинские манипуляции, так и на немедицинские внутривенные инъекции. А вот наличие таких следов в паховых складках, на тыльных поверхностях стоп, между пальцами кистей и стоп указывает на высокую вероятность внутривенного потребления психоактивных веществ.

Имеют значение также морфологические признаки следов инъекций. В медицинских учреждениях после манипуляции применяют кусочки ваты с антисептиком, в которые кровь впитывается, ввиду чего корочки запекшейся крови не остаются. В свою очередь, наличие буроватых или темно-красных корочек на самих точечных ранах после инъекций и вокруг них с высокой вероятностью указывает на совершенную инъекцию немедицинского характера.

На телах лиц, потреблявших психоактивные вещества внутривенным путем в течение длительного времени, также обнаруживаются инъекционные рубцы («колодцы», «воронки») и (или) характерные линейные следы вдоль поверхностных вен;

2) дефицит массы тела без явных на то причин (например, раковые заболевания или психические заболевания в анамнезе);

3) наличие в носовых ходах запекшейся крови, кровоизлияний в слизистых оболочках носа может указывать как на патологические нарушения в кровеносных сосудах носа или микротравмы (например, «ковыряние», воздействие сухого воздуха), так и на интраназальное потребление некоторых видов психоактивных веществ.

Наличие в ноздрях порошкообразных или мелкокристаллических легко крошащихся веществ белого, светло-серого или желтоватого цвета является весьма очевидным признаком высокой вероятности потребления психоактивных веществ. Наличие подобных веществ также можно установить при их визуальном отсутствии, если изъять препарат слизистой оболочки носа с волосами, на которых могут задержаться микроскопические частички веществ;

4) сильное расширение или сильное сужение зрачков могут указывать на прием как специфических лекарственных препаратов, так и иных психоактивных веществ;

5) иногда при передозировке психоактивными веществами у человека наблюдается рвотный рефлекс, следы которого могут быть обнаружены на одежде и теле трупа;

6) при летальной передозировке психоактивными веществами депрессивного действия (например, алкоголь или опиаты) происходит угнетение дыхательной функции, что проявляется выраженной синюшностью лица и шеи трупа.

2. Внутренние признаки, которые делятся на общеасфиктические (п. 1–3) и более специфичные (п. 4, 5):

1) чаще всего в случаях летальной передозировки психоактивными веществами имеется резко выраженный отек головного мозга трупа, проявляющийся значительными сглаженностями извилин и сужениями борозд, а также выраженным полнокровием мозговых оболочек с точечными, едва различимыми кровоизлияниями в веществе мозга;

2) регулярно выявляется макроскопически различимый отек легких, которые увеличены в массе и объеме, темно-красного цвета с синюшным оттенком, на разрезе пестрые, с поверхностей разрезов стекает обильная пенистая жидкость. Еще одно проявление данного отека – пенистая жидкость в просвете трахеи и крупных бронхов, нередко розовой окраски;

3) во всех случаях летальной передозировки психоактивными веществами обнаруживаются выраженное полнокровие правых отделов сердца, значительное кровенаполнение вен, застой крови во внутренних

органах. Кровь в полостях сердца и крупных сосудах жидкая или слабо свернувшаяся, что связано с быстрым наступлением смерти и выраженной гипоксией;

4) печень, селезенка и почки могут быть увеличены в массе и размерах за счет как полнокровия и отека вследствие передозировки, так и длительного злоупотребления психоактивными веществами, что также влияет на консистенцию данных органов (дряблая);

5) отдельно в печени или почках могут выявляться выраженные темно-красные кровоизлияния в результате воздействия слишком большой дозы психоактивных веществ.

В заключение необходимо отметить следующее.

Макроскопические признаки острых отравлений психоактивными веществами не являются строго специфичными и встречаются при многих видах острых отравлений и внезапной сердечно-легочной смерти. Однако внимательность и осведомленность о значении совокупности некоторых морфологических изменений, характерных для различных групп наркотических средств, позволяют судебно-медицинскому эксперту сформировать обоснованное предположение о возможном отравлении психоактивными веществами.

Совокупность обстоятельств происшествия, осмотра места происшествия, данных наружного и внутреннего исследования трупа и результатов лабораторных экспертиз обеспечивает достоверную диагностику отравлений психоактивными веществами. Дальнейшее изучение и систематизация макроскопических признаков по группам психоактивных веществ будут способствовать повышению качества судебно-медицинских экспертиз трупов, а также борьбе с незаконным оборотом психоактивных веществ и является актуальным направлением развития судебно-медицинской токсикологии.

УДК 343.983.22

А.Н. Матлак

АКТУАЛЬНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Информационные модели как образно-знаковые копии объектов материального мира, по каким-либо причинам недоступных для физического восприятия судебным экспертом, широко используются в практике проведения судебных экспертиз. Наиболее наглядным примером является обращение эксперта к информации, размещаемой в справочниках, ката-

логах и на официальных сайтах производителей огнестрельного оружия и патронов к нему, пневматического и газового оружия и содержащей сведения о конкретной модели оружейной продукции, необходимые для решения задачи по отнесению объекта судебной баллистической экспертизы к определенному образцу оружия или боеприпасов.

Таким образом, сведения о модели, например, огнестрельного оружия, включающие в себя описание конструкции, технических параметров и иных характеристик, а также его графические изображения, размещаемые на официальных сайтах производителей и в иных справочных, информационных и методических материалах, используемые судебным экспертом для сравнения при решении диагностической задачи по отнесению объекта заводского изготовления к определенному образцу (модели), представляют собой информационную модель огнестрельного оружия [1, с. 111].

Следует отметить, что информационные модели также активно используются при проведении других судебных экспертиз, но при этом не обозначаются в качестве таковых. В частности, при проведении судебной технической экспертизы реквизитов документов, объектом которой является денежный знак, в случае отсутствия в коллекции центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь физического образца для проведения сравнения эксперт прибегает к использованию автоматизированной информационно-поисковой системы «Документ», содержащей изображения денежных знаков государств мира и их описание. Однако возможна ситуация, когда и указанный ресурс не содержит необходимых сведений. Например, если денежный знак только вышел в обращение и информация о нем не внесена в систему «Документ». В таком случае эксперт обращается к электронному ресурсу – официальному сайту банка-эмитента, который по общему правилу размещает изображения вновь выпущенного денежного знака с подробным описанием средств защиты еще до начала ввода купюры в обращение. Далее сравнение проводится по аналогии с судебной баллистической экспертизой. Использование такого источника информации в рамках судебной технической экспертизы реквизитов документов является не чем иным, как оперированием информационной моделью (в данном случае информационной моделью денежного знака).

Практика использования информационных моделей не является прерогативой сугубо криминалистических исследований. Например, при проведении строительно-технической экспертизы определение номенклатуры работ, осуществляемых в рамках экспертизы, их регламентация, нормирование затрат ресурсов и времени на их выполнение, а

также формализованное описание процедуры принятия решений реализуются на основе использования информационных моделей объектов капитального строительства. При этом применение информационных моделей позволяет «создавать виртуальные, цифровые модели объектов капитального строительства для принятия инженерных и управленческих решений; хранить, обрабатывать, передавать необходимые данные об объектах капитального строительства на этапах их жизненного цикла, постоянно поддерживать их в актуальном состоянии; обеспечивать доступность информации для всех участников» [2, с. 106].

Вопрос использования информационных моделей находится в плоскости более широкой проблемы, связанной с внедрением информационных технологий в судебно-экспертную деятельность, а именно в потребности разработки электронных ресурсов, содержащих необходимые для решения различных экспертных задач каталоги и справочные пособия. В научной литературе верно указывается, что «подобные источники информации позволяют оперативно отыскивать необходимые сведения о различных объектах экспертных исследований» [3, с. 159].

Например, для практики проведения судебной баллистической экспертизы представляется актуальной и важной разработка электронных информационных сборников, позволяющих эксперту любого территориального органа Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь оперативно получить необходимую для установления модели оружия и его основных характеристик информацию.

Для сравнения, в Российской Федерации в системе ведущих судебно-экспертных учреждений и организаций осуществляется постоянное пополнение справочной информацией следующих электронных информационных сборников: «Пламя» – тактико-технические характеристики, порядок разборки и сборки, маркировочные обозначения, внешний вид автоматических пистолетов, автоматов и карабинов; «Ружье» – изображения, тактико-технические характеристики, маркировочные обозначения отечественного охотничьего и спортивного оружия и др. [3, с. 158].

В заключение необходимо отметить, что использование информационных моделей реализуется не только при решении диагностических задач различных видов судебной экспертизы. Например, при проверке по системе «Дакто-2000» следа пальца руки, изъятых с места нераскрытого преступления, или отпечатков пальцев рук с дактилоскопической карты неустановленного трупа проводятся сравнение и поиск совпадения с информационными моделями, находящимися в массиве дактилоскопических карт, загруженных в систему. Работа поисковых алгоритмов системы, основанная на выделении максимально сходных по конфигурации

папиллярных узоров в изъятном следе или оттиске с информационными моделями массива, по сути направлена на решение идентификационной задачи – отождествление личности по папиллярному узору.

Таким образом, информационные модели давно используются в судебно-экспертной практике по различным направлениям судебной экспертизы. При этом в некоторых случаях сведения, способствующие решению экспертной задачи, не обозначаются как информационные модели, при этом отвечают по своему содержанию и целевому назначению именно этому понятию.

Список использованных источников

1. Матлак, А.Н. Информационные модели в судебной баллистической экспертизе / А.Н. Матлак // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. – Мн., 2024. – Вып. 17. – С. 106–113.
2. Лазарева, Н.В. Использование информационных моделей при проведении строительно-технических экспертиз / Н.В. Лазарева, А.Ю. Зиновьев // Инженерно-строительный вестник Прикаспия. – 2022. – № 1. – С. 105–111.
3. Кудряшов, Д.А. Современные направления развития инновационных технологий в судебной баллистике / Д.А. Кудряшов // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 3. – С. 156–161.

УДК 343.148

Е.П. Орехова

МЕТОД КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Основы метода криминалистического анализа заложил доктор юридических наук, профессор Андрей Васильевич Дулов. Его идеи о применении метода криминалистического анализа в науке и практике развиваются в трудах его учеников и других ученых и практиков, занимающихся проблемами криминалистики, судебной экспертизы, оперативно-розыскной деятельности (например, [1–4]).

Любой объект, явление познаются через анализ их свойств, признаков, состояний. А.В. Дулов верно отмечает, что в криминалистике изучаются специфические объекты, а это требует особого метода их анализа – метода криминалистического анализа [5, с. 398]. Он рассматривает особенности применения данного метода в криминалистической науке и практике расследования преступлений. Сущность метода криминалистического анализа заключается «в максимальном использовании зна-

ний криминалистики для анализа и синтеза информации, которую приходится обрабатывать в процессе расследования уголовного дела» [5, с. 400]. В то же время А.В. Дулов акцентирует внимание на том, что метод криминалистического анализа обязательно применяется в судебно-экспертной деятельности [5, с. 399].

Учитывая тот факт, что в настоящее время сформировалась теория судебной экспертизы, в которой исследуются особенности судебно-экспертной деятельности, порядка назначения и проведения судебных экспертиз, ряд других практических проблем, требующих теоретического осмысления, научного обобщения и формирования прикладных решений, то полагаем целесообразным говорить о методе криминалистического анализа судебной экспертизы, в котором выделяются метод криминалистического анализа теории судебной экспертизы и метод криминалистического анализа судебно-экспертной деятельности. При этом важно отметить, что системность и функциональная полнота, свойственные методу криминалистического анализа, приводят к тому, что его использование в теории основано на потребностях анализа практических аспектов изучения объектов судебной экспертизы, назначения и проведения судебных экспертиз, установления связей между свойствами и признаками объекта – для правильной их оценки, а в конечном итоге – для установления объективной истины по делу.

Метод криминалистического анализа в теории судебной экспертизы коррелирует с принципами судебной экспертизы, в первую очередь методологическими [6]. В теорию судебной экспертизы включается ряд учений, отражающих потребности судебно-экспертной и судебно-следственной практики. Формирование этих учений строится на основании метода криминалистического анализа, который позволяет выявить научные знания, необходимые для образования и развития учения, имеющего не только теоретическое значение, но и прикладной характер для формирования научного базиса практической деятельности субъектов судебно-экспертной деятельности. Выработанные в теории судебной экспертизы научные положения о реализации государственной политики в сфере судебно-экспертной деятельности [7, с. 38–39], учения об экспертной идентификации, экспертной диагностике, экспертном прогнозировании, о формах и средствах коммуникативной деятельности эксперта, о частных теориях отдельных родов и видов судебных экспертиз и др. [8, с. 20–32] основаны в первую очередь на методе криминалистического анализа. Использование метода криминалистического анализа приводит ученых к умозаключениям о необходимости формирования новых учений теории судебной экспертизы. Так, А.С. Рубисом и Р.М. Ропотом была обоснована необходимость создания нового учения

теории судебной экспертизы – единого межотраслевого интеграционного учения об оценке достоверности судебных экспертиз, не только охватывающего знания, накопленные в теории и практике доказывания, но и содержащего положения криминалистики и теории судебной экспертизы. Их научное положение основано на применении системного подхода к оценке доказательств в целом и оценке достоверности судебно-экспертных исследований, формировании системы базисных отправных начал – тех реперных точек, которые будут определять механизм формирования и развития нового знания в рассматриваемой области [9, с. 38–39]. В то же время А.В. Дулов указывает, что «метод криминалистического анализа есть средство реализации системного подхода в исследовании» [5, с. 405].

А.В. Дулов выделяет разновидности метода криминалистического анализа [5, с. 406–408]. Полагаем, что в судебно-экспертной деятельности может быть использован метод криминалистического анализа материальных отражений. В объектах судебной экспертизы отражаются субъекты, предметы, орудия преступления, событие преступления в целом.

В судебной экспертизе теория отражения необходима как основа: для познания особенностей объектов исследования судебной экспертизы;

познания формы и содержания объектов исследования;

разработки методов, способов, средств, приемов экспертного исследования, обеспечивающих эффективность проведения судебных экспертиз [6].

В судебно-экспертной деятельности метод криминалистического анализа материальных отражений обеспечивает порядок изучения отражения; систему поиска других отражений; установление связи между различными отражениями; выявление свойств и признаков объекта. А.В. Дулов материальные отражения подразделяет на статичные, динамические, технологические и в зависимости от вида отражения конкретизирует метод их криминалистического анализа, совокупность изучаемых факторов [5, с. 406]. Полагаем, что такая классификация важна при назначении судебной экспертизы, подборе объектов, которые будут направляться на исследование, постановке вопросов эксперту, а также при исследовании объекта непосредственно судебным экспертом, формировании им заключения.

Метод криминалистического анализа судебно-экспертной деятельности основан на общих принципах изучения любой деятельности человека, что предполагает выяснение и самостоятельное исследование

целей, функций, средств, результатов, условий судебно-экспертной деятельности.

Согласно ст. 2 Закона Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 281-З «О судебно-экспертной деятельности» судебно-экспертной деятельностью являются деятельность по организации проведения, контролю за проведением, проведению судебных экспертиз и деятельность по ведению криминалистических учетов и коллекций, осуществляемые судебно-экспертными организациями и судебными экспертами. Анализу подвергаются функции судебного эксперта, специалиста, иных работников (сотрудников) Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, в обязанности которых входят деятельность по ведению криминалистических учетов и коллекций, деятельность по организации проведения, контролю за проведением судебных экспертиз. В связи с этим представляется целесообразным по аналогии с криминалистикой [5, с. 325] выделить метод криминалистического анализа функций деятельности судебного эксперта, специалиста, руководителя судебно-экспертной организации. С помощью этого метода выявляются дефекты в выполнении функций, количественные и качественные показатели этих дефектов, устанавливаются зависимости дефектного осуществления функций от определенных причин, взаимосвязи функций различных лиц и др. Сквозь призму рассматриваемого метода А.С. Рубисом и И.А. Морозом исследованы особенности выявления дефектов деятельности эксперта как одного из методов проверки достоверности судебных экспертиз [10].

Методом криминалистического анализа обеспечивается учение об экспертных ошибках, направленное на обеспечение эффективности судебно-экспертной деятельности в целом и результативности деятельности каждого судебного эксперта в частности.

Таким образом, метод криминалистического анализа непосредственно применим в судебной экспертизе как для разработки ее теоретических положений, обеспечивающих эффективность назначения и проведения судебных экспертиз, использования заключений эксперта в системе доказательств, так и для обеспечения судебно-экспертной деятельности. Метод криминалистического анализа позволяет вскрыть детали, свойства, признаки, параметры, связи, имеющие значение для экспертного исследования и формирования выводов.

Список использованных источников

1. Гучок, А.Е. Криминалистическое учение о материальной структуре преступления : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Гучок Александр Евгеньевич ; Бел. гос. ун-т. – Мн., 2014. – 353 л.

2. Рубис, А.С. Основы теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Рубис Александр Сергеевич ; Бел. гос. ун-т. – Мн., 2007. – 310 л.
3. Зорин, Г.А. Возможности криминалистического анализа в процессах предварительного расследования, государственного обвинения и профессиональной защиты по уголовным делам : учеб.-метод. пособие / Г.А. Зорин, М.Г. Зорина, Р.Г. Зорин. – М. : Юрлитинформ, 2001. – 264 с.
4. Мороз, И.А. Функции начальника следственного подразделения по управлению расследованием преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Мороз Игорь Анатольевич ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Мн., 2002. – 186 л.
5. Дулов, А.В. Избранные труды / А.В. Дулов. – Мн. : ЮрСпектр, 2024. – 520 с.
6. Мороз, И.А. Принципы судебной экспертизы / И.А. Мороз, Е.П. Орехова // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / Центр судеб. экспертиз и криминалистики М-ва юстиции Респ. Беларусь ; редкол.: А.В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Мн. : Право и экономика, 2010. – Вып. 1. – С. 243–247.
7. Швед, А.И. Судебная экспертиза / А.И. Швед. – Мн. : Форум, 2022. – 296 с.
8. Теория судебной экспертизы : учеб. пособие / под общ. ред. И.А. Анищенко ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Мн. : Акад. МВД, 2017. – 107 с.
9. Рубис, А.С. О необходимости создания учения об оценке достоверности судебных экспертиз / А.С. Рубис, Р.М. Ропот // Предварительное расследование. – 2017. – № 2. – С. 34–40.
10. Рубис, А.С. Выявление дефектов деятельности эксперта как один из методов проверки достоверности судебных экспертиз / А.С. Рубис, И.А. Мороз // Законность и правопорядок. – 2015. – № 2. – С. 47–52.

УДК 343.98

О.В. Павлють

**ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СПЕЦИАЛИСТА
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ**

В условиях цифровой трансформации криминалистики и усложнения механизмов преступной деятельности возрастают требования к эффективности первоначальных следственных действий. Осмотр места происшествия (ОМП) остается ключевым источником доказательственной информации. Деятельность специалиста Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – ГКСЭ) на этом этапе давно вышла за рамки простого технического содействия. Однако

функциональная структура его участия, в особенности интеллектуальная компонента, до сих пор не получила должной законодательной регламентации и глубокого теоретического осмысления.

Анализ современной как следственной, так и судебно-экспертной практики, а также доктринальных источников свидетельствует о существенной трансформации роли специалиста. Если классики криминалистики (Л.Е. Ароцкер, В.П. Колмаков) отводили ему роль «технического помощника» или «консультанта», чьи функции сводились к обнаружению, фиксации и изъятию следов [1, с. 52; 2, с. 25], то сегодня очевидно, что такой подход не отражает реального объема и сложности его деятельности. Участие сотрудника ГКСЭ в проведении ОМП представляет собой многоаспектную деятельность, реализуемую в трех плоскостях: процессуальной (регламентируется нормами Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь), служебной (закреплена в ведомственных должностных инструкциях) и тактико-криминалистической (разрабатывается на основе рекомендаций и закономерностей криминалистики, а также теории судебной экспертизы).

Научная задача, требующая разрешения, заключается не просто в перечислении действий специалиста, а в их систематизации и функциональной дифференциации. По нашему мнению, систематизация функций должна проводиться по целевой направленности. Исходя из этого, целесообразно выделить уровни функциональной активности специалиста при проведении ОМП:

1) основные (поисково-фиксационные) функции – направлены на непосредственное преобразование материальной обстановки в доказательства: обнаружение, фиксация, изъятие и упаковка объектов, это традиционное ядро деятельности специалиста;

2) обеспечивающие (когнитивные) функции – обеспечивают оптимизацию процесса расследования на его последующих этапах, сюда относятся познавательная (анализ механизма слеодообразования), систематизирующая (структурирование выявленной информации) и прогностическая функции;

3) вспомогательные (коммуникативные) функции – обеспечивают эффективное взаимодействие со следователем (лицом, производящим дознание) и оперативным сотрудником: консультационная (разъяснение специальных терминов и механизмов), версия (совместное выдвижение предположений), информационная (предоставление справочных данных) и отражательная (фиксация хода и результатов осмотра в документации).

Такая трехуровневая модель позволяет преодолеть узость сугубо утилитарного подхода и рассматривать специалиста не как пассивного исполнителя указаний следователя, а как активного субъекта криминалистического познания.

Прогностическая функция занимает особое место в структуре деятельности специалиста ГКСЭ. В юридической литературе прогнозирование определяется как специфическая мыслительная деятельность, направленная на предвидение развития расследуемого события, его отражения в материальной среде и возможных результатов следственных действий [3, с. 76]. Для специалиста, работающего по горячим следам, прогнозирование – это не абстрактное предвидение, а инструмент непосредственной навигации в информационном поле места происшествия.

В контексте ОМП прогностическая деятельность специалиста развивается в двух временных направлениях:

1. Ретроспективное прогнозирование (реконструкция механизма события). Еще до начала детального поиска следов специалист, основываясь на анализе обстановки места происшествия, мысленно реконструирует возможный механизм преступления. Используя знания о типичных способах совершения преступлений (криминалистическую характеристику), он прогнозирует локализацию наиболее информативных следов. Как справедливо отмечается в современных исследованиях, применение метода криминалистического прогнозирования позволяет разработать прогнозные модели поведения преступника и тем самым реконструировать обстоятельства содеянного.

Например, при осмотре места кражи со взломом специалист, оценив способ проникновения, прогнозирует наличие следов орудия взлома не только на двери, но и на путях отхода преступника (например, на почве за периметром), что позволяет расширить границы ОМП. В данном случае прогнозирование напрямую смыкается с версионной деятельностью, но имеет при этом более узкую, тактико-техническую направленность.

2. Перспективное прогнозирование (определение будущих экспертных задач). Это наиболее сложный в интеллектуальном плане аспект деятельности, который еще не стал универсальной практикой. Он заключается в мысленном предвидении того, какие исследования будут назначены по изъятым объектам и какой сравнительный материал потребуется для их проведения. В.Е. Лапшин справедливо указывает, что участие эксперта позволяет уже на месте сориентироваться в необходимости назначения экспертизы и определить круг задач, которые будут поставлены перед экспертом [4, с. 4].

Реализация этой формы прогноза требует от специалиста ГКСЭ энциклопедических знаний в различных родах и видах судебных экспертиз. Например, обнаружив след пальца руки, специалист должен не только зафиксировать его, но и, прогнозируя назначение дактилоскопической экспертизы, обеспечить изъятие следа таким образом, чтобы он был пригоден для идентификации.

В контексте современных дискуссий о трансформации судебно-экспертной деятельности под влиянием искусственного интеллекта [5, с. 86] прогностическая функция специалиста приобретает новое измерение. Исследователи все чаще говорят о роли эксперта как «эпистемического коридора» между необработанными данными с места происшествия и их интерпретацией в суде. Специалист на месте происшествия выполняет сходную роль. Он является первым звеном в цепочке преобразования материального следа в доказательство. От того, насколько точно он спрогнозирует доказательственный потенциал изымаемого объекта, зависит возможность его последующей интеграции в систему судебного доказывания. Внедрение в практику ГКСЭ мобильных аналитических комплексов и баз данных усиливает этот аспект [6, с. 226]. Современные технологии позволяют специалисту оперативно проверять изъятые следы по учетам непосредственно на месте или сразу по возвращении в подразделение, что также требует прогнозирования результатов такой проверки для корректировки ОМП.

Особого внимания заслуживает прогнозирование возможности использования так называемых цифровых следов. Специалист, обладая знаниями в области компьютерной криминалистики, должен прогнозировать наличие значимой информации не только на физических носителях, но и в облачных хранилищах, мессенджерах и системах умного дома, относящихся к месту происшествия.

Отметим роль прогнозирования в оптимизации экспертной деятельности ГКСЭ. Значение прогностической функции выходит далеко за пределы конкретного ОМП. Системная реализация этой функции специалистами ГКСЭ способна оказать существенное влияние на загруженность судебно-экспертных подразделений и качество экспертных заключений.

Во-первых, превентивное консультирование следователя о том, какие именно образцы для сравнительного исследования необходимо получить (образцы крови, слюны, почвы, инструментов и др.), позволяет избежать необоснованных повторов экспертиз и волокиты. Следователь, получив такую консультацию на месте, может незамедлительно произвести необходимые следственные действия по получению образцов.

Во-вторых, специалист, прогнозируя сложность будущего экспертного исследования, может рекомендовать следователю привлечь к ОМП не одного, а нескольких специалистов узкого профиля (например, специалиста-взрывотехника, специалиста в области судебной бухгалтерии при осмотре документов), что значительно повышает полноту и всесторонность исследования обстановки.

В-третьих, точное прогнозирование позволяет оптимизировать ресурсы экспертных подразделений. Если специалист на месте осознает, что изъятый объект, вероятнее всего, не содержит пригодных для идентификации следов, он обязан информировать об этом следователя, чтобы тот мог скорректировать тактику доказывания, не возлагая излишних надежд на результаты еще не проведенной экспертизы.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сформулировать ряд теоретических и практических выводов. Роль специалиста ГКСЭ при ОМП не может сводиться только к функциям обнаружения, фиксации и изъятия. Наряду с ними важнейшее значение приобретают обеспечивающие функции, среди которых доминирует прогностическая.

Прогностическая деятельность специалиста реализуется в двух формах: ретроспективной (реконструкция механизма преступления для поиска следов) и перспективной (прогнозирование потребностей будущих экспертиз). Вторая форма требует наивысшей квалификации и должна рассматриваться как один из критериев профессионального мастерства.

Список использованных источников

1. Ароцкер, Л.Е. Права, обязанности и роль специалистов при производстве следственных и судебных действий / Л.Е. Ароцкер // Вопросы криминалистики : сб. ст. / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т криминалистики Прокуратуры СССР ; редкол.: Г.М. Миньковский (отв. ред.) [и др.]. – М., 1962. – № 6/7. – С. 46–54.
2. Колмаков, В.П. Следственный осмотр / В.П. Колмаков. – М. : Юрид. лит., 1969. – 196 с.
3. Дулов, А.В. Судебная психология : учеб. пособие для студентов юрид. ин-тов и фак. / А.В. Дулов. – 2-е изд., испр. и доп. – Мн. : Выш. шк., 1975. – 464 с.
4. Лапшин, В.Е. Теоретические основы экспертизы места происшествия / В.Е. Лапшин // Эксперт-криминалист. – 2009. – № 3. – С. 2–5.
5. Рубис, А.С. Судебно-экспертная характеристика преступлений как базовая составляющая системы судебно-экспертного обеспечения доказывания (теоретический аспект) / А.С. Рубис, Р.М. Ропот // Право.by. – 2025. – № 4. – С. 81–88.
6. Хмыз, А.И. Использование возможностей искусственного интеллекта в судебной экспертизе / А.И. Хмыз // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 5. – С. 224–227.

**ВОЗМОЖНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ
СУДЕБНОЙ ПАЛИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В 2026 г. в центральном аппарате Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь завершены мероприятия по внедрению в судебно-экспертную деятельность нового вида (подвида) экспертиз – «судебная ботаническая (палинологическая)». Данный факт свидетельствует о продолжении работы по расширению перечня проводимых в ведомстве подвидов судебной ботанической экспертизы. Так, в 2025 г. на базе центрального аппарата уже начато проведение дендрохронологических экспертиз, на ближайшие годы запланировано внедрение анатомо-морфологической и дендрологической экспертиз, наиболее востребованных в настоящее время.

Палинология (термин предложен английскими палеоботаниками Х. Хайдом и Д. Вильямсом, от греч. *palínē* – тонкая пыль, насыпать и *logos* – учение, описание) – это раздел ботаники, изучающий форму, строение и развитие спор и пыльцевых зерен, часто имеющих характерные морфологические признаки, важные для видового определения. Палинологию также рассматривают как научное направление в области изучения морфологии пыльцы и спор, их рассеивания (пыльцевой дождь), захоронения и применения в различных областях науки [1, с. 12].

Методом палинологического анализа принято считать статистическое изучение видового состава пыльцы и спор (собственно пыльцевой или спорово-пыльцевой анализ). Объектами палинологического метода являются специфические микроскопические растительные остатки – зерна цветочной пыльцы (микроспоры) семенных растений и споры высших споровых (папоротники и мхи) растений, которые являются особыми клетками, предназначенными для бесполого и полового размножения растений. По сути, посредством этого метода (пыльцевого вначале, затем спорово-пыльцевого и впоследствии палинологического) изучается порода, вмещающая пыльцу и споры, массулы, оогонии и прочие встречаемые совместно определяемые остатки (в особенности ботанические – некоторые водоросли, срезы листьев и веток в торфе и пр.).

В настоящее время результаты применения спорово-пыльцевого анализа являются востребованными в различных отраслях знаний (биология, география, археология, экология, климатология и др.), в том числе

в криминалистике и судебно-экспертной деятельности. Использование палинологических методов в экспертной практике базируется на количественном и таксономическом составе пыльцы и спор у исследуемых объектов.

Метод исследования микроскопических частиц пыльцы и спор успешно применяется для установления различных обстоятельств преступления (происшествия), наиболее распространенными из которых являются:

1. Установление места совершения преступления. Для каждой растительной зоны характерен определенный спорово-пыльцевой спектр, что позволяет локализовать отдельные участки местности. Отобразившись на поверхности трупа, одежды, обуви, орудий или транспортных средств в виде наслоений, они могут указывать на место пребывания подозреваемого или жертвы, маршрут их перемещения. Например, обнаружение пыльцы редкого растения на обуви жертвы способствует сужению искомого места совершения преступления, установлению конкретного участка местности.

2. Определение времени совершения преступления. Многие растения цветут в определенный период (сезон). Анализ пыльцы может свидетельствовать о наступлении расследуемого события в определенном промежутке времени, соответствующем периоду цветения растения. Например, неопознанный труп обнаружен осенью, а на одежде имеется пыльца весенних растений. Кроме того, пыльца и споры, обнаруженные в почве или на различных объектах, могут указывать на давность захоронения или перемещения предметов.

3. Установление связи между лицами и объектами. Пыльца легко переносится и закрепляется на поверхности различных объектов, в том числе являющихся предметами вещной обстановки места преступления. Их наличие и разнообразие свидетельствуют о контактном взаимодействии лица с жертвой, предметами на месте преступления. Например, пыльца с цветов, произраставших во дворе дома жертвы, обнаружена в автомобиле подозреваемого.

4. Установление региона происхождения товаров. Результаты палинологического исследования способны подтвердить или опровергнуть сведения, содержащиеся в товаросопроводительных документах на продукцию, ввозимую в Республику Беларусь, что особенно актуально для выявления товаров, в отношении которых действуют запреты и ограничения [2, с. 3].

5. Определение единого источника происхождения наркотических средств растительного происхождения. Установление данного обстоя-

тельства является одним из наиболее востребованных сегодня направлений практического применения результатов спорово-пыльцевого анализа. Например, в случае обнаружения марихуаны у нескольких потребителей и предполагаемого общего сбытчика возможно установление ее принадлежности к единой (разной) растительной массе [3, с. 5].

Чаще всего при назначении судебной палинологической экспертизы на разрешение эксперта ставят следующие вопросы: имеются ли на представленных объектах пыльцевые зерна и (или) споры; принадлежат ли к единой массе объекты растительного происхождения, представленные на исследование; возможно ли на основании выявленной совокупности пыльцевых зерен и (или) спор установить регион (страну) происхождения образцов (проб) продукции (товара); если на предоставленных образцах (пробах) продукции (товара) присутствуют пыльцевые зерна и (или) споры, то для какого региона (страны) они характерны; является ли страной происхождения представленных образцов (проб) продукции (товара) страна, заявленная в товаросопроводительных документах?

Основываясь на содержании вышеуказанных вопросов, можно выделить основные задачи, решаемые судебной палинологической экспертизой:

классификационные – установление наличия на поверхности исследуемого объекта пыльцевых зерен и (или) спор определенных таксонов;

диагностические – установление локализации пыльцевых зерен и (или) спор на предмете-носителе; установление временных характеристик и причинно-следственных отношений между объектом и событием преступления и др.;

идентификационные – установление принадлежности двух и более сравниваемых объектов к одному (разным) источнику происхождения.

В качестве объектов экспертизы выступают объекты с возможным содержанием (как на поверхности, так и в их составе) пыльцы и спор растений (например, одежда, обувь, транспортное средство, орудия и инструменты, измельченное растительное вещество, плодоовощная продукция, тара и т. д.). При необходимости исследования измельченного растительного сырья с целью отнесения его к единой растительной массе обязательным условием является минимальная масса объекта (не менее 1,5 г).

В процессе отбора проб применяют способ случайной выборки. Отбор следует проводить в местах, где максимально исключена возможность случайного заноса пыльцевых зерен и спор. Рекомендуется, чтобы количество объектов исследования, исчисляемых в штуках (например, яблоки), было от 3 до 10. В случае крупногабаритной продукции допускается исследование одного объекта. Салатные овощи, ягоды,

мука, зерно и другие многочисленные или мелкие объекты представляют собой массу не менее 300 г.

Все объекты, изымаемые в ходе проведения осмотра места происшествия, иных следственных и процессуальных действий, подлежат упаковке в соответствии с определенными требованиями. Упаковка должна исключать возникновение существенных необратимых изменений внешнего вида и основных идентификационных свойств объектов, их повреждение и утрату, что особенно актуально для хранения и транспортировки объектов палинологической экспертизы. Для упаковки пробы продукции лучше всего использовать картон. Применение полимерных пакетов и пленок в качестве упаковочных материалов допускается лишь на короткий срок (до 3–5 суток).

Приведенную информацию необходимо учитывать при подготовке материалов и назначении судебной палинологической экспертизы. Инициатору назначения экспертизы рекомендуется провести предварительную консультацию с профильным экспертом о возможности ответа на поставленные вопросы в каждом частном случае.

Таким образом, внедрение в практическую деятельность центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь палинологической экспертизы является одним из важных этапов развития судебной ботанической экспертизы в нашей стране. Результаты проводимых исследований будут способствовать установлению целого ряда важнейших фактических обстоятельств совершенного преступления (правонарушения), принятию объективных решений по уголовному делу. В процессе подготовки материалов и назначения экспертизы инициатору необходимо соблюдать разработанные профильными экспертами требования и рекомендации.

Список использованных источников

1. Еловичева, Я.К. Палинология Беларуси: к 100-летию Белорусского государственного университета / Я.К. Еловичева ; Бел. гос. ун-т, географ. фак., каф. почвоведения и земел. информ. систем. – Мн., 2018. – 831 с.
2. Хох, А.Н. Методика по установлению (подтверждению) региона (страны) происхождения различных видов продукции (товаров) методом спорово-пыльцевого анализа / А.Н. Хох, Я.Л. Никандрова ; Науч.-практ. центр Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. – Мн., 2024. – 34 с.
3. Рылова, Т.Б. Экспертное исследование объектов растительного происхождения, в том числе наркотических и психотропных, методом спорово-пыльцевого анализа / Т.Б. Рылова, Д.Е. Кузьменков, А.Н. Хох ; Науч.-практ. центр Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. – Мн., 2018. – 25 с.

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ СЛЕДОВ РУК НА СЛОЖНЫХ ПОВЕРХНОСТЯХ ТРАДИЦИОННЫМИ И НОВЫМИ ВОЗМОЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ

В системе расследования преступлений существенное значение отводится криминалистическому исследованию следов рук, в ряду многообразных свойств и характеристик следов данной категории важную роль играют условия их образования.

Постоянно появляющиеся новые способы совершения преступлений провоцируют повышение эффективности в их раскрытии [1]. Изучение криминалистами «нетипичных» свойств следов обеспечивает всестороннее применение специалистом технико-криминалистических средств как на этапе обнаружения, выявления, фиксации и изъятия следов, так и при проведении экспертизы.

Современный уровень развития теории и практики криминалистического исследования следов рук характеризуется высокой степенью разработанности методов их обнаружения в естественных условиях слеодообразования. Тем не менее вопросы совершенствования экспертных методик, направленных на повышение эффективности выявления указанных следов, сохраняют свою актуальность. Особое значение это приобретает при работе со сложными поверхностями, где применение традиционных технико-криминалистических методов и средств оказывается малорезультативным [2]. К самым распространенным поверхностям, встречающимся при осмотрах мест происшествий, обладающих свойствами, затрудняющими использование традиционных подходов выявления следов, можно отнести влажные, жирные и липкие поверхности.

Обозначенная проблематика требует совершенствования методического арсенала обнаружения и выявления следов рук на объектах (поверхностях), характеризующихся нетипичными адгезионными свойствами, обуславливая возрастание роли эксперимента в экспертной практике. Это детерминировано, с одной стороны, специфическими характеристиками самих объектов-носителей, с другой – особенностями применения ряда инновационных методов и средств, функционирование которых базируется на более сложных, нетрадиционных для специалистов закономерностях взаимодействия со следосодержащей поверхностью. В процессе внедрения новых подходов к работе с дактилоскопическими объектами экспериментальная апробация соответ-

ствующих методик является рекомендованным этапом практической деятельности [3]. В качестве примера был реализован эксперимент по установлению эффективности применения традиционных и новых возможных методов и средств выявления следов рук на влажных и жирных поверхностях с целью эффективного отображения не только общих, но и частных признаков в следах.

С целью определения возможности выявления следов пальцев рук на увлажненных поверхностях [4], а также после их нахождения в водной среде была проведена серия экспериментальных исследований, ориентированных на установление наиболее эффективных методов и средств. В ходе эксперимента в качестве объектов-носителей следов пальцев рук использовалась ксерографическая бумага плотностью 130 г/м² (бумага, предназначенная для черно-белой и цветной печати на принтерах (матричных, струйных, лазерных, факс-аппаратах) и копирования на множительной технике, в том числе в режиме двухсторонней печати (дуплекс)). Увлажнение объектов осуществлялось двумя способами: посредством интенсивного распыления воды (моделирование воздействия ливневых осадков) и путем полного погружения в воду с экспозицией 1 и 3 ч с последующим высушиванием при нормальных условиях среды. Для выявления предварительно оставленных следов пальцев рук применялся традиционный технико-криминалистический метод – обработка поверхности черным магнитным дактилоскопическим порошком (ПМД-Ч).

В качестве новых возможных методов и средств выявления следов пальцев рук, предварительно оставленных на объектах, использовались следующие специализированные технико-криминалистические средства: обработка углеродными нанотрубками (УНТ) в равном процентном соотношении с ПМД-Ч. УНТ (ультрадисперсный наноматериал) представляют собой перспективный для реализации в экспертной деятельности класс наноматериалов, обусловленный характеризующийся уникальным комплексом их физико-химических характеристик. Особого внимания заслуживают адгезионные характеристики УНТ, обеспечиваемые их уникальной морфологией и электронной структурой, что, безусловно, будет эффективно при выявлении следов рук.

Погружение объекта (ксерографической бумаги) со следами пальцев рук не оказывает значительных разрушений на папиллярные линии после обработки, следы являются малоконтрастными. Следы пригодны для идентификации лица (лиц). Обильное опрыскивание (имитация дождя) частично уничтожает папиллярный узор путем физического вымывания потожирового вещества, следы непригодны для идентификации.

После обработки поверхности ксерографической бумаги с помощью порошкообразного состава УНТ с ПМД-Ч выявлены локальные видимые следы пальцев рук. Из 10 обработанных объектов (после имитации сильного дождя) 6 пригодны для идентификации личности, что является бесспорным преимуществом применения данной порошковой смеси по сравнению с традиционными физическими методами выявления дактилоскопическими порошками. В выявленных следах (или их фрагментах) полностью отображаются как общие признаки папиллярного узора, так и частные.

Анализ результатов проведенного эксперимента позволяет заключить, что выбор традиционных методов и средств выявления следов пальцев рук осуществляется с учетом типовых характеристик объектов, присущих их абсолютному большинству, к числу таковых относятся физические свойства (цвет, характер рельефа, степень пористости), а также относительно невысокая давность образования потожировых следов. Применение специализированных методов, напротив, обусловлено наличием у объектов особых либо нетипичных свойств или изменением их исходных характеристик под воздействием факторов внешней среды (например, влаги), что обеспечивает низкую эффективность стандартного алгоритма выявления.

Традиционные дактилоскопические порошки часто не обладают одновременно универсальностью по отношению к различным поверхностям и специфичностью при взаимодействии с потожировым веществом. В этой связи применение нано- и ультрадисперсных материалов (в частности, УНТ) в составе дактилоскопических порошков позволяет варьировать их сорбционную и адгезионную способность. Таким образом, новые возможные средства выявления в контексте УНТ в составе дактилоскопических порошков ценны своими адгезионными свойствами и возможностью их варьирования: необходима сильная адгезия к потожировому веществу, но минимальная – к поверхности-носителю, что возможно достичь подбором рецептуры модифицированного порошка.

Список использованных источников

1. Прокофьева, Е.В. Возможности использования наномодифицированных средств при выявлении следов пальцев рук на сложных поверхностях / Е.В. Прокофьева, В.И. Еремченко // Общество и право. – 2025. – № 2. – С. 83–87.
2. Донцова, Ю.А. Теория и практика криминалистического исследования следов рук, образованных в условиях негативного влияния свойств объектов или действия факторов внешней среды : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Донцова Юлия Анатольевна ; СПбУ МВД России. – СПб., 2022. – 268 л.

3. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ RU 2025611779. Компьютерная программа моделирования деятельности эксперта-криминалиста «Крим#34» : № 2025610227 : заявлено 09.01.2025 : опубли. 22.01.2025 / Р.В. Павленков, С.В. Симонова, М.Я. Сигерич, Е.С. Котцов ; заявитель и правообладатель «Волгогр. акад. М-ва внутр. дел Рос. Федерации» : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 19–20 окт. 2023 г.) / С.-Петерб. акад. Следств. ком. ; сост. Р.М. Кашапов. – СПб., 2024. – 1 с.

4. Нефедов, И.В. Особенности выявления следов пальцев рук на влажных поверхностях / И.В. Нефедов // Актуальные вопросы экспертной деятельности в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 19–20 окт. 2023 / Санкт-Петерб. анализ Следств. комитета. – СПб., 2023. С. 72–76.

УДК 343.13

О.А. Свидерский

ОПТИМИЗАЦИЯ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Сотрудники полиции прилагают огромные усилия по профилактике и раскрытию правонарушений. Однако уровень преступности остается на высоком уровне. Об этом свидетельствуют статистические данные, опубликованные Главным информационно-аналитическим центром МВД России. Так, за 2025 г. в РФ было зарегистрировано 1 771,2 тыс. преступлений. В результате криминальных посягательств тяжкий вред здоровью был причинен 26,5 тыс. человек. За 2025 г. преступлений против личности зарегистрировано всего 190 476 (раскрыто – 160 789), из них: 5 937 убийств и покушений на убийство (раскрыто – 4 570); 13 064 эпизода умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (раскрыто – 4 570); 3 446 случаев изнасилования и покушения на изнасилование (раскрыто – 2 999); 28 696 угроз убийством или причинения тяжкого вреда здоровью (раскрыто – 26 374) (МВД РФ. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : сайт. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/35919430> (дата обращения: 02.03.2026)).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что число преступлений, совершаемых против личности, возрастает. Одновременно с этим возрастает удельный вес нераскрытых преступлений.

Случаи обязательного назначения судебной экспертизы перечислены в ст. 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Все они без исключения связаны с назначением и проведением судебно-медицинской (судебно-психиатрической) экспертизы. Одна-

ко этот перечень не содержит все разнообразия эпизодов, которые могут возникнуть при совершении преступления против личности.

В уголовном процессе заключение судебно-медицинского эксперта является одним из видов доказательства, которое позволит, с одной стороны, следователю на стадии предварительного следствия выдвинуть правильную версию и, соответственно, выбрать тактику расследования, а с другой – суду постановить справедливый приговор.

Следует отметить, что эксперт является сведущим лицом, которое реализует свои профессиональные знания в процессуальном формате. Законодательство РФ допускает проведение экспертных исследований как государственными, так и иными (негосударственными) экспертами.

В соответствии с законодательством РФ после назначения судебно-медицинской экспертизы сведущие лица независимо от их статуса приобретают равные права и несут одинаковую ответственность, в том числе уголовную за дачу заведомо ложного заключения.

В этой связи считаем целесообразным остановиться на вопросах назначения судебно-медицинских экспертиз в негосударственных экспертных учреждениях в целях обоснования более широкого их привлечения к выполнению экспертных исследований.

Экспертному учреждению, в том числе негосударственному, необходимо иметь лицензию на право осуществления медицинской деятельности по проведению судебно-медицинских экспертиз (приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25 сентября 2023 г. № 491н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы»). Перечень проводимых в экспертном учреждении судебных экспертиз, связанных с медико-биологическими исследованиями, должен соответствовать перечню исследований, которые определены приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации. Лицензию на право заниматься медицинской деятельностью по какому-либо из направлений медицинской деятельности на федеральном уровне выдает Министерство здравоохранения Российской Федерации, а на уровне субъектов – министерства (отделы) здравоохранения губерний, краев и т. п.

Аналогичная подчиненность у государственных бюро судебно-медицинской экспертизы на федеральном уровне и уровне субъектов РФ. Следовательно, отсутствие принципиальных отличий в требованиях, предъявляемых к медицинским учреждениям подобного типа, нивелирует правовое различие между государственными и негосударственными экспертными учреждениями. Различие заключается только в источнике финансирования – за счет федерального бюджета или альтернативный.

В том случае, когда следователем (дознавателем) было отказано в удовлетворении ходатайства стороны защиты о проведении экспертизы, постановление о ее назначении выносит суд. Оплата проведенных судебно-медицинских экспертных исследований осуществляется стороной, которая инициировала ее проведение.

Лица, занимающие должности судебно-медицинских экспертов в негосударственных экспертных учреждениях, должны отвечать требованиям, предъявляемым к соискателям соответствующих должностей в государственных учреждениях, а также соответствовать квалификационным требованиям, которые предъявляются к медицинским работникам с высшим профессиональным образованием (приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 2 мая 2023 г. № 206н «Об утверждении Квалификационных требований к медицинским и фармацевтическим работникам с высшим образованием»), и профессиональному стандарту «Врач – судебно-медицинский эксперт» (приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 14 марта 2018 г. № 144н «Об утверждении профессионального стандарта «Врач – судебно-медицинский эксперт»).

Уровень профессиональной подготовки и профессиональные компетенции врач независимо от формы собственности лечебно-профилактического учреждения обязан подтверждать прохождением периодической аккредитации один раз в пять лет в экспертно-квалификационных комиссиях Министерства здравоохранения Российской Федерации (Федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

Судебно-медицинские экспертизы могут проводиться и вне экспертных учреждений. К их проведению могут привлекаться врачи-клиницисты узких специальностей (специализаций), которые имеют большой опыт практической работы, научные сотрудники и т. п. Такие специалисты также могут привлекаться для работы в составе комиссий при проведении комиссионных или комплексных судебно-медицинских экспертиз.

Когда проведение экспертизы поручается сведущему лицу, не состоящему в штате государственного бюро судебной медицины, уровень его компетенций и степень профессиональной подготовки проверяются лицом, назначающим проведение экспертных исследований, по формальным признакам: наличие документов, подтверждающих высшее медицинское образование, прохождение обучения по первичной специализации и повышению квалификации, ученую степень и (или) ученое звание, стаж практической работы по специальности, наличие действующей аттестации и т. п.

По нашему мнению, выбор эксперта по формальным признакам является недостаточно корректным. Принимая во внимание тот факт, что на изучение дисциплины «Судебная медицина и судебная психиатрия» в учреждениях высшего образования юридического профиля студентам очной формы обучения выделяется всего две зачетные единицы, или 72 ч, из которых 36 ч составляют аудиторные занятия и столько же времени отводится на самостоятельную работу, с высокой долей вероятности можно утверждать, что только отдельные представители судебного корпуса, органов дознания или следствия обладают достаточно глубокими знаниями в области судебной медицины. Как правило, при назначении судебно-медицинской экспертизы выбираются вопросы из формализованного перечня, приводимого в справочниках или учебниках, а оценка заключения эксперта не проводится.

В целях повышения качества, оптимизации и сокращения сроков проведения судебно-медицинских экспертиз предлагаем создание единого реестра врачей-экспертов, которые могут привлекаться в качестве сведущих лиц. Чтобы предлагаемые нами новации органично вписались в стройную систему судебно-медицинской службы России, реестр должен включать в себя федеральный уровень и уровни субъектов РФ, так как государственные бюро судебно-медицинской экспертизы создаются и функционируют по территориальному принципу.

Полагаем необходимым также установить нижеперечисленные квалификационные требования к врачу – судебно-медицинскому эксперту: наличие высшего медицинского образования по специальности «лечебное дело», стажа работы по специальности не менее 10 лет, сертификатов специалиста по одной из лечебных специальностей и по судебно-экспертной деятельности.

Объем сведений о врачах-экспертах и порядок ведения единого реестра должны быть установлены федеральным органом исполнительной власти – Министерством здравоохранения Российской Федерации. Сведения в реестре необходимо ежегодно уточнять и утверждать ведомственным приказом.

Нами предлагается в УПК РФ ввести статью, которая регламентировала бы порядок предоставления предварительного варианта экспертного заключения врача – судебно-медицинского эксперта по запросу любого из участников сторон уголовного судопроизводства. Предварительное заключение должно носить обязательный характер. По аналогии с положениями, изложенными в УПК Франции, предлагается установить 15-дневный срок для ознакомления и заявления в письменном виде возражений эксперту, проводившему экспертные исследования. В соответствии с изложенными возражениями судебно-медицинский эксперт формулирует заключение в окончательном варианте.

Считаем, что на стадии предварительного следствия это позволит исключить повторные экспертные исследования и тем самым сократить время расследования преступления.

УДК 343.9

Т.В. Сезонова

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В условиях стремительной цифровизации всех сфер жизни государства и общества существенно изменился характер преступности. Преступления все чаще совершаются с использованием компьютерных технологий, возникают их новые виды, связанные с незаконным вмешательством в цифровые системы, мошенничеством и иными формами киберпреступности. Цифровые следы вышли на передний план как самостоятельный вид доказательств, постепенно вытесняя привычные аналоговые объекты экспертиз. В эпоху стремительной технологической эволюции и усугубления преступных схем успех противодействия преступности напрямую зависит от качественной работы экспертов. Именно они формируют доказательственную базу, предоставляя судам беспристрастные, научно обоснованные выводы, на которых строится окончательное правовое решение.

Реализация потенциальных возможностей судебной экспертизы напрямую зависит от уровня профессиональной подготовки судебного эксперта, а также от уровня ее научно-методического, информационного и технико-инструментального обеспечения. В этих условиях использование искусственного интеллекта (ИИ) в судебно-экспертной деятельности становится насущной необходимостью: его возможности позволяют обрабатывать и интерпретировать большие массивы данных, обеспечивать объективность и достоверность выводов экспертов, а также разрабатывать новые подходы к судебно-экспертной деятельности, отвечающие вызовам цифровой эпохи [1, с. 132].

Технологии ИИ – это одно из перспективных направлений судебно-экспертной деятельности. В рамках судебно-экспертной деятельности ИИ и нейросетевые технологии вызывают особый интерес как инструменты решения конкретных задач. Принято говорить о следующих направлениях их реализации в области судебной экспертизы:

предоставление экспертных оценок, в том числе автоматизированных, в рамках экспертизы;

проведение криминалистических экспертных исследований за счет компьютерного зрения;

поиск недоступной криминалистическому программному обеспечению сокрытой информации и первичных источников данных;

выявление фактов, указывающих на фальсификацию объектов экспертизы и заключения эксперта (фактически, проверка экспертных заключений);

содействие принятию решений по делам большого объема на основе недостаточной, неточной или плохо определенной информации.

Технологии ИИ могут оказаться полезными всегда, когда необходимы статистический анализ и многократная проверка результатов экспертного исследования, его высокая точность, основанная на повторяемости.

Сегодня имеются результаты исследований по внедрению ИИ в почерковедческую экспертизу, целями которой являются установление исполнителя подписи, определение выполнения подписи и текста одним или разными лицами, выявление подражания при написании и умышленного изменения почерка; в автороведческой экспертизе – установление авторства текста; в портретной экспертизе – идентификация личности по изображению и сравнение изображений для установления сходства [2, с. 249]. Примером высокоэффективной экспертной системы, использующей технологии ИИ, является разработанная в 2018 г. Д.В. Бахтеевым программа NSP-SigVe для проверки подлинности подписей [3, с. 17]. Имеются предложения об использовании ИИ в автотехнической экспертизе, например для установления порядка очередности дорожно-транспортного происшествия по видеозаписи в случае, когда определить очередность столкновения машин невозможно, в связи со спорным мнением сторон [4, с. 65].

Современные системы ИИ уже не просто инструменты, а объекты самостоятельного исследования, особенно в сферах генерации текстов и синтеза дипфейков, что особенно актуально в настоящее время. В частности, перед экспертами-лингвистами все чаще ставится задача об отнесении высказывания к фактическому утверждению или к оценочному суждению. Это особенно важно при анализе комментариев в интернете, где часто встречаются суждения, созданные при помощи нейросетей, а также по уголовным делам о клевете (ст. 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации). В связи с этим возникает необходимость разработки специальных методик для идентификации текстов, созданных нейросетями, а также для юридической оценки действий, направленных на целенаправленное формирование мнений, которые, несмотря на

субъективность высказывания, могут вводить в заблуждение и создавать иллюзию единого мнения, принадлежащего человеку или группе людей. Та же проблема касается случаев синтеза устной речи, дипфейков в видеороликах. Данные виды генерации и монтажа отличаются высокой технологичностью, нейросети могут подделывать стиль написания конкретного человека. Единые методики, позволяющие установить создание аудио- или видеоматериала при помощи нейросетей, на данный момент отсутствуют, в связи с чем у представителей юридического сообщества возникают сомнения в возможности такого установления [5, с. 132].

При проведении судебной экспертизы необходимо использовать следующие преимущества ИИ, на которые указывает Ю.Н. Харари:

искусственный интеллект способен обучаться и, что не менее важно, самообучаться, а это повышает эффективность принятия соответствующего решения. При этом обучение должно проводиться на основе оценки прошлой и настоящей экспертной практики с возможным построением прогноза будущей практики исследования новых объектов, имеющих значение для раскрытия и расследования преступлений;

в базы данных ИИ можно внести колоссальный объем методик экспертного исследования, который один человек попросту не сможет освоить.

ИИ имеет способность в кратчайшие сроки обработать огромный поток информации, а также ускорить выявление связей между причиной и следствием в вопросе, например, установления природы объектов или связей между ними, что важно при проведении идентификационных исследований [6, с. 3].

Использование ИИ в деятельности судебного эксперта требует тщательного изучения, поскольку эти технологии могут существенно влиять на качество и достоверность экспертных заключений.

Сегодня экспертное сообщество системно и критически апробирует новейшие инструменты, проверяя их полезность и совместимость с базовыми принципами судебно-экспертной деятельности. В центре внимания – миварный подход: он объединяет разнородные методы в единую сетевую структуру, способную гибко обрабатывать многотипные данные и выявлять латентные связи. Такая многоуровневая модель повышает не только точность выводов, но и глубину понимания исследуемых процессов, что критически важно при растущей комплексности криминалистических запросов. В перспективе миварные технологии позволят существенно расширить возможности судебных экспертов.

Системы автоматизированных интеллектуальных технологий занимают ключевое место в современном научно-техническом прогрессе, однако их правовой статус и регулятивное регулирование в контексте криминалистики и судебной экспертизы требуют тщательного и всестороннего определения. В рамках судебной практики такие системы, скорее, выступают в роли вспомогательных программных средств, предназначенных для обработки и анализа больших объемов данных, распознавания образов, сравнения и классификации информации, а не для самостоятельного принятия решений. Их предназначение – сделать работу эксперта быстрее и точнее: технологии не заменяют человека, а экономят его время, выполняя рутинные операции. Методику, смысл полученных данных и окончательные выводы формулирует эксперт, алгоритмы лишь расширяют его интеллектуальный «инструментарий», позволяя справляться с растущим объемом и сложностью криминалистической информации. Именно поэтому остро стоит вопрос правового регулирования: нужны четкие правила допустимости таких систем и четкое распределение ответственности за последствия их применения.

На основе вышеизложенного можно указать на тот факт, что в настоящее время использование ИИ в экспертной деятельности находится только в начале своего развития и становления и не позволяет с полной уверенностью определить момент, когда на самом деле вследствие развития технического прогресса нейросети смогут упростить работу экспертных подразделений и повысить эффективность этой деятельности [7, с. 23].

Необходимо отметить тот факт, что экспертная деятельность подчиняется требованиям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а отсутствие в данном нормативном правовом акте правовой регламентации использования возможностей ИИ не позволяет экспертам воспользоваться им, из чего можно сделать вывод, что без правовой регламентации использование возможностей нейросетей потенциала на практике.

Таким образом, для эффективного внедрения технологий ИИ в судебно-экспертную деятельность требуется изменить правовые основы, в том числе разработать единый подход к пониманию терминов «искусственный интеллект», «нейросеть» и наиболее подробный понятийный аппарат данной сферы. Необходимы подготовка экспертов к использованию ИИ в своей деятельности, повышение их квалификации. Нужно также выработать положения в отношении использования данных технологий с целью дальнейшего их закрепления в стандартах, относящихся к судебно-экспертной деятельности.

Список использованных источников

1. Семенова, И.В. Возможности и потенциал использования искусственного интеллекта в различных отраслях / И.В. Семенова // Российский следователь. – 2025. – № 2. – С. 132–142.
2. Автоматизация почерковедческой экспертизы, построенная на обучении больших искусственных нейронных сетей / А.И. Иванов, А.И. Газин, Е.Я. Качайкин, Д.Ю. Андреев // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2016. – № 1. – С. 249–257.
3. Бахтеев, Д.В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Бахтеев Дмитрий Васильевич ; Урал. гос. юрид. ун-т им. В.Ф. Яковлева. – Екатеринбург, 2022. – 41 с.
4. Попов, В.Л. Проблемы и перспективы использования нейросетевых технологий при производстве судебных экспертиз в транспортной сфере / В.Л. Попов // Транспортное право и безопасность. – 2020. – № 3. – С. 65–75.
5. Соколова, Т.П. Судебное автороведение как междисциплинарная область знания / Т.П. Соколова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 5. – С. 132–142.
6. Харари, Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества / Ю.Н. Харари ; пер. с англ. Л. Сумм. – М. : Синдбад, 2020. – 602 с.
7. Неретина, Н.С. Методологические, правовые и организационные аспекты формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз : монография / Н.С. Неретина. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 148 с.

УДК 159.9

В.Н. Семёнов, Ю.А. Яроцкая

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ

В 2020 г. в реестр предметных видов экспертиз, проводимых Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь, включена судебная психологическая экспертиза экстремистских материалов. Сегодня это направление экспертной деятельности, несмотря на относительно короткий период существования, интенсивно развивается, соответствует актуальному антиэкстремистскому законодательству и выступает одним из значимых элементов в системе обеспечения национальной безопасности в Республике Беларусь.

Объектом рассматриваемого предметного вида экспертизы является психическая деятельность исследуемого лица в юридически значимых обстоятельствах, опосредованно представленная в форме реализован-

ных продуктов коммуникации, обладающих признаками криминалистической значимости и влекущих правовые последствия, предусмотренные антиэкстремистским законодательством Республики Беларусь.

Предметом данного вида экспертизы является установление различных форм социально-психологической направленности спорного информационного материала, реализованного в условиях публичной либо массовой коммуникативной деятельности, имеющих юридическое значение при квалификации административных правонарушений или уголовно наказуемых деяний.

Объектами, направляемыми для экспертного психологического исследования, выступают спорные информационные материалы, имеющие преимущественно поликодовую либо невербальную форму выражения, зафиксированные на материальном носителе (бумажном и (или) электронном). К числу подобных объектов относятся:

изобразительные компоненты поликодовых информационных материалов, образующие единую структуру (визуальную, композиционную, смысловую и функциональную) со словесными компонентами и представленные в статической или динамической формах (карикатуры, демотиваторы, видеоролики и пр.);

изобразительные информационные материалы – объекты, представленные в форме статических либо динамических изображений, не содержащие письменный либо устный текст (например, картинки, изображения, фотографии, видеоролики и т. п.).

Представляемые для экспертного (специального) психологического исследования объекты должны быть реализованы в коммуникативной деятельности, носящей исключительно публичный (массовый) характер. Спорные информационные материалы, в которых присутствуют коммуникативные действия непубличного (немассового) характера (например, размещенные в личной переписке), не подлежат исследованию исходя из положений административного и уголовного законодательства Республики Беларусь. В отношении спорных информационных материалов, содержание которых имеет исключительно речевую (словесную) форму выражения, как правило, достаточным являются назначение и проведение судебной лингвистической экспертизы (исследования).

Целью назначения и проведения судебной психологической экспертизы (исследования) экстремистских материалов является получение фактических данных о таких видах социально-психологической направленности спорных информационных материалов, которые имеют юридическую значимость в аспекте административных и уголовных антиэкстремистских норм Республики Беларусь и влекут предусмотрен-

ную ими ответственность, т. е. фактически соотносятся с конкретными административными или уголовными новеллами.

При проведении судебной психологической экспертизы (исследования) экстремистских материалов экспертами-психологами решаются следующие задачи:

установление социально-психологической направленности спорного информационного материала, связанной с формированием враждебной социально-психологической установки в отношении групп (представителей групп), выделенных по какому-либо признаку (уточняется с учетом содержания материалов);

установление социально-психологической направленности информационного материала, связанной с формированием позитивного представления об идеологии и практике нацизма;

установление социально-психологической направленности информационного материала, связанной с формированием позитивного представления о нацистских преступлениях и (или) представления об их сомнительности и недостоверности;

установление социально-психологической направленности информационного материала, связанной с формированием положительного социального стереотипа или положительной социально-психологической установки в отношении нацистских преступников и (или) их пособников;

установление социально-психологической направленности информационного материала, связанной с формированием представления о том, что действия (перечисляются действия, описываемые в материале), совершавшиеся в отношении белорусского народа в период Второй мировой войны и послевоенный период (до 31 декабря 1951 г.), являются сомнительными и (или) недостоверными;

установление социально-психологической направленности информационного материала, связанной с популяризацией идеологии и практики терроризма (сведения о террористической идеологии и ее разновидностях устанавливаются и предоставляются инициатором) и (или) с формированием представления о правильности (допустимости или необходимости) действий, относящихся к категории террористических (факт террористических действий устанавливается инициатором);

установление социально-психологической направленности информационного материала, связанной с популяризацией нацистской (неонацистской или расистской) символики, атрибутики и идеологии;

установление социально-психологической направленности информационного материала, связанной с мотивированием на совершение

деструктивных (дискриминационных либо насильственно-агрессивных действий) в отношении определенной сферы функционирования Республики Беларусь (физического либо юридического лица);

установление социально-психологической направленности информационного материала, связанной с формированием негативного представления о положении дел в Республике Беларусь (конкретизируется по сфере общественной жизни и (или) деятельности государственного института);

установление социально-психологической направленности информационного материала, связанной с мотивированием к организации, проведению и участию в незаконных массовых мероприятиях.

При проведении судебной психологической экспертизы (исследования) экстремистских материалов используются всеобщие (фундаментальные, философские), общенаучные и частнонаучные методы.

Осмотр спорных информационных материалов используется на начальном этапе их исследования и позволяет выявить наличие или отсутствие в них таких характеристик, которые определяют их пригодность для дальнейшей экспертной (специальной) оценки, а также являются основанием для получения дополнительной информации. Таким образом, по результатам осмотра представленных на исследование объектов принимается решение об их пригодности для дальнейшей экспертной (специальной) оценки или необходимости получения дополнительной информации (в данном случае заявляется ходатайство эксперта).

На этапе непосредственного исследования спорных информационных материалов используются методы описания (представляет собой процесс трансформации зрительно воспринимаемых предметов, явлений и их взаимосвязей в словесную форму посредством номинативного отнесения к тому или иному типу или классу), сравнения (сопоставление выявленных признаков в изобразительной части спорных информационных материалов с запрещенными символами, атрибутами) и классификации (в общем виде представляет собой квалификацию предметов и явлений как принадлежащих к определенному типу или классу на основе существенных признаков), позволяющие на основе данных визуального осмотра осуществить квалифицирующую характеристику используемых изобразительных средств, т. е. отнести их к определенному типу предметов или явлений действительности, определить их функциональное назначение в структуре объекта исследования.

По результатам использования этих методов формулируются экспертные (специальные) выводы о наличии либо отсутствии юридически значимой информации в представленных на исследование спорных

информационных материалах, т. е. диагностируется одно из экспертных психологических понятий (вид социально-психологической направленности).

Таким образом, при проведении судебной психологической экспертизы экстремистских материалов решаются задачи, связанные с фиксацией, опосредованными предотвращением и профилактикой правонарушений и преступлений экстремистской направленности в Республике Беларусь, что, в свою очередь, повышает эффективность работы системы национальной безопасности в широком понимании.

УДК 347.948(476)

В.П. Скобелев

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО КОДЕКСУ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В современном правосудии экспертные исследования приобретают все большее значение, в связи с чем важно обратить внимание на то, насколько изменился порядок назначения и проведения судебной экспертизы по Кодексу гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), вступившему в силу 1 января 2026 г. и заменившему собой Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь, а также какие проблемы в обозначенной области КГС были сняты, а какие, наоборот, «унаследованы» без всяких подвижек в направлении их разрешения. При этом в отечественной науке указанные вопросы применительно к КГС (за редким исключением [1]) практически не исследовались.

Норма второго предложения ст. 218 КГС гласит: «Экспертиза может быть назначена в порядке обеспечения доказательств, при подготовке дела к судебному разбирательству или в ходе судебного разбирательства». Несмотря на то что данная норма практически дословно заимствована из второго предложения ч. 1 ст. 216 ГПК (разница только в том, что во втором предложении ч. 1 ст. 216 ГПК говорится о подготовке дела не «к судебному разбирательству, а к слушанию»), по поводу нее следует высказать замечания следующего рода.

Во-первых, норма имеет неверное структурное расположение. Как видно из наименования ст. 218 КГС («Основания для назначения экспертизы»), она посвящена регулированию поводов для назначения су-

дебной экспертизы (фактически такому же вопросу была посвящена и ст. 216 ГПК, которая называлась «Цели проведения экспертизы»). Между тем анализируемая норма имеет отношение к порядку назначения судебной экспертизы, а потому, в лучшем случае, она должна располагаться в ст. 222 «Порядок назначения экспертизы» КГС.

Во-вторых, обстоятельства назначения экспертизы перечислены во втором предложении ст. 218 КГС как однопорядковые (одноуровневые) явления, хотя в действительности это не так, поскольку они выделены на основе совершенно разных критериев: хронологического, имеющего отношение к временному периоду назначения экспертизы (назначение экспертизы «при подготовке дела к судебному разбирательству или в ходе судебного разбирательства»), и ситуационного, связанного с особенностями сложившейся по делу процессуальной ситуации, в частности в области доказывания и доказательств (назначение экспертизы «в порядке обеспечения доказательств»). Как результат, мы имеем логическую ошибку: обеспечение доказательств – это один из вопросов, разрешаемых на стадии подготовки дела и (реже) на стадии судебного разбирательства, вследствие чего упоминание про назначение экспертизы в порядке обеспечения доказательств во втором предложении ст. 218 КГС является излишним. Правда, не исключено, что, говоря о возможности назначения экспертизы «в порядке обеспечения доказательств», законодатель подразумевал в первую очередь именно хронологический (не ситуационный) критерий, а именно назначение экспертизы до возбуждения производства по делу в суде (в порядке обеспечения доказательств) согласно ч. 1 ст. 235 КГС, но тогда, полагаем, об этом так прямо и следовало написать.

В-третьих, если исходить из того, что во втором предложении ст. 218 КГС законодатель при описании обстоятельств назначения экспертизы использовал все-таки ситуационный критерий, то нужно признать, что им были названы далеко не все процессуальные ситуации в области доказывания и доказательств, при которых экспертиза может назначаться. Ведь это не только ситуация затруднительности или невозможности получения доказательств впоследствии (назначение экспертизы в порядке обеспечения доказательства – ст. 235 КГС), но и ситуация потребности собирания доказательств на территории другой административно-территориальной единицы (назначение экспертизы через направление судебного поручения – ст. 236 КГС).

В-четвертых, регулируя хронологические аспекты назначения экспертизы, второе предложение ст. 218 КГС констатирует и без того вполне очевидные вещи: ведь тот факт, что экспертиза может быть назначена

при подготовке дела или в ходе судебного разбирательства, вытекает из задач, стоящих перед судом на каждой из данных стадий процесса. Так, согласно п. 4 ч. 1 ст. 249 КГС одной из задач подготовки дела к судебному разбирательству является «определение круга необходимых доказательств», а норма п. 8 ч. 2 ст. 251 КГС прямо предписывает суду в предварительном судебном заседании разрешать вопрос о проведении экспертизы. Аналогичным образом и п. 2 ч. 2 ст. 254 КГС обязывает суд для достижения цели судебного разбирательства «получить, исследовать и правильно оценить все необходимые доказательства».

На наш взгляд, поскольку норма второго предложения ст. 218 КГС находится в Общей части данного кодекса, то регулировать вопросы назначения экспертизы в хронологическом аспекте она должна более концептуальным (универсальным, глобальным) образом, нежели это имеет место сейчас. Иными словами, норма должна определять, при производстве по делу в суде какой инстанции (первой, апелляционной и т. д.) назначение судебной экспертизы допустимо, без конкретизации стадии (этапа) в пределах соответствующего производства, на которой это может происходить, поскольку подобные нюансы (частности) судебной процедуры должны составлять предмет регулирования норм Особенной части КГС.

И в этой связи следует отметить, что норма второго предложения ст. 218 КГС оставляет без ответа вопрос, допустимо ли назначение экспертизы при производстве по делу в суде апелляционной инстанции (ведь судебное разбирательство и подготовка к нему, о которых идет речь в данной норме, – атрибуты исключительно производства по делу в суде первой инстанции), хотя данный вопрос после вступления КГС в действие приобрел крайне проблемный характер. Так, норма п. 1 ч. 3 ст. 415 ГПК прямо санкционировала возможность проведения экспертизы в ходе апелляционного производства, поскольку указывала, что в процессе подготовки дела к рассмотрению в апелляционном порядке судья «совершает действия, предусмотренные пунктами 7, 8, 9¹–12, 14 и 15 статьи 262 настоящего Кодекса», а п. 12 ст. 262 ГПК как раз и было предусмотрено разрешение вопроса о проведении экспертизы. В ст. 573 КГС, соответствующей ст. 415 ГПК, нормы, которая была закреплена в п. 1 ч. 3 ст. 415 ГПК, по каким-то причинам уже нет. И, исходя из содержания ст. 573 КГС, теперь достаточно сложно сказать, может ли быть назначена экспертиза в апелляционном производстве.

Например, п. 1 ч. 2 ст. 573 КГС упоминает про допустимость вызова в судебное заседание суда апелляционной инстанции экспертов, однако из общего контекста п. 1 ч. 2 ст. 573 КГС (он гласит, что судья при

подготовке дела к рассмотрению «решает вопросы вызова в судебное заседание экспертов, а также допрошенных в суде первой инстанции лиц для разъяснений по существу данных ими заключений и показаний, если признает это необходимым») становится ясно, что подразумеваются эксперты, которые проводили экспертизу и давали по ней заключение во время производства по делу в суде первой инстанции.

Еще при подготовке дела к рассмотрению в апелляционном порядке судья в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 573 КГС «разрешает ходатайства сторон об исследовании новых доказательств, имеющих значение для дела, которые сторона не имела возможности представить суду первой инстанции по уважительным причинам, в том числе если суд первой инстанции необоснованно отказал в их принятии либо лицо не было привлечено к участию в деле в суде первой инстанции. Лица, представляющие суду новые доказательства, обязаны указать, каким путем они получены, в связи с какими обстоятельствами возникла необходимость их представления». Вместе с тем анализ показывает, что под новыми доказательствами в этом случае подразумеваются уже существующие изначально (имеющиеся в наличии, готовые к использованию, т. е. сформированные без участия суда) доказательства (например, письменные, вещественные доказательства, звуко-, видеозаписи), поскольку только такие доказательства стороны могут получить, представить суду и просить исследовать, а суд – принять и сразу исследовать. Иными словами, это доказательства, которые подпадают под процессуальный режим, условно обозначенный нами как режим «собираения, представления и истребования» [2, с. 25–27].

Заключение эксперта подчиняется совсем другому процессуальному режиму – режиму доказательств, формируемых при самом непосредственном участии суда [2, с. 25–27]. Подобное средство доказывания изначально не существует, оно формируется только в ходе производства по гражданскому делу (кроме случаев, когда экспертиза была назначена в порядке обеспечения доказательств до возбуждения дела в суде). В связи с чем сторона объективно не имеет возможности сама получить заключение эксперта, представить его суду апелляционной инстанции и заявить ходатайство о его исследовании как нового доказательства. Самое большее, что сторона может сделать в целях получения такого средства доказывания, это заявить ходатайство о назначении экспертизы, однако на подобного рода ходатайства п. 2 ч. 2 ст. 573 КГС в силу своего буквального смысла не рассчитан.

Примечательно, что п. 5 ч. 2 ст. 573 КГС позволяет судье в процессе подготовки дела к рассмотрению в апелляционном порядке совершать

«иные необходимые для обеспечения рассмотрения дела процессуальные действия с учетом требований настоящего Кодекса и сущности апелляционного производства». Однако поскольку данный пункт прямого указания на возможность назначения экспертизы не содержит, вопрос о допустимости ее проведения в апелляционном производстве продолжает сохранять свою неопределенность.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что норму второго предложения ст. 218 КГС целесообразно переместить в ст. 222 КГС и изложить ее в следующей редакции: «Экспертиза может быть назначена до возбуждения производства по делу (в порядке обеспечения доказательств), а также при производстве по делу в судах первой и апелляционной инстанций».

Список использованных источников

1. Скобелев, В.П. Судебная экспертиза в гражданском и хозяйственном процессах: о некоторых проблемах правового регулирования / В.П. Скобелев // Судебная экспертиза Беларуси. – 2024. – № 2. – С. 39–47.
2. Скобелев, В.П. Назначение экспертизы по инициативе суда – важнейшая гарантия установления истины в гражданском судопроизводстве / В.П. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 3. – С. 24–28.

УДК 343.983.22

А.М. Сушко

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПНЕВМАТИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ ПО СЛЕДАМ НА ПУЛЯХ

В самом общем смысле сущность идентификации можно определить как установление тождества объекта, равенства его самому себе. Идентифицировать объект – значит установить, что он является тем же самым в различных своих проявлениях или в различных интервалах времени (Криминалистическое исследование огнестрельного оружия и патронов к нему : метод. пособие для экспертов, следователей и судей / Рос. федер. центр судеб. экспертизы при М-ве юстиции Рос. Федерации ; подгот. В.Р. Аветесян [и др.]. – М. : ГУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. – С. 89).

В баллистическом идентификационном исследовании существуют два результата сравнительного исследования: установление групповой принадлежности и установление тождества (идентичности).

Понятие идентификации применяется в тех случаях, когда сравнительным исследованием установлены отношения индивидуального

тождества (идентичности). Определение групповой принадлежности – промежуточный этап сравнительного исследования, который завершается установлением тождества.

Вместе с тем следует отметить, что при отсутствии оружия исследование завершается определением групповой принадлежности, т. е. вида, образца (модели) оружия, из которого выстрелена пуля (Криминалистическое исследование огнестрельного оружия и патронов к нему : метод. пособие для экспертов, следователей и судей / Рос. федер. центр судеб. экспертизы при М-ве юстиции Рос. Федерации ; подгот. В.Р. Аветесян [и др.]. – М. : ГУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. – С. 89).

Таким образом, идентификация пневматического оружия и конструктивно сходных с ним изделий (далее – пневматическое оружие) – это криминалистическая задача, решаемая посредством сравнительного исследования в целях установления принадлежности идентифицируемого пневматического оружия к определенной группе (виду, образцу), а также его отождествления по следам (отображениям) на взаимодействовавшем с ним (идентифицирующем) объекте (пуле).

Анализ имеющейся научно-методической литературы по данному направлению исследований свидетельствует о том, что она весьма малочисленна. В настоящее время в экспертных подразделениях Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – ГКСЭ), методика идентификации пневматического оружия по следам на пулях отсутствует. Данная задача решается по аналогии с идентификацией огнестрельного оружия, проводимой в соответствии с действующей в ГКСЭ методикой отождествления нарезного огнестрельного оружия по следам на пулях.

Исходя из вышеизложенного, признаками, позволяющими определить модель пневматического оружия, из которой могла быть выстрелена изъятая на месте происшествия пуля, а также идентифицировать конкретный ее экземпляр, являются наличие, количество, ширина и угол наклона следов полей нарезов канала ствола. Однако возможности данной идентификации ограничены, что обусловлено следующими факторами:

1. Низкой стойкостью пуль к деформации при попадании в преграду. В большинстве случаев пули к пневматическому оружию изготавливают из мягких металлов, таких как свинец, в результате чего при попадании в преграду пуля получает значительные повреждения, не позволяющие не только провести исследование имеющихся на ее поверхности следов канала ствола, но и установить ее калибр и иные характеристики.

2. Конструкцией используемых для стрельбы пуль. На комбинированных пулях, состоящих из подкалиберного металлического сердечни-

ка и полимерного пояска-контейнера, четко выраженные следы канала ствола, как правило, отсутствуют, что объясняется тем, что при движении пули по каналу ствола с его внутренней поверхностью контактирует лишь полимерный поясок. Отображающиеся на нем следы неустойчивы, обладают крайне малой информативностью и не позволяют определить даже количество нарезов. Кроме того, при попадании в преграду поясок отделяется от сердечника, что затрудняет его обнаружение и изъятие в ходе осмотра места происшествия.

Существуют также комбинированные пули, в которых сердечник находится в свинцовом пояске-контейнере. В этом случае на поверхности пояска при движении пули по стволу образуются отчетливые следы полей нарезов, однако при попадании в преграду свинцовый поясок подобно описанному выше полимерному отделяется от сердечника и в большинстве случаев сильно деформируется, что приводит к уничтожению следов канала ствола на нем.

На выстреленных сферических пулях типа «ВВ» следы канала ствола неустойчивы и обладают малой информативностью. Это объясняется относительно высокой твердостью металла, из которого изготовлены данные пули, а также соотношением их диаметра и калибра ствола;

3. Малыми размерами используемых пуль, а также незначительной шириной и протяженностью имеющих на них следов полей нарезов. Например, для стволов пневматического оружия калибра 4,5 мм ширина полей нарезов может составлять 0,3–0,6 мм.

4. Незначительным отображением индивидуальных совокупностей частных признаков в следах полей нарезов. Данное обстоятельство обусловлено состоянием следообразующих поверхностей канала ствола. В отличие от ствола огнестрельного оружия ствол пневматического оружия благодаря его принципу действия мало изнашивается при стрельбе, так как при этом на него не действуют такие разрушающие факторы, как высокая температура и пороховые газы. Как правило, нарезы ствола пневматического оружия изношены мало, и их следы на пулях отображаются четко.

5. Отсутствием в большинстве случаев первичных следов канала ствола. При выстреле из пневматического оружия пуля практически сразу приобретает поступательно-вращательное движение, так как металл, из которого изготовлена пуля, достаточно мягкий, а давление в канале ствола относительно небольшое по сравнению с огнестрельным оружием.

6. Ограниченным объемом справочных данных по параметрам следов полей нарезов для различных моделей пневматического оружия.

Перечисленные обстоятельства вызывают значительные сложности при решении идентификационных задач в ходе экспертного исследования пневматического оружия, что обуславливает необходимость разработки как научно-теоретических, так и методических оснований отождествления указанных объектов, которые могут быть выражены как в виде отдельных методических рекомендаций, так и в виде самостоятельной методики.

УДК 343.98

Е.А. Толкачева

ПРИМЕНЕНИЕ РОБАСТНЫХ СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ СРАВНЕНИЯ ПОДПИСИ ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В последние годы задачи биометрической идентификации личности приобретают все бóльшую актуальность в связи с развитием цифровых сервисов и необходимостью повышения уровня безопасности. Одним из широко используемых биометрических признаков является рукописная подпись, применяемая в различных процедурах, имеющих юридическое значение.

Рассмотрим динамические подписи и методы, основанные на анализе временных рядов, включающих в себя координаты пишущего узла, давление и производные характеристики движения. Такие методы позволяют учитывать поведенческие особенности письма и обеспечивают более высокую точность идентификации по сравнению со статическими подходами.

Особый интерес представляют робастные методы [1], устойчивые к вариациям выполнения подписи, шумам измерений и изменениям условий записи. Это особенно важно для динамических данных [2], характеризующихся высокой внутриклассовой изменчивостью.

Целью исследования является модификация алгоритмов верификации динамической подписи для перехода от бинарной классификации к вероятностной оценке. Основная задача заключается в разработке методов, позволяющих на основе анализа обучающей выборки формировать результат не в виде решения «подлинная – поддельная», а в виде непрерывной величины, отражающей степень уверенности системы в подлинности тестируемого образца.

Предложенные подходы – модифицированный статистический метод, основанный на вероятностной интерпретации расстояния между распределениями признаков, и робастный метод, использующий меха-

низм голосования, обладают различными свойствами и взаимно дополняют друг друга. Алгоритм включает в себя следующие этапы:

1. Формирование агрегированного профиля. Система не сравнивает проверяемую подпись с каждым эталоном по отдельности. Вместо этого происходит объединение данных всех доступных эталонных подписей в единое статистическое облако. Например, значения скорости всех 5–10 эталонных подписей объединяются в одну большую выборку, что позволяет получить общую совокупность, охватывающую все допустимые вариации почерка пользователя.

2. Извлечение признаков. Для анализа используется расширенный вектор из различных метрик, которые можно разделить на следующие группы: геометрия – координаты X и Y ; динамика – скорость и ускорение; кинематика – описание траектории движения, включая такие характеристики, как кривизна.

3. Процедура голосования. Проверка осуществляется по каждому признаку отдельно следующим образом: берется распределение конкретного признака, например ускорения проверяемой подписи, сравнивается с агрегированным профилем ускорения эталона (через метод Колмогорова – Смирнова). Далее, если распределения совпадают ($pvalue > \alpha$), признак считается согласованным с эталоном.

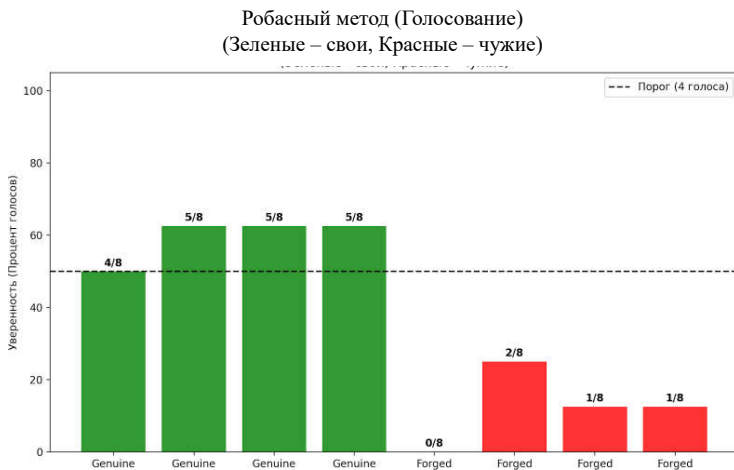
Заключительный этап: принятие решения, которое формируется на основании кворума

$$verdict = \left\{ \begin{array}{l} \text{Genuine, if } \frac{votes}{total\ features} \geq threshold; \\ \text{Forged, if } \frac{votes}{total\ features} < threshold \end{array} \right\}.$$

По умолчанию значение порога – переменной *threshold* – составляет 50 %.

Преимуществами робастного алгоритма [3] являются устойчивость к шуму и адаптивность к неполным данным. Так, если при вводе подписи произошел сбой сенсора и признак давления оказался искажен, остальные семь признаков компенсируют влияние данного искажения и подлинная подпись будет принята. Классический метод в такой ситуации выдал бы ошибку.

Таким образом, указанный выше метод является резервным механизмом повышения устойчивости, обеспечивающим минимальный уровень ошибок ложного отказа в реальных условиях эксплуатации. На рисунке представлен график оценки разделяющей способности робастного алгоритма на тестовой выборке. Видно, что подлинные подписи прошли проверку по четырём-пяти признакам из восьми, в то время как поддельные – максимум по двум признакам.



Гистограмма распределения голосов
для настоящих и поддельных образцов

Статистический метод обеспечивает непрерывную оценку степени сходства между подписью и эталонной подписью пользователя. Использование D -статистики и последующей вероятностной калибровки позволяет получать интерпретируемую величину, отражающую уровень уверенности системы в подлинности подписи. Данный подход характеризуется высокой чувствительностью к малым отклонениям и позволяет выявлять тонкие различия в распределениях признаков.

В то же время высокая чувствительность статистического метода может приводить к нестабильности результатов при наличии шумов или локальных искажений. Даже незначительные артефакты в данных способны повлиять на итоговую оценку, особенно в условиях высокой размерности признакового пространства. В таких ситуациях робастный метод демонстрирует более устойчивое поведение за счет агрегирования решений и снижения влияния отдельных аномалий. Данный метод, в свою очередь, реализует дискретную схему принятия решения и ориентирован на устойчивость к частичным искажениям. Его преимуществом является способность сохранять корректность классификации даже при деградации части признаков. Однако дискретный характер выходного решения ограничивает возможность тонкой градации степени сходства и не позволяет напрямую оценивать уровень уверенности.

С учетом указанных особенностей предлагается гибридная схема, в которой оба метода используются совместно. На первом этапе выполняется статистическое сравнение подписи с использованием нормали-

зованных признаков и D -статистики, результатом которого является вероятностная оценка подлинности. На втором этапе применяется робастный метод голосования, формирующий независимое решение на основе согласованности отдельных признаков.

Объединение результатов может осуществляться различными способами. Наиболее простым вариантом является использование робастного метода в качестве фильтра, подтверждающего или опровергающего результат статистической оценки. Например, подпись может считаться подлинной только в случае, если оба метода дают согласованный результат. Более гибкий подход предполагает комбинирование оценок с использованием весовых коэффициентов или пороговых правил.

Одним из эффективных способов интеграции является использование робастного метода для адаптивной корректировки вероятностной оценки. В частности, при высоком уровне согласованности признаков итоговая вероятность может быть увеличена, тогда как при низком снижена. Это позволяет учитывать как глобальные статистические характеристики, так и локальную согласованность признаков.

Дополнительно возможна реализация каскадной схемы, в которой быстрый робастный метод используется на предварительном этапе для отсева явно поддельных подписей, а более чувствительный статистический метод применяется для детального анализа пограничных случаев. Такой подход позволяет оптимизировать вычислительные ресурсы и повысить общую эффективность системы.

В результате объединения методов достигается синергетический эффект: статистический подход обеспечивает точность и градацию оценки, тогда как робастный – устойчивость и надежность в условиях шумов. Это особенно важно для практических приложений, где данные часто являются неполными или искаженными.

Таким образом, в ходе исследования рассмотрена задача повышения надежности систем динамической верификации подписей на основе разработки робастных методов сравнения. Проведен анализ существующих подходов, показавший, что большинство из них ориентированы на бинарную классификацию и обладают ограниченной устойчивостью к вариативности данных и шумам измерений.

Экспериментальные результаты подтверждают эффективность предложенного подхода. Наблюдаются улучшение разделяющей способности системы, снижение вероятности ложных отказов и повышение стабильности работы в условиях реальных данных. Это свидетельствует о практической применимости разработанных методов в задачах биометрической идентификации.

Полученные результаты демонстрируют перспективность использования робастных и вероятностных подходов для анализа динамических подписей и открывают возможности для дальнейшего развития систем биометрической верификации.

Список использованных источников

1. Poh, N. Benchmarking Quality-Dependent and Cost-Sensitive Score-Level Fusion Algorithms for Biometric Authentication / N. Poh, J. Kittler, T. Bourlai // Pattern Recognition. – 2010. – Vol. 43, № 3. – P. 1099–1115.
2. Impedovo, D. Automatic Signature Verification: The State of the Art / D. Impedovo, G. Pirlo // IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics. – Part C : Applications and Reviews. – 2008. – Vol. 38, № 5. – P. 609–635.
3. Fierrez, J. On-Line Signature Verification / J. Fierrez, J. Ortega-Garcia // Handbook of Biometrics / ed. A. Jain, P. Flynn, A. Ross. – Boston : Springer, 2008. – P. 209.

УДК 378.147:343.98

Б.А. Усовский, Д.В. Жолудева

СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ЭКСПЕРТНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ТРЕБОВАНИЙ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫХ РУКОВОДСТВОМ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Современные условия развития общества, характеризующиеся цифровой трансформацией и усложнением объектов судебно-экспертного исследования, обуславливают необходимость совершенствования системы подготовки кадров для экспертных подразделений. Подготовка судебных экспертов должна обеспечивать не только передачу профессиональных знаний и формирование практических навыков, но и развитие личностных качеств специалиста, его психологической устойчивости, способности к принятию решений в условиях неопределенности и повышенной ответственности.

Особое значение в современной научной и образовательной повестке приобретает формирование так называемого экспертного мышления, включающего в себя системное и критическое мышление [1, с. 236]. Данные интеллектуальные компетенции позволяют специалисту анализировать сложные ситуации, выявлять противоречия и принимать обоснованные решения. В условиях внедрения цифровых технологий и элементов искусственного интеллекта роль человеческого фактора не

снижается, а, напротив, усиливается, поскольку окончательное решение по результатам экспертного исследования остается за экспертом.

Современная модель подготовки экспертных кадров реализуется в системе дополнительного образования взрослых и базируется на действующем законодательстве, в частности на положениях Кодекса Республики Беларусь об образовании. Образовательные программы переподготовки направлены на получение новой квалификации и формирование комплекса профессиональных компетенций, необходимых для осуществления судебно-экспертной деятельности. При этом важным преимуществом переподготовки является ее относительно краткосрочный характер при сохранении высокого уровня профессиональной подготовки.

Содержание образовательных программ включает в себя теоретические и практические компоненты, ориентированные на изучение криминалистики, судебной экспертизы, методик исследования различных объектов, а также правил оформления экспертных заключений. Основной целью обучения является формирование у слушателей знаний, умений и навыков, необходимых для проведения судебных экспертиз, а также развитие способности к аналитическому мышлению и профессиональной рефлексии.

К числу ключевых задач подготовки относятся: формирование знаний о системе юридических наук и судебной экспертизы, развитие системного и критического мышления, формирование навыков самостоятельного анализа и решения экспертных задач, развитие способности к самообразованию и профессиональному росту.

В образовательном процессе применяются различные методы обучения: лекции, практические занятия, демонстрационные материалы, проблемно-поисковые задания, а также интерактивные формы, включая дискуссии, деловые игры и тренинги. Особую роль играют именно интерактивные методы, способствующие развитию рефлексии и способности к принятию решений в нестандартных ситуациях.

Важным элементом подготовки является использование современных средств обучения, включая цифровые образовательные ресурсы, специализированное программное обеспечение, информационно-поисковые системы, а также криминалистические полигоны и учебные колледжи. В условиях цифровизации особое значение приобретают цифровые навыки, позволяющие эффективно использовать современные технологии в экспертной практике.

Профессиональная деятельность судебного эксперта включает в себя соблюдение требований законодательства, проведение исследова-

ний по профилю деятельности, а также освоение новых технологий. Таким образом, эксперт должен обладать не только профессиональными знаниями, но и высоким уровнем ответственности и аналитического мышления.

Анализ современной системы подготовки позволяет выделить основные направления ее совершенствования.

Первое направление – методологическое, связанное с развитием экспертного мышления. Оно предполагает активное внедрение интерактивных методов обучения, направленных на формирование способности к самостоятельному анализу и принятию решений.

Второе направление – технологическое, обусловленное цифровизацией экспертной деятельности. Необходима интеграция в образовательные программы модулей, связанных с использованием искусственного интеллекта, автоматизированных систем и специализированного программного обеспечения, при одновременном сохранении понимания границ их применения [2].

Третье направление – психолого-педагогическое. Оно связано с формированием психологической устойчивости специалистов и профилактикой профессионального выгорания.

Четвертое направление – ценностно-идеологическое. Оно предполагает формирование у будущих экспертов профессиональной идентичности, понимания социальной значимости их деятельности и ответственности перед обществом и государством.

Реализация указанных направлений позволит создать эффективную систему подготовки судебных экспертов, ориентированную не только на передачу знаний, но и на формирование целостной личности специалиста. Такой подход обеспечивает соответствие современным требованиям к кадровому обеспечению правоохранительных органов и способствует повышению качества судебно-экспертной деятельности в целом.

Список использованных источников

1. Шведова, Н.Н. Формирование экспертного мышления как основная задача профессиональной подготовки судебных экспертов / Н.Н. Шведова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2025. – № 2. – С. 230–239.
2. Россинская, Е.Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы / Е.Р. Россинская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 3. – С. 21–33.

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ
СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ
И РАССЛЕДОВАНИИ КОНТРАБАНДЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ**

В современных условиях геополитического противостояния Российской Федерации и западных государств, искажения последними истории, размывания ими собственных культурных основ особое значение приобретает вопрос обеспечения сохранности культурных ценностей как непосредственного и объективного источника достоверной исторической информации.

Ввиду важнейшего значения для отечественной истории и культуры указанные ценности имеют особый правовой статус, выраженный в специфике их гражданского оборота. Несмотря на то что владельцами данных ценностей могут быть и частные лица и организации, законодательно предусмотрен порядок сделок с ними, предусматривающий регистрацию последних. Кроме того, категория ценностей может предусматривать запрет их вывоза за пределы территории Российской Федерации (за исключением временного либо вывоза их авторами) (подробнее об этом см.: [1]).

Однако ввиду значительной материальной стоимости культурных ценностей они часто становятся предметом преступного посяательства, что является проблемой для многих стран. Достаточно вспомнить недавний факт хищения культурных ценностей в музее Лувра (Франция) [2].

Хищения культурных ценностей, изъятие их из мест залегания при незаконных раскопках осуществляются, как правило, с целью последующей перепродажи коллекционерам и иным ценителям, а также инвестирующим в указанные ценности ввиду постоянного роста их денежной стоимости. При этом покупательная способность населения в нашей стране значительно ниже таковой в некоторых зарубежных странах (государства Западной Европы, США, Китай и др.), вследствие чего постоянно выявляются попытки контрабандного вывоза рассматриваемых ценностей через границу.

Выявление и расследование данных преступлений имеют специфику, обусловленную, во-первых, уже указанным нами правовым статусом культурных ценностей, а во-вторых, особенностями правовых отношений, касающихся сферы таможенного дела, а также охраны Государственной границы Российской Федерации.

Возбуждение уголовного дела по факту контрабанды указанных нами ценностей основывается на результатах проводимой процессуальной проверки, поскольку предусматривает обязательное установление оснований для принятия данного решения следователем либо сотрудником специализированного подразделения дознания. В рамках процессуальной проверки одним из обстоятельств, подлежащих установлению, является отнесение задержанного предмета к категории культурных ценностей.

Ввиду того что сотрудники Федеральной таможенной службы Российской Федерации не обладают соответствующими специальными знаниями, отнесение перемещаемых предметов к указанной категории требует привлечения профильных специалистов для дачи заключения либо назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела, что предусмотрено положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Данная экспертиза «решает комплекс задач, связанных с анализом и оценкой произведений на подлинность, определением их историко-культурной и материальной ценности, и заключается во всестороннем изучении произведения искусства, которое наряду с экспертом по культурным ценностям проводят реставраторы, рентгенологи, химики, технологи, графологи и представители иных точных или естественных наук с привлечением соответствующих технологий» [3, с. 6–7].

Важнейшая роль указанной экспертизы в выявлении и подтверждении факта контрабанды именно культурных ценностей заключается в атрибуции последних (т. е. установлении их вида, времени создания, автора и т. п.), а также в установлении материальной стоимости в денежном выражении, поскольку уголовно наказуемым по ст. 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации является незаконное перемещение через границу культурных ценностей стоимостью свыше 100 тыс. р.

Тактические аспекты назначения рассматриваемой экспертизы тесно переплетены с организационными, поскольку в отличие от иных экспертных исследований процесс ее назначения и производства ввиду специфики предмета преступного посягательства достаточно подробно регламентирован Правительством Российской Федерации [4].

До недавнего времени решение вопроса поиска эксперта, обладающего специальными знаниями для производства такой экспертизы, возлагалось на сотрудников органов предварительного расследования. Это представляло серьезную проблему, поскольку данная экспертиза носит, как правило, сложный, комплексный характер ввиду необходимости исследования предмета с позиции не только искусствоведения, но и хи-

мического состава и т. п. Однако в 2020 г. Правительством Российской Федерации были утверждены правила производства такой экспертизы, а задача обеспечения ее производства возложена на профильное ведомство – Министерство культуры Российской Федерации либо его территориальные органы.

Дознаватель либо следователь должен обратиться в указанные органы с соответствующим письмом о производстве такой экспертизы, а подразделение Министерства культуры Российской Федерации самостоятельно определяет аттестованного эксперта, т. е. обладающего специальными знаниями необходимого профиля, включенного в соответствующий реестр [5].

В ходе подготовки к назначению экспертизы следователю (дознавателю) представляется тактически целесообразным обратиться за консультативной помощью к профильным специалистам для надлежащего формулирования вопросов, которые ставятся на разрешение эксперту. Данный подход поможет избежать некорректных формулировок, включения избыточных, не относящихся к компетенции эксперта вопросов.

Разрешаемые экспертом типичные вопросы касаются характера исследуемого предмета, даты, места его изготовления, обладания предметом культурной или иной ценностью, в том числе особой, стоимости предмета на момент совершения деяния и др. [6].

Полученное заключение эксперта должно быть оценено следователем с формальной и интеллектуальной сторон. В первом случае проверяются оформление документа, наличие всех подписей, печатей и т. п., на все ли поставленные вопросы ответил эксперт. Интеллектуальная оценка предполагает анализ доказательственной ценности полученного заключения, насколько содержащиеся в нем выводы согласуются с остальными материалами дела либо противоречат им.

Заключение эксперта может быть использовано как для непосредственного установления криминалистически значимых обстоятельств, так и для решения иных тактических задач, например при производстве иных следственных действий (для предъявления фигурантам при допросе и т. д.).

Таким образом, можно заключить, что результаты судебной экспертизы культурных ценностей могут использоваться как для возбуждения уголовных дел по фактам контрабанды культурных ценностей, так и в доказывании для установления обстоятельств, имеющих значение для дела. Учет следователем, дознавателем криминалистических рекомендаций криминалистически значимых сведений будет способствовать повышению эффективности расследования в целом.

Список использованных источников

1. О вывозе и ввозе культурных ценностей : Закон Рос. Федерации от 15 апр. 1993 г. № 4804-I // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 10.01.2026).
2. Прокофьев, В. Ограбление Лувра: Что украли, как украли, кто украл / В. Прокофьев // Российская газета. – 2025 г. – 25 окт. – URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 10.01.2026).
3. Михайлова, Т.Б. Экспертиза культурных ценностей : учеб.-метод. пособие / Т.Б. Михайлова ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 156 с.
4. Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей, а также критериев отнесения движимых предметов к культурным ценностям и отнесения культурных ценностей к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение : постановление Правительства Рос. Федерации от 14 сент. 2020 г. № 1425 // КонсультантПлюс. Россия : справ.-правовая система (дата обращения: 12.01.2026).
5. Реестр аттестованных специалистов в области сохранения объектов культурного наследия // Министерство культуры Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <https://opendata.mkrf.ru> (дата обращения: 12.01.2026).
6. Злотникова, И.В. Особенности проведения искусствоведческой экспертизы в рамках административного и уголовного делопроизводства / И.В. Злотникова, С.Е. Богатырев. – URL: <https://yandex.ru> (дата обращения: 12.01.2026).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЫЯВЛЕНИЯ (РАСКРЫТИЯ) И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УДК 343.1

Р.Р. Алекперов

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В XXI в. одним из глобальных трендов развития общества является его цифровизация. Это явление затронуло многие сферы жизни: образование, медицину, промышленность и т. п. Относительно новой технологией является искусственный интеллект (ИИ), использование которого в сферах жизнедеятельности общества демонстрирует положительные результаты. В научном сообществе все большее внимание уделяется возможностям применения ИИ в уголовном процессе, в частности при осуществлении доказывания по уголовным делам, производстве следственных действий, на стадии судебного разбирательства.

ИИ определяется учеными как программная система, имитирующая с помощью компьютера мыслительную деятельность человека, а также направление информатики, позволяющее пользователю решать повседневные задачи с помощью возможностей электронно-вычислительных машин. Технологии ИИ могут включать в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы. Главной характеристикой ИИ является его способность автономно работать и обмениваться данными с окружающей средой, обучаться на основе этих данных и полученного опыта, адаптировать свои решения под изменяющиеся обстоятельства, т. е. имитировать интеллектуальную деятельность человека [1].

В специальной литературе выделяется сильный, умеренный и слабый ИИ. Первый полностью исключает из процесса принятия решения человека, самостоятельно моделирует конкретные ситуации; второй в решении сложных задач минимизирует участие человека, однако сохраняет за человеком принятие окончательного решения, является наиболее эффективным при решении некоторых практических задач; третий за счет усовершенствования процессов алгоритмической обработки данных способен повысить производительность используемых информационных систем [2, p. 15–25].

Одним из базовых принципов уголовного процесса является оценка доказательств по внутреннему убеждению. Такая оценка представляет наиболее оптимальной формой применения ИИ при осуществлении доказывания по уголовным делам в ходе производства следственных действий, в том числе и на судебных стадиях уголовного процесса, также является умеренной, которая будет выполнять только вспомогательные функции, при этом разрешая ряд кропотливых и трудоемких задач.

Анализ специальной литературы позволяет выделить ряд перспективных направлений использования ИИ при производстве доказывания. Рассмотрим их на примере стадии судебного разбирательства.

Одним из источников доказательств в уголовном процессе является звуко- или видеозапись хода судебного заседания, протокол судебного заседания. В соответствии с ч. 1 ст. 308 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) ход каждого судебного заседания суда первой инстанции фиксируется с использованием средств звуко- или видеозаписи и составлением краткого протокола судебного заседания в письменной форме, в котором указываются сведения, перечисленные в ч. 2 названной статьи. Согласно ч. 6 рассматриваемой статьи уголовно-процессуального закона краткий протокол судебного заседания изготавливается рукописным способом или с использованием технических средств и должен быть составлен и подписан председательствующим и секретарем судебного заседания (секретарем судебного заседания-помощником судьи) не позднее 5 суток после окончания судебного разбирательства. Сопоставление ч. 2 и ч. 6 ст. 308 УПК указывает, что при имеющейся повышенной нагрузке (количестве рассматриваемых уголовных и иных дел, находящихся в производстве) на судью и секретаря судебного заседания (секретаря судебного заседания-помощника судьи) существует проблема в части ограниченности сроков изготовления краткого протокола судебного заседания. В особенности это касается случаев рассмотрения многоэпизодных и сложных уголовных дел.

Решением изложенной проблемы является возможность использования нейросетей, в функционал которых включена транскрибация звукозаписи в текст. При этом возможности нейросетей широки. Соответствующие приложения способны обрабатывать загруженные аудио-файлы, распознавать речь, выделять слова и предложения, а также разделять разных говорящих и расставлять тайм-коды. Результатом такой работы является готовый текстовый файл [3]. Судья Верховного Суда Республики Беларусь Р.В. Козорезова, отмечает, что в этой части ИИ

выступает в роли технического помощника [4]. Данную возможность ИИ можно использовать при осмотре вещественных доказательств, содержащих аудиофайлы.

ИИ также может анализировать представленные доказательства и проверять корректность представленных документов [4]. Эти возможности могут быть использованы судьей при анализе огромных массивов информации. Например, с 2017 г. в Шанхае функционирует интеллектуальная система обработки уголовных дел («Система 206»). В данном программном обеспечении в автоматически создаваемую электронную папку интегрируются все документы по конкретному уголовному делу. Система обладает способностью анализировать показания участников уголовного процесса, данные в ходе предварительного расследования, и в случае их несовпадения по существенным моментам выводит на экран соответствующее сообщение шрифтом красного цвета [5, с. 18–21]. Подобное программное обеспечение является вспомогательным инструментом, позволяющим судье установить несоответствия, выявить ошибки, что может повлиять на постановление данным должностным лицом законного, обоснованного и справедливого приговора.

Использование ИИ при осуществлении доказывания в уголовном процессе в настоящее время представляется затруднительным. Согласно положениям ст. 19 УПК судья обязан осуществлять оценку доказательств в соответствии с законом и по внутреннему убеждению. Критериями оценки доказательств являются их относимость, допустимость, достоверность и достаточность. Так, информация, полученная судом с использованием указанных возможностей ИИ, должна соответствовать первым трем критериям. Изложенное детерминирует стандартизацию, апробацию и повышенную защищенность соответствующего программного обеспечения при внедрении возможностей ИИ в работу суда по разрешению уголовных дел по существу. При этом алгоритмы ИИ должны играть роль технического помощника и не заменять суд при оценке им доказательств.

Таким образом, одним из направлений совершенствования процесса доказывания в судебном разбирательстве является внедрение возможностей ИИ, его вспомогательной роли. Вместе с тем внедрению данной технологии должно предшествовать приведение ее в состояние, соответствующее требованиям ст. 105 УПК.

Список использованных источников

1. Шаршун, В.А. Актуальные проблемы правового регулирования применения искусственного интеллекта / В.А. Шаршун // *ilex: информ.-правовая система* (дата обращения: 01.03.2026).
2. Kaplan, A. Siri, Siri, in my Hand: Who's the Fairest in the Land? On the Interpretations, Illustrations and Implications of Artificial Intelligence / A. Kaplan, M. Haenlein // *Business Horizons*. – 2018. – Vol. 62, iss. 1. – P. 15–25.
3. 11 лучших приложений для транскрипции речи в текст с помощью искусственного интеллекта в 2025 году / Sonix, Inc. – URL: <https://sonix.ai/resources/ru> (дата обращения: 12.03.2026).
4. Козорезова, Р.В. Использование искусственного интеллекта в судопроизводстве: реальность и перспективы / Р.В. Козорезова // Интернет-портал Верховного Суда Республики Беларусь. – URL: <https://court.gov.by> (дата обращения: 12.03.2026).
5. Сумин, А.А. Искусственный интеллект в уголовном процессе государств азиатско-тихоокеанского региона: общий обзор / А.А. Сумин, О.В. Химичева // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2020. – № 2. – С. 18–21.

УДК 343.985

В.В. Бачила

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД) к «институту средств оперативно-розыскной деятельности» относят специальные технические средства. При этом следует отметить, что многие годы данный институт был достаточно устойчивым с точки зрения его понимания, но в последние десятилетия он претерпевает значительные изменения.

В современных условиях правоприменительная практика ОРД постепенно отходит от привычных для понимания терминов и традиционных методов работы, беря на вооружение новые достижения научно-технического прогресса в области IT-технологий и используя их при выявлении, предупреждении и раскрытии преступлений.

Ускорившееся создание новых технологий и их использование в правоприменительной деятельности заставляют по-новому взглянуть на структуру «института средств теории оперативно-розыскной деятельности».

Прежде всего следует отметить, что в нормативные правовые акты введены, и, как следствие, в юриспруденции используются следующие научно-технические термины:

информационно-коммуникационные технологии (информационные технологии) [1, с. 17];

информационно-компьютерные технологии [2, с. 293];

цифровые технологии [3, с. 348];

технологии искусственного интеллекта [4, с. 144; 5, с. 15] и др.

При этом дальнейшее развитие и использование указанных технологий перейдет на новый уровень путем создания технологических платформ. Под ними в соответствии с п. 1.4 Положения о технологических платформах в рамках Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 г., утвержденного решением Совета глав правительств СНГ от 26 октября 2023 г. «понимаются элементы инновационной инфраструктуры, способствующие технологическому обновлению секторов экономики, созданию высокотехнологичной и инновационной продукции в приоритетных направлениях технологического развития и ее продвижению на рынок путем расширения кооперации в научно-технической, инновационной и производственной сферах».

Следует отметить, что законодательное определение имеет только один из обозначенных терминов «информационная технология», рассматриваемый как совокупность процессов, методов осуществления поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения и (или) предоставления информации, а также пользования информацией и защиты информации».

Кроме того, в соответствии с постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ от 14 апреля 2023 г. № 55-23 «О рекомендациях по нормативному регулированию использования искусственного интеллекта, включая этические стандарты для исследований и разработок» рекомендовано рассматривать «искусственный интеллект (ИИ) как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма, и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Дальнейшее развитие и закрепление этот термин получил в ст. 2 Модельного закона Содружества Независимых государств «О технологиях искусственного интеллекта» (принятого на 58-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи СНГ (постановление от 18 апреля 2025 г. № 58-8)) : «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, включающих информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе такое, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы обработки

данных и поиска решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решения без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их», тем самым расширив первоначальную редакцию данного термина. При этом, не урегулировав сходные по значению, но различные по содержанию научно-технические термины.

Таким образом, определение «технологии искусственного интеллекта» не закреплено в законодательстве Республики Беларусь. Отмечая данный пробел в законодательстве, Конституционный Суд в Послании Президенту и палатам Национального собрания «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» от 12 марта 2025 г. выразил мнение о необходимости принятия Закона «О технологиях искусственного интеллекта».

В свою очередь, использование инновационных технологий в ОРД должно рассматриваться не только с точки зрения их технологических возможностей, но и иных вопросов, присущих соответствующему виду деятельности.

Ключевым в таком подходе, на наш взгляд, является то обстоятельство, что любая технология, используемая в ОРД, не может не включать в себя определенную совокупность взаимосвязанных правовых, организационных, тактических и технологических процессов, направленных на решение конкретных задач ОРД [6, с. 52–53].

Технологические инновации носят обеспечивающий характер в ОРД. Это позволяет нам утверждать, что технологии обеспечения ОРД представляют собой совокупность взаимосвязанных правовых, организационных, тактических и технологических процессов, направленных на решение конкретных задач ОРД.

Следовательно, данное понятие должно выступать основополагающим в наборе используемых в процессе осуществления ОРД IT-технологии и соотноситься с остальными терминами, как общее с частным.

В этой связи представляется целесообразным:

разработать и принять Закон Республики Беларусь «О технологиях и искусственном интеллекте», в котором необходимо систематизировать все используемые научно-технические термины и сформулировать их определения;

институт средства в теории ОРД переработать и включить в него раздел «Технологии обеспечения оперативно-розыскной деятельности»;

дополнить ст. 2 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» абзацем «Технологии обеспечения оперативно-розыскной деятельности – совокупность взаимосвязанных правовых,

организационных, тактических и технологических процессов, направленных на решение конкретных задач оперативно-розыскной деятельности»; дополнить содержание абз. 4 ч. 1 ст. 15 «Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» после слов «базы данных (учеты)» словами «технологии (в том числе искусственного интеллекта)».

Список использованных источников

1. Информационные технологии в юридической деятельности : учеб. и практикум для акад. бакалавриата / под ред. проф. В.Д. Элькина. – 2-е изд. – М. : Юрайт, 2018. – 403 с.
2. Россинская, Е.Р. Концепция развития криминалистической науки как следствие цифровой трансформации преступности // Следственная деятельность: наука, образование, практика : тез. докл. V Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20 июня 2025 г.) / редкол. : С.Я. Аземша [и др.] ; науч. ред. М.П. Шруб. – Мн. : СтройМедиаПроект, 2025. – С. 290–295.
3. Глимейда, В.В. Тенденция технологизации досудебного производства по уголовным делам // Следственная деятельность: наука, образование, практика : тез. докл. V Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20 июня 2025 г.) / редкол. : С.Я. Аземша [и др.] ; науч. ред. М.П. Шруб. – Мн. : СтройМедиаПроект, 2025. – С. 346–351.
4. Кондрашечкин, Р.В. Правовое обеспечение применения технологий искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности / Р.В. Кондрашечкин // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД Российской Федерации. – 2023. – № 2. – С. 143–149.
5. О выполнении судами постановлений об обеспечении гласности при осуществлении правосудия, права на судебную защиту, а также о культуре судебной деятельности // Судовы веснік. – 2024. – № 2. – С. 8–17.
6. Бачила, В.В. О понятии «технология оперативно-розыскной деятельности» / В.В. Бачила // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2021. – № 1. – С. 44–53.

УДК 343.985.7

Н.Н. Беломытцев, С.С. Сенькевич

АЛГОРИТМ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Хищение имущества путем модификации компьютерной информации (ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь) является одним из наиболее распространенных и общественно опасных преступлений

в сфере информационных технологий. По данным Министерства внутренних дел (МВД) Республики Беларусь, по итогам 2025 г. при общем снижении абсолютного числа киберпреступлений на 6 % их удельный вес в структуре зарегистрированной преступности достиг 30 %, совокупный ущерб превысил 54 млн рублей, средняя сумма потерь одной жертвы составила около 4 000 рублей [1]. Национальный банк Республики Беларусь зафиксировал трехкратный рост числа кибератак на финансовый сектор: за январь–октябрь 2025 г. – около 600 инцидентов против 177 за весь 2024 г. [2].

Действующая система правового регулирования взаимодействия органов уголовного преследования при расследовании данной категории преступлений носит разрозненный характер. Постановление Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, МВД и других ведомств от 26 декабря 2016 г. № 36/278/338/77/42/7/32/17/28/24, утвердившее Инструкцию о порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз (ГКСЭ), не содержит специального раздела о преступлениях против собственности, информационной безопасности. Правовой основой для оперативного получения сведений из информационных систем организаций служит Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности», обязывающий организации, в том числе банки и операторов связи, безвозмездно предоставлять правоохранительным органам данные из баз данных и информационных систем посредством удаленного доступа. Технологическую среду взаимодействия формирует постановление Правления Национального банка Республики Беларусь от 15 декабря 2023 г. № 454 «О предоставлении информации об инцидентах и нарушениях безопасности в сфере защиты информации» (далее – Постановление № 454), которое регламентирует порядок функционирования автоматизированной системы обработки инцидентов (АСОИ), в том числе сбор, накопление и передачу сведений об инцидентах, в том числе данные, составляющие банковскую тайну. Существенным шагом в данном направлении стало одобрение протоколом межведомственной рабочей группы от 27 февраля 2024 г. алгоритма взаимодействия территориальных подразделений Следственного комитета и органов внутренних дел по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 29 августа 2023 г. № 269 «О мерах по противодействию несанкционированным платежным операциям» (далее – Алгоритм СК). Также указанный алгоритм регламентирует использование АСОИ, автоматизированной информационной системы «ГУПК» (далее – АИС «ГУПК»), единой автоматизированной систе-

мы Следственного комитета Республики Беларусь (далее – ЕАИС СК) и порядок установления дроп-инфраструктуры [3, с. 168–172]. Вместе с тем Алгоритм СК, охватывая широкий круг реагирования по фактам хищения по ст. 212 УК во всех формах, а также смежные деяния, связанные с обманом, злоупотреблением доверием и вымогательством, не содержит специализированных криминалистических стандартов фиксации цифровых следов, технических мер нейтрализации преступной инфраструктуры и механизмов международного взаимодействия применительно к трансграничным хищениям.

На основе анализа правоприменительной практики и Алгоритма СК предлагается следующий алгоритм оперативного реагирования, развивающий его положения применительно ко всем способам совершения хищений по ст. 212 УК Республики Беларусь.

Этап 1. Прием заявления, сообщения и инициирование АСОИ. Дежурный органа внутренних дел при поступлении заявления (сообщения) о хищении незамедлительно уведомляет сотрудника Главного управления по противодействию киберпреступности МВД Республики Беларусь (далее – ГУ ПК МВД) для инициирования работы с АИС «ГУПК». Сотрудник ГУ ПК МВД не позднее одного часа вносит сведения в АИС «ГУПК» и иницирует получение информации из АСОИ. При наличии признаков длящейся финансовой операции уведомление производится в течение 10 минут. Справка о результатах запроса АСОИ приобщается к материалам проверки незамедлительно после получения. Составляемый документ должен содержать: наименование органа внутренних дел; дату составления; сведения о заявлении (сообщении) о преступлении (регистрации в ЕК); сведения из АСОИ; должность, специальное звание, фамилию и инициалы составившего лица. Документ удостоверяется подписью составившего его должностного лица.

Этап 2. Параллельное уведомление субъектов взаимодействия. При наличии данных АСОИ, подтверждающих факт несанкционированного перевода, производится уведомление: ГУ ПК МВД – для организации оперативно-розыскного сопровождения по возбужденному уголовному делу; дежурного следователя Следственного комитета – для решения вопроса о возбуждении уголовного дела; Национального центра кибербезопасности – исключительно при признаках воздействия на объекты критической информационной инфраструктуры. Именно параллельный, а не последовательный характер первоначальных действий определяет эффективность расследования [4, с. 204]. При выявлении неполноты сведений в АИС «ГУПК» следователь незамедлительно составляет информационное письмо, передаваемое сотруднику ГУ ПК МВД под

роспись с указанием даты, времени и сведений о лице, его получившем; при невозможности личной передачи – нарочным либо факсимильной связью.

Этап 3. Возбуждение уголовного дела и первоначальные следственные действия. Следователь принимает решение о возбуждении уголовного дела незамедлительно при наличии данных АСОИ; квитанций о платежных операциях; выписок по счетам; протоколов осмотров кабинетов пользователей дистанционного банковского обслуживания о платежных операциях; протоколов осмотра устройств со сведениями об SMS-сообщениях о транзакциях; пояснений заявителя.

Производится осмотр электронных устройств потерпевшего в порядке, предусмотренном ст. 204¹ Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь, с фиксацией IMEI, IMSI, ICCID, MAC-адресов, хеш-значений файлов и временных отметок файлов; устройство после осмотра передается на ответственное хранение владельцу, изъятие допускается только при наличии процессуальных оснований. При обнаружении работающего устройства следователь (либо оперативный сотрудник при производстве совместных действий) незамедлительно переводит его в режим «в самолете».

Допрос потерпевшего проводится по схеме: хронология событий – каналы коммуникации – переданные данные – ущерб – сведения о лице (лицах), которому были переданы данные доступа к счету; при фишинговых хищениях обязательно устанавливается фишинговая ссылка (URL), платформа ее распространения (мессенджер, электронная почта, социальная сеть), дата и время перехода. Производится ее техническая атрибуция (регистратор домена, IP-хостинга, дата регистрации), сведения незамедлительно направляются информационным письмом в Национальный центр кибербезопасности для возможной блокировки.

Запросы в банки, как и постановления о наложении ареста на денежные средства на расчетных счетах и электронных кошельках, санкционируются и направляются в банки через ЕАИС СК. Следователь направляет поручение в ГУ ПК МВД об установлении владельцев счетов и электронных кошельков, на которые выводились денежные средства, а также установление лиц, которым был передан доступ к счетам, в том числе дроповодов и субдроповодов; конкретные оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) определяются оперативным подразделением самостоятельно.

Этап 4. Установление преступной инфраструктуры и дроп-сети. ГУ ПК МВД проводит мероприятия по установлению причастных лиц: атрибуции IP-адресов и идентификаторов устройств, мониторинг платежных реквизитов; снятие информации с технических каналов связи

и т. д. Установленные сведения вносятся следователем в АБД «След» для выявления серийных связей между уголовными делами. Не позднее 11 часов следующего рабочего дня с момента сообщения ГУ ПК МВД передает информацию АСОИ следователю и сведения о местах нахождения владельцев счетов. В ответе на поручение следователя ГУ ПК МВД также излагает мнение об ОВД, которому целесообразно поручить проведение обысков и дальнейших ОРМ. Положения настоящего этапа распространяются также на случаи получения дополнительной информации АСОИ.

Этап 5. Технические меры блокировки и нейтрализации преступной группы. Требования о блокировке аккаунтов и ресурсов направляются напрямую администраторам платформ либо через Национальный центр кибербезопасности применительно к фишинговым доменам. В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 сентября 2025 г. № 476 «О порядке применения мер ограничительного характера» ограничение доступа к интернет-ресурсам осуществляется через Государственную инспекцию по электросвязи Министерства связи и информатизации, а меры в отношении услуг электросвязи, через Национальный центр обмена трафиком [5]. При признаках трансграничного хищения направляются поручения об исполнении следственных действий на территории иностранного государства через Национальное центральное бюро Интерпола МВД Республики Беларусь в соответствии с механизмами Конвенции Организации объединенных наций против киберпреступности.

Этап 6. Дальнейшее планирование расследования и координация. Следователь формирует план расследования на основе полученных данных, в том числе из АСОИ, АИС «ГУПК», аналитических справок ГУ ПК МВД и направляет в ГУ ПК МВД поручение о проведении ОРМ с указанием задач расследования. По делам об организованных группах и трансграничных хищениях не позднее 48 часов с момента возбуждения уголовного дела проводится координационное совещание руководителей следственной группы и оперативных подразделений; по делам единичных хищений координация осуществляется в оперативном режиме посредством поручений и информационных писем. По результатам проведенных мероприятий следователь принимает решение в порядке ст. 174 УПК либо ч. 6 ст. 165 УПК в отношении каждого из лиц, на счета которых выводились денежные средства потерпевшего, а также лиц, которым был передан доступ к банковским счетам. Руководитель подразделения ГУ ПК МВД обеспечивает организацию исполнения поручений следователя и контроль за передачей информации АСОИ в следственное

подразделение не позднее 11 часов следующего рабочего дня; руководитель следственного подразделения обеспечивает своевременность процессуальных действий.

Поручение органу дознания по каждому владельцу счета (электронного кошелька), на которые осуществлялся вывод похищенных средств, включает: обыск по месту жительства и (или) пребывания установленных лиц при наличии оснований; допрос в качестве свидетеля с выяснением сведений об открытых на его имя банковских счетах, характере их использования и фактах передачи доступа третьим лицам; осмотр компьютерной информации на устройствах установленных лиц; принятие мер по установлению иных лиц, которым был предоставлен доступ к банковским счетам, в том числе дроповодов и субдроповодов.

Таким образом, действующая нормативная база не обеспечивает системного регулирования криминалистических и технических аспектов первоначального этапа расследования хищений по ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Алгоритм СК 2024 г., охватывая широкий круг смежных составов, не содержит специализированных стандартов фиксации цифровых следов, технических мер нейтрализации преступной инфраструктуры и механизмов международной координации.

Предложенный алгоритм развивает Алгоритм СК посредством введения криминалистических стандартов фиксации цифровых следов; порядка технической атрибуции фишинговой ссылки и незамедлительного уведомления Национального центра кибербезопасности для ее блокировки; формализации механизма координационных совещаний (не позднее 48 часов с момента возбуждения уголовного дела) по делам об организованных группах и трансграничных хищениях при сохранении оперативного режима взаимодействия по единичным делам; закрепления за руководителями следственного подразделения и ГУ ПК МВД конкретных обязанностей по обеспечению своевременности процессуальных и оперативных действий.

Список использованных источников

1. МВД: количество киберпреступлений в Беларуси снизилось почти на 6 % в 2025 году [сайт] // БЕЛТА. – URL: <https://belta.by> (дата обращения: 02.03.2026).
2. Нацбанк Республики Беларусь: почти 600 кибератак на финансовые организации за январь–октябрь 2025 года [сайт] // KPRU – Беларусь. – URL: <https://www.belarus.kpr.ru> (дата обращения: 02.03.2026).
3. Алгоритм взаимодействия территориальных подразделений Следственного комитета и органов внутренних дел по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 29 августа 2023 г. № 269 «О мерах по противодействию несанкционированным платежным операциям»: одобр. протоколом заседания

межведомств. рабочей группы, созд. распоряжением Генер. прокурора Респ. Беларусь от 8 ноябр. 2022 г. № 6 // Расследование хищений, совершенных путем фишинга организованной преступной группой : учеб. пособие. – Мн. : Ин-т повыш. квалиф. и переподготовки кадров Следств. комитета Респ. Беларусь, 2024. – С. 168–172.

4. Пашута, Н.Н. Ситуационный подход при проведении проверки по заявлениям и сообщениям о преступлениях / Н.Н. Пашута // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2023. – № 1. – С. 202–209.

5. О порядке применения мер ограничительного характера : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 2 сент. 2025 г. № 476 [сайт] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by> (дата обращения: 01.03.2026).

УДК 343.98

Ю.В. Варавко

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОПТИМИЗАЦИИ ГРУППОВОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Эффективность расследования сложных и многоэпизодных преступлений во многом зависит от уровня организации работы следственной группы. Коллективная форма расследования, обеспечивая распределение усилий между участниками, одновременно порождает ряд проблем информационного характера: от риска утраты данных при их обмене до сложностей формирования целостной картины у участников следственной группы. В криминалистике неоднократно поднимался вопрос о необходимости аналитической поддержки группового метода расследования, но роль и конкретный инструментарий информационно-аналитической деятельности следователя (ИАД) в данном процессе до сих пор остаются недостаточно исследованными.

Потребность в осуществлении ИАД при расследовании преступлений групповым методом отмечалась в научных исследованиях, посвященных организации работы следственной группы. В частности, предлагалось поручать выполнение аналитической функции представителям штаба [1, с. 96], аналитической группы [2, л. 48], информационного центра [3, с. 921–922]. В данном случае, с нашей позиции, не принципиально, какая структурная единица будет осуществлять аналитическую обработку информации. Более значимым здесь выступает наличие у сотрудников, реализующих такую функцию, достаточного уровня аналитических компетенций, в том числе знаний методов ИАД следователя.

При изучении позиции по рассматриваемому вопросу следователей Следственного комитета в ходе проведенного анкетирования¹ установлено, что ИАД отдельные респонденты относят к функциям руководителя следственной группы. Полагаем, что такой подход неприменим в ситуации расследования действительно сложных и многоэпизодных преступлений. Приоритетным здесь является разграничение функции управления и аналитической обработки информации, поскольку основная задача руководителя следственной группы – стратегическое руководство, а не глубокая аналитика. При этом анализ больших массивов данных требует значительных затрат времени и иных ресурсов, что сложно совмещать с управленческой деятельностью. Распределение ролей в группе выступает также определенной гарантией объективности и достоверности полученных результатов, позволяя в том числе минимизировать когнитивные искажения (например, связанные с концентрацией на изначальной кажущейся наиболее достоверной версии).

Следственная группа является формой организации расследования сложных и трудоемких, в том числе многоэпизодных уголовных дел. Представляя преимущества в части оптимизации расследования преступлений, групповой способ расследования уголовных дел порождает ряд проблемных аспектов, в первую очередь связанных с передачей, обработкой и восприятием данных.

К таким аспектам можно отнести необходимость:

обработки в краткие сроки больших массивов данных;

обеспечения осведомленности членов следственной группы о складывающейся следственной ситуации и результатах деятельности иных членов группы;

нивелирования рисков утраты, изменения либо неверной интерпретации данных при их передаче внутри группы, а также при поступлении от органов дознания и иных субъектов, вовлеченных в процесс раскрытия и расследования преступлений;

принятия обоснованных процессуальных и тактических решений в условиях опосредованного восприятия информации. В данном случае, например, руководитель следственной группы при принятии решений не всегда имеет возможность основываться на лично воспринятой информации;

оперативного изменения плана расследования уголовного дела в зависимости от складывающейся следственной ситуации, соответственно,

¹ Приводятся результаты анкетирования 858 следователей Следственного комитета Республики Беларусь, проведенного в рамках подготовки диссертации по теме «Информационно-аналитическая деятельность следователя при расследовании преступлений».

и корректировки действий членов следственной группы, а также реагирования в максимально короткие сроки на изменение следственной ситуации.

Одним из способов решения указанных выше проблемных вопросов является использование в работе следственной группы ИАД следователя.

В ходе осуществления ИАД следователя при групповом расследовании преступлений решаются следующие задачи:

- осуществляется систематизация и иные формы обработки данных и анализа информации;

- обеспечивается обмен информацией между участниками следственной группы;

- оказывается содействие в принятии тактических и процессуальных решений руководителем и иными членами следственной группы;

- обеспечивается взаимодействие в форме обмена информацией с органами дознания, судебными экспертами, лицами, осуществляющими проверку финансово-хозяйственной деятельности;

- получаются дополнительные данные и выводные знания при использовании источников ИАД следователя, а также методов сбора данных, предварительной обработки и анализа информации.

Потребность в использовании методов ИАД следователя при групповом расследовании уголовных дел подтверждается и результатами проведенного анкетирования сотрудников Следственного комитета Республики Беларусь. Так, на обязательность включения в состав следственных групп, создаваемых в связи с необходимостью выполнения большого объема следственных и иных процессуальных действий, лица либо нескольких лиц, осуществляющих анализ собранных материалов, указали 80 % респондентов.

Конкретизировать возможность использования ИАД следователя в работе следственной группы можно путем предложения методов такой деятельности. Так, И.А. Цоколов на основе собственного следственного опыта рекомендует в качестве инструмента информационно-аналитического обеспечения работы в следственной группе использовать лицевые карточки, накопительные ведомости, а также схемы преступной деятельности, движения денежных средств, ценных бумаг, материальных ценностей, связей обвиняемого [4, л. 140]. Таким образом, ученым предлагается применять методы систематизации и визуализации данных, используемых в рамках ИАД следователя, в том числе в сфере криминального анализа.

По нашему мнению, составляющими ИАД следователя, которые могут быть реализованы в ходе группового расследования сложных и трудо-

емких уголовных дел, прежде всего может выступать аналитический цикл как способ оптимизации процесса работы с данными и информацией, а также преобразование их в выводные знания. Кроме того, группа методов, касающихся визуализации и систематизации материалов, облегчит аналитическую обработку информации, а также доведение полученных сведений до членов следственной группы и восприятие ими такой информации. Применение аналитиком методов моделирования, сценариев, оценки рисков будет способствовать повышению эффективности принятия процессуальных и тактических решений руководителем и иными членами следственной группы. Следует также отметить, что, исходя из сущности данной формы организации расследования преступлений, естественным образом формируется возможность применения групповых методов экспертной оценки и прогнозирования (например, методов Дельфи и мозгового штурма).

Список использованных источников

1. Коловоротный, А.А. Особенности создания и организации работы следственных групп при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ / А.А. Коловоротный, А.П. Резван // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 3. – С. 95–100.
2. Бастрыгин, А.С. Криминалистическое обеспечение расследования многоэпизодных дел следственно-оперативной группой : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Бастрыгин Артем Сергеевич ; Рост. юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – Краснодар, 2018. – 271 л.
3. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова, В.П. Лавров, А.Ф. Волынский ; под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ ; Закон и право, 2008. – 943 с.
4. Цоколов, И.А. Процессуальные и криминалистические особенности расследования преступлений следственной и следственно-оперативной группой : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Цоколов Игорь Афанасьевич ; Всерос. науч.-исслед. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – М., 2001. – 175 л.

УДК 343.3

Е.Л. Власова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЫЯВЛЕНИЯ (РАСКРЫТИЯ) И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ

Согласно ст. 41 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. При этом сфера здравоохранения остается под постоянным контролем государственных

органов в условиях устойчивого роста количества правонарушений в данной области [1, с. 76].

Преступления в сфере охраны здоровья представляют особую общественную опасность, поскольку посягают на фундаментальное право человека – право на жизнь и здоровье. Их выявление и расследование сопряжено с рядом специфических сложностей: необходимостью медицинских экспертиз, многообразием составов преступлений, размытостью границ между административными правонарушениями и уголовно наказуемыми деяниями. Например, ст. 14.4 Кодекса об административных правонарушениях (КоАП) РФ может включать требования безопасности, что создает неопределенность при разграничении с ч. 1 ст. 238 Уголовного кодекса (УК) РФ [2, с. 9].

Размытость границ между административными правонарушениями и уголовно наказуемыми деяниями в сфере охраны здоровья часто возникает из-за сложности определения степени вины, тяжести последствий и соответствия действий медицинским стандартам. Это затрудняет квалификацию деяний и требует тщательного анализа каждого случая [3, с. 244]. Например, если медицинская организация или врач действуют с грубым нарушением условий лицензии, это может повлечь административную ответственность. Однако, если такие нарушения привели к причинению тяжкого вреда здоровью или смерти пациента, деяние может быть квалифицировано как уголовное преступление, например, по ч. 2 ст. 109 или п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ.

В качестве примера можно привести ситуацию о несоблюдении санитарных правил и гигиенических нормативов, что может повлечь административную ответственность по ст. 6.3 КоАП РФ. При этом, если нарушения привели к массовому заражению или смерти человека, это уже может быть расценено как уголовное преступление по ст. 236 УК РФ. При этом разграничение часто зависит от тяжести последствий, что не всегда однозначно устанавливается на практике [4].

Производство, реализация или ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных, контрафактных или недоброкачественных медицинских изделий может повлечь административную ответственность по ст. 6.33 КоАП РФ, если эти действия не образуют состава уголовного преступления. Однако если такие действия привели к причинению тяжкого вреда здоровью или смерти пациента, они могут быть квалифицированы по ст. 238.1 УК РФ [5]. Если неправильные действия врача вызваны объективными причинами, это не считается преступлением и не влечет уголовной ответственности. Если ошибки связаны с халатностью, недобросовестным исполнением обязанностей

или недостаточной квалификацией врача, это может быть расценено как уголовное деяние. Разграничение в таких случаях требует детального анализа причин действий медицинского работника и их соответствия профессиональным стандартам по причинам отсутствия четких критериев в законодательстве. Так, понятия «недостаточная квалификация», «ненадлежащее исполнение обязанностей» не имеют однозначного юридического определения, что оставляет простор для толкования [3, с. 245]. Непредоставление информации о возможности получения медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий также может повлечь административную ответственность по ст. 6.30 КоАП РФ. Однако, если это привело к серьезным последствиям для здоровья, возможно привлечение к уголовной ответственности.

Для точного разграничения часто требуется проведение медицинских экспертиз, анализ документации, привлечение специалистов. Ошибки в квалификации могут привести к необоснованному привлечению к уголовной ответственности или, наоборот, к смягчению ответственности при наличии серьезных последствий. Многие составы преступлений и административных правонарушений ссылаются на стандарты и правила, закрепленные в других нормативных актах, то есть имеют бланкетный характер норм, что требует глубокого знания отраслевого законодательства и может приводить к разночтениям. Не всегда легко доказать, что неблагоприятные последствия непосредственно вызваны действиями или бездействием медицинского работника, а не другими факторами. Пример тому дело от 2 сентября 2019 г. № 48-КГ19-9 [6].

Субъективный характер вины по составам данных категорий преступлений также создает ряд проблем. Необходимо различать добросовестное заблуждение врача и халатность или недобросовестность [3, с. 245]. Выявление преступлений в сфере здравоохранения осуществляется множеством субъектов, каждый из которых реализует данную функцию в рамках собственной компетенции и в соответствии с установленными нормативными требованиями. В первую очередь, к субъектам выявления относятся медицинские организации, которые осуществляют внутренний контроль посредством деятельности комиссий по разбору случаев неблагоприятных исходов лечения. В их задачи входит анализ жалоб пациентов, мониторинг соблюдения стандартов оказания медицинской помощи, а также выявление потенциальных нарушений на ранних стадиях.

Важную роль играет Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения, осуществляющая выявление правонарушений в ходе плановых и внеплановых проверок медицинских учреждений. В компетен-

цию Росздравнадзора также входит рассмотрение обращений граждан и анализ отчетности медицинских учреждений, что позволяет оперативно фиксировать отклонения от установленных норм. Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека выполняет функции выявления в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения, а также при контроле обращения медицинских изделий и лекарственных средств, отслеживая соблюдение соответствующих нормативов и пресекая нарушения. Страховые медицинские организации в рамках системы обязательного медицинского страхования участвуют в выявлении правонарушений посредством экспертизы качества медицинской помощи. Их деятельность направлена на обнаружение фактов необоснованного оказания медицинских услуг, что способствует предотвращению финансовых злоупотреблений и нарушений прав пациентов. Правоохранительные органы, включая органы внутренних дел и Следственный комитет Российской Федерации, выявляют преступления на основании заявлений граждан, материалов проверок надзорных органов, а также сообщений, опубликованных в средствах массовой информации. Их деятельность носит преимущественно реагирующий характер, но, при этом, обеспечивает правовую оценку наиболее серьезных нарушений. Наконец, граждане выступают в качестве первичных инициаторов выявления правонарушений путем подачи жалоб в медицинские учреждения, обращения в надзорные органы либо подачи заявлений в правоохранительные структуры, тем самым обеспечивая обратную связь и общественный контроль в сфере здравоохранения.

Расследование данной категории дел осуществляется в зависимости от подследственности: Следственный комитет РФ расследует преступления по делам о причинении смерти и тяжкого вреда здоровью по неосторожности, неоказании помощи больному, халатности. Органы внутренних дел – по ст. 235, 238 УК РФ. Федеральная служба безопасности в случаях, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Надзор за расследованием осуществляют прокуроры, в том числе, специализированные. Как и по большинству уголовных дел при расследовании дел в сфере охраны здоровья применяется типовая последовательность действий. Для повышения эффективности выявления и расследования преступлений в сфере охраны здоровья необходимо решить ряд ключевых проблем, связанных с квалификацией деяний, доказательственной базой, взаимодействием субъектов и совершенствованием законодательства. Следует разработать четкие юридические определения понятий «недостаточная квалификация», «ненадлежащее исполнение обязанностей» и других, которые сейчас носят оценочный характер. Это позволит

снизить субъективность при квалификации деяний и обеспечить единообразие правоприменительной практики. Также целесообразно уточнить статус медицинских стандартов и клинических рекомендаций, их обязательность и условия отступления от них [7, с. 174].

Осуществить переход на полностью электронные медицинские карты с защитой от несанкционированных правок и исправлений. Это поможет минимизировать риски фальсификации документации. Дополнительно можно внедрить видеодокументирование сложных процедур, что повысит объективность расследования. Необходимо совершенствовать обучение следователей, дознавателей и экспертов в сфере медицины. Это может включать совместные программы с медицинскими учреждениями, привлечение клинических специалистов к обучению и практическим занятиям. Также полезно использовать современные технологии, например, искусственный интеллект для анализа данных и поддержки принятия решений [8, с. 102]. Важно усилить координацию между медицинскими организациями, надзорными органами, страховыми компаниями и правоохранительными органами. Регулярные совместные совещания, рабочие группы и обмен информацией помогут оперативно выявлять нарушения и предотвращать преступления.

Таким образом комплексный подход, включающий законодательные изменения, цифровизацию, повышение квалификации специалистов и укрепление межведомственного взаимодействия, позволит повысить качество выявления и расследования преступлений в сфере здравоохранения, снизить количество ошибок и обеспечить защиту прав пациентов. При этом важно сохранять баланс между необходимостью борьбы с нарушениями и недопустимостью чрезмерного преследования медицинских работников за профессиональные ошибки.

Список источников

1. Валеева, Л.С. Динамика, состояние и тенденции развития преступлений в сфере медицинской деятельности / Л.С. Валеева // Вестник магистратуры. – 2025. – № 1–1. – С. 76–79.
2. Гецманова, И.В. К вопросу о разграничении уголовно-правовой и иных видов юридической ответственности за оказание медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности / И.В. Гецманова // Проблемы экспертизы в медицине. – 2016. – № 1–2. – С. 9–11.
3. Засыпкина, Е.В. К вопросу о врачебных ошибках: методология и критерии определения / Е.В. Засыпкина, В.А. Катрунов, М.Н. Кузнецова // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. – 2016. – Т. 6. – № 1. – С. 243–247.
4. Разъяснения законодательства за административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие насе-

ния // Администрация Суземского района [сайт]. – URL: <https://adminsuzemka.ru> (дата обращения: 29.01.2026).

5. Новеллы ответственности [сайт]. – URL: <https://www.pgplaw.ru> (дата обращения: 29.01.2026).

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.09.2019 № 48-КГ19-9 [сайт]. – URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 29.01.2026).

7. Лагуткина, В.А. Проблемы квалификации преступлений, связанных с деятельностью медицинских работников / В.А. Лагуткина // Вестник экономики и права. – 2021. – № 60. – С. 172–183.

8. Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 15 февр. 2018 г.) / под общ. ред. А.М. Багмета. – М. : Моск. акад. Следств. ком. Рос. Федерации, 2018. – 288 с.

УДК 349

В.В. Волосюк

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КРИМИНАЛЬНОМУ АВТОБИЗНЕСУ

Анализ состояния криминального автобизнеса в Республике Беларусь в нынешний период свидетельствует о наличии в стране значительного количества транспортных средств криминального происхождения и высокой латентностью указанного противоправного явления. Результаты практической деятельности органов внутренних дел (ОВД) свидетельствуют о наличии проблемных моментов в части установления лиц, причастных к совершению противоправных деяний, предусматривающих ответственность по ст. 236, 380, 381 Уголовного кодекса (УК) Республики Беларусь, составляющей криминального автобизнеса. А территория Республики Беларусь представляется площадкой по реализации и использованию похищенных транспортных средств из стран Содружества Независимых государств.

Для наиболее эффективной организации противодействия вышеуказанным преступным проявлениям для ОВД Республики Беларусь в нынешних условиях необходимо направить усилия именно на выявление транспортных средств криминального происхождения, тем самым обеспечивая защиту граждан от негативных явлений сферы криминального автобизнеса, связанных с приобретением транспортных средств, находящихся в розыске, под видом легальных.

Своевременное обнаружение транспортных средств, находящихся в розыске, при пересечении государственной границы также, следует полагать, будет являться действенным механизмом в противодействии криминальному автобизнесу. Это позволит провести необходимые мероприятия по изобличению причастных к противоправной деятельности, обеспечить возврат транспортного средства. В связи с тем, что на границе с Россией контроль перемещения транспортных средств государственными правоохранительными органами не осуществляется, рационально было бы организовать проведение данных мероприятий на участках границ в направлении стран Запада: Польши, Латвии, Литвы, Украины. При том, что подразделения правоохранительных органов указанных стран соответствующие мероприятия проводят.

Справочно: Следственным управлением УСК по г. Минску 11 сентября 2025 г. возбуждено уголовное дело в отношении руководителей ООО «Авалон авто», осуществлявших реализацию транспортных средств. Фирма занималась оказанием услуг по реализации автомобилей, для обращающихся клиентов гарантировала продажу транспортных средств по желаемой цене.

Однако в ходе расследования мошеннических действий установлено, что фигуранты преступной схемы продавали транспортные средства за границу по заниженной цене и без согласия собственников. На октябрь 2025 г. установлено, что жертвами мошенничества стали 500 человек, ущерб составил не менее 2 млн белорусских рублей. По вышеуказанному делу более 300 автомобилей объявлено в розыск, 184 из которых обнаружены. Местонахождение иных транспортных средств, находящихся в розыске, не установлено. Однако следует полагать, что транспортные средства в таком количестве будут перемещаться, использоваться для различных целей, в том числе дальнейшей реализации за границу [1].

В связи с чем своевременное обнаружение транспортных средств, находящихся в розыске, имеет принципиально важное значение как для обеспечения возврата похищенного имущества и полноты расследования уголовного дела, так и защиты имущественных интересов граждан нашей страны (потерпевшими признаны граждане Республики Беларусь). Практическая деятельность правоохранительных органов в части международного сотрудничества в противодействии криминальному автобизнесу свидетельствует о том, что обнаружение транспортного средства, находящегося в розыске, на территории Республики Беларусь может гарантировать обеспечение его сохранности и возврата потерпевшей стороне, что не гарантировано в случае обнаружения транспортного средства на территории иного государства.

В связи с этим указанную проблему предлагается разрешить посредством нормативного закрепления полномочий сотрудников таможенных и пограничных органов осуществлять проверку транспортных средств по специальным учетам с использованием средств автоматизации. Предлагается осуществлять проверку транспортных средств по учетам разыскиваемых, в том числе Генерального секретариата Интерпола, а также проверку подлинности регистрационных документов, представляемых для их оформления. Для автоматизации данного процесса полагаем возможным использовать считыватели документов «Регула», имеющиеся в пунктах пропуска.

Указанные приборы предназначены для автоматического считывания и проверки подлинности документов, паспортов, ID-карт, водительских удостоверений и иных документов. Программное обеспечение позволяет обрабатывать полученные данные (о регистрационном знаке и идентификационном номере транспортного средства) путем распознавания текстовой информации, штрихкодов, чтения контактных и бесконтактных (RFID) идентификационных микросхем и предоставлять для проверки по базам данных.

На наш взгляд, такая проверка должна заключаться в сопоставлении сведений о регистрационных знаках и идентификационных номерах транспортных средств, пересекающих Государственную границу Республики Беларусь с Украиной, Польшей, Литвой и Латвией, с учетом разыскиваемых транспортных средств, в том числе Генерального секретариата Интерпола.

Предлагаемая нами проверка позволит создать в Республике Беларусь информационную базу данных о транспортных средствах, пересекающих государственную границу, в которую возможно включить сведения о марке, модели, регистрационном знаке и идентификационном номере транспортного средства.

Полагаем, что информационная база данных о транспортных средствах, пересекающих государственную границу, дополнительно позволит обеспечить получение в установленном порядке компетентными органами государств – участников СНГ сведений, необходимых в сфере противодействия преступным посягательствам на транспортные средства.

Таким образом, состояние практики взаимодействия в сфере противодействия хищениям автотранспортных средств и анализ развития криминогенной ситуации в стране и на пространстве СНГ позволяет предложить меры по повышению его эффективности в рамках профилактической, уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной и

управленческой деятельности компетентных государственных органов Республики Беларусь. Согласованная деятельность заинтересованных субъектов выступает необходимым условием качественного противодействия негативным последствиям криминальных проявлений, защищенности прав и свобод граждан, поддержания законности и правопорядка, стабильного социально-экономического развития Республики Беларусь как демократического социального правового государства.

Список использованных источников

1. Ловушка для автолюбителей: бизнес, который оказался аферой. – Мн., 2026. – URL: <https://sk.gov.by> (дата обращения: 10.01.2026).

УДК 343.148

В.Л. Гнилякевич

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Специальные знания активно используются в ходе производства по материалам и уголовному делу. Такая востребованность обусловлена научным прогрессом, усовершенствованием методик и инструментов анализа. При этом данные знания, будучи объективными и свободными от позиций участников уголовного процесса, должны приниматься во внимание независимо от того, предоставлены они специалистом или экспертом. В этой связи сохраняет свою значимость определение понятий «специалист» и «эксперт», выяснение их соотношения и возможности участия в формировании доказательств. Объективизация процесса доказывания будет способствовать расширению сферы использования специальных знаний в уголовном процессе.

В отличие от эксперта, предоставляющего заключение, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (УПК) не устанавливает процессуальной формы для фиксации выводов, к которым может прийти специалист, участвуя на досудебных судебных стадиях. Так, законодательно регламентирован порядок назначения и проведения экспертизы, основанием для которой служит постановление органа, ведущего уголовный процесс. Однако в УПК отсутствует правовое закрепление получения от специалиста какого-либо процессуального документа, содержащего необходимые для производства по материалам и уголовному делу специальные знания, не определены основания и форма такого документа.

В этой связи представляет интерес опыт зарубежного законодательства, в частности, Российской Федерации, где заключение специалиста как источник доказательств было введено в уголовный процесс достаточно давно Федеральным законом Российской Федерации от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». До этого на протяжении длительного времени единственным участником уголовного процесса, обладающим специальными знаниями и правом давать заключение, как и в Беларуси, был эксперт. Специалист мог только оказывать содействие при проведении следственных и иных процессуальных действий. Причем и того, и другого к участию в производстве указанных действий мог привлекать исключительно орган, ведущий уголовный процесс. В 2003 г. специалист стал субъектом, привлекаемым по инициативе как органа уголовного преследования и суда, так и лиц, вовлеченных в уголовный процесс, в том числе защитника. Внося данные изменения, как отмечается в специальной литературе, «законодатель пытался уравнивать стороны обвинения и защиты в возможности привлечения лиц, обладающих специальными знаниями, для доказывания или опровержения выдвигаемых ими положений» [1, с. 296]. В результате такого изменения законодательного подхода в теории и практике сложились различные подходы к заключению специалиста. Этому, по нашему мнению, способствовали как устоявшееся ранее восприятие специалиста в качестве «неполноценного эксперта» или технического помощника, так и недостаточная детализация правового регулирования данного нововведения.

По мнению Т.В. Аверьяновой и Ю.Г. Корухова, «самостоятельное привлечение защитником специалиста для дачи заключения нарушает принцип состязательности и равноправия уголовного судопроизводства, поскольку деятельность специалиста происходит за пределами состязательного процесса, в связи с тем, что следователь лишен права сформулировать дополнительные вопросы специалисту, ходатайствовать о его отводе» [2, с. 263]. С одной стороны, это может рассматриваться как нарушение принципов уголовного процесса, с другой – сведения, полученные стороной защиты, включая заключение специалиста, не могут автоматически обладать статусом доказательств, ведь таким образом создается двойной стандарт допустимости доказательств: детально урегулированный – для доказательств, собранных органом уголовного преследования и судом, и упрощенный – для собранных защитником.

В то же время существует позиция, согласно которой правомерное самостоятельное получение защитником заключения специалиста, напротив, как представляется, усиливает состязательное начало. Высказывается

также точка зрения о необходимости расширения допустимости доказательств, сформированных лицами, не наделенными государственно-властными полномочиями, прежде всего стороной защиты [3, с. 68]. Обоснована позиция и А.А. Тарасова, который указывает, что «реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве невозможна без обеспечения состязательности в использовании специальных знаний, и законодатель хоть и медленно, но предпринимает определенные шаги в данном направлении» [4, с. 7].

Одни ученые считают, что заключение специалиста может быть истребовано органом уголовного преследования и расширяет доказательственные возможности стороны обвинения. Другие исследователи, напротив, относятся к этому источнику доказательств скептически, полагая, что оно «не имеет доказательственного значения, поскольку специалисты только способствуют правильному пониманию сторонами и судом обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [5, с. 147].

Анализ научных позиций по рассматриваемой проблеме позволяет заключить, что большинство исследователей видят целесообразность в законодательном закреплении заключения специалиста как источника доказательств, что и было реализовано в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Разделяя данную позицию и учитывая положительный опыт применения и использования его в российском уголовном процессе, полагаем возможным внести соответствующие изменения в УПК, дополнив его статьей, признающей новый источник доказательств, – «заключение специалиста». В отечественном уголовно-процессуальном законе необходимо регламентировать порядок и условия назначения и процессуального оформления специалистом его исследований, при этом данный источник доказательств и содержащиеся в нем фактические данные (доказательства) должны соответствовать требованиям, предъявляемым к ним на общих основаниях.

Список использованных источников

1. Лазарева, В.А. Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие / В.А. Лазарева. – М. : Юрайт, 2010. – 344 с.
2. Аверьянова, Т.В. Заключение специалиста как новый вид доказательств в уголовном судопроизводстве / Т.В. Аверьянова, Ю.Г. Корухов // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 4. – С. 260–265.
3. Кронов, Е.В. Заключение специалиста в деятельности защитника / Е.В. Кронов // Адвокат. – 2009. – № 11. – С. 64–73.
4. Тарасов, А.А. Судебная экспертиза по уголовным делам : учеб.-метод. пособие / А.А. Тарасов. – Самара : Самар. ун-т, 2006. – 258 с.

5. Уголовный процесс : учебник / В.К. Бобров, В.П. Божьев, С.В. Бородин, А.Д. Кобликов [и др.] ; под общ. ред. В.П. Божьева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. образование, 2008. – 524 с.

УДК 343

К.А. Ерофеев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО БОРЬБЕ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Деятельность подразделений по борьбе с экономическими преступлениями криминальной милиции Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее, если не указано иное, – БЭП, служба) по обнаружению информации, указывающей на признаки преступлений или иных нарушений, является динамичным процессом, изменяющимся в зависимости от существующих реалий. Сегодня наибольший интерес представляет направление информационно-аналитической деятельности по выявлению признаков преступлений или иных нарушений с использованием информационных ресурсов (далее – компьютерная разведка). Руководство Министерства внутренних дел (МВД) Республики Беларусь уделяет данному направлению особое внимание (предоставление доступа к базам данных сторонних организаций, создание в структуре Главного управления по борьбе с экономическими преступниками МВД Республики Беларусь отдела компьютерной разведки, проведение семинаров (на базе МВД Республики Беларусь и базе иных организаций), касающихся использования информационных ресурсов и программных комплексов в служебной деятельности и другие мероприятия).

Несмотря на наличие в научной литературе общего понимания сущности информационно-аналитической работы, в настоящее время отсутствует четко выстроенная структура и определенный состав данного направления деятельности, в том числе в рамках компьютерной разведки, что обуславливает необходимость дальнейшего формирования и систематизации подходов к организации работы в данном направлении. Так, П.И. Иванов указывает, что основой такой деятельности является поиск, получение, систематизация, оценка и анализ совокупности полученных данных, прогнозирование дальнейших событий на основе имеющихся данных и принятие на основании этого соответствующих управленческих решений [1, с. 202]. С.С. Овчинский, в свою очередь, указывает, что оперативно-розыскная информация является следствием

аналитической обработки полученной информации. Другими словами, авторы сходятся на том, что основой информационно-аналитической деятельности является поиск, анализ, обработка, а также использование информации, хотя и расходятся в дальнейшем их применении [2, с. 77–78].

Формы и методы, используемые в рамках информационно-аналитической деятельности, могут быть применимы в различных сферах оперативно-служебной деятельности, но в первую очередь информационно-аналитическая деятельность направлена на получение, анализ, обработку, использование полученной информации (в том числе из электронных баз данных) с последующим самостоятельным восприятием и интерпретацией сведений из указанного источника, а также принятие соответствующих мер в зависимости от принятых решений и выводов. В контексте компьютерной разведки информационно-аналитическую деятельность следует обозначить как совокупность форм и методов по использованию информационных ресурсов и иных источников информации в целях выявления и раскрытия признаков преступлений и иных противоправных деяний без непосредственного взаимодействия с объектом изучения.

Основным преимуществом данного направления является отсутствие непосредственного контакта с представителями субъектов хозяйствования. Это позволяет получить наиболее полное представление о деятельности предприятия (том числе неправомерных действиях его должностных лиц) без риска нарушить «обычный» для предприятия и его должностных лиц порядок функционирования. Компьютерная разведка – значимый элемент деятельности по выявлению преступлений, позволяет определить конкретные ориентиры дальнейшей работы подразделений БЭП.

Одним из основных источников получения информации в рамках компьютерной разведки являются базы данных, информационные системы и банки данных (далее, если не указано иное, – базы данных). Являясь инструментами системы мониторинга различных сфер деятельности граждан и организаций, они позволяют анализировать соответствующие процессы без непосредственного взаимодействия с объектом изучения. В настоящее время сотрудники подразделений БЭП обладают доступом к широкому кругу баз данных ведомственного и вневедомственного происхождения.

Ведомственные информационные ресурсы представляют собой реляционные базы данных с возможностью перехода между массивами по разным направлениям информации. Переход между массивами

происходит по ключевым критериям (обычно номерному (личный номер, УНП)), что позволяет соотносить сведения из разных категорий и формировать целостное представление об изучаемом объекте. Одно из главных преимуществ ведомственных информационных ресурсов по сравнению с другими – их табличная структура и возможность выгрузки данных массивами, а также осуществление поиска данных по массиву критерия. Кроме описанного выше ведомственные информационные ресурсы предоставляют возможность выявления лжепредпринимательских структур, родственных связей между получателем – государственной организацией и поставщиком, склонность к азартным играм (и, как следствие, мотива совершать противоправные деяния), выявления «наиболее активных» трейдеров и организаций, реализующих товары (производящих работы, оказывающих услуги) исключительно в рамках государственных программ и другие сведения. Указанные выше признаки не являются исчерпывающими как со стороны проведения аналитической работы, так и не исчерпывают современные возможности ведомственных информационных ресурсов [3, с. 12].

Кроме ведомственных ресурсов, важную роль в компьютерной разведке играют возможности вневедомственных ресурсов, баз данных и учетов.

Наиболее доступными в настоящее время являются электронные площадки закупок: <https://icertade.by>, <https://goszakupki.by>, <https://zakupki.butb.by>, а также электронная площадка биржевых торгов. Для использования указанных платформ необходимо только подключение к сети Интернет без входа в учетную запись пользователя, что позволяет производить мониторинг в любом месте с отслеживанием интересующих процедур. Сведения, содержащиеся на указанных платформах, позволяют определить количество проведенных процедур (в том числе, неконкурентных), объемы закупок каждой организации, наиболее крупных контрагентов в рамках отрасли обслуживания, сопоставить цены на реализацию определенного вида продукта (в том числе, для определения среднерыночной цены на указанный вид товара в рамках работы по выявлению фактов умышленного приобретения товаров по явно завышенным ценам) и другие сведения, необходимость в которых может возникнуть [4, с. 60–61].

Важное значение также имеет использование АИС «Учет счетов-фактур» (ЭСЧФ) и AITS. AITS обладает специфичным инструментарием. Данные учеты содержат сведения о сельскохозяйственных животных (по категориям) с возможностью отслеживания действий, совершенных в отношении их (убой, перевод на другой участок и т. д.),

а также лиц, совершающих указанные действия, что позволяет, например, определить незаконную сдачу в производство молодняка крупного рогатого скота (с неистекшими сроками выветривания медицинских средств) или идентифицировать попытку сокрытия падежа (например, наличие одинаковых бирок у разных особей крупного рогатого скота). Не менее эффективным способом выявления преступлений является анализ данных, доступных в ЭЧСФ. Данный процесс включает в себя изучение хозяйственных операций с целью выявления наиболее крупных и (или) частых взаимодействий, сопоставление цен приобретения и дальнейшей перепродажи (в том числе, в случае выявления лжепредпринимательских структур (или структур с признаками лжепредпринимательской организации), а также выявление бестоварных операций и другие факты [5, с. 98].

В распоряжении сотрудников подразделений БЭП также есть и прочие возможности (базы данных, учеты, системы, ресурсы).

Отметим, что ценной компетенцией сотрудника подразделения БЭП является умение правильно, быстро и эффективно обработать указанные выше данные. В настоящее время активно ведется работа по автоматизации рассматриваемых процессов. Основа такой работы – работа с типичными и нетипичными массивами данных с визуализацией результатов в различных формах.

Пример программного комплекса по работе с типичными массивами данных – IBM i2 Analyst's Notebook – программный комплекс, предоставляющий возможность построения визуальных карт-схем для лучшего восприятия изучаемых фактов и позволяющий анализировать массивы данных, просматривать связи между изучаемыми объектами, устанавливать зависимости между различными событиями. Использование обозначенного комплекса позволяет упростить восприятие цифровых данных и массивов, повысить восприятие информации об изучаемом факте.

Подчеркнем, что несмотря на наличие уже готовых программных решений, сотрудник подразделений БЭП должен обладать и компетенциями обработки необработанных или нетипичных данных с использованием Microsoft Excel (в том числе с использованием сводных таблиц) или обработки типичных данных с использованием надстройки Power Query и Power Pivot на основе Microsoft Excel или Microsoft PowerBI.

Таким образом, использование информационно-аналитических инструментов в деятельности подразделений БЭП является важным направлением деятельности современных подразделений. В настоящее время сотрудники имеют доступ к исчерпывающему количеству источников получения информации и поэтому развитие компетенций по ее

получению и дальнейшей обработке основное направление дальнейшего развития службы.

Список использованных источников

1. Иванов, П.И. Противодействие экономической и коррупционной преступности (информационно-аналитическое его обеспечение) / П.И. Иванов // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 9. – С. 200–207.

2. Жидков, А.А. Об определении понятия и правовой основы информационно-аналитической работы в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел и использование ее результатов в борьбе с организованной преступностью / А.А. Жидков, А.С. Яровиков // Журнал правовых и экономических исследований. – 2020. – № 4. – С. 76–81.

3. Белянин, П.С. Использование информационно-аналитических ресурсов органами внутренних дел в целях выявления коррупционных правонарушений в сфере государственных закупок / П.С. Белянин // Обеспечение экономической безопасности Республики Беларусь: теория и практика : тез. докл. респ. науч.-практ. конф. (Минск, 19 дек. 2019 г.) / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: А.А. Вишневский (отв. ред.) [и др.]. – Мн., 2019. – С. 11–13.

4. Белянин, П.С. О необходимости создания информационно-аналитического ресурса движения денежных средств по счетам для сопровождения деятельности подразделений по борьбе с экономическими и коррупционными преступлениями / П.С. Белянин // Актуальные вопросы обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь : тез. докл. респ. науч.-практ. конф. (Минск, 30 окт. 2018 г.) / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: А.А. Вишневский (отв. ред.) [и др.]. – Мн., 2018. – С. 60–62.

5. Мартынов, А.О. Некоторые аспекты выявления преступлений в сфере государственных закупок / А.О. Мартынов, К.А. Ерофеев // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : тез. докл. респ. науч.-практ. заоч. конф. (с междунар. участием) (Минск, 2 июня 2025 г.) / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: А.Н. Тукало (отв. ред.) [и др.]. – Мн., 2025. – С. 96–99.

УДК 343.1

А.В. Загоровский

ПРОБЛЕМЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Экстремизм представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности любого государства. Экстремистские убеждения и действия могут привести к опасным дестабилизирующим последствиям для общества, поскольку напрямую связаны со стремлением разрушить,

опорочить существующие общественные и государственные институты, права, традиции, ценности. Несмотря на невысокую долю преступлений экстремистской направленности в общем количестве совершаемых преступлений в республике, каждое из них способно вызвать повышенный общественный резонанс, дестабилизировать внутривнутриполитическую и социальную обстановку в стране, создать угрозу ее территориальной целостности и конституционному строю.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, определено, что внутренними источниками угроз национальной безопасности являются формирование, проникновение либо распространение идеологии нацизма, неонацизма, экстремизма, сепаратизма; расовой, национальной, религиозной либо иной социальной нетерпимости; возникновение либо незаконная деятельность организаций, группировок, отдельных лиц, придерживающихся указанных взглядов и распространяющих их; вовлечение граждан в экстремистскую деятельность, а также неуважительное отношение к государственным символам, использование экстремистской символики и атрибутики.

Правовые и организационные основы противодействия экстремизму в целях защиты прав, свобод и законных интересов личности, конституционного строя и территориальной целостности Республики Беларусь, обеспечения законности, правопорядка, безопасности общества и государства определены Законом Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму».

Для эффективного противодействия опасным проявлениям экстремизма в Республике Беларусь действует комплекс правовых, организационных, социально-экономических и предупредительных мер, функционирует механизм взаимодействия между соответствующими государственными органами.

В целях совершенствования координации деятельности государственных органов и иных государственных организаций по противодействию экстремизму и борьбе с терроризмом с учетом практического опыта по противодействию экстремистским проявлениям Указом Президента Республики Беларусь от 22 ноября 2021 г. № 450 утверждено Положение о Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму и борьбе с терроризмом при Совете Безопасности Республики Беларусь. Одной из основных задач указанной комиссии является организация своевременного выявления и устранения причин и условий, способствующих экстремизму и терроризму.

За последние годы активизировалась деятельность экстремистских формирований, направленных на смену политического курса страны, дестабилизацию общественно-политической ситуации. В этой связи совершенствование национального законодательства, направленного на противодействие преступлениям экстремистской направленности, является социально обусловленной мерой, ответной реакцией государства на происходящие негативные процессы.

В условиях состязательности судебного процесса профессиональная подготовка государственного обвинителя, его активность в представлении и исследовании доказательств по уголовному делу являются важнейшим фактором обеспечения неотвратимости ответственности виновного лица и назначения ему справедливого наказания за совершенное преступление.

Анализ судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 361², 361⁴ Уголовного кодекса Республики Беларусь свидетельствует, что в 74,5 % случаях позиция государственного обвинителя и суда по квалификации, о виде и размере наказания совпали.

В этой связи особую роль играет подготовка государственного обвинителя к поддержанию государственного обвинения с учетом специфики конкретной категории уголовных дел.

Правильное применение уголовного закона при динамично развивающемся законодательстве, использование результатов предварительного следствия в процессе поддержания государственного обвинения возможно только при умелом использовании тактики и методики поддержания государственного обвинения.

Тактика поддержания государственного обвинения в суде есть система представления в суде доказательств и их исследования, прогнозируемая реакция на возможные изменения судебных ситуаций для обоснования предъявленного обвинения и опровержения доводов защиты.

Находясь в конце цепочки уголовного преследования, государственный обвинитель свою позицию определяет с учетом результатов доказательственной деятельности предшественников. Позиция государственного обвинителя в суде формируется с учетом средств и методов, примененных другими участниками процесса. Системный анализ данных процессов необходим государственному обвинителю для того, чтобы в ходе судебного следствия принимать решения, учитывающие все проблемы, стоявшие перед стороной обвинения в досудебных стадиях, влияющие на ее результаты.

С учетом специфики дел экстремистской направленности, активно противодействуя как при расследовании уголовных дел, так и при

поддержании государственного обвинения, формирующейся судебной практики необходимо исследовать приемы и методы взаимодействия координации субъектов уголовного преследования при работе по данной категории уголовных дел и выработки методических рекомендаций с закреплением универсальных и специфических тактических приемов при поддержании государственного обвинения.

УДК 343.98

Ю.А. Коваленко

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАБОТЫ С ЦИФРОВЫМИ СЛЕДАМИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В условиях цифровизации общественных отношений расследование преступлений все в большей степени связано с выявлением, фиксацией, изъятием и оценкой информации, существующей в электронной форме. Использование мобильных устройств, персональных компьютеров, облачных сервисов, мессенджеров, платежных платформ, навигационных систем и иных цифровых средств сопровождается образованием цифровых следов, способных выступать источником криминалистически значимой информации. Вследствие этого цифровая информация занимает самостоятельное место в системе объектов криминалистического познания, а эффективность расследования во многом определяется правильностью обращения с ней [1, р. 67–72; 2, с. 71–82].

Под цифровыми следами понимают сведения о действиях лица, функционировании устройства либо изменениях в информационной системе, закрепленные в электронной форме и потенциально пригодные для использования в процессе доказывания. Их специфика обусловлена двойственной природой: с одной стороны, такие следы имеют информационное содержание, с другой – неразрывно связаны с материальным носителем, программной средой либо сетевой инфраструктурой. Именно поэтому цифровые следы характеризуются высокой изменчивостью, возможностью быстрого копирования, дистанционного уничтожения, автоматической модификации и зависимостью от конкретной программно-аппаратной конфигурации, что требует специальных криминалистических подходов к их обнаружению и исследованию.

Одной из наиболее сложных проблем первоначального этапа расследования выступает фиксация цифровых следов. Само по себе обнаружение электронного устройства еще не предполагает надлежащее закрепление содержащейся в нем доказательственной информации.

Процессуально значимым является не только факт изъятия носителя, но и точное отражение его индивидуальных признаков, состояния интерфейса, имеющихся сетевых подключений, активных приложений, периферийных устройств, съемных носителей и иных обстоятельств, способных повлиять на последующую интерпретацию данных. В этой связи фиксация должна носить комплексный характер и включать протокольное описание, фото- и видеосъемку, а при необходимости – участие специалиста, обладающего специальными знаниями в сфере цифровой криминалистики.

Особую трудность представляет фиксация так называемой летучей цифровой информации, существующей в течение ограниченного периода времени либо изменяющейся в результате обычного функционирования устройства. К числу таких сведений могут быть отнесены активные сетевые соединения, сведения о текущих сеансах связи, содержимое оперативной памяти, открытые окна приложений, временные файлы, уведомления, а также данные геолокации. Их утрата возможна вследствие поспешного выключения устройства, выхода его из сети либо несогласованных действий участников следственного действия. Поэтому при работе с цифровой средой принципиальное значение приобретает фиксация первоначального состояния устройства до совершения активных манипуляций с ним [3, с. 38–44; 4].

Не менее значимой является проблема изъятия цифровых следов и их носителей. Она заключается в необходимости одновременного решения двух взаимосвязанных задач: обеспечения сохранности материального носителя и предотвращения изменения либо уничтожения цифрового содержимого. Практика показывает, что к числу типичных ошибок относятся самостоятельный просмотр файлов без участия специалиста, подключение устройства к иным техническим средствам без соблюдения мер безопасности, попытки разблокировки, а также включение или выключение техники без предварительной оценки возможных последствий. Подобные действия способны вызвать изменение метаданных, автоматическую синхронизацию, удаленное уничтожение информации или блокировку доступа, что ставит под сомнение полноту и достоверность извлеченных сведений.

Криминалистически обоснованное изъятие электронных носителей должно базироваться на нескольких исходных положениях. Во-первых, приоритет должен отдаваться сохранению исходного состояния цифрового объекта. Во-вторых, необходимо исключить несанкционированное взаимодействие устройства с внешней сетью и иными техническими средствами. В-третьих, при работе с цифровой информацией нужно

использовать специальные знания, поскольку ошибки, допущенные на первоначальном этапе, нередко оказываются невосполнимыми. В-четвертых, обязательным элементом должна выступать фиксация цепочки обращения с объектом, позволяющая проследить, кем, когда, в каком состоянии и при каких обстоятельствах он был обнаружен, изъят, упакован, передан и исследован.

Важна также оценка электронных доказательств. Их наглядность нередко создает ложное впечатление бесспорности, однако цифровая форма представления информации сама по себе еще не свидетельствует о ее доказательственном качестве. Для признания таких сведений значимыми по уголовному делу необходимо установить их относимость, допустимость, достоверность и достаточность в совокупности с иными доказательствами. Так, электронная переписка подлежит оценке не только по содержанию сообщений, но и по принадлежности учетной записи, времени создания и отправки сообщений, условиям получения данных, наличию признаков вмешательства, а также соответствия другим материалам уголовного дела. Аналогичный подход применим к фото-, аудио- и видеоматериалам, которые должны проверяться с точки зрения источника происхождения, целостности, отсутствия признаков модификации и связи с расследуемым преступлением.

Существенным условием правильной оценки электронных доказательств выступает их сопоставление с другими источниками информации. Цифровой след не должен восприниматься изолированно, поскольку его доказательственное значение возрастает в тех случаях, когда данные устройства, сведения оператора связи, результаты экспертного исследования, банковская информация, материалы следственных действий и показания участников процесса взаимно подтверждают друг друга. Именно междоказательственная согласованность позволяет минимизировать риск ошибочной интерпретации отдельных цифровых фрагментов и обеспечивает полноценную проверку следственных версий.

Отдельного внимания заслуживает роль специалиста в расследовании преступлений, сопровождающихся образованием цифровых следов. Современный уровень технической сложности электронных устройств, разнообразие программных сред и постоянное совершенствование способов сокрытия информации объективно ограничивают возможность универсальной подготовки следователя. В этих условиях участие специалиста следует рассматривать не как факультативный, а как функционально необходимый элемент криминалистического обеспечения расследования. Его помощь требуется при обнаружении цифровых следов, выборе безопасного алгоритма обращения с ними, определении способов фиксации, подготовке материалов для экспертного исследования и

разъяснении технических аспектов, имеющих доказательственное значение [1, Р. 67–72; 2, с. 71–82; 5].

Выделяется ряд направлений совершенствования криминалистического обеспечения расследования преступлений, связанных с цифровыми следами. К ним относятся: разработка унифицированных алгоритмов действий при осмотре, обыске и выемке электронных носителей; повышение уровня цифровой компетентности сотрудников правоохранительных органов; расширение методического обеспечения по отдельным категориям преступлений; совершенствование взаимодействия следователя, специалиста и эксперта; более детальная регламентация правил обращения с электронными доказательствами. Реализация указанных мер позволит повысить качество фиксации цифровой информации, минимизировать риск ее утраты и сформировать более надежную доказательственную базу по уголовным делам [6, 7].

Таким образом, цифровые следы в современных условиях выступают самостоятельным и сложным объектом криминалистического познания. Их эффективное использование в расследовании преступлений возможно только при условии сочетания процессуальной корректности, технической грамотности и научно обоснованных криминалистических рекомендаций. В этой связи дальнейшее развитие методов фиксации, изъятия и оценки электронных следов следует рассматривать как одно из приоритетных направлений современной криминалистики.

Список использованных источников

1. Кутузов, А.В. Цифровые следы и доказательства: необходимость теоретического и нормативного определения в условиях цифровизации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Vol. 23, no. 3. – Р. 67–72. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 04.02.2026).
2. Хомяков, Э.Г. О сущности цифровых следов в криминалистике и их фиксации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2025. – № 1. – С. 71–82. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 04.02.2026).
3. Владимиров, Д.М. Обнаружение и изъятие цифровых следов преступлений экстремистской направленности / Д.М. Владимиров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – Т. 31, № 3. – С. 38–44. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 04.02.2026).
4. Вехов, В.Б. Цифровая криминалистика : учеб. для вузов // В.Б. Вехов, С.В. Зуев. – М. : Юрайт, 2021. – 417 с. – URL: <https://urait.ru> (дата обращения: 06.02.2026).
5. Яблоков, Н.П. Криминалистика : учеб. и практикум для бакалавриата и специалитета. – М. : Юрайт, 2019. – 3-е изд., – 239 с. – URL: <https://urait.ru> (дата обращения: 06.02.2026).

6. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография С.Р. Российская. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2018. – 576 с. – URL: <https://norma-verlag.com> (дата обращения: 07.02.2026).

7. Аверьянова, Т.В. Судебная экспертиза: курс общей теории : монография / Т.В. Аверьянова. – М. : Норма, 2015. – 480 с. – URL: <https://norma-verlag.com> (дата обращения: 07.02.2026).

УДК 343.98

П.А. Кононов

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ АВТОТРАНСПОРТА

Незамедлительность неотложных следственных действий, возбуждения уголовного дела – залог быстрого и результативного расследования. Более наглядно это проявляется на примере расследования преступлений, связанных с нарушением правил безопасности движения автотранспорта.

Исследованием отдельных аспектов проверки сообщений о преступлениях занимались ученые в рамках различных уголовно-правовых наук. Однако пока не сформировано единое мнение о понятии, сущности предварительной (доследственной) проверки, ее месте и значении в криминалистике, хотя наиболее предметные исследования были проведены именно в рамках наук уголовного процесса и криминалистики: в уголовном процессе – И.В. Овсянников, Н.Е. Павлов, А.В. Победин, Л.А. Сергеев, О.В. Химичева, Д.В. Шаров, В.Н. Яшин и др.; в криминалистике – А.Н. Ильин, В.В. Степанов, Н.Г. Шурухов, С.П. Щерба и др.

Так, В.Н. Михайлов даже аргументировал позицию о том, «...что в качестве составной части структуры криминалистической методики расследования преступлений должна включаться криминалистическая методика обязательной доследственной проверки сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела...» [1, с. 154].

Деятельность по предварительной проверке сообщений о преступлениях осуществляется органами предварительного расследования и регулируется в первую очередь Уголовно-процессуальным кодексом (УПК) Республики Беларусь (ст. 166–174), а также ведомственными и межведомственными нормативными правовыми актами.

В ходе исследования материалов проверок и уголовных дел установлено, что поводом для рассмотрения заявления и сообщения о преступлении и начала проведения проверки по ст. 317 и 321 Уголовного кодекса (УК) Республики Беларусь являлись: сообщения должностных лиц государственных органов, иных организаций – 95% (сообщения из учреждений здравоохранения (службы «103»)); непосредственное обнаружение органом уголовного преследования сведений, указывающих на признаки состава преступления, – 3 % (рапорт сотрудника ГАИ); заявления граждан – 2 %.

При проверочных действиях необходимо собрать совокупность данных, которые послужат основанием для возбуждения уголовного дела при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу (ст. 29 и п. 1 ст. 167 УПК Республики Беларусь), особенно сопряженных с невиновностью лица и указывающих на то, что происшествие не стало следствием нарушения участником дорожного движения правил безопасности движения автотранспорта, а произошло по независящим от него факторам. При этом совокупность таких данных определяется диспозицией соответствующих ст. 317, 321 УК Республики Беларусь и ст. 167 УПК Республики Беларусь и предполагает установление: специального субъекта преступления – лица, являющегося участником дорожного движения и определенного Правилами дорожного движения (велосипедист, водитель, возчик, всадник, лицо, управляющее средством персональной мобильности, пассажир, пешеход, погонщик скота); неосторожной формой его вины, причинения менее тяжкого, тяжкого телесного повреждения, смерти, находящихся в прямой причинной связи с происшествием и наступившими негативными последствиями.

Результаты исследования показывают, что решение вопроса о наличии достаточных данных для принятия решения о возбуждении уголовного дела выступает одним из наиболее проблемных аспектов производства предварительной проверки по рассматриваемому виду преступлений. По данному вопросу в теории и на практике сформировались две противоположных точки зрения: первая заключается в аргументации необходимости и целесообразности возбуждения уголовного дела по фактам преступлений, связанных с нарушением правил безопасности движения автотранспорта, незамедлительно по результатам производства осмотра места происшествия; вторая категорически отрицает такую возможность.

В соответствии с п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 1 октября 2008 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (ст. 317, 317¹, 318, 321 УК Республики Беларусь)» суду в случаях, когда требованиям правил дорожного движения не соответствовали действия нескольких участников дорожно-транспортного происшествия, необходимо выяснять момент и причины возникновения у водителя препятствия или опасности для движения, наличие или отсутствие технической возможности избежать столкновения с препятствием или наезда на него путем снижения скорости вплоть до остановки транспортного средства».

Возникают проблемы определения момента опасности даже по очевидным происшествиям. В ситуации, где один участник движется на запрещающий красный сигнал светофорного объекта и фактически момент возникновения опасности определяется моментом его обнаружения (видимости) (п. 48 или 49 Правил дорожного движения (ПДД) Республики Беларусь); в отношении второго участника ставится под сомнение правильность выбранной им скорости движения на разрешающий зеленый сигнал светофора и проявление внимательности и осмотрительности в дорожной обстановке (п. 7.2, 87.2 ПДД Республики Беларусь).

Таким образом, с момента сообщения о происшествии до возбуждения уголовного дела проходит несколько месяцев, пока не будут получены заключения всех назначенных экспертиз, что затягивает начало расследования.

По этой причине с момента поступления сообщения о преступлении до возбуждения уголовного дела проходит в среднем от трех до шести месяцев. Так, в результате изучения архивных уголовных дел установлено, что дело было возбуждено в срок с момента происшествия до месяца – 14,2 %; от одного до трех месяцев – 17,2 %; более трех месяцев с момента происшествия – 68,6 %.

Актуальный аспект проблемы своевременного возбуждения уголовного дела, негативно влияющий на скорость и результативность производства расследования преступлений, связанных с нарушением правил безопасности движения автотранспорта, – отсутствие у органов уголовного преследования на этапе предварительной проверки до возбуждения уголовного дела правовых оснований для принятия гражданского иска, мер пресечения, мер обеспечения, что в определенном смысле ущемляет права потерпевшего в такой ситуации. В этом контексте А.Г. Кольчу-

рин обращает внимание на целесообразность незамедлительного возбуждения уголовного дела в случае, когда участниками происшествия выступают иностранные граждане [2, с. 71–73]. С точки зрения законодательной техники прав Р.В. Скачек, обращая внимание на недопустимость двойственного подхода в зависимости от характеристик субъекта преступления. В то же время только после возбуждения уголовного дела становится возможным применение к подозреваемому или обвиняемому иностранному гражданину мер пресечения, исключающих в себе возможность скрыться от органа уголовного преследования и суда (ч. 1 и ч. 2 ст. 117 УК Республики Беларусь). Так, на территории Республики Беларусь за период 2018–2021 гг. с участием иностранных граждан зарегистрированы сотни преступлений, связанных с нарушением правил безопасности движения автотранспорта.

По окончании проведения проверки по заявлению и сообщению о преступлении, связанному с нарушением правил безопасности движения автотранспорта, в соответствии со ст. 174 УПК Республики Беларусь может быть принято одно из следующих решений: о возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 167 УПК Республики Беларусь); об отказе в возбуждении уголовного дела (ст. 29 УПК Республики Беларусь).

Не вдаваясь в дискуссии о рациональности существования такой стадии уголовного процесса, как возбуждение уголовного дела, поскольку ее отсутствие нивелировало бы проблему и сделало возможным производство всего комплекса процессуальных действий с момента поступления информации о преступлении, отметим, что этот вопрос требует отдельного исследования. Все вышеизложенное, а также целесообразность экономии времени и исключения фактов затягивания расследования, минимизации фактов противодействия расследованию, качественной организации расследования и обеспечения прав потерпевшего, со всей убедительностью свидетельствует о необходимости изменения правового подхода к организации предварительной проверки, оценке ее результатов и принятии решения о возбуждении уголовного дела. Выходом из данной ситуации является возбуждение уголовного дела по преступлениям, связанным с нарушением правил безопасности движения автотранспорта; при наличии поводов и оснований – незамедлительно по итогам осмотра места происшествия при наличии факта стационарного лечения или уточненного диагноза пострадавшего.

Список использованных источников

1. Михайлов В.А. Основы криминалистической методики выявления, раскрытия, расследования, предупреждения преступлений. // Публичное и частное право. – 2016. – № 4. – С. 153–159.

2. Кольчурин А.Г. Особенности расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в сельской местности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кольчурин Андрей Геннадьевич. – Краснодар, 2004. – 223 с.

УДК 343.985

Д.В. Костюкевич

ХОЛИЗМ И ВЗАИМОДОПОЛНЯЕМОСТЬ КАК КОНЦЕПЦИИ ПОЗНАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

При рассмотрении вопросов взаимодействия следователя с оперативными подразделениями их нужно анализировать в контексте сочетания следственной и оперативно-розыскной функции для осуществления предварительного следствия. Реализация следственной функции и в то же время поисково-познавательной деятельности следователя ограничены пределами действия уголовно-процессуального законодательства. Однако поиск и познание следовой картины преступления продолжается посредством реализации оперативно-розыскной функции, заключающейся в поисково-познавательной деятельности специальных субъектов (оперативные подразделения) по сбору и закреплению следовой картины преступления средствами и методами оперативно-розыскной деятельности (ОРД). При этом реализацией следственной функции может заниматься не только следователь, но и иные уполномоченные субъекты, например, оперативные подразделения в рамках делегированных им полномочий по поручению следователя или в ходе доследственной проверки.

Таким образом, рассматривая сочетание следственной и оперативно-розыскной функции можно отметить, что общей областью их соприкосновения является совместная поисково-познавательная деятельность, т. е. характерная и сущностная составляющая деятельности всех субъектов взаимодействия, обеспечивающих процесс расследования. Именно поисково-познавательная устойчивость составляет содержание деятельности по взаимодействию [1].

Ключевая задача следователя изначально направлена на поиск, выявление и фиксацию доказательственной информации, составляющей основу сведений о фактах согласно ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь, для последующего принятия процессуально значимых решений по расследуемому уголовному делу.

Целеполагающей задачей ОРД является выявление и сбор не только уголовно-релевантной информации, но и иных сведений о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности или представляющей иной интерес.

Следователь и оперативные подразделения в силу своих функций являются частью «познающей системы», которая в той или иной степени осуществляет выдвижение гипотезы, поиск и установление фактов. Однако такая деятельность должна осуществляться совместно всеми познающими субъектами, а именно коллективно осуществлять поиск и верификацию максимального объема следовой информации, которая будет объяснять и обосновывать выдвинутый в процессе расследования тезис и гипотезу (версию). Выдвигаемая гипотеза должна коррелировать с общей целью, определяя алгоритм деятельности каждого из взаимодействующих субъектов. Вышеизложенное предполагает безусловную необходимость установления и обеспечения единого целеполагания для всех участников доказывания, иными словами, наличия общей для всех цели, направленной на достижение искомого процессуального результата [2, с. 68–77].

В философском понимании цель представляет собой конечный результат деятельности человека (или коллектива людей), предварительное идеальное представление о котором и желание его достигнуть предопределяет выбор соответствующих средств и системы специфических действий по его достижению [3, с. 646]. Термин «задача» в философском понимании имеет несколько толкований: как цель, поставленная перед решателем; как ситуация, которая включает в себя и цель и условия, в которых она должна быть достигнута [4, с. 236]. Поэтому цель является одним из составных компонентов задачи. Любая постановка задачи должна содержать в себе цель как результат осуществления определенных действий.

Как можно отметить, ни в УПК Республики Беларусь, ни в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативной-розыскной деятельности» не содержится определений целей деятельности, которые регулируются данными нормативными правовыми актами, а само содержание целей формулируется через постановку задач, которые должны быть реализованы при осуществлении уголовного судопроизводства и ОРД.

Однако все аспекты не могут быть в полной мере реализованы без достижения целей доказывания [5, с. 80]. Без доказывания невозможно полно и объективно выявить и раскрыть преступление и организовать расследование преступного факта, а также осуществить действия по предупреждению и профилактике преступного поведения в будущем.

Поэтому в ходе доказывания осуществляется установление всей криминалистической структуры преступления и установления связей между выявленными элементами «системы преступления». Познание всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, осуществляется через собиранье доказательств, что и является деятельностью по доказыванию.

С одной стороны, процесс доказывания осуществляется специально уполномоченными субъектами и конкретно описан в УПК Республики Беларусь. С другой стороны, процессуальной актуализацией следовой картины преступления занимается ряд субъектов. Каждый субъект, участвующий в процессе доказывания, выполняет свою специфическую роль в его осуществлении, что в результате влечет определенные конфликты целеполаганий в деятельности субъектов и органов, так как их функционирование регулируется различными нормативными правовыми актами. В таком контексте достижение общих целей, обусловленных единым целеполаганием деятельности в сфере борьбы с преступностью объективно может быть подменено решением частных задач – достижением позитивных ведомственных показателей, характеризующих успешность работы того либо иного органа [6, с. 234]. В данном случае обращение к общей теории права позволяет разработать теоретические основы и практические мероприятия по согласованию компетенций данных органов в рамках их взаимодействия [7, с. 47–52].

Наиболее подходящими концепциями познания в данном ключе следует считать холизм и взаимодополняемость в деятельности субъектов взаимодействия при расследовании преступлений, соответствующие постнеклассической парадигме научного познания, которая достаточно активно используется в современном правоведении при изучении разноплановых и разноуровневых проблем. Такой подход предполагает использование метода определения приоритета целого (единого целеполагания деятельности субъектов взаимодействия) по отношению к его частям (целям деятельности уполномоченных субъектов). При этом целое и его части в соответствии с таким методологическим подходом соотносятся между собой исходя из качественного (сущностного) приоритета целого. Качество целого (как результат совокупной деятельности) всегда превосходит сумму его частей (результатов их деятельности) [8; 9, с. 30–33].

Холизм как метод познания проявляется в том, что при расследовании уголовного дела конкретное преступление интегрирует деятельность всех участников (следователь, оперативный сотрудник, эксперт, специалист, прокурор, суд и т. д.). Взаимодополняемость, наоборот, представляет собой деятельность различных субъектов в рамках рас-

следования, при котором данные субъекты имеют ведомственное целеполагание, хоть и объединены требованиями итога или результата совместной деятельности, – обеспечение законности, обоснованности и мотивированности приговора суда. Таким образом, следственную и оперативно-розыскную функции можно рассматривать в холистическом и взаимодополняемом ключе. С одной стороны, они подчинены единой логике расследования уголовного дела. С другой стороны, их роль и направленность на формирование картины доказывания несколько различны и сопряжены с ведомственным законодательством [10, с. 239–252].

Оперативно-розыскное познание (поисково-познавательная деятельность оперативного сотрудника) как холистический процесс также может быть верно сформулировано и оценено согласно принципу взаимодополняемости. С одной стороны, каждый субъект поисково-познавательной деятельности при осуществлении доказывания является самостоятельным и обладает собственными полномочиями и компетенцией. С другой стороны, ни один субъект такой деятельности не может в одиночку выполнить единую цель – осуществить процесс познания на стадии проведения предварительного расследования. Таким образом, самостоятельность не может быть реализована без взаимозависимости, а взаимозависимость требует координации в рамках единого целеполагания.

Можно утверждать, что поисково-познавательная деятельность органа дознания одновременно соответствует принципу взаимодополняемости и принципу холизма. Иными словами орган дознания должен в своей деятельности руководствоваться стратегическими целями и задачами осуществления доказывания, определенными УПК, решать узковедомственные и узкопроцессуальные задачи при реализации компетенций. Но при этом он должен быть процессуально самостоятельным и технологически независимым в выборе форм и методов познания (форм и методов ОРД) от следователя и своего ведомственного начальства. Наличие таких противоположных положений допустимо в рамках постнеклассической научной парадигмы, что позволяет преодолеть крайность и односторонность в познании, которые присутствуют у многих практических работников, с их перманентным стремлением отстаивать, в первую очередь, узковедомственные интересы.

Список использованных источников

1. Рубис, А.С. Основы теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью / А.С. Рубис. – Мн. : Харвест, 2006. – 416 с.

2. Рубис, А.С. О необходимости создания следственной функции в уголовном процессе как составной части познавательной функции в юриспруденции / А.С. Рубис. – 2023. – № 1. – С. 68–77. – URL: <https://pravo.by> (дата обращения: 12.03.2026).

3. Философский словарь / ред. И.Т. Фролов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Политиздат, 1991. – 560 с.

4. Энциклопедия эпистемиологии и философии науки. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.

5. Дулов, А.В. Основы формирования криминалистической теории доказывания / А.В. Дулов, А.С. Рубис. – Мн. : БГУ, 2004. – 263 с.

6. Рубис, А.С. Поисково-познавательная деятельность эксперта как неотъемлемый атрибут единого целеполагания в доказывании / А.С. Рубис, Р.М. Ропот // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 50-летию со дня образования каф. криминалистики юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 13 апр. 2023 г. – Мн. : Белорус. гос. ун-т, 2023. – С. 233–236.

7. Рубис, А.С. Выявление дефектов деятельности эксперта как один из методов проверки достоверности судебных экспертиз / А.С. Рубис // Законность и правопорядок. – 2015. – № 2. – С. 47–52.

8. Степин, В.С. Философия науки. Общие проблемы : учеб. для аспирантов и соискателей уч. степ. канд. наук / В.С. Степин. – М. : Гардарики, 2006. – 384 с.

9. Рубис, А.С. Инструментальное измерение теории судебных экспертиз: использование методологии общей теории права в выявлении, осмыслении и решении прикладных проблем / А.С. Рубис // Эксперт-криминалист. – 2024. – № 3. – С. 30–33.

10. Калинин, С. Инструментальное понимание права в контексте субъектно-го подхода: по проблеме взаимодействия методологических стратегий / С. Калинин // Философия и общая теория права. – 2014. – № 1–2. – С. 239–252.

УДК 343.98

Д.С. Кудрявцев

ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ЗАЯВЛЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Основаниями проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) являются любые фактические данные, так или иначе касающиеся конкретного преступления, с точки зрения его объективной стороны и роли лица в его подготовке, совершении или сокрытии. Это позволяет органу, наделенному правом осуществления оперативно-розыскной деятельности (ОРД), использовать необходимые силы, средства, методы, приемы и т. д. для их подтверждения. Нормативное регулирование

данного вопроса предоставляет возможность обеспечить законность при осуществлении ОРД и гарантировать допустимость использования полученной таким способом информации в уголовно-процессуальном отношении.

Во всех законах Республики Беларусь об ОРД вопросу оснований проведения ОРМ посвящены специальные нормы. Анализ показывает, что их перечень с течением времени менялся. Одни основания (наличие возбужденного уголовного дела) утратили актуальность, другие – появились в законодательстве: сведения о погибшем (умершем) гражданине, персональные данные которого необходимо установить; о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности страны; указание органа уголовного преследования по рассматриваемому заявлению (сообщению) о преступлении и др.

В соответствии с постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 8 января 2019 г. № 5 «О заявлениях и сообщениях о преступлениях, административных правонарушениях и информации о происшествиях» прием заявлений (сообщений) о преступлениях является обязанностью органов внутренних дел (ОВД). Факт регистрации поступившего от гражданина (юридического лица) заявления (сообщения) рассматривается как начало уголовного процесса, что, соответственно, позволяет для проверки указанной в нем информации проводить процессуальные действия и ОРМ.

Возможность осуществления в рамках уголовного процесса ОРД вытекает из положений уголовно-процессуального законодательства и обусловлена тактическими соображениями. Часто для установления наличия или отсутствия состава преступления одних только процессуальных средств недостаточно. Учитывая требование ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь в части полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств криминального события, орган уголовного преследования обязан принять все необходимые для этого меры, в том числе оперативно-розыскные. Особенностью ОВД в данной связи является то, что сотрудники оперативных подразделений, на разрешении которых, как правило, находятся заявления (сообщения) о преступлениях, могут выполнять уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные функции параллельно, поскольку одновременно являются лицами, производящими дознание, и субъектами, наделенными правом осуществлять ОРД.

Исключение из числа оснований для проведения ОРМ возбужденного уголовного дела, на наш взгляд, обусловлено перераспреде-

лением (в связи с образованием Следственного комитета Республики Беларусь) функций органов дознания, исключением из уголовно-процессуального закона дознавателя как участника уголовного процесса. Сегодня основными направлениями деятельности ОВД являются: реагирование на совершенные правонарушения, осуществление ОРД, в том числе реализация поисково-познавательных функций, производство следственных действий и ОРМ по письменным поручениям следователей, а также обеспечение оперативного сопровождения предварительного расследования. В этой связи включение в перечень оснований для проведения ОРМ указания начальника органа дознания (ОВД) по заявлениям (сообщениям) о преступлениях представляется обоснованным и необходимым в первую очередь с позиции реализации вышеупомянутого принципа двойственности, т. е. возможности проводить ОРМ в рамках материалов проверок (до 2015 г. это нормативно не закреплялось). Кроме того, сотрудники оперативных подразделений ОВД инициативно и по своему усмотрению вправе задействовать возможности ОРД для решения уголовно-процессуальных задач на первоначальном этапе.

В толковом словаре русского языка указание определяется как «наставление, разъяснение, указывающее, как действовать». В организационно-распорядительном плане последнее представляет собой передачу управленческого решения конкретному лицу. С нормативно-правовой позиции указание предполагает обязательное исполнение поручения лицом, которому оно адресовано. В этом случае последнее обладает признаками, характерными для приказа: дается руководителем подчиненному сотруднику, в нем выражается поведение начальника, руководитель несет ответственность за последствия его выполнения.

В законодательстве не разъясняется, в какой форме начальником ОВД может даваться указание о проведении ОРМ. Из абз. 4 ст. 16 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» можно сделать вывод, что оно предполагает письменное выражение (по аналогии с постановлением и поручением). В таком случае последнее может реализовываться в резолюции, наложенной:

на поступившем заявлении (сообщении) о преступлении, протоколе устного заявления о совершенном уголовно наказуемом деянии, явке с повинной и т. п. о необходимости проведения сотрудниками оперативных подразделений конкретных ОРМ;

документе, подготовленном сотрудником, у которого на разрешении

находятся материалы проверки по поступившему заявлению (сообщению, явке с повинной и т. д.) о целесообразности проверки изложенной в них информации оперативным путем.

В свою очередь, в резолюции целесообразно отражать: данные лица, которому поручается рассмотрение заявления (сообщения) о преступлении, проведение ОРМ; перечень ОРМ, которые необходимо провести в рамках доследственной проверки; срок для проведения ОРМ; дату резолюции; подпись, фамилию руководителя.

Указание о проведении ОРМ по заявлениям (сообщениям) о преступлениях может даваться руководителем на любом этапе их рассмотрения. С тактической точки зрения такое решение должно приниматься как можно раньше уже при первом изучении материалов (в течение дежурных суток), что дает возможность рационально использовать сроки для организации проведения необходимых мероприятий.

Несмотря на равнозначность указания начальника ОВД с другими основаниями, не все ОРМ могут быть проведены в рамках доследственных проверок. В их числе: «проверочная закупка», «оперативный эксперимент», «контролируемая поставка» и др. Это обусловлено особенностью стадии разрешения заявлений и сообщений о преступлениях и решаемых на ней задач (достаточно короткие процессуальные сроки, публичный характер действий и др.). В то же время часто осуществляемыми в таких случаях ОРМ являются: «контроль в сетях электросвязи», «слуховой контроль», «оперативный осмотр», «наблюдение» и др. Их результаты позволяют установить или исключить наличие состава преступления, а также лицо, его совершившее либо к нему причастное.

Таким образом, появление в законодательстве Республики Беларусь в качестве основания для проведения ОРМ указания руководителя органа уголовного преследования (начальника ОВД) обусловлено необходимостью использования при разрешении заявлений и сообщений о преступлениях оперативно-розыскных возможностей с целью проверки информации о преступлении. Наличие указания позволяет субъектам, наделенным правом осуществления ОРД, проводить ОРМ без привязки к уголовным делам или делам оперативного учета, производство по которым характеризуется трудоемкостью и времязатратностью с учетом подготовки и согласования соответствующих документов и управленческих решений.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Современное состояние преступности в Российской Федерации остается предметом пристального внимания со стороны государства и общества. По данным Министерства внутренних дел России, за 2025 г. отмечается снижение общего числа зарегистрированных преступлений на 7,3 %, но тем не менее сохраняется высокая доля тяжких и особо тяжких преступлений против личности и собственности. Более того, анализ статистики показывает, что значительная часть преступлений остается нераскрытой: раскрываемость краж чужого имущества в 2025 г. составила 41,2 %, а по категории «мошенничество» – около 35 % [1]. Эти цифры свидетельствуют о том, что существующие механизмы уголовного преследования не всегда достигают своей цели.

Одним из центральных инструментов противодействия преступности выступает уголовное преследование – деятельность уполномоченных субъектов по установлению факта совершения преступления и привлечению виновных к уголовной ответственности.

Эффективность уголовного преследования, измеряемая в первую очередь уровнем раскрываемости преступлений, является показателем работы правоохранительных органов и мощным сдерживающим (предупредительным) фактором. Высокая вероятность обнаружения, раскрытия и наказания за совершенное деяние формирует у потенциальных правонарушителей убеждение в неизбежности ответственности, что, согласно классической криминологической теории, снижает склонность к совершению преступлений [2, с. 78]. Таким образом, исследование процессуальных и криминологических оснований для повышения эффективности уголовного преследования приобретает особую актуальность.

Несмотря на обширную и содержательную научную базу, в специальной литературе можно выделить ряд недостатков. Большинство работ носят либо чисто теоретико-правовой характер, анализируя нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) в отрыве от практической криминологической реальности, либо, напротив, сосредоточены исключительно на социальных детерминантах, не предлагая конкретных процессуальных механизмов их нейтрализации

[3, с. 145; 4, с. 112]. Отсутствует комплексный, синергетический подход, который бы рассматривал уголовное преследование не как изолированную юридическую процедуру, а как элемент сложной системы «общество – преступность – правоохранительные органы». Именно этот пробел и стремится восполнить данное исследование, предлагая интеграцию процессуальных и криминологических знаний для выработки практических решений.

Криминологическая наука давно установила прямую связь между качеством работы правоохранительных органов и уровнем преступности. Согласно теории рационального выбора, потенциальный преступник взвешивает ожидаемые выгоды от совершения преступления и возможные издержки, включая риск быть пойманным и наказанным. Таким образом, именно два фактора – вероятность раскрытия преступления и строгость наказания – являются ключевыми детерминантами преступного поведения.

На практике строгость наказания имеет ограниченный предупредительный эффект. Более значимым оказывается первый фактор – вероятность раскрытия. Как отмечают исследователи, «быстрое и неотвратимое наказание, даже за мелкое правонарушение, действует на потенциального преступника гораздо сильнее, чем суровое, но маловероятное» [5, с. 89]. Это положение подтверждается эмпирическими данными: регионы с высоким уровнем раскрываемости преступлений, как правило, демонстрируют более низкие показатели их совершения [6, с. 115].

Таким образом, с криминологической точки зрения, повышение эффективности уголовного преследования выступает не просто как реактивная мера, а как проактивный инструмент предупреждения преступности. Оно создает устойчивую криминогенную среду, в которой преступное поведение становится экономически и социально невыгодным [7, с. 205].

Несмотря на очевидную важность данного направления, на практике деятельность по уголовному преследованию сталкивается с рядом серьезных процессуальных барьеров, заложенных в самой структуре УПК РФ.

Одной из ключевых проблем является несовершенство института производства следственных действий, в частности обыска и выемки. Расплывчатость формулировок оснований для их производства («достаточные данные полагать» для обыска и «точно известно» для выемки (УПК РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ)) порождает значительную правоприменительную неопределенность.

Это ведет к двум противоположным, но одинаково опасным последствиям. С одной стороны, следователь может избегать применения этих действий из-за страха, что суд сочтет представленные им доказательства недостаточными, что парализует расследование. С другой стороны, это открывает простор для злоупотреблений, когда под видом выемки проводится полноценный обыск, нарушающий права граждан.

Другой серьезной проблемой является недостаточная регламентация процессуального положения лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, у которых производятся следственные действия. Такие лица часто лишены права на получение квалифицированной юридической помощи в момент вмешательства в их частную сферу, что ставит их в заведомо неравное положение перед государством и повышает риски нарушения их конституционных прав.

Если процессуальные нормы задают рамки деятельности, то ее содержание и качество напрямую зависят от профессионализма сотрудников правоохранительных органов. Анализ судебной практики показывает, что значительная часть оправдательных приговоров и прекращенных дел обусловлена не отсутствием состава преступления, а ошибками, допущенными на предварительном следствии [8, с. 76].

К числу наиболее распространенных профессиональных ошибок можно отнести:

- недостаточное планирование расследования (следователь часто действует ситуативно, реагируя на новые обстоятельства, а не руководствуясь четкой тактической программой);
- формальный подход к сбору доказательств (акцент делается на количестве, а не на качестве и взаимосвязи доказательств);
- недостаточное знание смежных областей права (современные преступления все чаще носят межотраслевой характер (экономические, компьютерные), требуя от следователя глубоких знаний не только уголовного, но и гражданского, налогового, банковского права).

Выявленные проблемы обуславливают необходимость фундаментальной модернизации системы подготовки и повышения квалификации сотрудников следственных органов. Ключевым требованием к современным образовательным программам должна стать их глубокая практико-ориентированность, направленная на формирование у слушателей устойчивых навыков тактического мышления и принятия решений в нестандартных, динамично развивающихся следственных ситуациях.

Адекватное решение поставленных задач возможно только в рамках комплексной модели, объединяющей законодательные инициативы, организационные преобразования и кадровое развитие.

Следовательно, ключевым фактором устойчивого снижения преступности выступает повышение эффективности уголовного преследования. Данная цель недостижима путем простого ужесточения карательных мер или увеличения численности сотрудников, требует фундаментального, системного подхода, синтезирующего достижения уголовно-процессуальной доктрины и криминологической науки. Устранение процессуальных барьеров, повышение профессионального уровня сотрудников и оптимизация организационных структур позволят трансформировать уголовное преследование из формального механизма реагирования на преступления в мощный инструмент их предупреждения. Только в таком случае можно говорить о формировании действительно эффективной и справедливой системы уголовного правосудия, способной обеспечить баланс между интересами общества в безопасности и правами личности.

Список использованных источников

1. Министерство внутренних дел Российской Федерации. О состоянии преступности в Российской Федерации за 2025 год. – М., 2026.
2. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – М. : Мысль, 1995. – С. 78.
3. Петрухин, И.Л. Уголовный процесс : учебник / И.Л. Петрухин. – М. : Проспект, 2022. – С. 145.
4. Кудрявцев, В.Н. Причины преступности в России: анализ и рекомендации / В.Н. Кудрявцев. – М. : Норма, 2003. – С. 112.
5. Нагаева, Т.В. Предупреждение преступности: теория и практика / Т.В. Нагаева. – М. : Юристъ, 2001. – С. 89.
6. Жубрин, Р.В. Детерминанты преступности в Российской Федерации / Р.В. Жубрин // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 4. – С. 115.
7. Преступность и реформы в России / под ред. А.И. Долгова. – М. : Юристъ, 2000. – С. 205.
8. Гаухман, Л.Д. Проблемы эффективности уголовного преследования в России / Л.Д. Гаухман. – М. : Юрлитинформ, 2019. – С. 76.

УДК 343.352(476)

С.В. Курьянович

ПОДАРКИ ГОССЛУЖАЩИМ КАК ФАКТОР КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ

Коррупция может рассматриваться как злоупотребление властью, служебным положением или должностными полномочиями в личных целях, чаще всего ради получения выгоды (денег, привилегий, услуг

или других благ) [1, с. 113–116]. Она может проявляться в виде взяточничества, вымогательства, хищений, «откатов», протекционизма и других неправомерных действий. Слово «коррупция» происходит от лат. *corruptio*, что означает «порча», «разложение», «испорченность». Этот термин изначально использовался в Древнем Риме для обозначения морального разложения и падения нравов, в том числе среди государственных служащих и судей.

Проблема коррупции остается одной из ключевых угроз функционированию государственных органов и соблюдению принципов законности в Республике Беларусь. Одним из факторов, способствующих коррупции, является практика вручения подарков государственным служащим. Под подарками понимаются денежные средства, имущество, услуги, скидки, развлекательные мероприятия, поездки и питание, которые могут восприниматься как вознаграждение за выполнение служебных обязанностей.

Законодательство Республики Беларусь строго регламентирует вопросы получения подарков государственными служащими. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» запрещено принимать подарки от лиц, заинтересованных в решении служебных вопросов, а также любые подарки, которые могут повлиять на объективность принятия решений. Исключение составляют только протокольные (официальные) подарки, которые подлежат передаче государству и документированию соответствующими актами.

Запрет коррупционных проявлений снижает риск подкупа, обеспечивает беспристрастность деятельности должностных лиц и способствует укреплению доверия общества к государственной службе. Реализация данных требований осуществляется в рамках правового регулирования государственной службы и антикоррупционной политики Республики Беларусь.

Таким образом, подарки государственным служащим представляют собой скрытый фактор коррупционного риска, способный повлиять на объективность и законность принимаемых ими решений.

Вместе с тем на практике проблема подарков остается актуальной, так как их вручение может вызвать у сотрудника ощущение долга или признательности по отношению к человеку, преподнесшему подарок. В дальнейшем это может повлиять на служебное поведение и привести к принятию решений в интересах не государства, а конкретного лица. Именно поэтому законодательство трактует любой подарок как возможную угрозу независимости должностного лица.

Одними из факторов коррупционных рисков могут представлять случаи, когда подарки маскируются под деловые встречи, оплату питания,

поездки, скидки или иные услуги. Формально такие действия могут не восприниматься как взятка, однако по своей сути они также являются способом оказания влияния на должностное лицо. Это усложняет выявление коррупционных проявлений и требует повышенного контроля со стороны правоохранительных органов.

Наравне с юридическими ограничениями ключевое значение имеет формирование управленческой этики и антикоррупционной позиции у государственных служащих. Должностные лица обязаны точно знать действующее законодательство, четко представлять себе рамки допустимого, а также понимать свою персональную ответственность за нарушение правил. Разъяснительная работа, обучение и профилактические мероприятия помогают предотвратить правонарушения еще на раннем этапе.

Кроме того, эффективной мерой профилактики является прозрачность деятельности государственных органов: фиксация полученных протокольных подарков, ведение соответствующих актов, внутренний контроль и служебные проверки. Эти меры способствуют открытости функционирования государственных органов, усиливают общественный контроль и укрепляют доверие граждан к системе управления.

Решение проблемы коррупции предполагает комплексный подход, включающий соблюдение норм права, перманентный контроль со стороны руководства и добросовестное отношение самих государственных служащих к своим обязанностям. Совмещение этих факторов может позволить снизить уровень коррупционной уязвимости и обеспечить высокую степень законности в государственной службе.

Список использованных источников

1. Стефаненко, А.П. Коррупция: от истоков к современности / А.П. Стефаненко, Л.Д. Шкроблик // Экономическая безопасность как основной приоритет устойчивого развития государства : респ. науч.-практ. конф. (Минск, 22 нояб. 2024 г.) : тез. докл. : науч. электрон. изд. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: О.В. Маркова (отв. ред.), Д.Г. Вильмак, А.В. Дешук. – Мн., 2024. – С. 113–116.

УДК 343.1

А.Ю. Левченкова

ОБЩЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ДОКАЗЫВАНИИ

В уголовном процессе законодательно закрепленное понятие «общеизвестные факты» отсутствует, в связи с чем требуется обратиться к иным отраслям права и научным мнениям ученых для формирования понимания вышеуказанного термина и его места в доказывании.

Так, в ст. 179 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (КГС) от 11 марта 2024 г. № 359-З закреплено, что к не подлежащим доказыванию относятся факты, которые, согласно закону, предполагаются установленными. В ст. 185 КГС дополнено предыдущее положение и регламентировано, что не подлежат доказыванию факты, признанные судом общеизвестными. Таковыми признаются факты в силу их широкой известности на определенной территории, в том числе суду и лицам, участвующим в деле. При этом следует подчеркнуть, что освобождение общеизвестных фактов от доказывания становится возможным в силу их истинности и достоверности, таким образом сама необходимость их доказывания становится излишней. Известный, достоверный означает верный, не вызывающий сомнений. «Территория страны, губернии, города, государственное устройство, факты войны и другие крупные факты отечественной и всемирной истории также принадлежат к разряду предметов, известных суду, есть также факты общеизвестные в данной местности, например, факт ярмарки, местного пожара и т. п., одним словом, такие факты, спор против которых был бы смешон и выражал бы только желание тяжущегося проволочить дело. Вот почему такие факты не подлежат доказательствам», – указывал известный русский процессуалист К. Малышев [1, с. 96].

Перечень общеизвестных фактов законом не регламентирован. Часто общеизвестность обусловлена определенным периодом времени, территориальной расположенностью или принадлежностью, кругом причастных лиц. Помимо этого, в число общеизвестных фактов могут быть включены физические и химические качества некоторых веществ и материалов, особенности функционирования определенных механизмов. Размещение отдельных фактов, установленных в результате простых логических умозаключений, а также упоминаний о различных событиях (в том числе и локального характера) в различных базах данных (реестрах), глобальной компьютерной сети Интернет, средствах массовой информации позволяет отнести их к основным видам вышеуказанных обстоятельств. К общеизвестным фактам относятся как всемирно известные факты, как то, что в Беловежской пушке живут зубры, так и факты местного значения – факт наличия метро в г. Минске.

Другие доказательства представляют очевидные и общеизвестные истины («нельзя быть одновременно в двух разных местах» и т. д.). Такие истины, хотя и кажутся банальными (и поэтому обычно не упоминаются в рассуждениях о доказательствах), тем не менее также отражают строгие, однозначные закономерности, но не в терминах науки, а в качестве суждений «здорового смысла». Их строгий и однозначный харак-

тер обуславливает однозначность основанных на них эквивалентных и условно-категорических актов доказывания [2, с. 44].

В специальной литературе указывается, что общеизвестность факта может быть признана судом лишь при наличии двух условий: объективном – известность факта широкому кругу лиц; субъективном – известности факта всем членам суда [3, с. 230]. Один и тот же факт может быть как признан, так и не признан общеизвестным, по той причине, что данный факт должен быть известен суду и по усмотрению судьи он должен расцениваться судьей как общеизвестный.

По мнению О.В. Левченко, для усиления гарантии надежности использования общеизвестного факта в системе процессуального доказывания необходимо, чтобы он отвечал определенным требованиям, обладал рядом конкретных свойств. Свойства общеизвестного факта тесно связаны между собой и могут быть представлены в виде логической структуры, элементы которой построены исходя из повышения качества общеизвестного факта. Такая структура свойств общеизвестного факта может быть выражена следующей формулой: очевидность и всеобщее признание – научная доказанность – отсутствие сомнений в истинности [4, с. 47].

Очевидность общеизвестного факта определяется реальной возможностью лиц познать жизненное явление или испытать его проявление на собственном опыте: ощущение холода зимой и тепла летом, влажность асфальта и наличие луж после сильного дождя и т. п. При этом всеобщее признание могут получить только те процессы, повторяемость которых происходит в определенной форме, позволяющей получить единообразный опыт для каждого человека, в результате формируя определенную степень известности очевидных обстоятельств. Даже одновременное наличие вышеуказанных свойств у общеизвестного факта формирует лишь базовую основу для возможности использования его в уголовно-процессуальном доказывании, поскольку знания, его составляющие, относятся к эмпирическому, эмоциональному уровню. В конкретном уголовном деле общеизвестные факты могут иметь место только при наличии свойства научной доказанности, т. е. подвергались исследованию и получили объяснение с точки зрения науки, из которого уже следует отсутствие сомнений в их истинности.

В.И. Вернадский, исследуя научное мировоззрение, допускал, что научные факты и представления, согласные с формальной стороны с действительностью, являются также обязательными для человеческого мышления – пока оно находится в области явлений, улавливаемых органами чувств, – как обязательны для него абстрактные положения мате-

матики. Эту часть научного мировоззрения он считает научно истинной, и такие факты – научными истинами [5, с. 180].

Не вызывают сомнения объективный и субъективный критерии установления общеизвестности, которые указывают на то, что определенная информация должна быть известна широкому кругу лиц, и, что в ряде случаев более важно, она должна быть известна всем членам суда [6, с. 52].

Определенные сложности возникают при определении достоверности, общедоступности и общеизвестности источника информации, а также исчерпывающем ее характере. Количество современных источников информации, а также их объективность порой вызывает сомнение. Уместным представляется привести в качестве примера высказывание К.С. Юдельсона, который рассматривал прессу в качестве источника общеизвестности. Так, он отмечал, что «не все помещенные в печати сведения могут быть использованы в качестве источника общеизвестности. Несмотря на высокий авторитет советской печати, только те сведения могут быть использованы в целях освобождения от доказывания, которые имеют официальный характер (в широком смысле). Иные газетные материалы, заметки, письма не могут быть обоснованием освобождения от представления доказательств, а, напротив, затронутые в них факты сами являются предметом проверки в доказывании» [7, с. 242].

Безусловно, доступ в глобальную компьютерную сеть Интернет позволил повысить оперативность получения информации, однако данный факт абсолютно не связан с общеизвестностью, а тем более с достоверностью размещенной в нем информации. Подобной точки зрения придерживается и Е.А. Гусякова, которая в одной из своих работ отмечала, что «к общеизвестной может быть отнесена только лишь информация с официальных сайтов государственных органов, юридических лиц и иных веб-сайтов, в том случае, если надежность и достоверность размещаемых на них сведений не вызывает сомнений у состава суда, рассматривающего дело» [8].

Следует отметить, что известность о факте широкому кругу лиц является очень относительным, непостоянным критерием и может меняться в зависимости от самого обстоятельства. М.Д. Олегов предлагает классифицировать такие факты на всемирно известные, известные в пределах континента, государства, субъекта федерации, определенной местности, населенного пункта [9, с. 251]. При этом, если факт не является известным для всех, необходимо указать, что такой факт является общеизвестным на определенной территории. Связано это с тем, что контролирующий или надзирающий орган либо суд (вышестоящий суд) может не знать о таких фактах, признанных общеизвестными. Если дан-

ная отметка выполнена, то такие обстоятельства не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при изучении или повторном рассмотрении уголовного дела.

Допустимо закрепление в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З следующего определения: «общеизвестные факты – это обстоятельства, имеющие значение для материалов и уголовного дела, которые в силу их очевидности, всеобщего признания не вызывают сомнений в истинности и, как правило, не нуждаются в специальном исследовании по материалам и уголовным делам».

Необходимо отметить, что вывод правоохранительного органа, ведущего уголовный процесс, об освобождении от доказывания факта в силу его общеизвестности должен быть отражен в протоколе процессуального действия, что предоставит возможность объяснить статус факта, если спустя некоторое время он будет терять присвоенное ему качество общеизвестности или пояснить факт при проверке правильности решения контролирующим или надзирающим органом либо судом (вышестоящим судом), которому может быть неизвестен факт, общеизвестный в определенной местности.

Список использованных источников

1. Малышев, К. Курс гражданского судопроизводства / К. Малышев. – 2-е изд. – СПб., 1876. – Т. 1. Цит. по: Хрестоматии по гражданскому процессу / под общ. ред. М.К. Треушникова. – М. : Юрид. бюро «ГОРОДЕЦ», 1996. – 226 с.
2. Эйсман, А.А. Логика доказывания / А.А. Эйсман. – М. : Юрид. лит., 1971. – 112 с.
3. Треушников, М.К. Судебные доказательства : монография / М.К. Треушников. – М. : Юрид. бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. – 320 с.
4. Левченко, О.В. Общеизвестные факты как средства уголовно-процессуального доказывания / О.В. Левченко // Государство и право. – 2002. – № 8. – С. 47–54.
5. Вернадский, В.И. Научное мировоззрение // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов : Философия и мировоззрение / В.И. Вернадский. – М., 1991. – 195 с.
6. Курылев, С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии / С.В. Курылев. – Мн. : Изд-во БГУ, 1969. – 204 с.
7. Юдельсон, К.С. Проблемы доказывания в советском гражданском процессе / К.С. Юдельсон. – М. : Госюриздат, 1951. – 295 с.
8. Гусякова, Е.А. Общеизвестные факты как обстоятельства, не подлежащие доказыванию в гражданском судопроизводстве / Е.А. Гусякова // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 18.02.2026).
9. Гражданский процесс : учеб. для бакалавров / отв. ред. В.В. Блажеев, Е.Е. Укусова. – М. : Проспект, 2015. – 688 с.

**УСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ
В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ**

Гл. 24 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) предусмотрена ответственность за преступления против собственности. Незаконное задержание чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью является хищением, способы совершения которого разнообразны: путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или модификации компьютерной информации, каждый из которых образует самостоятельный вид преступления.

Конкретное преступление выступает в качестве объекта криминалистического познания, а «определенный «срез» свойств отношений» его, как отметил А.С. Рубис, составляет предмет доказывания (познания) [1, с. 61]. В ходе производства по материалам и уголовному делу орган уголовного преследования обязан установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, перечень которых изложен в ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь. Речь идет о предмете доказывания – «системе обстоятельств, выражающих свойства и связи исследуемого события», содержание которого является гарантией обеспечения принципа неотвратимости наказания [2, с. 139]. Конкретизация таких обстоятельств осуществляется с учетом данных криминалистической характеристики (криминалистической структуры), состава преступления. Обстоятельства предкриминального, криминального и посткриминального характера, сгруппированные по событию преступления, личности преступника и потерпевшего, предмету посягательства с учетом признаков состава преступления против собственности и положений уголовно-процессуального закона образуют предмет доказывания. Так, в ходе досудебного производства устанавливаются следующие обстоятельства: наличие общественно опасного деяния, предусмотренного УК (время, место, способ и другие обстоятельства); виновность обвиняемого в совершении преступления против собственности; обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, подтверждающие, что имущество приобретено преступным путем.

В отношении несовершеннолетних, совершивших хищение имущества, дополнительно подлежат выяснению: возраст; условия жизни

и воспитания; степень интеллектуального, волевого и психического развития; наличие совершеннолетних подстрекателей и иных соучастников.

Указанные обстоятельства выясняются путем получения ответов на соответствующие вопросы. Таким образом, относительно совершенного преступления против собственности устанавливаются следующие обстоятельства:

1. По событию преступления: где, в какое время (год, месяц, число, часы, минуты), при каких обстоятельствах совершено хищение; каким способом (путем взлома преград, свободного доступа, злоупотребления доверием потерпевшего, использования медикаментов, алкогольных напитков и др.) и в какой последовательности осуществлялись противоправные действия; какие орудия преступления и предметы использовались для реализации корыстного умысла; что они из себя представляют; каковы их количество, индивидуальные особенности, у кого и откуда их взяли, где они находятся в настоящее время; какое имущество (денежные средства, продукты питания, предметы одежды, средства связи и компьютерная техника (мобильный телефон, планшет, электронная книга и т. п.), ювелирные изделия, сумки, чемоданы и иные вещи) стало предметом преступного посягательства; каковы размер и характер причиненного преступлением вреда; кому принадлежат обнаруженные на месте хищения вещи; какие действия осуществлялись по подготовке к хищению и в чем они выражались (в выборе времени и места хищения; подборе подручных средств, орудий преступления, средств маскировки; выборе участников, распределении ролей между ними и т. п.); когда, в течение которого времени, где и при каких обстоятельствах осуществлялась подготовка; не совершал ли преступник до и после хищения иных преступлений; что способствовало реализации преступного умысла?

2. По личности преступника: кем совершено хищение; в одиночку или группой лиц; что из себя представляет эта группа (случайное либо организованное объединение); каковы состав и роль каждого члена преступной группы; имелись ли лидер, инициатор в группе, а также подстрекатели и пособники; где, когда и при каких обстоятельствах возник корыстный умысел; что побудило похитить имущество (мотив); какие истинные цели он преследовал, совершая противоправные действия (завладеть чужим имуществом, скрыть иное преступление); каковы социально-демографические признаки личности преступника: пол, возраст, семейное положение, образование, профессия, род занятий, социальное и материальное положение, гражданство, наличие судимостей, связей с криминальной средой; каковы его психологические особенности: цен-

ностные ориентации, нравственный уровень, жизненная позиция, эмоциональная устойчивость, оценка своего поведения, степень интеллектуального и волевого развития; состоял ли он на учетах (в инспекции по делам несовершеннолетних; комиссии по делам несовершеннолетних; наркологическом, психоневрологическом диспансерах и т. п.); в каких условиях жил и воспитывался преступник; кто его родители, какой образ жизни они ведут и чем занимаются; не страдал ли преступник до, в момент и после хищения каким-либо психическим расстройством; сознавал ли он, что, завладевая чужим имуществом, действует противоправно; предвидел ли, что своими противоправными действиями он причиняет вред; желал ли преступник причинить вред таким способом, преследуя корыстную цель; в каких отношениях он состоял с потерпевшим до и после хищения; в каком состоянии находился до совершения противоправных действий, в момент и после их осуществления (в состоянии алкогольного опьянения, под воздействием наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, в трезвом виде); была ли достигнута им преступная цель; по какой причине она не выполнена до конца; каковы пути прихода и отхода преступника; какие транспортные средства (марка, модель, регистрационный знак, цвет), а также средства маскировки им использовались, их местонахождение в настоящее время; какие меры принимались по уничтожению следов преступления; имеются ли смягчающие и отягчающие вину виновного обстоятельства, предусмотренные ст. 63, 64 УК?

3. По предмету преступного посягательства: кому принадлежит похищенное имущество; каковы его индивидуальные особенности, количество, стоимость, наличие упаковочного материала; кто и на какой основе, каким образом обеспечивал сохранность имущества; в каком месте оно находилось до хищения; подвергалось ли изменению украденное, каким образом, кем и когда; располагал ли преступник до совершения хищения сведениями о месте нахождения потерпевшего и наличии у него конкретного имущества; когда, где, при каких обстоятельствах ему стала известна такая информация; кто ее сообщил ему; каким образом может быть подтвержден факт нахождения у потерпевшего имущества, ставшего предметом посягательства; каким образом распорядился преступник украденным (оставил себе, продал); где и у кого оно находится в настоящее время; когда, где сбыто похищенное, если продано, то за какую сумму, кто к этому причастен?

4. По личности потерпевшего: кто является потерпевшим; каковы социально-демографические и нравственно-психологические черты его личности; каков его образ жизни; в каких условиях воспитывался;

знаком ли он с преступником, когда, где и при каких обстоятельствах состоялось их знакомство; с какой целью они познакомились; как развивалась в дальнейшем эта связь; в каких отношениях они находятся; не способствовало ли поведение потерпевшего реализации корыстной цели; какие действия он предпринимал после обнаружения пропажи принадлежащих ему вещей?

Помимо вопросов квалификации при рассмотрении заявлений (сообщений) о преступлениях против собственности возникают трудности, связанные с определением стоимости похищенного имущества, принадлежащего юридическому лицу. Сложно определить стоимость нематериальных активов предприятия в виде результатов интеллектуальной деятельности (например, патентов, товарных знаков, программного продукта и др.). Однако сведения о стоимости активов субъекта хозяйствования можно получить из данных бухгалтерского учета и финансовой отчетности, заключения специалиста-оценщика, договора об отчуждении, в ходе финансово-экономической экспертизы. Размер вреда вследствие совершения кражи, грабежа, разбоя, как правило, определяется стоимостью похищенных вещей (предметов), указанной в платежных документах (кассовом, товарном чеках, выписке с банковского счета и др.) и с учетом их состояния (износа). Согласно п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» при определении стоимости похищенного имущества необходимо учитывать обстоятельства его приобретения, государственные розничные, рыночные, комиссионные или иные цены на день совершения преступления. В иных случаях данный вопрос разрешается путем производства экспертизы.

Единство юридически значимых указанных выше обстоятельств может служить средством обеспечения полноты, быстроты выявления, расследования преступлений против собственности; организующим фактором процесса их расследования; правовой основой для принятия решений; критерием оценки полноты ведения предварительного следствия.

Список использованных источников

1. Рубис, А.С. Криминалистическое содержание и этапы процесса уголовно-процессуального доказывания / А.С. Рубис // Право Беларуси. – 2003. – № 37. – С. 60–66.
2. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности ; редкол.: Н.В. Жогин (отв. ред.) [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрид. лит., 1973. – 735 с.

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ:
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Борьба с преступностью является одной из основополагающих задач каждого государства, которая реализуется посредством применения различных форм деятельности. Одним из последних выступает взаимодействие между правоохранительными органами государств. Ни одно государство не может противостоять транснациональной организованной преступности изолированно и учитывать только свои национальные интересы [1, с. 173]. Учитывая масштабы трансграничного характера распространенности преступности и повышения ее общественной опасности, такое взаимодействие при его эффективном и своевременном осуществлении может способствовать предупреждению и пресечению таких опасных преступлений, как теракты, захваты заложников и других деяний. Многие эксперты отмечают, что осуществление совместной оперативно-розыскной деятельности способствует обеспечению противодействия преступности на территории каждого из участвующих государств [2, с. 216].

Любая деятельность, особенно государственных органов, осуществляется на основании правовых инструментов. В качестве последних, в рассматриваемом контексте, выступают, как нормы национального законодательства, так и международные договоры. В первой группе следует отнести положения уголовно-процессуального закона государства. Так, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) предусмотрены гл. 53–55, в УПК Республики Беларусь – разд. XV. Источниками второй группы выступают многосторонние и двусторонние соглашения, регулирующие взаимодействие по борьбе с преступностью в целом, либо с конкретными видами преступлений: Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступностью 1998 г.; Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом 1999 г.; Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о повышении эффективности взаимодействия в борьбе с преступностью 2014 г. и др.

В таких межгосударственных документах стороны определяют направления и формы сотрудничества, регламентируют отдельные аспекты их осуществления. Следует отметить, что международные договоры, заключаемые уже в XXI в., отличаются по содержанию от более ранних. В них присутствует большая конкретизация норм и установление пра-

вил поведения с учетом уже имеющегося опыта и выявленных проблем. Данный аспект имеет особо важное значение применительно к регулированию осуществления конкретных процессуальных мероприятий по пресечению преступлений. Однако они не лишены недостатков.

Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о повышении эффективности взаимодействия в борьбе с преступностью 2014 г. содержит объемный перечень преступных деяний, в отношении которых осуществляется взаимодействие. В качестве форм такого сотрудничества, в том числе, указаны:

- согласование действий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а также выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;
- содействие в проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), а также других мероприятий, связанных с проверкой информации о любом совершенном или готовящемся преступлении;
- розыск лиц, скрывающихся от уголовного преследования или отбывания наказания, а также без вести пропавших;
- розыск похищенных предметов, имеющих номера или специфические отличительные признаки, в том числе транспортных средств и огнестрельного оружия, а также номерных ценных бумаг и паспортов (удостоверений личности) и т. д.¹

Перечисленные формы сотрудничества представляют собой конкретные процессуальные действия правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью. Их регулирование, как уже было отмечено, осуществляет норма национального уголовно-процессуального законодательства. Именно поэтому важным является вопрос соотношения международных правил с национальными в формате отсутствия противоречий и возможности реализации на практике.

Сравнительный анализ положений рассматриваемого соглашения и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь свидетельствует о том, что в текстах международных и национальных норм несколько отличаются формулировки. При этом указанные формы сотрудничества фактически пересекаются в контексте совершения конкретных процессуальных действий. Так, согласование действий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений может включать в себя содействие в прове-

¹ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о повышении эффективности взаимодействия в борьбе с преступностью : подписано в г. Бресте 15 сент. 2014 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 06.02.2026).

дении ОРМ и розыск лиц, скрывающихся от уголовного преследования или отбывания наказания. При этом сами виды ОРМ в соглашении не конкретизированы. Таким образом, Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о повышении эффективности взаимодействия в борьбе с преступностью 2014 г. следует рассматривать в качестве общего основания направления запроса об оказании правовой помощи по уголовным делам между Россией и Беларусью.

Информация, которая учитывается правоохрнительными органами при формировании такого запроса, непосредственно содержится уже в нормах национальных УПК. Соответствующий закон Республики Беларусь в ст. 477 перечисляет конкретные условия (для уголовного преследования лица), в качестве которых перечислены представляемые документы, их положения и подтверждающие материалы¹. УПК РФ содержит соответствующую ст. 453, в которой конкретизируются, какие процессуальные действия могут быть осуществлены в рамках сотрудничества по правовой помощи: допрос, осмотр, выемка, обыск, судебная экспертиза или иные процессуальные действия².

Наиболее удобным выступает формулировка, закрепленная в законе России, поскольку посредством перечисления указаны конкретные виды действий правоохрнительных органов. Правило выше указанного Соглашения весьма обобщенное и может вызвать определенные бюрократические вопросы. Отметим, что в нашей стране действует ведомственный документ Генеральной прокуратуры РФ³, который детализирует процедуры реализации конкретных мероприятий в рамках международного сотрудничества. Его появление вызвано практической необходимостью для правоприменителя. Подробно регламентировать правила в рамках международного договора невозможно и не нужно, однако использование более сходных формулировок для таких документов по аналогии с национальными нормативами более практично.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г. № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.02.2026).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой Рос. Федерации 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации Рос. Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона Рос. Федерации от 29 дек. 2025 г. № 46-П // КонсультантПлюс. Россия : справ.-правовая система (дата обращения: 06.02.2026).

³ О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора : указание Генерального прокурора Российской Федерации от 5 марта 2018 г. № 116/35 : в ред. от 25 нояб. 2022 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ.-правовая система (дата обращения: 06.02.2026).

Таким образом, представленный анализ даже одного примера норм свидетельствует о наличии определенных отличий в используемых формулировках при закреплении процессуальных форм сотрудничества государств в борьбе с преступностью. Важно также отметить, что в качестве источников регулирования такой совместной деятельности выступают указанные международные договоры, нормы уголовно-процессуального законодательства и ведомственные документы, детализирующие особенности осуществления.

Список использованных источников

1. Бородич, А.И. Международное право в оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь / А.И. Бородич // Экономическая наука сегодня. – 2015. – № 3. – С. 170–173.
2. Урядов, Ю.Ю. Основные принципы построения международного взаимодействия компетентных органов Российской Федерации в сфере оперативно-разыскной деятельности / Ю.Ю. Урядов // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 4. – С. 215–219.

УДК 343.54

О.И. Локтевич

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ИЗРАИЛЯ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Проблема противодействия сексуальному насилию остается актуальной во всем мире. Одним из механизмов защиты от него является совершенствование уголовно-правового регулирования соответствующего запрета. В этих целях полезным видится изучение зарубежного опыта правовой регламентации ответственности за сексуальное насилие, что позволит не только выявить недостатки в национальном законодательстве, но и предложить пути его совершенствования.

Определенный интерес в данном вопросе представляет опыт Израиля, прилагающего серьезные усилия в борьбе с проблемой сексуального насилия (развитая сеть центров помощи жертвам изнасилования, кризисных центров, кабинетов анонимной помощи; правовая ответственность работодателя за случаи домогательств к сотрудникам; система адресной социальной помощи жертвам, в том числе получение ими пенсий и т. д.; бесплатная правовая помощь для жертв изнасилования и др.). Кроме того, недавно законодательство Израиля по вопросу ответвен-

ности за сексуальное насилие претерпело существенные изменения: с 2025 г. мужчины, пострадавшие от сексуальных преступлений, получили официальное право говорить о себе как о жертвах изнасилования.

Сравнение правового регулирования запрета на сексуальное насилие в законодательстве Беларуси и Израиля позволит выявить как основные различия, так и отдельные положения, которые могут представлять определенный интерес для белорусского законодателя.

Так, законодательство Республики Беларусь под угрозой уголовной ответственности запрещает совершение изнасилования (ст. 166 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК)) и насильственных действий сексуального характера (ст. 167 УК).

При этом под изнасилованием понимается половое сношение вопреки воле потерпевшей с применением насилия или с угрозой его применения к женщине или ее близким либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей (ст. 166 УК), а под насильственными действиями сексуального характера – мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, совершенные вопреки воле потерпевшего (потерпевшей) с применением насилия или с угрозой его применения в отношении потерпевшего (потерпевшей) или его (ее) близких либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей) (ст. 167 УК).

К изнасилованию с использованием беспомощного состояния относятся и случаи вступления в половое сношение с потерпевшими, не достигшими 12 лет, без применения насилия или его угрозы. Данное положение закреплено в примечании к ст. 166 УК и распространяет свое действие в том числе на ст. 167 УК.

Классифицирующие признаки рассматриваемых составов преступлений одинаковы. В ч. 2 ст. 166 и 167 УК содержатся следующие признаки изнасилования и насильственных действий сексуального характера: совершено повторно; совершено группой лиц; совершено лицом, ранее совершившим или действия, предусмотренные ст. 167 УК, или изнасилование; совершено в отношении заведомо несовершеннолетнего (несовершеннолетней). Такие действия влекут за собой наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 13 лет.

В ч. 3 ст. 166 и 167 УК (особо квалифицированный состав) предусмотрена ответственность за изнасилование и насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении заведомо малолетнего (малолетней), либо повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего (потерпевшей), либо причинение тяжких телесных

повреждений, либо заражение ВИЧ-инфекцией, либо иные тяжкие последствия – от 8 до 15 лет лишения свободы.

Таким образом, уголовное законодательство Республики Беларусь дифференцирует ответственность за сексуальное насилие в зависимости от пола потерпевшего лица и конкретного вида насильственного сексуального воздействия. При этом меры наказания за разные виды сексуального насилия (ст. 166 и 167 УК) одинаковые, что свидетельствует о равной степени общественной опасности таких деяний.

Законодательство об уголовной ответственности Израиля не кодифицировано, а рассматриваемые нами вопросы в основном изложены в Законе об уголовной ответственности в Израиле 1977 г. с поправками к нему (далее – Закон) [1], а также в Законе о предотвращении сексуальных домогательств 1998 г. [2].

Так, до 2025 г. в Израиле под изнасилованием понималось вступление в половое сношение с женщиной при определенных условиях: отсутствие ее свободного согласия; получение ее согласия путем обмана относительно личности либо характера самого деяния; недостижение ею 14-летнего возраста, несмотря на ее согласие; нахождение ее в бессознательном состоянии, когда лицо не могло дать свободного согласия; наличие у нее расстройства душевной деятельности или дефектов умственного развития, в связи с чем данное согласие не является свободным.

При этом под половым сношением понимали действия, когда виновный вводит какую-либо часть человеческого тела или предмет в половой орган женщины (ст. 345 гимел Закона). За такое деяние была предусмотрена ответственность в виде тюремного заключения на 16 лет (ст. 345 алеф Закона).

В 2024 г. по инициативе одного из депутатов Кнессета (парламента Израиля) вынесена на рассмотрение поправка, расширяющая определение изнасилования, на основании которой его жертвами могут признаваться и мужчины. По мнению автора законопроекта, «такая поправка призвана исправить многолетнюю несправедливость, признает тот факт, что мужчины могут быть жертвами изнасилования, и отражает серьезность сексуализированного насилия без гендерных различий» [3].

Кнессет принял данную поправку и изменил определение изнасилования. С 2025 г. под ним понимают какое-либо проникновение в репродуктивные органы мужчины или женщины с применением предмета или репродуктивного органа без получения согласия [3].

Классифицирующими признаками изнасилования, увеличивающими наказание до 20 лет, являются следующие: совершено в отношении

лица, не достигшего 16-летнего возраста; совершено под угрозой холодного или огнестрельного оружия; сопряжено с причинением физического, психического вреда или наступлением беременности; включало издевательства до, во время, после акта; совершено в присутствии иных лиц, собравшихся вместе для изнасилования кем-нибудь одним или группой (ст. 345 бет Закона).

Под угрозой уголовной ответственности в Израиле запрещена также насильственная содомия, под которой понимают введение какой-либо части тела или предмета в заднепроходное отверстие или введение полового органа мужчины в полость рта человека (ст. 347 гимел Закона).

Указанное позволяет сделать вывод, что уголовное законодательство Израиля и ранее уравнивало по степени общественной опасности различные варианты насильственных сексуальных действий, совершаемых как в отношении женщины, так и в отношении мужчины, связанных с проникновением в половой орган женщины, в заднепроходное отверстие как женщины, так и мужчины или введением полового органа мужчины в полость рта лица любого пола. Лицо, совершившее такие деяния, несет ответственность как лицо, совершившее изнасилование. Аналогична в данном вопросе и приведенная нами выше позиция законодателя Республики Беларусь.

Присутствует в уголовном законодательстве Израиля и определение развратных (или непристойных) действий, под которыми понимают деяния для полового возбуждения, полового удовлетворения либо в целях полового унижения (ст. 348 вав Закона). Примечательно, что такие действия могут быть совершены в отношении взрослых лиц, а также сопряжены с применением насилия. Непристойные действия наказываются лишением свободы, которое при определенных обстоятельствах может достигать 10 лет.

Примерами таких непристойных действий являются прикосновения сексуального характера (поцелуй, который по своим обстоятельствам приобретает сексуальный характер (даже поцелуй в щеку, если до него прозвучали высказывания сексуального характера)), объятия сексуального характера (с прижиманием интимных органов) или объятия, которые сами по себе не имеют сексуального характера, но приобретают его в соответствии с сопутствующими обстоятельствами (когда до или после них были сделаны предложения сексуального характера) [4].

Если таковые деяния совершаются при обстоятельствах, перечисленных в ст. 345 Закона (изнасилование), указанное не превращает их в изнасилование. Указанные деяния квалифицируются как развратные действия, однако срок уголовного наказания за их совершение увеличивается (ст. 348 бет Закона).

Если развратные действия сопряжены с применением насилия или давления, а также угроз такового, однако отсутствуют обстоятельства, перечисленные в статье об изнасиловании, наказание составляет 7 лет тюремного заключения (ст. 347 гимел 1 Закона).

Отдельная статья уголовного законодательства предусматривает усиленную ответственность за сексуальные преступления, совершаемые в семье. Так, изнасилование либо акт насильственной содомии в отношении несовершеннолетнего, являющегося членом семьи, а равно беспомощного, совершенное лицом, за него ответственным, наказывается тюремным заключением на 20 лет (ст. 351 алеф Закона).

Стоит также обратить внимание, что на «серьезные» сексуальные преступления в Израиле не распространяется срок давности. К таковым относятся изнасилование, содомия и развратные действия в отношении несовершеннолетних в возрасте до 14 лет, а также тяжкие сексуальные преступления, приведшие к убийству [5].

Определенный интерес вызывает и присутствующий в уголовном законодательстве правовой запрет на разглашение информации (посредством голоса, облика, обстановки, близких личностей и т. д.) об имени лица или иных данных, которые могут указать или намекнуть на него как на потерпевшего от преступления против половой неприкосновенности. За такое деяние предусмотрена ответственность в виде тюремного заключения сроком на один год (ст. 352 алеф Закона). Данная норма защищает права пострадавшего от сексуального насилия, направлена на обеспечение конфиденциальности сведений как о личности жертвы, так и о самом событии.

Таким образом, среди классифицирующих признаков сексуального насилия, несвойственных белорусскому уголовному законодательству и представляющих особый интерес, – совершение преступного деяния под угрозой холодного или огнестрельного оружия, а также с издевательствами как до, так и во время и даже после сексуального акта.

Интересен также опыт Израиля по вопросам:

определения развратных (непристойных) действий, возможности совершения таковых в отношении взрослых лиц и дифференциации ответственности в зависимости от различных обстоятельств их совершения;

отсутствия срока давности при рассмотрении вопросов привлечения к ответственности за ряд сексуальных преступлений;
правовой защиты конфиденциальности данных о потерпевших от сексуального насилия.

Список использованных источников

1. Закон об уголовной ответственности в Израиле / постат. пер. с иврита М. Дофмана. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 224 с.
2. Закон о предотвращении сексуальных домогательств 1998 г. // офиц. сайт Кнессета. Переводы законов. – URL: <https://main.knesset.gov.il> (дата обращения: 30.02.2026).
3. Кнессет изменил определение изнасилования // портал ISRAland – израильские новости. – URL: <https://www.isra.com> (дата обращения: 04.03.2026).
4. Непристойные действия // Коль Зхут. – URL: <https://www.kolzhut.org.il/ru> (дата обращения: 04.03.2026).
5. Подача жалобы в полицию вследствие сексуального насилия // сайт Министерства здоровья. – URL: <https://me.health.gov.il/ru> (дата обращения: 07.03.2026).

УДК 343.138

М.В. Макаревич

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЬЕЙ ПОЛНОМОЧИЙ ПО ПРОВЕРКЕ ПОСТУПИВШЕГО В СУД УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Национальное законодательство не содержит определения такой правовой категории, как проверка судьей поступившего в суд уголовного дела. Данный этап судопроизводства включен в стадию назначения и подготовки судебного разбирательства. Однако институт реализации судьей полномочий, связанных с проверкой полноты и правильности осуществленного по нему предварительного расследования, характеризуется наличием некоторых правовых пробелов.

Отдельным аспектам изучения данного института посвящены научные работы С.В. Борики [1, с. 59–64], А.А. Кирилловой [2, с.69–72], А.А. Корчагина [3, с. 508–512], Т.К. Рябининой [4, с. 120–125], Н.В. Ткачевой [5, с. 90–94], А.В. Шигурова [6, с. 7–16] и др. В этих трудах исследовались вопросы, связанные с этапами и формами проверки судьей уголовных дел, особенностями ее осуществления по делам отдельных категорий. При этом особенности правового регулирования судебной проверки материалов дела в национальном судопроизводстве остались без надлежащего внимания ученых.

Изложенное обуславливает актуальность проведенного нами исследования. Целью настоящей работы является изучение сущностно-содержательной природы вышеуказанной уголовно-процессуальной категории, доктринального подхода и законодательного опыта иных государств, позиции по исследуемым вопросам практиков, а в итоге – выработка предложений по совершенствованию Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК Республики Беларусь).

В доктрине институт проверки поступившего в суд уголовного дела получил довольно обширное освещение. Она рассматривается в узком и широком смысле. Первый ограничивается выявлением судьей нарушений, допущенных на досудебных стадиях, в том числе ущемляющих права участников процесса, которые препятствуют рассмотрению дела, а также их возможное устранение [4, с. 121]. Второй взаимосвязан не только с установлением судьей законности и обоснованности принятых органом уголовного преследования решений, но и с полной досудебного производства, а также изучением уголовно-правовой, криминалистической характеристики совершенного преступления, сведений о личности обвиняемого [3, с. 509]. Ученые-процессуалисты выделяют следующие разделы проверки судьей уголовного дела: изучение постановления о привлечении в качестве обвиняемого, проверка соблюдения его права на защиту, вопросы предварительного судебного заседания, разрешения ходатайств, криминалистические критерии проверки материалов дела [2, с. 70].

В свою очередь, полномочия судьи на данном этапе разделяются на три группы: связанные с установлением полноты и достаточности доказательств, собранных на предварительном следствии, для рассмотрения и разрешения дела; сопряженные с назначением и проведением предварительного судебного заседания, направленные на оценку допустимости собранных по делу доказательств и устранение препятствий для рассмотрения и разрешения дела; соединенные с назначением судебного заседания и принятием организационных мер для его проведения [5, с. 94].

Этапу проверки судьей поступившего в суд уголовного дела, который в силу ч. 3 ст. 276 УПК Республики Беларусь может составлять от 14 суток до 3 месяцев, фактически посвящены только отдельные положения нескольких статей уголовно-процессуального закона (ст. 276–280¹ УПК Республики Беларусь). При этом судебному разбирательству, срок которого в преобладающем большинстве случаев не превышает нескольких часов, посвящены 5 глав УПК Республики Беларусь (гл. 34–38), содержащих более 80 статей (ст. 286–368).

В ст. 277 УПК Республики Беларусь изложены лишь общие направления проверки судьей уголовного дела. Они сводятся к установлению его подсудности, оснований для приостановления или прекращения по нему производства, его возвращения прокурору, законности и обоснованности примененных мер пресечения, полноты принятых мер по возмещению вреда, причиненного преступлением, и возможной специальной конфискации имущества, необходимости разрешения ходатайств.

Вышеуказанный перечень вопросов, подлежащих выяснению по поступившему в суд уголовному делу, в силу конструкции диспозиции ст. 277 УПК Республики Беларусь является исчерпывающим. Вместе с тем положения ст. 277 УПК Республики Беларусь бланкетные и отсылают к ст. 277¹–280¹ УПК Республики Беларусь. Таким образом, уголовно-процессуальный закон содержит алгоритм проверки судьей уголовного дела. Законодатель внедрил в УПК Республики Беларусь ряд обстоятельств (помимо указанных в ст. 277), в наличии или отсутствии которых должен убедиться судья на исследуемом этапе. К ним относятся: сокрытие обвиняемого от суда и неустановление его местонахождения, наличие у него психического или иного заболевания, получение заключения Конституционного Суда Республики Беларусь, основания для прекращения дела по нереабилитирующим основаниям, препятствия для рассмотрения дела, в том числе законность предъявления обвинения, наличие в деле всех постановлений, связанных с его движением и процессуальными сроками, и др. Однако содержащийся в указанных нормах перечень обстоятельств, подлежащих выяснению судьей при проверке дела, очевидно неполон.

Во втором полугодии 2025 г. нами было проведено анкетирование действующих практиков Республики Беларусь, деятельность которых связана с уголовными делами, а именно 291 судьи, 496 следователей, 64 прокуроров, 261 адвоката. Его результаты показали, что значительная часть респондентов солидарна с позицией о неполноте перечня вопросов, содержащегося в ст. 277 УПК Республики Беларусь. Такое мнение поддержали 28,52 % судей, 10,9 % следователей, 31,2 % прокуроров, 31,8 % адвокатов.

Интересно, что п. 3 ч. 1 ст. 228 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) содержит отсутствующие в национальном уголовно-процессуальном законе положения о необходимости проверки судьей вопросов об избрании в отношении обвиняемого меры пресечения, а также о продлении срока запрета определенных действий, домашнего ареста и содержания под стражей. Несмотря на данный пра-

вовой пробел, на практике белорусские судьи проверяют указанные обстоятельства по каждому делу. При необходимости они продлевают обвиняемым срок домашнего ареста или содержания под стражей, а также применяют в отношении них меры пресечения. Например, 20 сентября 2024 г. судьей Минского городского суда на исследуемой стадии в отношении Б., обвиняемой по ч. 1 ст. 130 Уголовного кодекса Республики Беларусь, применена мера пресечения в виде заключения под стражу в связи с отбыванием Б. наказания в виде лишения свободы и необходимости ее этапирования в судебное заседание [7].

Обратим внимание на то, что в содержащемся в национальном уголовно-процессуальном законе исчерпывающем перечне оснований для возвращения уголовного дела прокурору (ст. 280¹ УПК Республики Беларусь) отсутствуют некоторые основания, которые включены в соответствующие перечни Уголовно-процессуальных кодексов (УПК) других стран. Так, п. 303.3.2 ст. 303 УПК Азербайджанской Республики относит к таким основаниям нарушение права обвиняемого, не владеющего языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, на использование родного языка или помощи переводчика. В силу п. 3 ч. 1 ст. 237 УПК РФ и п. 2 ч. 1 ст. 405¹² УПК Республики Узбекистан к препятствиям для рассмотрения дела судом относится также необходимость предъявления обвинения лицу по уголовному делу, поступавшему в суд для применения к нему принудительных мер безопасности и лечения. При этом на практике наличие подобных и других существенных нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных на досудебных стадиях уголовного процесса, также выясняется судьей при изучении дела до принятия одного из решений, указанных в ст. 276 УПК Республики Беларусь. Отметим, что большинство анкетированных адвокатов и судей, а также существенное количество прокуроров и следователей указали о недостаточности в УПК Республики Беларусь оснований для возвращения дела прокурору: 59,8 % судей, 15,9 % следователей, 35,9 % прокуроров, 61,7 % адвокатов.

Кроме того, в ч. 1 ст. 330 УПК Туркменистана, а также ч. 1 ст. 291 УПК Республики Армения указано о том, что перед принятием решения по поступившему в суд уголовному делу судья обязан принять его к своему производству. В национальном УПК таких предписаний не содержится. Однако в соответствии со ст. 183, 185 УПК Республики Беларусь аналогичное правило распространяется на должностные лица уголовного преследования. В научном юридическом сообществе бытует мнение о необходимости расширения данного принципа и на судебные стадии

уголовного процесса [1, с. 62; 4, с. 121]. Представляется, что указанный подход является правильным.

Согласно п. 19 ч. 1 ст. 6 УПК Республики Беларусь к органам, ведущим уголовный процесс, отнесен не только орган уголовного преследования, но и суд. Существующий в настоящее время правовой пробел, связанный с изучением судьей уголовного дела и вынесением по нему решений без принятия дела к своему производству, противоречит принципу обеспечения защиты прав и свобод граждан (ст. 10 УПК Республики Беларусь). На практике до принятия одного из решений, указанных в ст. 276 УПК Республики Беларусь, участники уголовного процесса не осведомлены о судьбе, в производстве которого находится уголовное дело. Действующий уголовно-процессуальный механизм, при котором решение о продлении срока содержания обвиняемого под стражей может выноситься одним судьей, о назначении судебного разбирательства – другим, а судебное заседание вестись третьим (без принятия ими дела к своему производству), понятен не всем участникам процесса и порождает жалобы. Например, именно такие доводы в качестве обоснования незаконности постановленного в отношении него приговора содержала апелляционная жалоба Б., обвиняемого по ст. 364 Уголовного кодекса Республики Беларусь, на приговор суда Партизанского района г. Минска от 4 ноября 2021 г. Данная жалоба 21 января 2022 г. оставлена судебной коллегией по уголовным делам Минского городского суда без удовлетворения ввиду того, что в исследуемой стадии принятие решений разными судьями не запрещается УПК Республики Беларусь [8].

Подводя итог вышеуказанному, с целью оптимизации судопроизводства, обеспечения защиты прав и свобод участников уголовного процесса предлагаем внести в УПК Республики Беларусь дополнения, относящиеся к этапу изучения судьей уголовного дела: внедрить правило о необходимости принятия им дела к своему производству и уведомлении об этом участников уголовного процесса, расширить перечни обстоятельств, подлежащих выяснению по поступившему в суд уголовному делу, а также оснований для возвращения дела прокурору.

Список использованных источников

1. Бори́ко, С.В. Назначение и подготовка судебного разбирательства как стадия уголовного процесса / С.В. Бори́ко, Г.Н. Дубровская // Юстиция Беларуси. – 2022. – № 3. – С. 59–64.
2. Кириллова, А.А. К вопросу об изучении судьей материалов уголовного дела об убийстве / А.А. Кириллова // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 69–72.

3. Корчагин, А.А. Применение криминалистического обеспечения на этапе подготовки к судебному заседанию и проведения предварительного слушания / А.А. Корчагин // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 5. – С. 508–512.

4. Рябинина, Т.К. Предмет проверки материалов поступившего в суд уголовного дела / Т.К. Рябинина // Legal Concept. – 2016. – № 4. – С. 120–125.

5. Ткачева, Н.В. Полномочия суда при рассмотрении и разрешении уголовного дела судом первой инстанции (стадия назначения судебного заседания) / Н.В. Ткачева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2011. – № 40. – С. 90–94.

6. Шигуров, А.В. Актуальные проблемы подготовки уголовного дела к судебному заседанию, проводимому в порядке гл. 40 УПК РФ // А.В. Шигуров // Социальные нормы и практики. – 2022. – № 2. – С. 7–16.

7. Архив Минского городского суда за 2024 г. – Уголовное дело № 93У24118.

8. Архив суда Партизанского района г. Минска за 2021 г. – Уголовное дело № 98У21242.

УДК 343.985

Н.А. Марцынкевич

КОРРЕЛЯЦИОННАЯ СВЯЗЬ ПЛАНА РАССЛЕДОВАНИЯ И СПРАВКИ О РЕЗУЛЬТАТАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ДЕЛ ОБ УМЫШЛЕННОМ ПРИЧИНЕНИИ ТЯЖКОГО ТЕЛЕСНОГО ПОВРЕЖДЕНИЯ

Согласно судебной статистике на протяжении последних пяти лет процент оправдательных приговоров остается невысоким – от 0,2 до 0,5 % от числа рассмотренных уголовных дел судами г. Минска или от 11 до 28 оправданных лиц в год [1]. В целом по всей республике в 2025 г. оправдано 36 человек (0,13 % от общего числа осужденных лиц (28 177 человек)) [2], в 2024 г. – 60 человек (0,19 % от общего числа осужденных лиц (31 410 человек)) [3], в 2023 г. – 47 человек (0,14 % от общего числа осужденных лиц (33 777 человек)) [4]. Несмотря на эти относительно низкие статистические показатели, за каждым оправдательным приговором стоит человек со своей судьбой, а за ним – доверие государству как внутри него, так и за рубежом.

Председатель Минского городского суда Т.В. Тупик отмечает, что «объективность и правильность решений напрямую связаны с качеством проведенного предварительного расследования» [5]. Анализ судебных решений о невиновности демонстрирует, что не во всех случаях причиной постановления оправдательных приговоров является

разная оценка суда и органа уголовного преследования достаточности доказательств для установления виновности лица. Одна из причин оправдания обвиняемых сопряжена с допущенным в ходе предварительного следствия неполным выяснением обстоятельств, имеющих значение для дела. Корень такого положения видится в отсутствии корреляционной связи между планированием расследования по уголовному делу и справкой о результатах проведенного по делу предварительного расследования.

Справка о результатах проведенного по делу предварительного расследования – это процессуальный документ, в котором излагаются установленные в ходе расследования фактические обстоятельства совершенного преступления с приведением доказательств, подтверждающих эти обстоятельства. От качества указанной справки зависит результат работы государственного обвинителя в судебном разбирательстве и, соответственно, продуктивность всей предыдущей работы органа уголовного преследования. В этой связи планирование расследования по уголовному делу должно определяться обстоятельствами, подлежащими доказыванию, в рамках отрабатываемых общих версий, что будет обеспечивать и целенаправленность уголовно-процессуальной деятельности и впоследствии служить каркасом для составления справки о результатах проведенного по делу предварительного расследования.

Сегодня следственная практика идет по пути планирования расследования уголовного дела только в рамках выдвинутых общих версий, что становится причиной непринятия в ходе досудебного производства по делу достаточных мер, направленных на полное, всестороннее исследование и анализ имеющейся доказательственной базы. В целях недопущения подобного рода негативных обстоятельств предлагается составлять план расследования уголовного дела, руководствуясь закрепленными ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) обстоятельствами, подлежащими доказыванию, характер и степень детализации которых зависит от особенностей состава преступления, характера и условий конкретного дела. Пример плана расследования уголовного дела об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения (ТТП), криминализированного ст. 147 Уголовного кодекса Республики Беларусь, представлен в табл. 1.

Таблица 1

План расследования по уголовному делу о тяжком телесном повреждении

Обстоятельства, подлежащие доказыванию	Обстоятельства, Место и время причинения ТТП	Перечень следственных и иных процессуальных действий
Обстоятельства, относящиеся к общественно опасному деянию (п. 1 ч. 1 ст. 89 УПК)	Место и время причинения ТТП	Осмотр места происшествия (ОМП); изъятие и осмотр видеозаписи с камер видеонаблюдения на месте происшествия; истребование копии карты вызова бригады скорой медицинской помощи, копии страниц журнала учета приема пациентов и отказов в госпитализации; изъятие аудиозаписи звонка, поступившего на станцию скорой медицинской помощи, в оперативно-дежурную службу органов внутренних дел и ее осмотр; допросы свидетелей (очевидцев, заявителей, фельдшера, врача и т. д.), потерпевшего, подозреваемого; назначение судебно-медицинской экспертизы (СМЭ); изъятие (в рамках ОМП/объема/выемки) и осмотр одежды потерпевшего; проверка показаний на месте
	Способ причинения ТТП и наличие причинной связи между действиями виновного и образованием ТТП	ОМП; изъятие и осмотр видеозаписи с камер видеонаблюдения на месте происшествия; СМЭ; освидетельствование подозреваемого; изъятие и осмотр орудий преступления (в рамках ОМП/объема/личного объема/выемки/проверки показаний на месте); изъятие и осмотр одежды потерпевшего; назначение медико-криминалистической экспертизы; допросы потерпевшего, свидетелей, подозреваемого; проверка показаний на месте; следственный эксперимент; ситуационная экспертиза

Обстоятельства, подлежащие доказыванию		Перечень следственных и иных процессуальных действий
Обстоятельства, определяющие характер и размер вреда (п. 4 ч. 1 ст. 89 УПК)	Физический вред (наличие телесного повреждения, его характер и тяжесть)	Изъятие оригиналов медицинских документов, медицинской карты стационарного пациента и амбулаторной карты по окончании лечения, рентгенограммы, КТ и (или) МРТ, карты вызова скорой медицинской помощи, выписки из журнала обращения за медицинской помощью в учреждение здравоохранения; допрос свидетеля (лечащего врача); СМЭ; допрос эксперта
	Имущественный вред (в рамках п. 6 ч. 2 ст. 147 Уголовного кодекса Республики Беларусь)	ОМП; допрос потерпевшего; изъятие похищенных предметов, документов на них (в рамках ОМП/объиска/личного обыска/выемки) и их осмотр; истребование сведений о стоимости похищенного имущества; назначение судебной товароведческой экспертизы; истребование справки из медицинского учреждения о затратах на лечение; приобщение искового заявления; изъятие у потерпевшего копий документов, подтверждающих затраты на лечение, материальные затраты в связи с повреждением имущества
	Моральный вред	Допрос потерпевшего; приобщение искового заявления потерпевшего
Обстоятельства, определяющие виновность обвиняемого в совершении преступления (п. 2 ч. 1 ст. 89 УПК)	Наличие субъекта преступления (физическое вменяемое лицо, достигшее 14 лет)	Изъятие документов, удостоверяющих личность, отражающих состояние здоровья (в рамках обыска/выемки/направления запросов/получения информации из баз и банков данных); назначение судебно-психиатрической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы
	Установление умысла, мотива и цели	ОМП; СМЭ; допросы потерпевшего, свидетелей, подозреваемого; изъятие и осмотр компьютерной информации; изъятие и осмотр одежды потерпевшего/подозреваемого; изъятие и осмотр орудий преступления; назначение судебной генетической и криминалистической экспертиз

Обстоятельства, подлежащие доказыванию	Перечень следственных и иных процессуальных действий
Обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности (п. 3 ч. 1 ст. 89 УПК)	Истребование сведений о наличии судимости, о привлечении к административной ответственности, данных о местах и периодах учебы, работы, пенении, характеристик с мест учебы, работы, службы, отбывтия наказания; получение сведений о постановке на профилактический учет в исполнительных и распорядительных органах (органы внутренних дел, комиссии по делам несовершеннолетних), на учеты в специализированных диспансерах; получение сведений об имеющихся достижениях в общественно-политической деятельности, науке и спорте, наличии государственных наград, ученой степени и звания, почетного звания; наличие жалоб на подозреваемого или от него по месту жительства
Наличие обстоятельств, смягчающих/отягчающих ответственность	Истребование справки о составе семьи, свидетельства о рождении, сведений из медицинских учреждений; получение информации из баз и банков данных; допросы свидетелей, подозреваемого, потерпевшего; приобщение акта медицинского освидетельствования, заявления о возмещении вреда

Таким образом, выполненный запланированный перечень следственных и иных процессуальных действий позволит выстроить при составлении справки о результатах проведенного по делу предварительного расследования систему доказательств, относящихся к установлению каждого обстоятельства, подлежащего доказыванию, в отдельности и отражающих в своей совокупности достаточность доказательственной базы для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела.

Список использованных источников

1. Даревская, В. Идею создания онлайн-помощника для граждан в решении судебных споров обсудили с судьями студенты БГЭУ / В. Даревская // УП «Агентство «Минск-Новости». – URL: <https://minsknews.by> (дата обращения: 23.01.2026).
2. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2025 год // Верховный Суд Республики Беларусь. – URL: <https://court.gov.by> (дата обращения: 01.03.2026).
3. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2024 год // Верховный Суд Республики Беларусь. – URL: <https://court.gov.by/> (дата обращения: 01.03.2026).
4. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2023 год // Верховный Суд Республики Беларусь. – URL: <https://court.gov.by/ru> (дата обращения: 01.03.2026).
5. Синенко, Д. Для справедливого решения не существует универсальных стандартов и формул / Д. Синенко // На страже. – 2025. – 5 дек. – С. 19.

УДК 343.98.062

В.Ю. Мезяк

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ДОКУМЕНТОВ В ЦЕЛЯХ ВЫЯВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Современное развитие цифровых технологий обуславливает трансформацию традиционных приемов криминалистического исследования документов. Существенное увеличение объема документальных массивов, усложнение механизмов экономических преступлений и высокая степень их латентности существенно ограничивают эффективность исключительно классических методов документального анализа, основанных на ручной проверке и фрагментарном сопоставлении сведений. В этих условиях особую актуальность приобретает внедрение техно-

логий искусственного интеллекта, способных существенно расширить аналитические возможности классических специальных методов (арифметическая проверка, формальная проверка, взаимный контроль и др.) исследования документов.

В научной литературе системы искусственного интеллекта рассматриваются как совокупность технологических решений, обеспечивающих имитацию когнитивных функций человека, включая анализ, обобщение, выявление закономерностей и принятие решений на основе обработки больших массивов данных [1, с. 22]. Применительно к криминалистическому исследованию документов указанные технологии не подменяют традиционные методы, а выступают в качестве интеллектуального инструмента, усиливающего их диагностический, аналитический и систематизирующий потенциал [2, с. 639; 3, с. 5].

Использование искусственного интеллекта возможно прежде всего в рамках диагностирующей группы методов исследования документов [4, с. 59]. Так, при реализации арифметической и нормативной проверки автоматизированные алгоритмы позволяют в кратчайшие сроки выявлять массовые арифметические несоответствия, отклонения от нормативных требований, нетипичные сочетания показателей, а также устойчивые повторяющиеся ошибки и аномалии, которые при ручном анализе могут оставаться незамеченными [2, с. 639]. Применение методов машинного обучения обеспечивает выявление закономерностей и отклонений в расчетах при исследовании значительных массивов однотипной учетной документации.

Значительный потенциал технологии искусственного интеллекта демонстрируют при проверке подлинности документов и содержащихся в них реквизитов. Системы, основанные на использовании сверточных нейронных сетей, позволяют выявлять признаки материального подлога, включая подчистки, дописки, монтаж, неоднородность печати, а также устанавливать факты выполнения подписей и рукописных записей одним либо разными лицами. Анализ осуществляется на уровне микропризнаков, часто недоступных визуальному восприятию человека, что повышает объективность и доказательственную значимость результатов исследования [3, с. 46; 6, с. 70].

В рамках конкретизирующей группы методов [4, с. 60] искусственный интеллект может эффективно применяться при реализации встречной проверки и взаимного контроля документов. Алгоритмы автоматизированного сопоставления позволяют выявлять расхождения между взаимосвязанными документами, устанавливать разрывы в «цепочке» документооборота, а также моделировать утраченные либо искаженные

документы на основе сохранившихся следов хозяйственных операций [3, с. 5; 5, с. 46]. Это имеет особое значение при расследовании много-эпизодных, организованных и межрегиональных форм экономической преступности.

Применительно к аналитической группе методов использование искусственного интеллекта расширяет возможности сравнительного и хронологического анализа [4, с. 62]. Обработка больших массивов данных позволяет выявлять нетипичную динамику хозяйственных операций, скачкообразные изменения показателей, скрытые корреляции между действиями различных субъектов и иные отклонения от нормального экономического оборота, что существенно повышает эффективность выявления бестоварных операций, фиктивных услуг и иных форм документального маскирования преступной деятельности [2, с. 639].

Особое значение имеет применение технологий искусственного интеллекта при систематизации и обобщении результатов документальных исследований. Алгоритмы машинного обучения позволяют структурировать выявленные нарушения, группировать их по видам, способам совершения и субъектам, формировать аналитические модели противоправной деятельности и прогнозировать возможные направления дальнейшего сокрытия следов преступлений. В данном аспекте искусственный интеллект используется как инструмент не только ретроспективного, но и прогностического анализа [3, с. 5].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что технологии искусственного интеллекта не обладают самостоятельным доказательственным значением и не могут рассматриваться в отрыве от традиционных криминалистических методов исследования документов. Их применение допустимо исключительно в качестве вспомогательного аналитического средства, результаты которого подлежат обязательной интерпретации и оценке уполномоченным должностным лицом либо экспертом с учетом конкретных обстоятельств дела и требований процессуального законодательства.

Таким образом, интеграция технологий искусственного интеллекта в систему специальных методов исследования документов не заменяет сложившийся криминалистический инструментарий, а качественно формирует новый уровень его реализации, обеспечивая повышение эффективности выявления экономических преступлений, снижение их латентности и укрепление доказательственной базы на первоначальных стадиях расследования.

Список использованных источников

1. Джонс, М.Т. Программирование искусственного интеллекта в приложениях / М.Т. Джонс. – М. : ДМК Пресс, 2004. – 312 с.
2. Бессонов, А.А. Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений / А.А. Бессонов. – М. : Проспект, 2021. – 816 с.
3. Бахтеев, Д.В. Искусственный интеллект в следственной деятельности: задачи и проблемы / Д.В. Бахтеев // Российский следователь. – 2020. – № 9. – С. 3–6.
4. Звягин, С.А. Исследование документов при производстве судебно-бухгалтерской экспертизы / С.А. Звягин // Уголовный процесс. – 2008. – № 1. – С. 58–64.
5. Бахтеев, Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования / Д.В. Бахтеев // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 2. – С. 43–49.
6. Бахтеев, Д.В. Компьютерное зрение и распознавание образов в криминалистике / Д.В. Бахтеев // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 3. – С. 66–74.

УДК 343.138

В.В. Мелешко, Н.В. Аврамчик

О НЕОБХОДИМОСТИ ПОЯВЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ НОВОГО УЧАСТНИКА – ПРЕДСТАВИТЕЛЯ БЕЗВЕСТНО ИСЧЕЗНУВШЕГО ЛИЦА

Соблюдение прав и законных интересов участников уголовного процесса представляет собой одно из актуальных направлений научных исследований в области уголовного процесса, составной частью которых являются исследования вопросов о роли и процессуальном статусе (полномочиях) как правоохранительных органов, ведущих уголовный процесс, так и подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков, свидетелей, экспертов, специалистов и других физических и юридических лиц. При этом, осуществляя анализ действующего законодательства и правоприменительной практики, следует учитывать реальную, а не мнимую необходимость в реформировании уголовно-процессуального права и его отдельных институтов, а также исключение из содержания уголовно-процессуального закона «неработающих» и утративших актуальность норм. В полной мере это касается необходимости появления в уголовном процессе Республики Беларусь нового участника – представителя безвестно исчезнувшего лица.

Статистика показывает, что ежегодно в нашей стране исчезает большое количество людей, которые, как правило, находятся или разыскиваются. Но бывают случаи, когда в ходе проверки, проводимой в порядке ст. 173 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) местонахождение и мотивы исчезновения человека так и не устанавливаются. В таких случаях в соответствии с ч. 3 ст. 175 УПК в постановлении о возбуждении уголовного дела по факту безвестного исчезновения лица статья Уголовного кодекса не указывается. При этом законодатель указывает, что о принятом решении о возбуждении уголовного дела сообщается заявителю, в качестве которого обычно выступают близкие родственники и члены семьи безвестно исчезнувшего.

О членах семьи безвестно исчезнувшего лица при производстве предварительного следствия по данной категории дел законодатель упоминает несколько раз. Так, в п. 1 ст. 247 УПК говорится, что о приостановлении предварительного следствия следователь обязан письменно уведомить потерпевшего, члена семьи безвестно исчезнувшего лица, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей и одновременно разъяснить им, что постановление о приостановлении предварительного следствия может быть обжаловано прокурору.

Кроме того, в ч. 1 ст. 252 УПК содержится норма, в соответствии с которой о прекращении предварительного расследования либо уголовного преследования и основаниях его прекращения следователь, прокурор письменно уведомляют подозреваемого, обвиняемого, их защитников и законных представителей, потерпевшего, члена семьи безвестно исчезнувшего лица, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, а также лицо или представителя государственного органа, иной организации, по заявлениям которых дело было возбуждено. При этом производство по уголовному делу, возбужденному по факту безвестного исчезновения лица, предварительное следствие по которому приостановлено по основанию, предусмотренному п. 6 ч. 1 ст. 247 УПК, подлежит прекращению по истечении пятнадцати лет с момента возбуждения такого уголовного дела.

Постановление следователя о прекращении предварительного расследования уголовного дела либо уголовного преследования может быть обжаловано подозреваемым, обвиняемым, их защитниками и законными представителями, потерпевшим, членами семьи безвестно исчезнувшего лица, гражданским истцом, гражданским ответчиком или их представителями, представителем умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежавшего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого, а также лицом или представителем государственного

органа, иной организации, по заявлениям которых было возбуждено уголовное дело, прокурору, осуществляющему надзор за предварительным расследованием, или в суд, или начальнику следственного подразделения. Отметим, что правом обжалования решения следователя о прекращении уголовного дела наделяются члены семьи безвестно исчезнувшего, а не член семьи.

В п. 53 ст. 6 УПК разъясняется, что члены семьи – близкие родственники, другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и иные лица, проживающие совместно с участником уголовного процесса и ведущие с ним общее хозяйство. И здесь в указанной норме речь идет об участнике, проживающем совместно с членами семьи в настоящем времени, а не в прошедшем – до момента его безвестного исчезновения. В связи с чем данный п. 6 УПК статьи требует уточнения применительно к рассматриваемому особому производству.

Процессуальный статус членов семьи безвестно исчезнувшего лица, как участника уголовного процесса, в национальной научной литературе специально не исследовался. Вместе с тем очевидно, что защита прав и законных интересов как безвестно исчезнувшего лица, так и членов его семьи требует дополнительных гарантий со стороны государства при производстве по уголовному делу.

В качестве одной из реальных гарантий следует рассматривать возможность участия в таком особом производстве нового участника уголовного процесса – представителя безвестно исчезнувшего лица.

С учетом изложенного выше УПК должен быть дополнен новыми статьями, регламентирующими основания и момент появления в деле представителя безвестно исчезнувшего лица, обстоятельства, исключающие его участие в деле, а также его права и обязанности. Суть выдвигаемых предложений по данному вопросу заключается в следующих положениях.

1. Появление данного представителя возможно только после возбуждения уголовного дела о безвестном исчезновении лица и заявлении им ходатайства о допуске для участия в деле. Представитель допускается к участию в производство по уголовному делу по постановлению следователя.

2. В качестве представителя безвестно исчезнувшего лица не могут быть признаны и допущены к участию в производстве по уголовному делу:

- 1) несовершеннолетний;
- 2) лицо, которое в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно защищать права и законные интересы безвестно исчезнувшего лица;

3. Представитель безвестно исчезнувшего лица имеет право:

- 1) получать от органа, ведущего уголовный процесс, копию постановления о возбуждении уголовного дела;
- 2) пользоваться государственным языком или услугами переводчика;
- 3) предоставлять доказательства;
- 4) заявлять отводы и ходатайства, в том числе о принятии мер по обеспечению его безопасности, членов семьи, близких родственников и иных лиц, которых он обоснованно считает близкими, а также имущества;
- 5) возражать против действий органа уголовного преследования и требовать внесения его возражений в протокол следственного или другого процессуального действия, проводимого в его присутствии или с его участием;
- 7) ознакомиться с протоколами следственных и других процессуальных действий при участии в следственном или другом процессуальном действии требовать внесения в протокол указанного действия записей об обстоятельствах, которые, по его мнению, должны быть отмечены;
- 8) ознакомиться с постановлениями о назначении экспертиз и заключениями экспертов или сообщениями о невозможности дать заключения;
- 9) с момента получения уведомления об окончании предварительного расследования ознакомиться с уголовным делом и выписывать из него сведения в любом объеме, а также с разрешения следователя копировать интересующие его материалы уголовного дела, за исключением сведений, составляющих государственные секреты;
- 11) письменно отказаться от участия в производстве по уголовному делу.

4. Представитель безвестно исчезнувшего лица обязан:

- 1) представлять органу, ведущему уголовный процесс, документы (указывать сведения), подтверждающие его родство (свойство) с безвестно исчезнувшим лицом и ведения с ним общего хозяйства;
- 2) являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс;
- 3) подчиняться законным распоряжениям органа, ведущего уголовный процесс;
- 4) представлять имеющиеся у него предметы и документы по требованию органа, ведущего уголовный процесс;
- 5) присутствовать при производстве следственных и других процессуальных действий, когда это признано необходимым органом уголовного преследования;

б) не разглашать сведения об обстоятельствах, ставших известными ему по уголовному делу, если он был предупрежден об этом органом, ведущим уголовный процесс.

Размышления авторов не претендуют на истину в последней инстанции, но, как нам представляется, дают почву для дальнейшего научного осмысления и исследования производства о безвестном исчезновении лица в уголовном процессе Республики Беларусь с учетом его актуальности и значимости, а также складывающейся следственной и судебной практики.

УДК 343.3

Н.А. Осипова

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В условиях непростой геополитической ситуации, а также трансформации глобальной экономической системы, характеризующейся объективной взаимозависимостью государств в контексте заметного притока мигрантов, в Республике Беларусь принимается значительный комплекс необходимых мер по координации и наращиванию усилий в противодействии нелегальной миграции, предотвращении совершения ими правонарушений и преступлений.

С одной стороны, мигранты представляют собой неотъемлемый элемент и катализатор экономического роста для любого государства, с другой – сохраняется комплекс неразрешенных проблем, сопряженных с обеспечением национальной безопасности в условиях миграционного давления. Существенно возрастают риски обострения и криминогенной обстановки. Только с 15 апреля 2022 г. более 1,25 млн иностранных граждан посетили Республику Беларусь в рамках расширенного безвизового въезда для граждан 38 европейских государств [1].

В целях повышения эффективности работы в сфере миграции в Республике Беларусь ежегодно укрепляется международное сотрудничество с компетентными органами зарубежных стран, налаживаются каналы обмена информацией о нелегальных мигрантах, преступных группах, занимающихся организацией незаконной миграции, а также о современных методах борьбы с данным явлением. Это позволяет более эффективно противодействовать международным преступным организациям, занимающимся незаконной переправкой и торговлей людьми.

Так, силовыми структурами Республики Беларусь ежегодно реализуется ряд профилактических и оперативных мер. Эти меры включают совместные рейды по местам проживания иностранных граждан, пресечение нелегального пересечения государственной границы и выявление лиц, незаконно находящихся в стране [2]. В реализации данных мероприятий участвуют не только органы внутренних дел, но и другие ведомства, такие как Комитет государственной безопасности, Государственный пограничный комитет, Комитет государственного контроля. Также осуществляется взаимодействие с подразделениями Федеральной миграционной службы и Федеральной службой безопасности Российской Федерации.

В рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) правоохрнительными органами государств – членов ОДКБ активно реализуется комплекс региональных оперативно-профилактических мероприятий по противодействию незаконной миграции под условным наименованием «Нелегал». В рамках данной операции осуществляется выявление иностранных граждан, нарушающих нормы миграционного законодательства, регулирующие правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства, проводятся проверки мест возможного нахождения иностранных граждан, включая вокзалы, рынки, торговые комплексы, гостиницы, общежития и сдаваемые в аренду жилые помещения.

В результате проведения операции ОДКБ «Нелегал» в 2023 и 2024 гг. на территориях государств – членов ОДКБ выявлено более 250 тыс. нарушений миграционного законодательства, задержано 1,094 тыс. лиц, объявленных в розыск, из них 9 человек за совершение преступлений террористического и экстремистского характера и наемничества. Возбуждено 7,8 тыс. уголовных дел за организацию незаконной миграции [3].

Важным аспектом является также профилактическая работа среди населения, направленная на повышение осведомленности о рисках, связанных с нелегальной миграцией, организуются информационные кампании в средствах массовой информации, направленные на формирование негативного отношения к нелегальной миграции и стимулирование граждан к сообщению о фактах нарушений миграционного законодательства. Особое внимание правоохрнительных органов в вопросах профилактики и пресечения преступлений в области незаконной миграции также направлено на пресечение деятельности преступных групп, занимающихся легализацией пребывания незаконных мигрантов на территории нашего государства.

С 7 июля 2024 г. в Республике Беларусь действует усиленный контроль за временно пребывающими иностранными гражданами. В соответствии со ст. 43¹ Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» юридические и физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, не позднее трех часов после фактического предоставления для проживания иностранным гражданам жилых помещений на основании договоров возмездного оказания услуг на срок одни сутки и более представляют в орган внутренних дел по месту нахождения указанных жилых и иных помещений информацию о таких иностранных гражданах. Указанная информация представляется безвозмездно посредством информационных ресурсов (систем) Министерства внутренних дел, единого портала электронных услуг общегосударственной автоматизированной информационной системы или путем доставки нарочным в порядке, определяемом постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 3 июня 2024 г. № 169 «О порядке информирования».

Учитывая, что значительная часть пребывающих иностранных граждан относится к категории «учебная миграция» (студенты учебных заведений, прибывающих в Республику Беларусь с целью изучения русского языка и возможного дальнейшего трудоустройства), принимаются меры по пресечению фактов использования территории Республики Беларусь в качестве транзита по приглашениям образовательных организаций. Реализуются меры избирательного подхода к кандидатам на обучение со стороны образовательных организаций и правоохранительных органов, что приводит к сокращению количества оформленных приглашений на въезд с образовательной целью.

В рамках расширенного комплекса мер особое внимание уделяется усилению контроля за деятельностью работодателей, привлекающих иностранную рабочую силу. С принятием Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 225-З «О внешней трудовой миграции», чтобы заполнять рабочие места, освободившиеся в связи с оттоком рабочей силы, белорусские предприятия и организации начали привлекать трудовых мигрантов. Ежегодно органам внутренних дел Республики Беларусь выдается (продлевается) более 10 000 специальных разрешений на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь. В Беларусь едут трудовые мигранты из стран Африки и Центральной Азии. В связи с событиями на Украине в нашу страну прибыли тысячи беженцев из Донецкой и Луганской областей. Основная масса мигрантов въезжают по рабочим специальностям и трудоустраиваются в сферах строительства, сельского хозяйства, обслуживания.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 21 мая 2025 г. № 202 «О повышении роли нанимателей в области внешней трудовой миграции» проводятся регулярные проверки предприятий и организаций с целью выявления фактов нелегального трудоустройства и нарушения трудового законодательства. В отношении нарушителей возможно применение мер административной и уголовной ответственности, включая аннулирование разрешения на привлечение иностранной рабочей силы для нанимателей и аннулирование специального разрешения на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь для иностранных граждан.

Также 2 февраля 2026 г. Президент Республики Беларусь подписал Закон Республики Беларусь № 130-З «Об изменении законов по вопросам государственной дактилоскопической регистрации». Согласно данному закону дактилоскопирование обязательно для иностранных граждан и лиц без гражданства, проходящих пограничный контроль при пересечении государственной границы, а также подлежащих депортации, высылке из Республики Беларусь или передаче иностранному государству в соответствии с международным договором о реадмиссии. Проходить дактилоскопию будут также и те, кто включен в список лиц, чей въезд в Республику Беларусь запрещен или нежелателен, а также лица, в отношении которых органами пограничной службы принято решение о проведении дактилоскопической регистрации в интересах национальной безопасности. Помимо изложенного, обязательной государственной дактилоскопической регистрации теперь подлежат и иностранные граждане и лица без гражданства, которые обратились за получением разрешения на временное проживание в Республике Беларусь [4].

Таким образом, совершенствование системы контроля миграционных процессов является приоритетным направлением в сфере обеспечения национальной безопасности для любого государства. Реализация предложенных мер позволит не только сократить масштабы нелегальной миграции и преступности среди мигрантов, но и создать более благоприятные условия для социально-экономического развития Республики Беларусь в целом, что требует консолидации усилий всех заинтересованных сторон, включая органы государственной власти, правоохранительные органы, общественные организации и деловые сообщества.

Список использованных источников

1. С начала года более 224 тысяч иностранцев посетили Беларусь без виз. – Мн., 2026. – URL: <https://www.gpk.gov.by> (дата обращения: 03.02.2026).

2. Бородич, А.И. Взаимодействие органов внутренних дел с органами пограничной службы в противодействии организации незаконной миграции / А.И. Бородич // 105 лет милиции Беларуси : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 2 марта 2022 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Мн., 2022. – С. 20–24.

3. Отчет об итогах деятельности организации в 2023–2025 годах для глав государств-членов // Организация Договора о коллективной безопасности. – Бишкек, 2025. – URL: <http://www.odkb-csto.org> (дата обращения: 03.02.2026).

4. Об изменении законов по вопросам государственной дактилоскопической регистрации // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Мн., 2026. – URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 03.02.2026).

УДК 343.98

Г.А. Павловец

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО – СОВРЕМЕННЫЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕОТВРАТИМОСТИ НАКАЗАНИЯ

Современная уголовно-процессуальная система Республики Беларусь непрерывно эволюционирует, отвечая на вызовы, связанные с состоянием преступности и необходимостью обеспечения неотвратимости ответственности. Одним из ключевых нововведений, направленных на преодоление принципиальных сложностей в осуществлении правосудия, стало законодательное закрепление в июле 2022 г. абсолютно нового для уголовного процесса Беларуси института специального производства – процедуры расследования и рассмотрения уголовного дела в отсутствии обвиняемого.

Обоснование целесообразности и императивной необходимости данного вида производства невозможно без анализа конкретного политико-правового контекста, ярко продемонстрировавшего системные пробелы в механизмах международно-правового сотрудничества. Катализатором для глубокого переосмысления существующих процессуальных механизмов послужили события, последовавшие за масштабными общественно-политическими событиями на территории Республики Беларусь в 2020 г. Значительное число лиц, в отношении которых имелись достаточные основания для подозрения (обвинения) в совершении тяжких и особо тяжких преступлений (включая действия, квалифицируемые как организация массовых беспорядков, насилие в отношении представителей власти, призывы к действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности), покинули территорию государства. Последующая практика взаимодействия по линии

международной правовой помощи выявила критическую проблему: ряд иностранных государств, несмотря на наличие действующих международных (двусторонних) договоров о правовой помощи и выдаче (экстрадиции), систематически отказывали компетентным органам Республики Беларусь в удовлетворении запросов об экстрадиции указанных лиц.

Таким образом, до вступления в силу Закона Республики Беларусь от 20 июля 2022 г. № 199-З «Об изменении Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь» вышеуказанное обуславливало существование ряда негативных правовых последствий. Во-первых, не мог быть реализован и, как следствие, нарушался принцип неотвратимости наказания. По сути, лица, совершившие уголовно наказуемые деяния на территории Республики Беларусь, фактически уходили от уголовной ответственности. Во-вторых, наличие первого фактора подрывало авторитет правосудия и верховенства закона. Транслируемая в отдельных средствах массовой информации безнаказанность лиц, в отношении которых имелись достаточные доказательства для предъявления обвинения, подрывала общественное доверие к органам государственной власти и создавала прецедент безнаказанности.

И, в-третьих, традиционная модель уголовного процесса Республики Беларусь, требующая непосредственного участия обвиняемого как в ходе предварительного следствия, так и в судебном разбирательстве для обеспечения его права на защиту, оказалась неприменимой в условиях невозможности его физической доставки на территорию страны. Данный фактор породил правовой тупик, поскольку в подобной ситуации у следователя не было действенного правового механизма завершить предварительное расследование и направить уголовное дело прокурору для направления в суд для дальнейшего вынесения судом решения при рассмотрении уголовного дела по существу.

Все вышеотмеченные факторы и стали предпосылками для осмысления сложившейся в уголовном процессе ситуации и необходимости принятия на законодательном уровне мер, нивелирующих возможность уклонения от уголовной ответственности. Такой механизм был разработан в рамках института специального производства, предусмотренного гл. 49³ Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь.

Для сравнения, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) отсутствует прямой аналог специального производства, как это предусмотрено в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь. В то же время законодателем отдельный правовой механизм позволяет рассматривать уголовные дела в отсутствие подсудимого в определенных условиях. Так, например, согласно ч. 5

ст. 247 УПК РФ в исключительных случаях судебное разбирательство по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, а также по отдельным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации о преступлениях небольшой или средней тяжести может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу.

Указанная норма позволяет суду продолжать процесс, обеспечивая тем самым определенную степень правосудия, в том числе в ситуациях уклонения лица от судебного разбирательства. С другой стороны, в буквальной интерпретации рассмотренной статьи, вполне обоснован вывод о том, что законодателем предусмотрена исключительно возможность рассмотрения дела по существу без участия подсудимого, однако на стадиях досудебного производства данное лицо было полноценно вовлечено в сферу уголовно-процессуальных отношений и в целом могло реализовывать свое право на защиту. В связи с этим возникает закономерный вопрос о возможности реализации принципа неотвратимости наказания при ситуациях тотального уклонения от уголовного преследования и отсутствия реального взаимодействия с отдельными странами в рамках международной правовой помощи по уголовным делам.

Подводя итог, нужно обозначить, что в настоящее время достаточно актуальный вопрос сближения уголовно-процессуального законодательства двух государств: Республики Беларусь и Российской Федерации. В связи с этим представляется вполне обоснованным на основании анализа норм, регулирующих порядок производства по материалам и уголовным делам в Беларуси, оценить проблемы экстрадиции в Российской Федерации, когда иностранные государства могут отказывать в выдаче обвиняемых, что затруднит в последующем реализацию уголовного преследования и привлечения к уголовной ответственности. В данной ситуации последствия наступления возможного правового вакуума могут быть спрогнозированы и нивелированы путем теоретического осмысления и дальнейшей правовой регламентации в уголовном процессе Российской Федерации аналогичного специального производству в уголовном процессе Республики Беларусь института.

**ДОЗНАНИЕ КАК ФОРМА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ:
РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

В последние десятилетия уголовный процесс Республики Беларусь претерпел значительные изменения. Суждения о перспективах дальнейшего развития досудебного производства как одного из важнейших этапов уголовно-процессуальной деятельности в целом, его отдельных институтов в частности не теряют своей актуальности, привлекая повышенное внимание ученых-процессуалистов и практических работников. Обсуждаемыми остаются вопросы, касающиеся проблем дознания как формы предварительного расследования.

В настоящее время уголовно-процессуальным законом закреплены две формы предварительного расследования: дознание и предварительное следствие (п. 26 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь). Дополнительно С.В. Борики выделяет третью форму предварительного расследования – ускоренное производство [1, с.187].

Вместе с тем дознание представляет собой первоначальный этап расследования уголовного дела, на котором уполномоченные законом органы и должностные лица органов дознания в 10-дневный срок производят неотложные следственные и иные процессуальные действия с целью установления и закрепления следов преступления.

Система форм предварительного расследования установилась с созданием в 2012 г. Следственного комитета Республики Беларусь.

Следует отметить, что одной из целей, преследуемых при образовании данного органа, являлось исключение административной подчиненности следователей и сотрудников оперативных подразделений одному руководителю.

До этого уголовные дела по процессуальным признакам были разделены на две категории: по которым предварительное следствие необязательно и по которым предварительное следствие обязательно.

По первой из них материалы дознания являлись основанием для рассмотрения дела судом по существу. В органах внутренних дел предварительное расследование по данной категории уголовных дел производилось специализированными подразделениями дознания.

По уголовным делам с обязательным производством предварительного следствия расследование осуществлялось следователями. Однако органы дознания имели право возбуждать такие уголовные дела, производить по ним неотложные следственные действия, направленные на за-

крепление следов преступления и установление лица, его совершившего, после чего были обязаны передать материалы дознания следователю для производства предварительного следствия.

При сравнении форм расследования полагаем, что процессуальный порядок не предусматривал каких-либо существенных различий.

Дознание отличалось от предварительного следствия в основном лишь процессуальной зависимостью субъекта расследования и сроками расследования. В остальном указанные формы предварительного расследования имели больше сходных черт.

Очевидно, что в основу дифференциации форм предварительного расследования положено стремление разгрузить органы предварительного следствия от расследования уголовных дел незначительной сложности, не требующих больших процессуальных затрат.

Внесенными в УПК Республики Беларусь изменениями предварительное следствие стало обязательным по всем уголовным делам, за исключением уголовных дел частного обвинения. Иными словами, органы дознания были лишены права производства предварительного расследования в полном объеме.

В результате проведенной реформы кардинально изменился процессуальный статус начальника органа дознания, а такие участники уголовного процесса, как начальник подразделения дознания и дознаватель упразднены. Вместе с тем взамен последнего уголовно-процессуальным законом введено лицо, производящее дознание, что ранее было закреплено в УПК БССР 1960 г.

Во многом результат проведенного реформирования явился реализацией идей, заложенных в Концепции судебно-правовой реформы, одобренной постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г. № 1611-XII.

Несмотря на имеющийся опыт организации досудебного производства в Российской Федерации с учетом деятельности уже образованного там Следственного комитета, отечественный законодатель в части закрепления форм предварительного расследования все же исходил из особенностей процессуального положения органов уголовного преследования нашей страны. И в отношении рассматриваемой проблематики уголовно-процессуальные законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации (РФ) имеют отличия.

Так, российским законодателем в качестве форм предварительного расследования выделены предварительное следствие (гл. 22 УПК РФ) и дознание (может проводиться в общем порядке (гл. 32 УПК РФ) или в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ)).

Предварительное следствие производят следователи (ч. 2 ст. 151 УПК РФ) Следственного комитета РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Министерства внутренних дел РФ. Заканчивается оно принятием одного из следующих решений: о прекращении уголовного дела, о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия, о направлении уголовного дела с обвинительным заключением прокурору для передачи его в суд, о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера.

Дознание осуществляется дознавателем (следователем) по уголовным делам, не требующим производства предварительного следствия.

Дознание осуществляется (ч. 3 ст. 151 УПК РФ) дознавателями органов внутренних дел РФ, дознавателями пограничных органов Федеральной службы безопасности, дознавателями органов Федеральной службы судебных приставов, дознавателями Государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы, дознавателями таможенных органов РФ, следователями Следственного комитета РФ и заканчивается принятием решения о прекращении уголовного дела, направлении уголовного дела с обвинительным актом прокурору для передачи его в суд, направлении уголовного дела с обвинительным постановлением прокурору для передачи его в суд.

Очевидным преимуществом органов внутренних дел РФ является наличие в их системе специализированных подразделений по расследованию уголовных дел прежде всего за счет формирования профессионального кадрового ядра – специалистов в области уголовно-процессуального права. Данное обстоятельство не может не отразиться на эффективности служебной деятельности оперативных подразделений, служб, обеспечивающих охрану общественного порядка и профилактику, повышение которой неминуемо за счет непосредственного взаимодействия с процессуалистами-практиками.

Безусловно, вопрос о наиболее эффективной модели организации предварительного расследования остается открытым. Некоторые ученые призывают к объединению дознания с предварительным следствием и созданию унифицированной процессуальной формы расследования уголовного дела [2, с. 47]. Один из ведущих отечественных специалистов в области уголовного процесса Л.Л. Зайцева также не является сторонником упрощенной формы расследования [3, с. 31].

Вместе с тем возврат в отечественный уголовный процесс дознания как формы полноценного расследования не только позволил бы органам

предварительного следствия сосредоточить свои усилия на расследовании уголовных дел о преступлениях, отнесенных к категории тяжких и особо тяжких, получивших широкий общественный резонанс, но и дал возможность избежать потенциальных проблем межведомственного взаимодействия при принятии решения о возбуждении уголовного дела.

Список использованных источников

1. Бори́ко, С.В. Уголовный процесс : учебник / С.В. Бори́ко. – 4-е изд., испр. и доп. – Мн. : Адукацыя і выхаванне, 2002. – С. 424.
2. Победкин, А.В. О ценности процессуальной формы в условиях правового нигилизма в России / А.В. Победкин // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 46–48.
3. Зайцева, Л.Л. Уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь: взгляд в прошлое и будущее / Л.Л. Зайцева // Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь / Вступ. ст. Л.Л. Зайцевой. – Мн. : Тесей, 2000. – С. 3–32.

УДК 343.98:004

С.В. Пилюшин

КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ ИХ ВЫЯВЛЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ

Активное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), поспособствовавших широкому вовлечению процессов, связанных с жизнедеятельностью общества в интернет-пространство, объективно изменило характер противоправных деяний, все более направляя их вектор в киберпространство. И если еще 8–10 лет назад количество преступлений, совершенных в сфере высоких технологий, варьировалось в пределах 5 % (2015 г. – 3,8 %; 2016 г. – 4,3 %; 2017 г. – 6,5 %;), то уже к 2026-му в структуре общей преступности (63 929) их общая доля закрепилась на уровне 30 % (18 977).

Абсолютное большинство киберпреступлений, зарегистрированных в Республике Беларусь, составляют преступления против собственности (96 %). Из них мошенничества, совершаемые с использованием ИКТ, – 55 %, хищения путем модификации компьютерной информации – 36 % и кибервымогательства – около 5 %. Проведенный анализ данных преступлений позволяет условно разделить их на три основные группы. Большая часть приходится на вишинг – 38 %. Как правило,

мошенники осуществляют звонки от имени сотрудников силовых структур, работников финансовых учреждений, операторов сотовой связи, коммунальных предприятий, медицинских организаций и т. п. Такие схемы обмана, более известные под неформальными наименованиями «Мама, я в беде», Fake Boss, «Декларирование средств» и «Внесение денег на безопасный счет».

Так, общественный резонанс в середине прошлого года вызвала преступная схема, когда, например, с потенциальной жертвой по телефону связывается «представитель» обслуживающей организации под предлогом замены домофона или приборов учета. Для верификации предлагается сверить личные данные и назвать код из поступившего СМС-сообщения. Далее поступает звонок от «сотрудника» правоохранительного органа и сообщается, что с жертвой общались мошенники, которые, заполучив уникальный код, оформили на имя потерпевшего кредиты, направив денежные средства на поддержку экстремистской деятельности. Запугивая уголовным преследованием, предлагается осуществить декларирование всех имеющихся сбережений с переводом их на «безопасный» счет. В большинстве случаев потерпевшие, полагая, что оказывают содействие в поимке преступников, следуют инструкциям «правоохранителей», получают кредиты, реализуют недвижимость и переводят денежные средства злоумышленникам.

Примечательно, что для придания реалистичности данной и иным схемам, например Fake Boss (в корпоративных мессенджерах и социальных сетях создаются фейковые аккаунты, и от имени руководителя организации осуществляется переписка с сотрудниками посредством текстовых и голосовых сообщений с требованиями перевода денежных средств), мошенниками активно используются технологии, основанные на машинном обучении и искусственном интеллекте (дипфейк).

Вторую группу дистанционных хищений, совершаемых с использованием ИКТ (37 %), составляют преступления с использованием онлайн-площадок объявлений и платформ социальных сетей, когда под предлогом приобретения различных товаров (цветочная продукция, мобильные телефоны, предметы одежды, автозапчасти, мебель, сезонные товары и пр.) и услуг (аренда недвижимости, помощь в оформлении виз, туров и т. п.) мошенники предлагают внести предоплату.

Наиболее успешно реализуются такие схемы в Instagram. Злоумышленники создают фейковые аккаунты с накрученными рейтингами, количеством подписчиков и положительными отзывами покупателей, где предлагают товар по цене ниже рыночной стоимости. Как правило, совершение покупок по таким объявлениям предусматривает 100 %-ную

предоплату, после внесения которой связь с покупателем прекращается, а аккаунт удаляется.

Замыкает тройку рассматриваемой группы хищений фишинг, на который приходится 13 %. Данные действия часто связаны с перенаправлением потенциальных жертв по ссылке на поддельный веб-ресурс (например, сайт платежного сервиса, интернет-магазина, банка, почтовой службы и т. п.), где требуется ввести полные реквизиты банковской платежной карточки. На фоне известных примеров хищений денежных средств с использованием фишинговых сайтов своей изощренностью выделяются схемы по созданию токена банковской платежной карточки – цифрового эквивалента карты, который добавляется в смартфон лица, участвующего в преступной схеме (дропа), позволяя в последующем совершать через NFC-модуль бесконтактные операции по снятию наличных в банкоматах Беларуси и за рубежом.

Тем не менее, несмотря на то что раскрываемость киберпреступлений остается невысокой (21,3 %), принятые меры оперативного реагирования, в том числе профилактического характера, в целом благоприятно повлияли на состояние криминогенной обстановки в сфере противодействия киберпреступности.

Внедрение в практику борьбы с преступностью современных методик и специальных программно-технических средств поспособствовало выявлению и блокированию инструментария, используемого при совершении преступлений, установлению причастных лиц. Так, например, в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий и производства следственных действий в 2025 г. было выявлено более 14 тыс. мошеннических интернет-ресурсов, 110 скам-сообществ, в том числе 24 дроп-сервиса, оказывавших услуги по выводу и легализации доходов, полученных преступным путем. Принятые меры позволили достичь к концу года снижения киберпреступлений, однако в структуре общей преступности их количество продолжает оставаться довольно высоким.

Одной из основных проблем, с которыми сталкиваются правоохранные органы в процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием ИКТ, является высокая степень анонимности и конфиденциальности преступников, достигаемые за счет использования передовых технических устройств, нейросетей и других инновационных технологий. Ее разрешение видится в организации четкой системы взаимодействия правоохранительных органов с операторами связи, интернет-провайдерами, банками, специалистами различных уровней в сфере информационной безопасности.

Свою эффективность в отслеживании и предотвращении подозрительных финансовых операций показала внедренная в 2024 г. автоматизированная система обработки инцидентов, обеспечивающая оперативный обмен информацией между банками и правоохранительными органами. Однако, как показывает практика противодействия киберпреступности, принятые меры не позволяют полностью исключить возможность совершения в отношении граждан дистанционных хищений и вывода денежных средств. В связи с этим видится необходимость совершенствования существующих методик выявления признаков несанкционированных переводов денежных средств и механизмов оперативного реагирования на возникающие инциденты. Представляется перспективной разработка и внедрение единого для всех банков стандарта по использованию как сессионного, так и транзакционного антифрода, в том числе предусматривающего идентификацию устройств по уникальным техническим характеристикам (в случаях удаленного доступа, подмены устройства), с которых пользователи осуществляют доступ к финансовым операциям.

Комплексный анализ зафиксированных данных (цифровых отпечатков устройств, поведенческих характеристик сессий и параметров транзакций) позволит правоохранительным органам не только оперативно пресекать подозрительные сессии и транзакции в реальном времени, но и ретроспективно реконструировать полную цепочку преступных действий, устанавливать круг причастных лиц, а также идентифицировать используемые ими технические средства. В итоге это существенно повысит общую эффективность процессов выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием ИКТ.

УДК 343.98.06

В.А. Родивилина

ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ ИТ-ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Актуальность темы противодействия ИТ-преступности обусловлена ее устойчивым ростом и высокой латентностью. В первом полугодии 2025 г. удельный вес ИТ-преступлений в структуре российской преступности превысил 40 %, при этом показатель раскрываемости таких деяний остается стабильно невысоким [1]. Подобная тенденция прослеживается и в других странах, что указывает на системный характер

существующих проблем, требующих адаптации традиционных криминалистических методик к реалиям цифровой среды.

Целью исследования является комплексный анализ причин низкой эффективности расследования IT-преступлений и обоснование направлений совершенствования криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности.

Проведенный анализ позволяет выделить пять ключевых групп проблем, препятствующих эффективному раскрытию IT-преступлений. Во-первых, активное использование злоумышленниками технологий анонимизации. Применение VPN-сервисов, анонимайзеров и мессенджеров со сквозным шифрованием (Telegram, Signal) позволяет скрывать IP-адреса и делает содержимое переписки недоступным для операторов связи. Это значительно осложняет проведение оперативно-розыскных мероприятий и требует пересмотра подходов к собиранию цифровых следов в условиях криптографической защиты информации [2, с. 165]. Законодатель, признавая данную угрозу, в 2024 г. дополнил ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации пунктом «ж.1», признающим использование средств анонимизацииотягчающим обстоятельством.

Во-вторых, внедрение преступниками технологий искусственного интеллекта (ИИ). Развитие дипфейк-технологий для создания поддельных видео- и аудиоматериалов, автоматизация кибератак и генерация вредоносного кода создают новые вызовы. Правоприменительная практика сталкивается с трудностями квалификации деяний, совершенных с использованием или при участии автономных ИИ-систем, что ставит под сомнение традиционные подходы к установлению субъекта преступления [3, с. 471].

В-третьих, ограниченное взаимодействие правоохранительных органов с операторами связи, кредитными организациями и криптовалютными сервисами. Несмотря на наличие правовых оснований для получения информации (ст. 26 Федерального закона Российской Федерации от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», ст. 64 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»), на практике взаимодействие затруднено длительными сроками обработки запросов. Наиболее серьезные сложности возникают с криптовалютными платформами, зарегистрированными за рубежом и не подчиняющимися национальной юрисдикции, что требует выработки новых правовых механизмов партнерства государства и частного сектора.

В-четвертых, недостаточный уровень технической оснащенности и дефицит профильных специалистов. Расследование данной категории преступлений неосуществимо без использования инструментов анализа больших данных, отслеживания активности в даркнете и изучения

криптовалютных транзакций. Вместе с тем правоохранительные органы испытывают дефицит специалистов, владеющих навыками машинного обучения и блокчейн-аналитики [4, с. 71].

В-пятых, трансграничный характер киберпреступности. Организация преступных схем из-за рубежа, размещение серверов в иностранных юрисдикциях и использование зарубежных платежных систем делают расследование практически невозможным без эффективного международного сотрудничества, которое замедляется из-за отсутствия унифицированных процедур и ограниченного участия в многосторонних соглашениях.

Для преодоления обозначенных проблем необходимо реализовать комплекс мер по следующим направлениям.

1. Совершенствование нормативной правовой базы. Требуется адаптация уголовного законодательства к новым вызовам. Перспективными видятся: разработка механизмов оперативного блокирования мошеннических счетов и сервисов; внедрение системы межведомственного обмена информацией с обязательным реагированием на запросы в срок не более 24 часов; создание нормативно закреплённого механизма контроля за использованием VPN-сервисов с ведением их государственного реестра для минимизации правовой неопределённости («серой зоны»).

2. Развитие цифровой криминалистики как самостоятельного направления. Необходимо обновление методического арсенала для работы с цифровыми следами. В этих целях предлагается: создание специализированных подразделений по цифровой криминалистике, укомплектованных IT-специалистами и экспертами по блокчейн-аналитике; оснащение следственных органов современными средствами фиксации электронно-цифровых следов (системы копирования данных с хешированием, средства анализа трафика); разработка и нормативное закрепление единой методики работы с цифровыми доказательствами с учетом международных стандартов (ISO/IEC 27037:2012) [5, с. 142].

3. Подготовка высококвалифицированных кадров. Эффективная борьба с киберпреступностью невозможна без усиления подготовки сотрудников в области цифровой криминалистики, киберразведки и анализа данных. Это требует внедрения в образовательные программы учебных заведений Министерства внутренних дел специализированных курсов по работе с открытыми источниками (OSINT), анализу блокчейн-транзакций и методам социальной инженерии.

4. Укрепление международного сотрудничества. Учитывая трансграничный характер угрозы, перспективным направлением видится актив-

визация взаимодействия с Интерполом, Европолом и международными платежными системами. Особое значение приобретает заключение двусторонних договоров о совместном расследовании киберпреступлений, а также создание профильных международных рабочих групп, что позволяет существенно ускорить выявление и пресечение деятельности преступных групп.

Таким образом, в условиях цифровизации общества эффективное противодействие IT-преступности требует системного подхода. Действующие нормы и методики не успевают за стремительным технологическим прогрессом. Решение выявленных проблем требует комплексного подхода, объединяющего правовые, организационные и технологические меры: корректировку законодательства с учетом цифровых реалий, институциональное развитие цифровой криминалистики, укрепление кадрового потенциала и расширение международного сотрудничества. Только реализация указанных направлений способна повысить эффективность расследования и обеспечить надлежащий уровень правопорядка в условиях цифровой трансформации.

Список использованных источников

1. МВД России опубликовало статистические сведения о состоянии преступности в первом полугодии 2025 года // МВД МЕДИА. – 2025. – 23 дек. – URL: mvd-media.ru (дата обращения: 25.02.2026).
2. Россинская, Е.Р. Тренды развития криминалистики в условиях цифровой трансформации современной преступности / Е.Р. Россинская // Союз криминалистов и кримиологов. – 2025. – № 1. – С. 162–173.
3. Мосечкин, И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления / И.Н. Мосечкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – № 3. – С. 461–476.
4. Архипов, Д.Д. К вопросу применения цифровой криминалистики в современных условиях / Д.Д. Архипов, Ю.Ю. Гарцева, В.Ю. Миллер // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2024. – Т. 26, № 3. – С. 158–168.
5. Рашупкина, В.А. О совершенствовании процессуального порядка собирания доказательств в компьютерных сетях / В.А. Рашупкина // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2023. – № 3. – С. 141–145.

**О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КРИМИНАЛИСТИКИ И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
И СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Осуществляемые в ходе уголовной юстиции оптимизация уголовно-процессуального законодательства, модернизация уголовно-процессуальной деятельности немислимы без надлежащей координации научной и практической составляющих криминалистики и уголовного процесса. На протяжении значительного периода криминалистика и уголовный процесс тесно взаимодействовали между собой, дополняя друг друга. Криминалистика как правовая наука, отрасль знаний, безусловно, способствовала раскрытию и обеспечению расследования преступлений, что свидетельствовало о борьбе с преступными проявлениями.

Вместе с тем происходящие стремительные изменения в сфере информационных технологий, цифровизация уголовного процесса, появление электронной информации в уголовном деле, использование нейросетей (искусственного интеллекта) не могли не оказать влияние на криминалистику.

Мы разделяем суждение В.В. Николюка, который выделяет следующие основные направления влияния криминалистики на уголовное судопроизводство:

– расширение в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) пределов и условий использования научно-технических средств и специальных познаний для целей формирования доказательств в уголовном судопроизводстве;

– адаптация информационного подхода (криминалистической информатики) к формированию доказательств, создание предпосылок к сближению уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности [1, с. 252–254].

Значению криминалистики в части оптимизации уголовно-процессуальной формы посвящено диссертационное исследование Б.Г. Голубицкого [2]. В связи с этим нельзя не отметить, что перед криминалистикой возникают новые вызовы в условиях неизбежной трансформации уголовно-процессуальных отношений, которые содержат в себе контент, основанный на материальном праве. Изменения в УПК (ст. 204¹, ч. 13¹ ст. 210, ст. 224¹) требуют разработки криминалистических рекомендаций по их реализации.

Как мы уже отметили, процессы цифровизации по своей сути неминуемо затрагивают весь ход досудебного производства по делу. Полученная цифровая информация является особым видом информации, которая используется в процессе доказывания по уголовному делу. Научные исследования в этом направлении затрагивают сферу уголовного процесса и криминалистики. Н.А. Богданович исследовала правовые аспекты формирования электронного уголовного дела [3, с. 92]. А.С. Рубис и Т.В. Ахраменко анализировали особенности электронного документа как источника криминалистически значимой информации [4, с. 65]. В обозначенном направлении представляет научный интерес исследование А.А. Балашовой, которая предлагает введение в УПК Российской Федерации понятия дистанционного обыска, проводимого на основании судебного решения. Под ним предлагается понимать следственное действие, состоящее в принудительном обследовании информационной системы, находящейся на электронных носителях за пределами места производства следственного действия, доступ к которым ограничен ее обладателем и осуществляется посредством компьютерных сетей [5, с. 24–27].

На наш взгляд, процессуальная взаимосвязь и взаимообусловленность уголовного процесса и криминалистики отчетливо проявляются на стадии судебного разбирательства уголовного дела (в рамках данной статьи анализируется рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции). На протяжении значительного периода «присутствие» криминалистики в указанной стадии было менее ощутимо. В определенной степени это объяснялось тем, что криминалистическая тактика рассматривалась только в контексте расследования преступлений. Приоритетное значение криминалистической тактики – это поисковая, оперативная деятельность [6, с. 44–45]. Однако, принимая во внимание, что в соответствии с ч. 1 ст. 24 УПК правосудие осуществляется на основе состязательности и равенства сторон, следует учесть, что законодатель согласно ст. 18 УПК обязывает всесторонне, полно, объективно устанавливать обстоятельства уголовного дела.

Представляется, что исследование обстоятельств уголовного дела, исходя из задач уголовного процесса, допустимо в том числе путем выработки тактических и методических рекомендаций по ведению судебного следствия (ключевого института стадии судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции).

Следовательно, мы можем вести речь о термине «судебная тактика». Криминалистические рекомендации будут, с одной стороны, весьма уместны для суда как органа судебной власти, осуществляющего право-

судие по уголовному делу, а с другой – для прокурора как органа уголовного преследования, который поддерживает государственное обвинение в суде. Не следует забывать о том, что «судебная тактика» включает в себя тактику и методику защиты по уголовному делу, которая в науке криминалистики существует достаточно продолжительное время, несмотря на ее неоднозначное восприятие.

Адвокатское расследование – составная часть тактики и методики защиты в условиях реализации принципа состязательности и равенства сторон. По этой причине вряд ли можно согласиться с тезисом В.В. Николюка о том, что криминалистика изначально призвана обслуживать лишь обвинительный срез уголовного судопроизводства [1, с. 257].

Подводя итог изложенному, отметим:

- криминалистика развивалась в тесной связи с уголовным процессом в рамках одной научной специальности 12.00.09;
- отчетливо прослеживается взаимосвязь криминалистики с вышеперечисленными уголовно-процессуальными институтами, которые наполнены криминалистическим содержанием;
- в условиях трансформации уголовно-процессуальных отношений в сфере цифровизации, выработка надлежащих, апробированных практикой рекомендаций вне всякого сомнения, будет способствовать достижению задач уголовного процесса, обозначенных законодателем.

Список использованных источников

1. Николюк, В.В. Уголовный процесс и криминалистика: состояние и направления взаимодействия в условиях реформирования УПК РФ // В.В. Николюк // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов XXI Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 26–27 мая 2016 г. / Восточно-Сибир. ин-т МВД России. – Иркутск, 2016. – С. 252–257.
2. Голубицкий, Б.Г. Роль и задачи криминалистики в реформировании уголовного судопроизводства: ретроспекция и прогнозирование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Голубицкий Борис Георгиевич ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2005. – 27 с.
3. Богданович, Н.А. Правовые аспекты формирования электронного уголовного дела: достоинства и недостатки (на примере зарубежного опыта) / Н.А. Богданович // Информационные технологии и право: правовая информация – 2018 : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2018 г. / под общ. ред. Е.И. Коваленко. – Мн. : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2018. – С. 91–95.
4. Рубис, А.С. Особенности электронного документа как источника криминалистически значимой информации / А.С. Рубис, Т.В. Ахраменко // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2020. – № 1. – С. 64–68.
5. Балашова, А.А. Электронные носители информации и их использование

в уголовно-процессуальном доказывании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Балашова Анна Александровна ; Акад. упр. МВД РФ. – М., 2020. – 30 с.

6. Васильев, А.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики / А.П. Васильев, Н.П. Яблоков. – М. : МГУ, 1984. – 143 с.

УДК 343.985

А.П. Стефаненко, П.А. Воронько

ДЕКЛАРИРОВАНИЕ ДОХОДОВ И ИМУЩЕСТВА КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

Коррупция представляет собой злоупотребление служебным положением для личной выгоды. Она остается одной из наиболее острых проблем, подрывающих основы государственного управления, экономического развития и общественного доверия.

Г.А. Василевич отмечал, что проблема противодействия коррупции носит международный характер, поскольку коррупция превратилась в транснациональное явление, затрагивающее сферы общественной и экономической жизни большинства государств. Это обуславливает необходимость расширения международного сотрудничества и согласованных мер по предупреждению и пресечению коррупционных проявлений [1, с. 5].

Одним из механизмов противодействия коррупции, применяемых на международном уровне, может выступать декларирование доходов и имущества должностных лиц, что, по нашему мнению, является ключевым элементом системы обеспечения прозрачности деятельности государственных органов [2, с. 108].

Правовое регулирование рассматриваемой сферы основывается на Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» и Законе Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З «О государственной службе» и ряде подзаконных нормативных актов, детализирующих порядок подачи деклараций, проведения проверок и применения мер ответственности. В Республике Беларусь процедура декларирования доходов также регламентирована постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 16 января 2016 г. № 19 «О декларировании доходов и имущества», которое определяет обязанность государственных служащих и лиц, занимающих государственные и иные публичные должности, отражать сведения о своих доходах, имуществе, расходах и обязательствах имущественного характера.

Декларированию подлежат доходы, полученные внутри страны и за ее пределами, включая различные формы поступлений, в том числе имущественного характера. Процедура охватывает как доходы, облагаемые налогом, так и освобожденные от налогообложения.

Обязательному отражению подлежит также имущество, включая недвижимость, транспортные средства, ценные вещи, доли в организациях и иные активы, стоимость которых превышает установленные пределы. В декларациях отражаются как полные имущественные объекты, так и доли в них. Отдельное внимание уделяется имуществу, приобретенному на безвозмездной основе.

Законодательство предусматривает перечень доходов и имущества, не подлежащих обязательному декларированию. К ним относятся: денежные средства на счетах банков, цифровые активы, вознаграждения, полученные с использованием банковских платежных систем, подарки и иные поступления, а также доходы от отчуждения имущества, если их размер не превышает установленных законом лимитов.

Отдельно регламентируется порядок декларирования доходов и имущества несовершеннолетних, а также лиц, ограниченных или лишенных дееспособности. При поступлении на государственную службу декларация представляется в соответствующие государственные органы, включая учреждения, осуществляющие функции в сфере правопорядка и финансового контроля. Аналогичные правила действуют и при назначении на должности, связанные с выполнением государственных функций.

Контроль за соблюдением порядка декларирования возложен на компетентные государственные органы, которые вправе осуществлять проверку полноты и достоверности представленных сведений. В случае выявления нарушений информация передается в уполномоченные органы для принятия предусмотренных законом мер.

Одним из элементов антикоррупционного механизма является процедура проверки соответствия стоимости имущества и расходов декларанта его законным доходам. При выявлении существенного несоответствия по решению суда возможно взыскание стоимости имущества в доход государства.

В Республике Беларусь система декларирования доходов физических лиц рассматривается учеными как один из наиболее демократичных методов налогового контроля, основанный на принципе самостоятельного заявления гражданами своих доходов. При этом на налоговые органы возлагаются лишь проверочные и контрольные функции.

По мнению А.В. Дешука, антикоррупционное декларирование используется для решения двух ключевых задач: выявления индикаторов

коррупции и установления конфликта интересов. Современная практика характеризуется распространением смешанной модели декларирования, позволяющей одновременно фиксировать сведения и о возможных коррупционных рисках, и о потенциальных конфликтах интересов [3, с. 108].

Один из наиболее распространенных индикаторов коррупции – несоответствие расходов должностного лица и его семьи официально полученным доходам. В ряде государств система декларирования также позволяет выявлять необоснованный рост банковских накоплений, погашение долгов сверх доходов, получение имущества по заниженной стоимости или выплаты, превышающие рыночные ставки за аналогичную работу.

Сроки подачи деклараций, а также требования к их заполнению определяются налоговым законодательством и разъяснительными актами уполномоченных органов, устанавливающими единый порядок оформления сведений.

Таким образом, по нашему мнению, декларирование доходов и имущества может рассматриваться в качестве одного из достаточно эффективных инструментов борьбы с коррупцией в совокупности с другими, обеспечивая прозрачность деятельности должностных лиц и предотвращая незаконное обогащение. В Республике Беларусь законодательство регулирует обязательное отражение доходов и имущества, включая зарубежные активы и доли в предприятиях, а также устанавливает контроль за полнотой и достоверностью деклараций. При выявлении несоответствий возможно изъятие имущества или взыскание расходов, превышающих законные доходы. Видится, что декларирование повышает правовую ответственность и подотчетность государственных служащих, создавая эффективную систему предупреждения и выявления коррупции на национальном уровне.

Список использованных источников

1. Василевич, Г.А. Противодействие коррупции – одна из главных задач государства и общества / Г.А. Василевич // ЭБ БГУ : ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ : Государство и право. Юридические науки. – 2014. – № 5. – С. 5–11.
2. Стефаненко, А.П. Декларирование доходов и имущества физических лиц: правовая регламентация и ответственность за нарушение порядка / А.П. Стефаненко, П.А. Воронько // Экономическая безопасность как основной приоритет устойчивого развития государства : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 28 нояб. 2025 г. : тез. докл. : науч. электрон. изд. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: О.В. Маркова (отв. ред.) [и др.]. – Мн. : Акад. МВД, 2025. – С. 108–110.

3. Дешук, А.В. Декларирование доходов и имущества физических лиц как мера противодействия налоговым правонарушениям / А.В. Дешук // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17–18 апр. 2025 г. : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: П.В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Мн., 2025. – С. 107–108.

УДК 343.985.7

И.О. Струщенко

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ МОШЕННИЧЕСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Развитие цифровой экономики, дистанционных банковских сервисов и электронных коммуникаций обусловило существенную трансформацию преступности против собственности. В современных условиях мошенничество все чаще совершается с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), что значительно усложняет его выявление, раскрытие и расследование.

Особенность указанных преступлений заключается в отсутствии непосредственного контакта между преступником и потерпевшим, применении анонимных цифровых инструментов, а также трансграничном характере преступной деятельности. В связи с этим вопросы совершенствования уголовно-правовых и криминалистических механизмов противодействия кибермошенничеству приобретают особую актуальность для Республики Беларусь.

Целью исследования является анализ актуальных проблем выявления и расследования мошенничества, совершаемого с применением ИКТ, а также определение направлений повышения эффективности деятельности правоохранительных органов.

Основным нормативным актом, устанавливающим ответственность за мошенничество, является Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК). Согласно ст. 209 УК мошенничеством признается завладение имуществом либо приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Данный состав преступления относится к преступлениям против собственности и характеризуется следующими обязательными признаками:

наличие обмана либо злоупотребления доверием;
добровольная передача имущества потерпевшим;
корыстная цель виновного лица;
причинение имущественного ущерба.

Современная практика показывает, что значительная часть преступлений, квалифицируемых по ст. 209 УК, совершается дистанционно – посредством сети Интернет, мобильной связи, электронных платежных систем и социальных сетей. Использование ИКТ фактически изменяет механизм совершения преступления, однако не изменяет его юридическую природу как формы хищения.

Особую общественную опасность представляет мошенничество, совершенное группой лиц либо организованной преступной группой, что прямо предусмотрено квалифицированными составами ст. 209 УК.

Практика правоохранительных органов Республики Беларусь свидетельствует о постоянной эволюции способов совершения кибермошенничества.

К наиболее распространенным относятся:

телефонное мошенничество (социальная инженерия) – введение граждан в заблуждение под видом сотрудников банков или государственных органов;

фишинговые интернет-ресурсы, направленные на получение реквизитов банковских платежных карточек;

удаленный доступ к мобильным устройствам потерпевших;

мошенничество при онлайн-покупках;

использование подставных лиц (дропов) для вывода денежных средств.

По данным органов прокуратуры Республики Беларусь, преступления с применением ИКТ нередко совершаются группами с четким распределением ролей, что усложняет их раскрытие.

Использование цифровых технологий позволяет преступникам действовать анонимно, находясь за пределами государства, что формирует проблему юрисдикции и международного взаимодействия следственных органов.

Выявление мошенничества, совершенного с использованием ИКТ, существенно отличается от традиционных преступлений против собственности.

Основными сложностями являются:

высокая латентность преступлений;

позднее обращение потерпевших;
быстрое перемещение денежных средств между счетами;
использование VPN-сервисов и анонимных аккаунтов.

На первоначальном этапе ключевое значение имеют сведения операторов связи, банковских организаций и интернет-провайдеров. Именно цифровые следы выступают основным источником доказательственной информации.

Следственные органы Республики Беларусь активно используют возможности цифровой криминалистики, включая анализ IP-адресов, лог-файлов и операций электронных платежей. Создание специализированных подразделений по расследованию киберпреступлений стало необходимым условием повышения раскрываемости таких преступлений [1, с. 118].

Несмотря на развитие правоприменительной практики, расследование рассматриваемых преступлений сопровождается рядом системных проблем.

Преступник, сервер и потерпевший могут находиться в разных государствах, что требует международной правовой помощи и значительно увеличивает сроки расследования.

Необходимо установить факт именно мошеннического обмана, поскольку сам перевод денежных средств осуществляется потерпевшим добровольно.

Преступные группы применяют цепочки банковских счетов, что затрудняет установление конечного выгодоприобретателя.

Денежные средства могут быть обналичены в течение нескольких минут после хищения, а это требует оперативного реагирования.

Исследователи отмечают: эффективность расследования напрямую зависит от уровня подготовки сотрудников правоохранительных органов и технического оснащения следствия [2, с. 210].

Анализ законодательства и практики позволяет выделить ряд перспективных направлений развития:

совершенствование межведомственного взаимодействия банков и правоохранительных органов;

расширение международного сотрудничества;

внедрение систем раннего выявления мошеннических транзакций;

повышение цифровой грамотности населения;

развитие криминалистических методик расследования цифровых преступлений.

Важным направлением является профилактика, поскольку значительная часть преступлений совершается вследствие доверчивости граждан и недостаточной осведомленности о современных мошеннических схемах.

Мошенничество, совершаемое с использованием ИКТ, представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся форм преступности в Республике Беларусь. Цифровизация общественных отношений создает как новые возможности для экономического развития, так и новые криминальные риски.

Эффективное противодействие данным преступлениям возможно лишь при комплексном сочетании уголовно-правовых, организационных и технических мер. Особое значение приобретает развитие цифровой криминалистики, повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов и активное международное сотрудничество.

Совершенствование механизмов выявления и расследования кибермошенничества является необходимым условием обеспечения имущественной безопасности граждан и устойчивости финансовой системы государства.

Список использованных источников

1. Смирнова, Л.Я. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий как угроза экономической безопасности / Л.Я. Смирнова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2025. – № 4. – С. 117–120.
2. Скрипченко, Н.Ю. Уголовно-правовой аспект предупреждения мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Н.Ю. Скрипченко // Наука и право. – 2024. – С. 208–212.

УДК 343.57:004

С.В. Тимофеев

IP-АДРЕС КАК ОБЪЕКТ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ИНТЕРЕСА: МЕТОДЫ УСТАНОВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЛЕГАЛИЗАЦИИ

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ) коренным образом трансформировало среду, в которой осуществляется преступная деятельность. Преступления, совершаемые с использованием сетей телекоммуникаций, характеризуются мобиль-

ностью, трансграничностью, анонимностью и высокой латентностью. В связи с этим раскрытие преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, – приоритетное направление деятельности правоохранительных органов. Одним из эффективных инструментов борьбы с цифровой преступностью является осуществление оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

Для решения такой задачи органы, осуществляющие ОРД, руководствуясь принципами конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств, используют современные достижения науки, техники и цифровых технологий, которые в значительной степени повышают эффективность проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) [1, с. 175].

В этих условиях традиционные методы ОРД часто требуют адаптации и интеграции со специальными цифровыми компетенциями сотрудников оперативных подразделений. Одной из таких важных компетенций являются знания о методах установления IP-адресов технических средств, используемых преступниками при совершении преступлений [2, с. 96].

Исследования следственно-судебной практики показало, что одним из значимых элементов для установления лица, совершившего противоправные действия в сети, является идентификация его сетевого подключения, первичным маркером которого выступает IP-адрес (Internet Protocol Address) [3, с. 87]. Несмотря на то что IP-адрес не прямо, а опосредованно указывает на конкретного человека, его установление является отправной точкой для построения эффективной оперативно-розыскной версии и последующего выхода на субъект преступления. При этом сам по себе факт установления IP-адреса не имеет доказательственной силы без соблюдения требований уголовно-процессуального законодательства его получения и закрепления в установленном законом порядке.

Общеизвестно, чтобы получать информацию и отправлять ее обратно, каждому устройству, подключенному к сети, нужен уникальный цифровой адрес, который и называется IP-адресом. Когда человек заходит на любой сайт, открывает приложение или играет онлайн, его устройству просто необходим этот адрес для связи, компьютер или смартфон сам отправляет запрос на сервер этого сайта или игрового сервиса. Чтобы сервер понял, куда отправить ответ, он обязательно включает в данный запрос IP-адрес пользователя. Это как написать обратный адрес на конверте письма: без него сервер не сможет ничего вам отправить назад.

Важно понимать, что интернет-провайдер (компания, предоставляющая доступ в интернет) знает ваш реальный и «внешний» IP-адрес всегда – это адрес, который они выделили конкретному устройству (роутеру) для выхода во «внешний» интернет. Любой запрос из домашней сети сначала проходит через серверы провайдера, и они «видят» его исходный IP. Однако сам сайт, который вы посещаете, «видит» обычно именно этот «внешний» IP роутера, а не адреса отдельных устройств внутри домашней сети (телефона, ноутбука). Адреса внутри сети (вроде 192.168.111.111) называются внутренними (локальными) и, как правило, в интернете не видны.

Еще одной проблемой является обход блокировок и средств анонимизации – сервисы VPN (Virtual Private Network) или прокси-сервера, предназначенные для сокрытия настоящего IP-адреса от посещаемых сайтов. Разберем, как это работает.

При использовании сервиса VPN весь интернет-трафик сначала зашифрованно отправляется на сервер VPN-провайдера, который предоставит доступ к необходимому веб-ресурсу. При этом ваш провайдер «видит», что вы подключились к VPN, но не «видит», какие сайты вы посещаете через него. Однако сам VPN-провайдер знает и ваш реальный IP, и вашу активность. При необходимости получения IP-адреса пользователя, с которым возможна переписка, применяются различные методы.

Полученный IP-адрес также можно проверить через Telegram-боты на предмет наличия информации о лицах, ранее использующих такой IP-адрес. В случаях использования лицом услуг хостинг-провайдера либо корпоративной сети со статическим IP-адресом он будет достаточно уникальным.

Существует сервис, предназначенный для сбора данных о пользователях через уникальные отслеживаемые ссылки или изображения. Собранная информация отображается в личном кабинете в режиме реального времени, часто с картой и детализированными метаданными. Сервис дополнительно предоставляет доступ к услугам через мессенджер Telegram.

Эффективное средство установления IP-адреса – сервисы, являющиеся приманкой для преступников, позволяющие обнаружить факт проникновения постороннего лица в сеть и собрать определенные цифровые следы.

Помимо этого следует использовать специализированные онлайн-сервисы, функционирующие как сокращатель URL-адресов и позволяющие собирать технические данные о пользователях, переходящих по созданным ссылкам. Принцип его работы основан на генерации сокращенных URL.

Заслуживает внимания мощный кроссплатформенный анализатор сетевого трафика с открытым исходным кодом Wireshark (адрес: <https://www.wireshark.org>), считающийся отраслевым стандартом для глубокого изучения сетевых пакетов. Позволяет в реальном времени захватывать данные, передаваемые через сетевой интерфейс компьютера (Ethernet, Wi-Fi), или тщательно анализировать ранее сохраненные файлы захвата трафика (чаще всего в формате .pcap или .pcapng). Его функционал позволяет использовать для получения IP-адреса пользователя в социальных сетях и мессенджерах с протоколом STUN (от англ. Session Traversal Utilities for NAT) для голосовой связи между пользователями. Список социальных сетей и мессенджеров, использующих STUN: Telegram, WhatsApp, Viber, Signal, KakaoTalk, Microsoft Teams, Twitter, Zoom, Google Hangout, Google Meet, Matrix.

Для перехвата и анализа сетевого трафика устройства на платформе Android эффективным средством является PCAPdroid (адрес: <https://github.com/emanuele-f/PCAPdroid>). Разработчики используют его, чтобы понять, как их приложения взаимодействуют с серверами, выявлять ошибки в сетевых запросах или проверять правильность шифрования данных.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что в современных условиях IP-адрес является неотъемлемым и значимым объектом оперативно-розыскного интереса, играющим роль «цифрового отпечатка», связывающего противоправное действие с его вероятным источником.

Ключевой проблемой остается процессуальная легализация полученных сведений. Факт установления IP-адреса, полученного негласно, должен быть надлежащим образом оформлен (чаще всего через проведение осмотра носителя информации или выемки у провайдера) с четким отражением в протоколе всех этапов его получения и идентификации для обеспечения неразрывности цепи доказательств.

В целях повышения эффективности ОРД в цифровой среде необходима разработка ведомственных унифицированных методик работы с IP-адресами, совершенствование межведомственного электронного взаимодействия с провайдерами, повышение цифровой грамотности оперативного состава, а также возможное законодательное уточнение процедур и сроков предоставления провайдерами информации по запросам правоохранительных органов.

Таким образом, успешное использование IP-адреса в раскрытии и расследовании преступлений зависит от слаженного сочетания технической компетентности, четкого соблюдения требований оперативно-розыскного законодательства и безупречного следования требованиям норм уголовно-процессуального закона для использования результатов ОРД в допустимое доказательство.

Список использованных источников

1. Самоделкин, А.С. Использование данных геопространственной разведки (GEOINT) при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории и практики / А.С. Самоделкин, С.В. Тимофеев // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – № 4. – С. 174–185.
2. Озеров, И.Н. Некоторые тактические особенности первоначального этапа раскрытия и расследования преступлений, связанных с доведением до самоубийства посредством сети «Интернет» / И.Н. Озеров, Т.А. Сааков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 4. – С. 94–98.
3. Першин, А.Н. Криминалистические основы установления пользователя информационно-телекоммуникационной сети Интернет / А.Н. Першин, К.С. Сидорова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2019. – № 3. – С. 82–94.

УДК 343.98.067:343.544

В.О. Цветков

КОЛЛЕКТИВНЫЙ МЕТОД В РАССЛЕДОВАНИИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С ПРОСТИТУЦИЕЙ

Построение криминалистической методики расследования того или иного вида преступной деятельности предполагает анализ не только тактических приемов и способов проведения следственных и процессуальных действий, обусловленных криминалистической характеристикой соответствующей преступной деятельности, но и изучение различных форм и методов их реализации, к числу которых, в частности, относится расследование уголовных дел группой следователей (дознавателей) и следственно-оперативной группой. Методика расследования организованной преступной деятельности, связанной с проституцией в данном отношении, не является исключением. Правовую основу указанных форм проведения предварительного расследования составляют ст. 163 и 223.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Феде-

рации¹ (УПК РФ), предусматривающие возможность расследования сложных и объемных уголовных дел группой следователей и дознавателей соответственно.

Анализ публикаций по тематике так называемого коллективного (бригадного) метода расследования уголовных дел показал, что изучение данного, в первую очередь процессуального, но в то же время криминалистического явления, получило широкое освещение в научной литературе, что свидетельствует о его достаточной теоретической разработанности.

Так, одним из первых ученых, системно изложивших бригадный метод расследования и обосновав его значимость в советский период был А.А. Герасун [1]. Современные исследования в обозначенной сфере на уровне диссертаций посвящены изучению отдельных видов коллективных форм расследования [2], а также особенностям применения данных форм при расследовании отдельных категорий (групп) преступлений [3].

Применительно к организованной преступной деятельности, связанной с проституцией, и прежде всего к таким ее проявлениям, как вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 Уголовного кодекса Российской Федерации² (УК РФ)) и организация занятия проституцией (ст. 241 УК РФ), необходимость применения форм коллективного расследования обусловлена рядом факторов:

1. Количественный состав организованной группы, осуществляющей соответствующую преступную деятельность. Так, например, приговором Иркутского областного суда от 1 сентября 2021 г. по делу № 2-31/2021 Б. признан виновным в организации совместно с Л. преступного сообщества, состоящего из нескольких организованных групп, включающих в себя не менее 21 участника, которые с июня 2015 г. по июль 2019 г. на территории города Иркутск осуществляли деятельность по организации занятия проституцией, вовлечению в занятие проституцией, в том числе несовершеннолетних, и похищению людей с целью сексуальной эксплуатации [4].

2. Многоэпизодность преступной деятельности. Как справедливо отмечает А.С. Князьков, многоэпизодность уголовного дела выступает главным определяющим признаком особой криминалистической слож-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30 дек. 2024 г.) // КонсультантПлюс. Россия : справ.-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 23.02.2026).

² Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 9 апр. 2026 г.) .

ности предварительного расследования, требующей создания следственно-оперативной (или следственной) группы [5, с. 238–242].

3. Широкий круг обстоятельств, подлежащих установлению по соответствующим уголовным делам, для выяснения, документирования и изучения которых необходима определенная «специализация» следователя (дознателя), обусловленная опытом проведения предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях против личности, против несовершеннолетних в сфере экономики и др.

4. Необходимость одновременного производства следственных действий и оперативно-тактических комбинаций в нескольких местах. Опытные практические работники органов предварительного расследования и оперативных подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации отмечают, что наиболее эффективным для достижения цели изобличения всех участников организованных групп и получения полной информации об иных связанных с проституцией преступлениях, на первоначальном этапе расследования целесообразно одновременное проведение обысков, задержаний по местам нахождения притонов и адресам проживания тех участников, которые играют ключевую роль в функционировании преступного формирования¹. Как справедливо указывает Я.Д. Абдуллаев, «задержание с поличным проституткой, охранников, водителей позволяет легче получить их признательные показания в отношении организаторов „фирмы“ по оказанию сексуальных услуг» [6, с. 11]. Указанные оперативно-тактические комбинации предполагают объединение усилий нескольких следователей, а иногда и нескольких подразделений органов предварительного расследования и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Проведенный автором настоящего доклада в 2025 г. опрос 837 практических работников органов предварительного расследования и оперативно-розыскных подразделений показал, что 335 опрошенных респондентов (40 %) отметили, что создание и функционирование следственно-оперативных групп является наиболее действенной организационной мерой для обеспечения эффективного использования сил и средств при расследовании уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 240 и 241 УК РФ. Указанный факт свидетельствует о явно имеющемся запросе со стороны работников правоохранительных

¹ По результатам интервьюирования руководителя специализированного подразделения Главного следственного управления Следственного комитета РФ по Красноярскому краю и Республике Хакасия и руководителя подразделения управления уголовного розыска УМВД России по Волгоградской области.

органов в полной мере реализовывать положения ст. 163 и 223.2 УПК РФ, в том числе посредством привлечения к работе группы следователей (дознавателей) сотрудников оперативных подразделений. Такое положение дел объясняется, с одной стороны, ключевой ролью оперативно-розыскной деятельности в выявлении и документировании преступлений, связанных с проституцией, а с другой – существенным потенциалом уголовных дел обозначенной категории к выявлению и документированию смежных видов преступной деятельности, таких как похищение людей, вымогательство, легализация доходов, полученных преступным путем, дача взяток должностным лицам и иные.

Исследователи бригадного (коллективного) метода расследования отмечают также и негативные последствия его применения. Так, А.А. Тарасов, указывая на несовершенство уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в части закрепления «процессуального подчинения» следователя его административному начальнику – руководителю следственного органа, сформулировал гипотезу: в силу сокращения процессуальной самостоятельности следователя последний, даже расследуя дело единолично, не принимает каких-либо самостоятельных решений без согласования с руководителем следственного органа, а «работая в группе, фактически превращается в клерка, технического исполнителя чужих решений и указаний» [7, с. 139].

Несмотря на явно процессуальный аспект проблематики, обозначенной А.А. Тарасовым, на наш взгляд, следует его учитывать при рассмотрении криминалистической составляющей организации функционирования следственно-оперативных групп, создаваемых с целью расследования организованной преступной деятельности, связанной с проституцией. В частности путем проведения совместных консультаций не только по вопросам, относящимся к тактике производства следственных и процессуальных действий, но также и принятия соответствующих процессуальных решений, вынесение которых УПК РФ отнесено к исключительной компетенции руководителя группы следователей (дознавателей). Кроме того, необходима целенаправленная ориентация всех членов следственно-оперативной группы на решение задач, обусловленных складывающимися типичными следственными ситуациями на соответствующем этапе расследования.

Подводя итог, отметим, что коллективный метод расследования организованной преступной деятельности, связанной с проституцией, несомненно, является действенным инструментом криминалистического обеспечения противодействия соответствующей группе преступных проявлений. Вместе с тем, для того чтобы следственно-оперативная

группа функционировала не только «на бумаге», руководство органов предварительного расследования должно учитывать имеющиеся процессуальные особенности регламентации деятельности следственно-оперативных групп, обращать внимание на профессиональные компетенции и личностные характеристики следователей (дознавателей), включаемых в состав соответствующей следственно-оперативной группы, и уметь четко определять круг задач, разрешение которых необходимо в той или иной складывающейся следственной ситуации. Исследование указанных особенностей создает предпосылки для появления новых теоретических моделей и одновременно приглашает ученых к дискуссии относительно возможности и целесообразности применения этих моделей на практике.

Список использованных источников

1. Герасун, А.А. Бригадный метод расследования в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 715,717 / Герасун Александр Абрамович ; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности. – М., 1968. – 23 с.
2. Улимкаев, Р.Ю. Следственно-оперативные группы: правовой статус, организация и деятельность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Улимкаев Радик Юрикович ; Акад. упр. МВД РФ. – М., 2001. – 24 с.
3. Бастрыгин, А.С. Криминалистическое обеспечение расследования многоэпизодных дел следственно-оперативной группой : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Бастрыгин Артем Сергеевич ; Кубан. гос. агр. ун-т им. И.Т. Трубилина, 2018. – 271 л.
4. Иркутский областной суд. Приговор от 01.09.2021 по уголовному делу № 2-31/2021 // Официальный сайт судов общей юрисдикции Российской Федерации. Иркутский областной суд. – URL: https://oblsud--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=72486812&case_uid=0895427f-ca93-42bf-af04-1bc5733c7018&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 23.02.2026).
5. Князьков, А.С. Тактико-криминалистические задачи расследования следственно-оперативной группой многоэпизодной преступной деятельности / А.С. Князьков // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 426. – С. 238–242.
6. Абдуллаев, Я.Д. Некоторые вопросы организации и раскрытия преступлений, связанных с оказанием услуг интимного характера / Я.Д. Абдуллаев // Наука. Мысль. – 2016. – № 5–2. – С. 5–13.
7. Тарасов, А.А. «Бригадное расследование» в контексте общих проблем следственного аппарата современной России / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 135–140.

**СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ
«ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ,
КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ»**

С каждым годом противоправная деятельность осваивает все новые формы, используя в большинстве случаев бесконтактные взаимодействия. В связи с данным обстоятельством перед должностными лицами подразделений дознания органов пограничной службы Республики Беларусь (далее – ОПС) стоит сложная задача по разоблачению противоправных действий в пограничном пространстве и фиксации доказательственной информации. В последние годы при расследовании преступлений стали привычны и знакомы следующие понятия: IP- и MAC-адреса, «хостинг-провайдер», «домен», «аккаунт», «сетевой протокол», в связи с чем возникла необходимость в правильном понимании и использовании в правоохранительной деятельности такого нового вида следов, как цифровые следы. Данный вид следов оставляют все пользователи интернет-ресурсов при совершении противоправных деяний. Таким образом, в современных условиях перед криминалистами, следователями и лицами, производящими дознание, стоит задача по выявлению, фиксации, изъятию и использованию цифровых следов в процессе доказывания по уголовным делам.

В настоящее время для должностных лиц ОПС все более актуальным становится исследование предметов и документов, компьютерной информации (ИПД, КИ) как оперативно-розыскного мероприятия при раскрытии преступлений, создающих угрозу пограничной безопасности, в первую очередь по уголовным делам, возбуждаемым по признакам преступлений, связанным с организацией незаконной миграции (ст. 371¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь), незаконным перемещением через таможенную границу Евразийского экономического союза и (или) Государственную границу Республики Беларусь наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов (ст. 328¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь). В связи с этим востребованным является исследование сущности и классификации цифровых следов.

По аналогии с назначением и производством экспертизы в уголовном процессе «исследование предметов и документов, компьютерной информации» в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об

ОРД) с точки зрения познавательной функции связано с исследованием скрытой информации (именно скрытой в объективном смысле, недоступном виде, что связано с особенностями познавательной деятельности субъекта оперативно-розыскной деятельности (ОРД)). Эта скрытость информации (но не скрываемость, поскольку вся ОРД, по сути, могут осуществляться для выявления скрываемой информации) связана с тем, что лицо, которое осуществляет ОРД, в отдельных случаях не обладает специальными компетенциями, необходимыми для получения и восприятия этой информации.

В соответствии со ст. 24 Закона об ОРД «исследование предметов и документов, компьютерной информации представляет собой изучение предметов и документов, компьютерной информации, полученных при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, которое поручается гражданину, обладающему специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, и (или) организации в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности».

Предметы, документы и компьютерная информация получаются субъектом ОРД, а проведение их исследования поручается гражданину, который обладает специальными знаниями в определенных сферах (науке, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности). Сам термин «специальные знания» является общеупотребительным и в процессуальных отраслях права.

О содержании понятия «специальные знания» имеется большое количество публикаций. Так, О.Г. Кузнецов утверждает, что специальные знания есть «система взаимосвязанных утверждений и положений из различных областей научного знания» [1, с. 8]. На сходных позициях находится Т.В. Сахнова, определяя специальные знания в качестве научных знаний (добавляя при этом, что такие знания обязательно носят неправовой характер) [2, с. 22].

Так, по мнению Д.А. Сорокотягина, «специальные знания включают в себя знания, умения, навыки и профессиональный опыт» [3, с. 56]. Также необходимо отметить, что, по мнению А.Н. Барышева, к указанным элементам следует отнести и наличие «специального образования» [4, с. 8]. Нужно обратить внимание на то, что указание среди атрибутивных признаков специальных знаний, наличие специального образования существенно ограничит перечень субъектов использования специальных знаний, поскольку исключает из их состава лиц, которые получили специальные знания путем самообразования, профессионального опыта в каких-либо сферах деятельности, занимающихся специальными

знаниями в качестве хобби и т. п. Иными словами, факт наличия такого образования не делает автоматически человека специалистом.

Более подробно остановимся на таких составляющих специальных знаний, как знания, умения, навыки и профессиональный опыт. Сам термин «специальные знания» гораздо уже содержания, которое в него традиционно вкладывается. Таким образом, «знание» – это не только «знание», но также и «умение», «навык», «профессиональный опыт».

В сложившейся ситуации предлагается уточнить категориальный аппарат за счет включения всех указанных компонентов специальных знаний в состав более соответствующего по смыслу понятия. Таким понятием предлагаем считать «специальные компетенции». Данный термин и его содержание уже достаточно разработаны педагогическими науками в рамках так называемого компетентностного подхода.

«Компетенция в переводе с латинского *competentia* означает круг вопросов, где человек хорошо осведомлен, обладает познаниями и опытом. В этой области человек обладает соответствующими способностями, позволяющими ему обоснованно судить об этой сфере, действовать в ней. Образовательные компетенции обусловлены личностным подходом к образованию, проявляются, а также проверяются только в процессе выполнения определенных действий. Компетентность – это уже сформировавшаяся совокупность качеств личности. Компетентный специалист – «человек, обладающий необходимыми знаниями, умениями и опытом, а компетентность – черта личности, обладающей этим необходимым набором компетенций» [5, с. 9].

В силу этого корректно ставить вопрос о том, что лицом, участвующим в оперативно-розыскном мероприятии «исследования предметов и документов, компьютерной информации», является гражданин, обладающий специальными компетенциями. Именно в таком виде определение данного лица должно быть закреплено в ст. 24 Закона об ОРД. Указанный подход мог бы быть уместным применительно и к отраслевому процессуальному законодательству в контексте регулирования порядка применения специальных знаний.

Список использованных источников

1. Кузнецов, О.Г. Судебная экспертиза: актуальные проблемы и перспектива развития в Республике Казахстан : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Кузнецов Олег Геннадьевич ; Казах. нац. ун-т им. аль-Фараби. – Алматы, 2008. – 50 с.
2. Сахнова, Т.В. Экспертиза в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Сахнова Татьяна Владимировна ; Краснояр. гос. ун-т. – М., 1998. – 61 с.

3. Сорокотягина, Д.А. Судебная экспертиза / Д.А. Сорокотягина, И.Н. Сорокотягин. – Изд. 2-е. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 288 с.

4. Барышев, А.Н. Сексолого-психиатрическая экспертиза в уголовном процессе Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Барышев Александр Николаевич ; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2004. – 25 с.

5. Сергеев, А.Г. Компетентность и компетенции / А.Г. Сергеев / Владимир. гос. ун-т. – Владимир : Изд-во Владимир гос. ун-та, 2010. – 107 с.

УДК 343.98.067

М.П. Шруб

КОНЦЕПЦИЯ РАЗРАБОТКИ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Сексуальная эксплуатация – глобальное транснациональное социальное явление, связанное с высокой степенью доходности секс-индустрии как криминального бизнес-сектора. Например, к 2024 г. в мире незаконная прибыль от использования принудительного труда в частном секторе выросла по сравнению с аналогичным показателем 2014 г. на 37 % и достигла 236 млрд долларов в год, 73 % которых приносит принудительная сексуальная эксплуатация [1].

Общественная опасность данных преступлений в значительной степени определяется тем, что ее жертвами часто становятся дети. Анализ данных правоприменительной практики в Беларуси показывает, что в 2024 г. общее число несовершеннолетних, пострадавших от сексуальной эксплуатации, составило 72 %, а общее число выявленных случаев оборота порнографии с изображением несовершеннолетних возросло на 7,4 % [2]. Среди пострадавших 31,1 % подвергались эксплуатации в проституции, а 68,9 % – в порнографии (при этом все они несовершеннолетние) [3]. В первом полугодии 2025 г. число идентифицированных в Беларуси пострадавших указанной категории возросло относительно данных за аналогичный период прошлого года на 10,4 % [4].

На основе приведенных данных уместно привести обоснованное мнение В.Ф. Ермоловича: «Решение проблемы снижения общественной опасности и уменьшения количества преступлений находится в прямой зависимости от своевременного, быстрого и полного выявления, пресечения и расследования отдельных видов (групп) преступлений» [5, с. 60].

Успешность расследования рассматриваемых преступлений во многом определяется пониманием следователем их криминалистической сущности, умением верно диагностировать следственную ситуацию,

т. е., как точно пишет В.Б. Шабанов, распознать ее – определить «существо и смысл следственной ситуации, состояния, позиции лиц, ставших процессуальными партнерами следователя» [6, с. 421], а также наличием научно обоснованных рекомендаций по расследованию криминальных деяний данной группы.

В.М. Логвин высказывает справедливое мнение, что «проблема повышения эффективности методик расследования отдельных видов и групп преступлений является достаточно острой. Многие ученые и практики отмечают их слабую адаптированность к реалиям практики, превалирование в них теоретических рассуждений, которые весьма проблематично применять в ходе повседневной деятельности следователей» [7, с. 23]. Для исключения подобных ситуаций важно понимать, что структурные элементы частных криминалистических методик должны иметь ярко выраженное прикладное значение и нести реальную пользу для следователя – основного субъекта доказывания в досудебном уголовном производстве. Более того, как верно отмечает А.Е. Гучок, «прикладные исследования ориентированы главным образом на практическое применение сформулированных законов и теорий в решении конкретных задач. Они должны внедряться в практику правоохранительной деятельности в возможно более короткие сроки» [8, с. 72].

А.С. Рубис обоснованно утверждает, что «применительно к уголовному процессу ключевую роль в процессе доказывания играет следователь, который, говоря упрощенно, должен выявить и процессуально зафиксировать определенные уголовно-релевантные факты, касающиеся события и квалификации преступного деяния» [9, с. 68]. Общую цель и направление его деятельности определяют обстоятельства, подлежащие доказыванию. Их систему на основе общих закрепленных в уголовно-процессуальном законе требований криминалистическая методика разрабатывает применительно к отдельным видам и группам преступлений.

Руководствуясь комплексным подходом в исследовании проблемы расследования преступлений в сфере сексуальной эксплуатации, необходимо остановиться на концептуальных основах разработки данного важного элемента криминалистической методики.

В рамках проводимого исследования нами ранее определено, что с позиций криминалистики под сексуальной эксплуатацией следует понимать использование сексуальных способностей человека в проституции и (или) порнографии с целью присвоения результатов его деятельности в форме извлечения прибыли третьим лицом посредством применения определенных средств воздействия, осуществляемого на регулярной

основе [10, с. 57–67]. Остановимся на имеющихся в криминалистике подходах к определению предмета доказывания применительно к обозначенной тематике.

Так, Е.В. Шибанова, решая задачу определения обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам о преступлениях, связанных с проституцией, отмечает, что поскольку такие обстоятельства «неразрывно связаны с нормами права, целесообразно структурировать рассмотрение этого элемента криминалистической методики исходя из строения материальной нормы права, дополняя их криминалистически важными характеристиками» [11, с. 31]. По результатам анализа элементов состава преступлений, связанных с эксплуатацией проституции, предусмотренных ст. 240 «Вовлечение в занятие проституцией» и 241 «Организация занятия проституцией» Уголовного кодекса Российской Федерации, автор резюмирует, что для доказывания преступлений, связанных с вовлечением в занятие проституцией, в ходе расследования должны быть установлены: объект преступления; данные о субъекте преступления; наличие прямого умысла на подготовку, совершение, сокрытие преступления, создание преступной группы, мотивы совершения преступления; в случае вовлечения несовершеннолетних – данные, подтверждающие знание преступника о возрасте потерпевших; способ подготовки, совершения вовлечения, сокрытия преступления; в случае перемещения потерпевших через Государственную границу Российской Федерации: определение путей осуществления этого; сопровождалось ли вовлечение незаконным удержанием лица; преступные последствия вовлечения, характер и размер вреда, причиненного преступлением; данные о потерпевших (возраст, психологическое состояние и т. д.); данные о месте совершения преступления, времени, орудиях преступления; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, способствующие совершению преступления.

Для доказывания преступлений, связанных с организацией занятия проституцией, по мнению автора, в ходе расследования необходимо установить: объект преступления; данные о субъекте преступления (обстоятельства, характеризующие личность преступника; должностное положение лица); наличие прямого умысла на подготовку, совершение, сокрытие преступления; наличие умысла на использование для занятия проституцией заведомо несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста; способы подготовки, совершения, сокрытия преступления; данные о потерпевших; данные о группе обстоятельств объективной стороны; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, способствующие совершению преступления [11, с. 45–46].

Как видим, в основу подхода Е.В. Шибановой положена исключительно материально-правовая составляющая нормативно-правового регулирования противодействия преступлениям, связанным с проституцией. Полагаем, такой подход нельзя признать эффективным, поскольку он не учитывает общие требования уголовно-процессуального законодательства и, как следствие, оставляет за рамками поля зрения следователя важные особенности механизма рассматриваемых преступлений и отчасти их последствия. Кроме того, общей целью исследования «Выявление и расследование преступлений, связанных с проституцией», как ее определяет сам автор, является «разработка частной криминалистической методики, практические рекомендации которой должны способствовать решению вопросов выявления, предупреждения и расследования преступлений, связанных с проституцией» [11, с. 6]. На пути достижения этой цели в рамках разработки единой частной методики Е.В. Шибанова определяет два разных предмета доказывания, что представляется нелогичным.

Разработка частной методики расследования предполагает определение единого предмета доказывания, и если уж в данном случае речь идет не о видовой методике, а о методике расследования двух смежных видов преступлений (т. е. группы преступлений), то и разрабатываемые в рамках данной методики рекомендации, в том числе касаемые предмета доказывания, должны характеризоваться той же степенью общности.

Иного подхода придерживается П.Л. Боровик. Система обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам об обороте детской порнографии, разработанная автором, включает следующие элементы: «лицо (лица), совершившее преступление; сведения, относящиеся к субъекту преступления в уголовно-правовом смысле, которые связаны с установлением возраста лица, совершившего оборот детской порнографии, и его вменяемости; сведения, относящиеся к субъективной стороне деяния (вина, мотив, цель, фактор субъективной оценки признака «заведомо» по отношению к возрасту лица, изображенного либо используемого для изготовления порнопродукции с его изображением); совершение преступления группой лиц; сведения, характеризующие личность виновного, относящиеся к социально-демографическим и нравственно-психологическим свойствам лица, совершившего преступление; способ совершения преступления; действия, определяющие конкретный способ совершения преступления; орудия преступления (универсальные и узконаправленные); средства совершения преступления (материальные, виртуальные); предмет преступления (вид порнопродукции, ее форма, тип носителя информации, признаки порнографии);

время, место, обстановка и условия, детерминирующие выбор того или иного способа действия, направленного на оборот детской порнографии, и орудий преступления; среда совершения преступления (материальная, виртуальная); обстоятельства, влияющие на характер и степень ответственности виновных; происхождение (источники) приобретенной, сохраняемой и сбываемой порнографической продукции с изображением несовершеннолетних; размеры доходов, полученных преступниками в результате противоправной деятельности; характер и размер вреда, причиненного преступлением» [12, л. 8–9].

Изложенный подход к определению предмета доказывания, основанный на анализе механизма преступления, как видим, обеспечивает большую степень его детализации, что согласуется с задачами криминалистической методики в этой части. Вместе с тем, хотя автор и учитывает соответствующие положения уголовно-процессуального закона, нельзя сказать, что они являются базовыми при таком подходе. Возможно, такое допустимо с учетом того, что тема диссертационного исследования П.Л. Боровика «Криминалистическое обеспечение возбуждения уголовных дел об обороте порнографии с изображением несовершеннолетнего» фактически охватывает только первую стадию досудебного уголовного производства, предшествующую предварительному расследованию. Требования закона в части обстоятельств, подлежащих доказыванию, распространяются на более поздние стадии уголовного процесса. При этом, если рассматривать предмет доказывания как структурный элемент методики расследования, предложенный подход требует ревизии.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что предмет доказывания с позиций криминалистики выступает в качестве одного из важных структурных элементов методики расследования преступлений в сфере сексуальной эксплуатации. В целях обеспечения эффективной реализации принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, концептуальное построение их системы подчинено системе правовых норм уголовно-процессуального законодательства, определяющих общий предмет доказывания по уголовным делам, и норм Особенной части уголовного закона, регламентирующих ответственность за преступления, связанные с извлечением прибыли из использования человека в проституции и порнографии третьими лицами. При формировании данной системы, несомненно, должны учитываться особенности механизма преступлений в сфере сексуальной эксплуатации, обусловленные целевой направленностью на систематическое извлечение прибыли.

Список использованных источников

1. МОТ: прибыль от использования принудительного труда достигает 236 млрд долларов в год // Новости ООН. – URL: <https://news.un.org/ru> (дата обращения: 04.02.2026).
2. Общая ситуация в сфере противодействия торговле людьми в Республике Беларусь // Противодействие торговле людьми / Гл. упр. по наркоконтролю и противодействию торговле людьми МВД Респ. Беларусь : [сайт]. – URL: <https://mvd.gov.by> (дата обращения: 20.02.2026).
3. Сведения о жертвах торговли людьми и гражданах, которые могли пострадать от торговли людьми или связанных с ней преступлений / Противодействие торговле людьми / Гл. упр. по наркоконтролю и противодействию торговле людьми МВД Респ. Беларусь : [сайт]. – URL: <https://mvd.gov.by> (дата обращения: 20.02.2026).
4. Сведения о жертвах торговли людьми и гражданах, которые могли пострадать от торговли людьми или связанных с ней преступлений // Гл. упр. по наркоконтролю и противодействию торговле людьми МВД Респ. Беларусь : [сайт]. – URL: <https://mvd.gov.by> (дата обращения: 20.02.2026).
5. Ермолович, В.Ф. Современные тенденции развития системы криминалистики / В.Ф. Ермолович // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2024. – № 2. – С. 50–63.
6. Шабанов, В.Б. Криминалистическая диагностика криминальных инсценировок: особенности алгоритмизации / В.Б. Шабанов, Я. Цзун Хуэй // Следственная деятельность. – 2025. – № 5. – С. 419–431.
7. Логвин, В.М. Периодизация как принцип методики расследования преступлений / В.М. Логвин // Предварительное расследование. – 2022. – № 1. – С. 23–31.
8. Гучок, А.Е. Моделирование процессов решения исследовательских задач криминалистики / А.Е. Гучок // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4, Правоведение. – 2014. – № 1. – С. 68–73.
9. Рубис, А.С. О необходимости создания следственной функции в уголовном процессе как составной части познавательной функции в юриспруденции / А.С. Рубис // Право.by. – 2023. – № 1. – С. 68–77.
10. Шруб, М.П. Преступления в сфере сексуальной эксплуатации как объект криминалистического исследования: понятие, признаки, классификация / М.П. Шруб // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2023. – № 3. – С. 57–67.
11. Шибанова, Е.В. Выявление и расследование преступлений, связанных с проституцией : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Шибанова Екатерина Владимировна ; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2005. – 31 с.
12. Боровик, П.Л. Криминалистическое обеспечение возбуждения уголовных дел об обороте порнографии с изображением несовершеннолетнего : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Боровик Петр Леонидович ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Мн., 2013. – 212 л.

**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ВЛИЯЮЩИЕ НА ОРГАНИЗАЦИЮ ПРОВЕРКИ
ЗАЯВЛЕНИЙ (СООБЩЕНИЙ) О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ
СЛУЖБЫ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ОСНОВАНИЙ
К ВОЗБУЖДЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Организация проверки по заявлениям (сообщениям) о преступлениях против интересов службы, как свидетельствует анализ практики органов уголовного преследования, обусловлена совокупностью обстоятельств, которые по ряду причин не всегда принимаются во внимание сотрудниками при установлении оснований к возбуждению уголовного дела в конкретной ситуации, что влечет возвращение материалов проверки ее инициатору.

Как представляется, данные обстоятельства необходимо условно классифицировать на две следующие группы:

1) наличие знаний, которыми обязан обладать сотрудник (руководитель) органа уголовного преследования при организации проверки заявлений (сообщений) о преступлениях против интересов службы для установления оснований к возбуждению уголовного дела;

2) владение сотрудником (руководителем) органа уголовного преследования совокупностью умений и навыков, позволяющих принимать организационные и процессуальные решения на основании собранных доказательств при проверке заявлений (сообщений) о преступлениях против интересов службы.

Рассматривая первую группу обстоятельств, необходимо констатировать следующее:

во-первых, осознание сотрудником (руководителем) сущности содеянного с позиции знания положений материального права в аспекте конкретно совершенного (или совершаемого) противоправного действия, о котором имеется информация в поступившем заявлении (сообщении), однако отсутствуют достаточные данные, указывающие на отдельные признаки преступления, или обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу в дальнейшем;

во-вторых, наличие у сотрудника (руководителя) представления о структурных элементах криминалистической характеристики преступлений, совершаемых против интересов службы и их связи с элементами материального состава данных преступлений, что позволяет уяснить сущность механизма их совершения и осуществить формирование системы источников доказательств (содержащих как материально-фикси-

рованную, так и вербальную информацию), свидетельствующих в своей совокупности о дальнейшей перспективе производства предварительного следствия по возбужденному уголовному делу;

в-третьих, знание сотрудником (руководителем) требований уголовно-процессуальной формы (гл. 20 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК)), определяющей общий порядок проведения проверки по материалам, а также требований гл. 49 УПК, устанавливающей особый порядок производства в отношении отдельных категорий лиц в ситуациях, когда специальный субъект «должностное лицо» обладает таким статусом;

в-четвертых, уяснение сотрудником (руководителем) сущности содеянного с позиции знания требований ведомственных (межведомственных) нормативных правовых актов в зависимости от особенностей повода к возбуждению уголовного дела (ст. 166 УПК), обусловленных в большинстве случаев латентностью преступлений против интересов службы и использованием возможностей оперативно-розыскной деятельности при их выявлении.

Вторая группа включает в себя ряд обстоятельств, свидетельствующих о наличии умений и навыков:

планирование в процессе организации проверки по материалам при оптимальном сочетании производства процессуальных действий, предусмотренных ч. 2 ст. 173 УПК и оперативно-розыскных мероприятий;

организация взаимодействия органов уголовного преследования в ситуациях, когда имеет место как реализация материалов оперативно-розыскной деятельности, так и возникновение необходимости оперативного сопровождения по конкретному материалу проверки в отношении рассматриваемым категориям преступлений;

организация взаимодействия со специалистами различных отраслей экономической деятельности Республики Беларусь в зависимости от сферы совершения преступлений рассматриваемой категории, а также специалистами Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь;

использование возможностей информационно-аналитической деятельности для установления источников доказательств и отдельных обстоятельств, подлежащих доказыванию по материалам проверки о преступлениях против интересов службы (например, анализ служебных документов – должностных инструкций, свидетельствующих о наличии конкретных компетенций у должностного лица; приказов и распоряжений, фиксирующих реализацию должностных компетенций «специальным субъектом» в конкретных ситуациях финансово-хозяйственной деятельности субъекта хозяйствования и т. п.);

организация процессуального контроля руководителем органа уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела по заявлениям (сообщениям) о преступлениях против интересов службы, что позволяет скорректировать деятельность сотрудника (сотрудников) в рамках организации проверки по материалам.

Таким образом, совокупность отмеченных обстоятельств является основополагающим началом для организации проверки заявлений (сообщений) о преступлениях против интересов службы при повседневной деятельности органов уголовного преследования Республики Беларусь.

УДК 343.9

П.С. Язвинская, В.С. Красиков

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ИНСТРУМЕНТА РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Современный этап развития правоохранительной деятельности по всему миру характеризуется активным внедрением цифровых технологий и систем искусственного интеллекта (ИИ) в процесс раскрытия и расследования преступлений. Стремительное увеличение объема цифровых данных, распространение систем видеонаблюдения, развитие телекоммуникационных технологий и трансграничный характер преступности требуют от правоохранительных органов применения сложных интеллектуальных инструментов поиска и исследования информации, размещенной в открытом доступе.

Развитие технико-криминалистических средств традиционно рассматривается как одно из ключевых направлений повышения эффективности расследования. В настоящее время данные средства дополняются интеллектуальными алгоритмами анализа информации, функционирующими в условиях обработки больших массивов данных и обеспечивающими частичную автоматизацию аналитической деятельности работника правоохранительного органа. В этих условиях ИИ является не просто вспомогательной технологией, а важным элементом модернизации криминалистической деятельности. Его использование позволяет ускорять обработку больших массивов данных, выявлять скрытые закономерности происходящих событий, формировать аналитические выводы и тем самым повышать эффективность раскрытия и расследования преступлений.

В целях иллюстрации практического значения рассматриваемых технологий представляется целесообразным обратиться к конкретным примерам их применения в оперативно-розыскной и следственной деятельности.

Показательным является дело об убийстве Яры Гамбиразио в Италии, которое стало одним из наиболее масштабных примеров применения генетического анализа в следственной практике. В источнике указывалось, что в ноябре 2010 г. в Италии пропала 13-летняя Яра Гамбиразио, ее тело было обнаружено спустя три месяца. При осмотре тела полиции удалось выявить фрагмент ДНК предполагаемого преступника, а когда база данных ДНК не показала совпадений, полицейские взяли более 20 тыс. анализов ДНК у жителей района по месту обнаружения тела [1]. В ходе расследования экспертам пришлось проанализировать десятки тысяч образцов ДНК, что стало примером масштабной алгоритмической фильтрации генетических данных с помощью компьютерных технологий.

Представляется закономерным, что перспективы дальнейшего развития криминалистической техники связаны с углублением биометрического и генетического анализа следов, оставленных подозреваемым. Например, исследователи отмечают, что «отпечатки пальцев состоят, в частности, из белков и жиров, секретируемых нашей кожей, которые могли бы раскрыть много информации о человеке, который их оставил» [2]. В дальнейшем это может позволить получать дополнительные сведения о личности по химическому составу следов. Для применения в расследовании представляет интерес генетическая система *IrisPlex*, позволяющая прогнозировать цвет глаз и волос по ДНК и формировать вероятностный фенотипический профиль предполагаемого лица. Подобные технологии особенно ценны в случаях, когда отсутствуют свидетели и традиционные ориентировки. Следует подчеркнуть, что подобные методы носят вероятностный характер и не могут рассматриваться как самостоятельное доказательство, однако они способны существенно сузить круг разыскиваемых лиц.

Особое направление цифровизации криминалистики связано с применением ИИ для анализа визуальной и поведенческой информации. Программы *The Observer XT* и *FaceReader*, основанные на алгоритмах машинного обучения и концепции универсальных эмоций Пола Экмана, позволяют автоматически фиксировать микровыражения, изменения мимики, направление взгляда и динамику эмоционального состояния. Такие системы могут использоваться при анализе видеозаписей, в рамках судебно-психологической экспертизы, а также при исследовании реакций лица на различные стимулы. Их преимущество заключается

в автоматизированной обработке больших объемов видеоданных и снижении влияния субъективного фактора. Однако полученные результаты должны оцениваться специалистом и рассматриваться исключительно в совокупности с другими доказательствами, поскольку эмоциональные реакции могут быть обусловлены стрессом, личностными особенностями или внешними обстоятельствами.

Кроме того, перспективным направлением применения ИИ является противодействие телефонному мошенничеству. Данные технологии уже используются компаниями и правоохрнительными органами для борьбы с подобными преступлениями. Так, в России операторы мобильной связи внедрили ИИ-модели для анализа параметров телефонных звонков и выявления подозрительных схем общения, характерных для мошенничества. Согласно сообщению, «Билайн» обучил ИИ анализировать параметры разговора на предмет мошенничества и прерывать его, если есть подозрения, что клиента пытаются обмануть [3]. Аналогичные меры реализованы и в сервисах «МТС»: обновленные ИИ-модели позволяют сократить время выявления и блокировки мошеннических звонков до 30 с и обрабатывать сотни миллионов звонков ежедневно с высокой точностью [4]. На уровне государственных инициатив также планируется использовать ИИ для контроля подозрительных звонков. Так, в проектах нормативных актов предусматривается возможность применения алгоритмов ИИ операторами связи для выявления подозрительных звонков, что должно обеспечить дополнительный уровень защиты граждан от мошеннических схем [3]. В ряде случаев ИИ-системы уже позволили правоохрнительным органам задержать организаторов телефонного мошенничества, анализируя большие массивы телефонных данных и связи между абонентами [5].

Практика применения таких инструментов демонстрирует, что ИИ способен не только содействовать правоохрнительным органам в расследовании уже совершенных преступлений, но и предупреждать граждан о потенциальной опасности в режиме реального времени, снижая экономические и социальные риски.

Таким образом, использование ИИ в выявлении и прерывании телефонных мошеннических звонков представляет собой важную и перспективную область криминалистической деятельности – это существенно повышает оперативность реагирования и качество защиты граждан от преступных посягательств. При дальнейшем развитии цифровой инфраструктуры и соответствующего нормативного правового регулирования такие системы могут стать обязательным элементом комплексной борьбы с мошенничеством на уровне операторов связи и правоохрнительных органов.

Интеграция ИИ в процесс расследования также способствует более эффективному планированию следственных действий и проверке криминалистических версий. Алгоритмы анализа данных способны выявлять нетипичные связи между событиями, сопоставлять информацию из различных источников и тем самым оптимизировать стратегию расследования.

В Республике Беларусь перспективы развития ИИ в сфере предотвращения и расследования преступлений связаны с необходимостью дальнейшей цифровизации деятельности правоохранительной системы, судов, операторов услуг электросвязи по вопросам телефонного мошенничества. Создание интегрированных информационных платформ, развитие систем видеонаблюдения, внедрение интеллектуального анализа изображений и речи способны повысить эффективность раскрытия преступлений. Однако для полноценного использования ИИ необходимы нормативное закрепление статуса полученных данных, разработка методических рекомендаций по их применению, а также подготовка специалистов, способных корректно интерпретировать результаты автоматизированного анализа. Важным условием остается соблюдение прав человека и недопустимость признания алгоритмических выводов самостоятельным основанием без их экспертной проверки.

Таким образом, ИИ представляет собой логичное продолжение эволюции технико-криминалистических средств; его использование при расследовании преступлений, проведении экспертиз и анализе показаний, полученных при производстве допроса, способно существенно повысить объективность и эффективность правоохранительной деятельности. Вместе с тем внедрение ИИ требует комплексного научного, технического и правового сопровождения. В условиях цифровой трансформации Республики Беларусь развитие интеллектуальных технологий может стать важным фактором модернизации системы уголовного процесса и укрепления доказательственной базы при соблюдении принципов законности и защиты прав личности.

Список использованных источников

1. Невероятные способы раскрытия преступлений, которых не увидишь даже в сериалах // Brodude.ru. – 2020. – URL: <https://brodude.ru/neveroyatnye-sposoby-raskrytiya-prestuplenij-kotoryh-ne-uvidish-dazhe-v-serialah/> (дата обращения: 19.02.2026).
2. 10 удивительных методов криминалистики будущего // Hi-News.ru. – 2020. – URL: <https://hi-news.ru/research-development/10-udivitelnyx-metodov-kriminalistiki-budushhego.html> (дата обращения: 19.02.2026).

3. Искусственный интеллект распознает мошенника при звонке абоненту Билайна // CNews.ru. – 2025. – URL: https://www.cnews.ru/news/line/2025-08-05_iskusstvennyj_intellekt (дата обращения: 19.02.2026).

4. В России будут использовать ИИ для выявления подозрительных звонков. – 2025. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/12/24/27494443.shtml> (дата обращения: 19.02.2026).

5. В России стали быстрее выявлять и блокировать мошеннические звонки // Lenta.ru. – 2025. – URL: <https://lenta.ru/news/2025/08/28/v-rossii-stali-bystree-vyavlyat-i-blokirovat-moshennicheskie-zvonki/> (дата обращения: 19.02.2026).

6. Полиция с помощью ИИ задержала 15 организаторов телефонного мошенничества // RBC.ru. – 2025. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67f37ec59a794719b1b26679> (дата обращения: 19.02.2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВРАМЧИК Наталья Викторовна – старший оперуполномоченный Управления уголовного розыска криминальной милиции УВД Минского облисполкома.

АЛЕКПЕРОВ Руслан Ракбер оглы – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

АНИЩЕНКО Инесса Алексеевна – профессор кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

БАЧИЛА Владимир Владимирович – профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

БЕЛОМЫТЦЕВ Николай Николаевич – преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

БОГАТКЕВИЧ Анастасия Андреевна – студент 4-го курса факультета права Академии МВД Республики Беларусь.

БОРОВИК Петр Леонидович – доцент кафедры информационного права факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

БОРОДИН Артем Александрович – студент 3-го курса факультета права Академии МВД Республики Беларусь.

ВАРАВКО Юрий Валерьевич – начальник отдела методического обеспечения предварительного расследования управления анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

ВАСИЛЬЕВА Евгения Николаевна – государственный судебный эксперт отдела исследования оружия главного управления криминалистических экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ВЛАСОВА Елена Львовна – доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Восточно-Сибирского института МВД Российской Федерации, кандидат педагогических наук, доцент.

ВОЛОСЮК Валерий Владимирович – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь.

ВОРОНЬКО Полина Александровна – методист Пуховичского районного центра культуры.

ГАВРИЛИН Юрий Викторович – начальник кафедры управления органами расследования преступлений Ордена Трудового Красного Знамени Академии управления МВД Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

ГНИЛЯКЕВИЧ Виктор Леонидович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ГОРОШКО Елена Юрьевна – доцент кафедры организации службы, надзора и правового обеспечения Университета гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ГУСЕНЦОВ Александр Олегович – профессор кафедры судебной медицины Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, доктор медицинских наук, профессор.

ДУКОРСКИЙ Владимир Владимирович – докторант кафедры психиатрии и медицинской психологии Белорусского государственного медицинского университета, кандидат медицинских наук.

ЕРОФЕЕВ Кирилл Алексеевич – временно исполняющий обязанности по должности старшего оперуполномоченного по особо важным делам Управления по борьбе с экономическими преступлениями криминальной милиции УВД Витебского облисполкома.

ЕСЬКО Александр Владимирович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ЖИДОВИЧ Артур Станиславович – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского ордена Почета университета МВД Российской Федерации имени В.Я. Кикотя.

ЖОЛУДЕВА Диана Витальевна – старший научный сотрудник лаборатории технических и криминалистических исследований научного отдела технических, криминалистических и специальных исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ЗАГОРОВСКИЙ Антон Владимирович – прокурор Советского района г. Минска.

ЗАЙЦЕВА Дарья Дмитриевна – государственный судебный медицинский эксперт-стажер отдела общих экспертиз номер 2 управления судебно-медицинских экспертиз управления Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь по г. Минску.

ЗАЙЦЕВА Полина Леонидовна – аспирант кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

ЗИНКЕВИЧ Евгений Иванович – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, кандидат юридических наук.

ИВАНОВ Дмитрий Александрович – начальник кафедры предварительного расследования Московского ордена Почета университета МВД Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

КАШИНСКИЙ Михаил Юльевич – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

КОВАЛЕНКО Юрий Анатольевич – преподаватель – начальник юридической службы кафедры общевоинской подготовки военно-транспортного факультета Белорусского государственного университета транспорта.

КОВАЛЬЧУК Анастасия Сергеевна – преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

КОНОНОВ Павел Анатольевич – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

КОРСАК Никита Сергеевич – курсант 3-го курса факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь.

КОСТЮКЕВИЧ Денис Викторович – старший преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

КРАСИКОВ Владимир Сергеевич – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

КУБАНОВ Валерий Викторович – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

КУБАСОВ Игорь Анатольевич – профессор кафедры информационных технологий Ордена Трудового Красного Знамени Академии управления МВД Российской Федерации, доктор технических наук, доцент.

КУДРЯВЦЕВ Дмитрий Сергеевич – заместитель начальника факультета милиции общественной безопасности по учебной работе Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КУЛЕШ Роман Олегович – начальник юридического отделения войсковой части 1242 Государственного пограничного комитета Республики Беларусь.

КУРЧЕНКО Марина Юрьевна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД Российской Федерации имени И.Ф. Шиловой.

КУРЬЯНОВИЧ София Валерьевна – студент 1-го курса факультета права Академии МВД Республики Беларусь.

ЛЕВЧЕНКОВА Анастасия Юрьевна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

ЛЕВШУК Ольга Ивановна – начальник кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЛИСАУСКАЯТЕ Валентина Влодо – профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

ЛОГВИН Вячеслав Михайлович – профессор кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЛОКТЕВИЧ Ольга Игоревна – доцент кафедры организации предварительного расследования Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЛОСЕВА Виктория Геннадьевна – старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ЛУЖИНСКАЯ Елена Леонидовна – заместитель начальника кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

МАКАРЕВИЧ Михаил Викторович – судья Минского городского суда.

МАРЦЫНКЕВИЧ Наталья Анатольевна – доцент кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

МАТВЕЕНКО Михаил Юрьевич – старший преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

МАТЛАК Антон Николаевич – начальник кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

МЕЗЯК Вадим Юрьевич – старший преподаватель кафедры информационного права факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь.

МЕЛЕШКО Валерий Владимирович – профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

МИХАЙЛОВА Юлия Николаевна – доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

НАБАТОВА Анна Эдуардовна – доцент кафедры теории и истории государства и права Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, кандидат юридических наук, доцент.

НЕСТЕР Иван Сергеевич – доцент кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ОРЕХОВА Екатерина Петровна – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ОСИПОВА Наталья Александровна – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ПАВЛОВЕЦ Галина Александровна – начальник научно-исследовательского отдела Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ПАВЛЮТЬ Ольга Вячеславовна – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Академии МВД Республики Беларусь.

ПАНЧЕНЯ Дмитрий Николаевич – начальник отдела исследования и учетов объектов животного происхождения и волокнистой природы главного управления специальных экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ПАСИНИЦКИЙ Николай Леонидович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

ПАЦКЕВИЧ Александр Петрович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ПАШУТА Игорь Владимирович – заместитель начальника учебно-методического управления – начальник отдела контроля качества образовательного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ПАШУТА Наталья Николаевна – преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

ПИЛЮШИН Святослав Викторович – доцент кафедры информационного права факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ПОРЫВАЕВА Полина Сергеевна – старший преподаватель кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД Российской Федерации.

ПРОКОПЕНКО Глеб Михайлович – главный эксперт отдела дактилоскопических учетов управления дактилоскопии, баллистики и портретной идентификации главного управления криминалистических экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ПРОКОФЬЕВА Елена Васильевна – доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД Российской Федерации, кандидат физико-математических наук, доцент.

РОДИВИЛИНА Виктория Александровна – доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

РОДИЧЕВА Ирина Владимировна – старший следователь Лидского районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь.

РОПОТ Руслан Михайлович – начальник кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

САВИЧ Марина Владимировна – начальник кафедры организации предварительного расследования Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

СВИДЕРСКИЙ Олег Алексеевич – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН Российской Федерации, доктор медицинских наук, доцент.

СЕДЫХ Павел Валерьевич – доцент кафедры обеспечения цифрового развития предварительного следствия Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь.

СЕЗОНОВА Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат педагогических наук.

СЕМЁНОВ Владимир Николаевич – начальник управления судебно-психологических экспертиз – государственный медицинский судебный эксперт-психолог Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат психологических наук.

СЕНЬКЕВИЧ Сергей Сергеевич – старший преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

СКОБЕЛЕВ Владимир Петрович – заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

СКРИПКО Карина Васильевна – магистрант кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

СОРКИН Владимир Семенович – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент.

СТЕФАНЕНКО Алексей Петрович – старший преподаватель кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь.

СТРУЩЕНКО Игорь Олегович – магистрант кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

СУЧКОВ Андрей Игоревич – старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел Орловского юридического института МВД Российской Федерации имени В.В. Лукьянова.

СУШКО Андрей Михайлович – главный эксперт отдела исследования оружия управления дактилоскопии, баллистики и портретной идентификации главного управления криминалистических экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ТИМОФЕЕВ Сергей Владимирович – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в органах внутренних дел Восточно-Сибирского института МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

ТИМОФЕЕВА Елена Андреевна – старший преподаватель кафедры уголовного права Академии МВД Республики Беларусь.

ТОЛКАЧЕВА Екатерина Анатольевна – заместитель начальника Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат физико-математических наук, доцент.

ТОЛОЧКО Виктория Владимировна – преподаватель кафедры общеправовых и уголовно-правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД Республики Беларусь.

ТРУБКИНА Ольга Викторовна – профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

УМАНЦЕВА Ольга Олеговна – адъюнкт Ордена Трудового Красного Знамени Академии управления МВД Российской Федерации.

УСОВСКИЙ Борис Анатольевич – старший преподаватель кафедры судебных криминалистических экспертиз Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ФОМИНА Инна Анатольевна – доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

ЦАЛКО Ксения Александровна – студент 3-го курса факультета права Академии МВД Республики Беларусь.

ЦВЕТКОВ Владимир Олегович – аспирант института права и экономики Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова.

ЧВАНКИН Вадим Аркадьевич – доцент кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЧУРНОСОВ Александр Иванович – старший преподаватель кафедры правового обеспечения Института пограничной службы Республики Беларусь.

ШРУБ Максим Павлович – главный научный сотрудник Института повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь, докторант юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ЮБКО Юрий Михайлович – профессор кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЯЗВИНСКАЯ Полина Сергеевна – студент 4-го курса юридического факультета Белорусского государственного университета.

ЯКОВЧИК Дмитрий Вячеславович – преподаватель кафедры общеправовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров Могилевского института МВД Республики Беларусь.

ЯНИН Сергей Александрович – профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

ЯРОЦКАЯ Юлия Александровна – заведующая лабораторией искусствоведческих и культурологических исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат культурологии.

ЯСКЕВИЧ Александр Васильевич – профессор кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово начальника Академии МВД Республики Беларусь Астрейко В.А.	3
Приветственное слово Председателя Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь Гучка А.Е.	5
Приветственное слово заместителя Председателя Следственного комитета Республики Беларусь Аземши С.Я.	7
Приветственное слово директора Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь Мороза И.А.	9
Приветственное слово начальника Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь Позняка В.С.	10
Ропот Р.М., Логвин В.М. Полвека в едином строю на службе истины и правопорядка	11

Современные проблемы криминалистики

Анищенко И.А., Нестер И.С. Криминалистический риск и его особенности	30
Богаткевич А.А. Криминалистическая характеристика расследования нераскрытых преступлений прошлых лет в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов	33
Боровик П.Л. Дропы и дроповоды в механизме преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий: криминалистические сущность и классификация	37
Гаврилин Ю.В. Криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений: новые подходы	40
Есько А.В. Задачи и цели тактической комбинации	48
Жидович А.С. Преступления, связанные с незаконными действиями в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ: предмет преступного посягательства	51
Зайцева П.Л. Искусственный интеллект в криминалистике: вспомогательно-инструментальная функция как ключевой признак	54
Иванов Д.А. Установление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, – важнейшая доминанта профилактической деятельности органов предварительного следствия	58
Кашинский М.Ю. Педофилия и педофильные преступления: некоторые результаты исследования личностных особенностей осужденных	61
Ковальчук А.С. Криминалистические аспекты домашнего насилия в Республике Беларусь	67

Кубасов И.А., Уманцева О.О. Искусственный интеллект в криминалистике	71
Кулеш Р.О. Способ совершения и механизм следообразования незаконных действий в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ	76
Михайлова Ю.Н. Возможности и перспективы использования ситуационного подхода в криминалистической тактике (на примере предъявления для опознания)	80
Набатова А.Э., Горошко Е.Ю. Цифровая трансформация механизма преступления на современном этапе: криминалистический аспект	84
Пацкевич А.П. Четверть века с кафедрой криминалистики Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь	88
Пашута И.В., Пашута Н.Н. Использование искусственного интеллекта при проведении следственных действий	91
Прокопенко Г.М. Системный подход в криминалистике	95
Родичева И.В. Схема уклонения от уплаты налогов и сборов как связующее звено криминалистической характеристики преступления	99
Савич М.В. Алгоритм принятия решения о проведении проверки показаний на месте несовершеннолетних потерпевших по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы	103
Седых П.В. Характеристика способа совершения незаконного оборота платежных инструментов, средств платежа и их реквизитов	107
Скрипко К.В. Следовая картина коррупционных преступлений в условиях цифровизации	112
Сучков А.И. Криминалистическое обеспечение расследования бесконтактных дорожно-транспортных происшествий	115
Тимофеева Е.А. Использование специальных знаний субъектов, осуществляющих контроль деятельности организаций собственников в Республике Беларусь, в расследовании хищений, совершаемых должностными лицами указанных организаций с использованием своих служебных полномочий	119
Толочко В.В. Особенности криминалистической классификации преступлений	123
Трубкина О.В. Психотравмирующая ситуация как криминалистически значимый фактор: понятие, виды, механизм воздействия на личность ..	127
Фомина И.А. Роль и значение криминалистической психологии в расследовании преступлений	131
Цалко К.А. Цифровая криминалистика как инструмент противодействия современным киберпреступлениям	134
Яковчик Д.В. Многофакторная модель психологического портретирования как инструмент криминалистического анализа личности преступника	139
Яскевич А.В., Мезяк В.Ю. Некоторые аспекты исследования экономических документов	143

Тенденции развития судебно-экспертной деятельности

Бородин А.А. Автоматизация процесса формирования таблиц фотоизображений к протоколам следственных действий с использованием веб-технологий	148
Васильева Е.Н. Непрерывное образование как основа профессионального становления эксперта-баллиста	152
Гусенцов А.О. Цифровые технологии в судебной медицине: актуальные проблемы и перспективы использования	155
Дукорский В.В. Судебно-психиатрическая оценка беспомощного состояния у потерпевших в соответствии со ст. 139 и 147 Уголовного кодекса Республики Беларусь	159
Зайцева Д.Д. Роль и место судебной медицины в комплексной профилактике самоубийств	163
Зинкевич Е.И. Генезис учетно-регистрационных форм идентификации личности по историческим источникам	166
Корсак Н.С. Проблемы криминалистического исследования огнестрельного оружия, изготовленного с использованием 3D-печати.....	170
Кубанов В.В. Изменения роли специалиста в уголовном судопроизводстве России	175
Лосева В.Г. Особенности применения технических средств выявления подлога документов в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь	178
Лужинская Е.Л. Методологические аспекты исследования модифицированных изображений внешнего облика человека	181
Матвеевко М.Ю. Макроскопические признаки отравления психоактивными веществами при судебно-медицинском исследовании трупа	183
Матлак А.Н. Актуальность использования информационных моделей в судебной экспертизе	186
Орехова Е.П. Метод криминалистического анализа в судебной экспертизе	189
Павлють О.В. Прогностическая функция специалиста Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь при осмотре места происшествия: теоретико-прикладной анализ	193
Панченя Д.Н., Чванкин В.А. Возможности проведения судебной палинологической экспертизы в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь	198
Прокофьева Е.В., Порываева П.С. Особенности выявления следов рук на сложных поверхностях традиционными и новыми возможными средствами	202
Свидерский О.А. Оптимизация назначения и проведения судебно-медицинской экспертизы	205
Сезонова Т.В. Перспективы использования искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности	209

Семёнов В.Н., Яроцкая Ю.А. Актуальные задачи проведения судебной психологической экспертизы экстремистских материалов	213
Скобелев В.П. Некоторые вопросы назначения и проведения судебной экспертизы по Кодексу гражданского судопроизводства Республики Беларусь	217
Сушко А.М. Проблемные аспекты идентификации пневматического оружия по следам на пулях	221
Толкачева Е.А. Применение робастных статистических методов сравнения подписи для идентификации личности	224
Усовский Б.А., Жолудева Д.В. Современная модель подготовки сотрудников экспертных подразделений в контексте требований, предъявляемых руководством Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь	228
Янин С.А. Организационно-тактические аспекты назначения судебных экспертиз при выявлении и расследовании контрабанды культурных ценностей	231

Актуальные вопросы выявления (раскрытия) и расследования преступлений

Алекперов Р.Р. Об использовании искусственного интеллекта в судебном разбирательстве по уголовным делам	235
Бачила В.В. Инновационные технологии как средства оперативно-розыскной деятельности	238
Беломытцев Н.Н., Сенькевич С.С. Алгоритм межведомственного взаимодействия на первоначальном этапе расследования хищений имущества путем модификации компьютерной информации	241
Варавко Ю.В. Информационно-аналитическая деятельность следователя как инструмент оптимизации группового расследования преступлений	247
Власова Е.Л. Актуальные вопросы выявления (раскрытия) и расследования преступлений в сфере охраны здоровья	250
Волосюк В.В. Совершенствование взаимодействия государственных правоохранительных органов Республики Беларусь в противодействии криминальному автобизнесу	255
Гнилякевич В.Л. Заключение специалиста как источник доказательств в уголовном процессе Республики Беларусь	258
Ерофеев К.А. Использование информационно-аналитических инструментов в деятельности подразделений по борьбе с экономическими преступлениями	261
Загорский А.В. Проблемы поддержания государственного обвинения по уголовным делам экстремистской направленности	265
Коваленко Ю.А. Криминалистическое обеспечение работы с цифровыми следами при расследовании преступлений	268

Кононов П.А. О некоторых особенностях возбуждения уголовных дел по преступлениям, связанным с нарушением правил безопасности движения автотранспорта	272
Костюкевич Д.В. Холизм и взаимодополняемость как концепции познания деятельности субъектов взаимодействия при расследовании преступлений	276
Кудрявцев Д.С. Проведение оперативно-розыскных мероприятий при разрешении заявлений и сообщений о преступлениях	280
Курченко М.Ю. Повышение эффективности уголовного преследования как фактор снижения преступности: процессуальные и криминологические основания	284
Курьянович С.В. Подарки госслужащим как фактор коррупционных рисков	287
Левченкова А.Ю. Общеизвестные факты и их значение в доказывании	289
Левшук О.И. Установление предмета доказывания в ходе досудебного производства по делам о преступлениях против собственности	294
Лисаускайте В.В. Некоторые особенности расследования преступлений: международно-правовой аспект	298
Локтевич О.И. Ответственность за сексуальное насилие в уголовном законодательстве Республики Беларусь и Израиля (сравнительный анализ)	301
Макаревич М.В. Правовые основы реализации судьей полномочий по проверке поступившего в суд уголовного дела	306
Марцынкевич Н.А. Корреляционная связь плана расследования и справки о результатах предварительного расследования на примере дел об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения	311
Мезяк В.Ю. Использование технологии искусственного интеллекта при исследовании документов в целях выявления экономических преступлений	316
Мелешко В.В., Аврамчик Н.В. О необходимости появления в уголовном процессе нового участника – представителя безвестно исчезнувшего лица	319
Осипова Н.А. Противодействие нелегальной миграции в Республике Беларусь: организационные и практические аспекты	323
Павловец Г.А. Специальное производство – современный уголовно-процессуальный механизм реализации принципа неотвратимости наказания	327
Пасиницкий Н.Л. Дознание как форма предварительного расследования: реальность и перспективы	330
Пилюшин С.В. Киберпреступления в Республике Беларусь: состояние, тенденции, проблемы их выявления, раскрытия и расследования	333
Родивилина В.А. Проблемы раскрытия IT-преступлений и пути их преодоления в современных условиях	336
Соркин В.С. О взаимодействии криминалистики и уголовного процесса в ходе досудебного производства и судебного разбирательства уголовного дела	340

Стефаненко А.П., Воронько П.А. Декларирование доходов и имущества как один из инструментов в борьбе с коррупцией	343
Струщенко И.О. Актуальные вопросы выявления и расследования преступлений в сфере мошенничества по законодательству Республики Беларусь	346
Тимофеев С.В. IP-адрес как объект оперативно-розыскного интереса: методы установления и проблемы процессуальной легализации	349
Цветков В.О. Коллективный метод в расследовании организованной преступной деятельности, связанной с проституцией	353
Чурносов А.И. Специальные знания при проведении оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов, компьютерной информации»	358
Шруб М.П. Концепция разработки предмета доказывания по делам о сексуальной эксплуатации	361
Юбко Ю.М. Обстоятельства, влияющие на организацию проверки заявлений (сообщений) о преступлениях против интересов службы при установлении оснований к возбуждению уголовного дела	367
Язвинская П.С., Красиков В.С. Перспективы применения искусственного интеллекта как инструмента раскрытия и расследования преступлений	369
Сведения об авторах	374

Научное издание

**V Минские
криминалистические
чтения**

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Минск, 28 мая 2026 г.)

Подписано в печать 15.05.2026. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 22,55. Уч.-изд. л. 21,64.
Тираж 75 экз. Заказ 46.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6А, 220005, Минск.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
